

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Том 1

Екатеринбург
2019

УДК 332.1
ББК 65.04
М 34

Издание подготовлено при финансовой поддержке Министер-
ства науки и высшего образования Российской Федерации

Ответственный редактор д.э.н. Лаврикова Ю.Г.

Рецензенты:

д.э.н., профессор Власова Н. Ю., д.э.н., профессор Акбердина В. В.

Материалы V Всероссийского симпозиума по региональной экономике:
М 34 в 2-х т. — Том 1. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. — 369 с.

ISBN 978-5-94646-628-8

В сборник вошли доклады секционных заседаний V Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 9-10 октября 2019 года). В томе 1 рассматриваются проблемы и перспективы развития современной теории и методологии региональной экономики, приоритеты региональной экономической политики в условиях глобальных вызовов, тенденции и перспективы социально-экономического развития региональных систем.

Сборник трудов предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, руководителям и специалистам народного хозяйства.

УДК 332.1
ББК 65.04

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и перспективы развития современной теории и методологии исследования региональной экономики

<i>Анисова Н. А.</i> Методология моделирования кластеров в региональной экономике	9
<i>Антропов В. А.</i> Национальная идея – теоретико- методологический базис механизма адаптации граждан России к новым условиям.....	15
<i>Берсенёв В. Л.</i> Ведущие центры исследования проблем межрегионального и межмуниципального сотрудничества.....	19
<i>Гончаров А. Ю., Киселев С. С.</i> Постиндустриальное развитие региональных систем: социально-экономические множества.....	26
<i>Захарчук Е. А., Некрасов А. А., Трифонова П. С.</i> Оценка валового муниципального продукта: теоретико-методологические подходы	30
<i>Латышев Д. В.</i> Современные средства интернет-маркетинга как факторы становления цифровой образовательной среды региона	36
<i>Мальцев Ал. А.</i> Концептуальное лекарство от мирохозяйственного пессимизма	41
<i>Мишарин Ю. В.</i> Методологические аспекты моделирования управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры	45
<i>Омонов Ж. К., Веретенникова А. Ю.</i> Методологические аспекты институционального развития социально-инновационной деятельности в регионе.....	50
<i>Павлов Б. С., Пронина Е. И., Икингрин Е. Н.</i> Прожективная профессионально-производственная мобильность студентов в регионе (на примере Урала).....	56
<i>Пасынков А. Ф., Лопатин В. М.</i> Теоретико-методологические подходы к оценке размеров сектора государственного управления в экономике страны и региона	67
<i>Патрушева С. Б.</i> Взаимосвязь адаптации и инновации в развитии региональных систем.....	73
<i>Потехин Н. А., Потехин В. Н.</i> Альтернативный подход к развитию региональной экономической теории, методологии и практики управления	78
<i>Рогозин А. Д.</i> Перспективы внедрения интернета вещей в инфраструктуру города	84
<i>Семячков К. А.</i> Проблемы развития умных городов	89
<i>Серков Л. А.</i> Трехсекторная модель экономики как инструмент анализа региональной политики	95
<i>Сухих В. В.</i> Идеологические причины ограничения региональных экономических исследований в СССР 1920-1930-х гг.	101

Приоритеты региональной экономической политики в условиях глобальных вызовов

<i>Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Алексина А. С.</i> Институциональные факторы поддержки внешнеэкономической деятельности региона	109
<i>Антонов Д. А., Силова Е. С.</i> Анализ эффективности государственных закупок в медицинской отрасли на примере регионов Уральского федерального округа	114
<i>Бельдягина А. М.</i> Инструменты государственной поддержки малых и средних инновационных предприятий в регионах России.....	119
<i>Бушуев В. С., Коньшева Е. В., Пономарева М. С.</i> Современные подходы к организации взаимодействия региональных субъектов инновационной деятельности.....	123
<i>Вышегородский Д. В.</i> Совершенствование государственного регулирования отрасли строительства наемного жилья в Свердловской области	130
<i>Галиуллина Г. Ф.</i> Территория с особым режимом ведения предпринимательской деятельности как модель государственно-частного партнерства	135
<i>Главацкий В. Б., Ковалева Е. Б., Пыткина С. А.</i> Цифровая трансформация стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры	141
<i>Глухих П. Л.</i> Специфика предпринимательской активности и восприятия условий для бизнеса населением северных регионов	147
<i>Горочная В. В.</i> Комплексообразование и кластерогенез в современной морехозяйственной экономике западных приморских регионов России	153
<i>Губайдуллина Ф. С.</i> Страны БРИКС в условиях изменения конфигурации мира	159
<i>Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Косарева Г. А., Мальцев Ю. Г.</i> Сбалансированность территориальной хозяйственной деятельности как направление инновационного развития	166
<i>Ермакова Ж. А., Холодильникова Ю. Е.</i> Подходы к формированию и продвижению регионального турпродукта	171
<i>Ильенкова К. М.</i> Практика реализации категорийного менеджмента и степень его распространения в торговых сетях УрФО.....	175
<i>Коркина Г. М., Смирнова О. П.</i> Эффективный налоговый контроль как фактор обеспечения экономической безопасности.....	182
<i>Лапаева М. Г., Лапаев С. П.</i> Проблемы и перспективы социально-экономического развития Оренбургской области	189
<i>Наместникова Л. С.</i> Влияние предпринимательских структур на развитие туристско-рекреационного потенциала Дальнего Востока	194
<i>Пестунов М. А., Пестунова С. М., Полетакин А. И.</i> Инновационно-технологическая политика региона	202
<i>Полякова И. Л., Холодильникова Ю. Е.</i> Особенности управления туристско-рекреационными системами на региональном уровне	208

<i>Рыкова И. А., Уварова Е. Е., Шпортова Т. В.</i> Краудтехнологии как инструмент региональной инвестиционной политики и перспективы краудлендинга	213
<i>Севостьянова О. Г., Нюренбергер Л. Б.</i> Стратегическое развитие лечебно-оздоровительного и туристического комплекса РФ	219
<i>Троян И. А., Игнатенко Д. А.</i> Перспективы развития нового рынка FoodNet в России в рамках программы «национальная технологическая инициатива»	225
<i>Чугреев А. С.</i> Проблемы и перспективы использования информационных систем и технологий в муниципальных органах власти (на примере Калужской области)	229
<i>Шерин В. А.</i> Результаты реализации стратегии социально-экономического развития региона	233
<i>Шеховцева Л. С.</i> Структуризация экономики региона: системное развитие и управление.....	238

**Социально-экономическое развитие региональных систем:
тенденции и перспективы**

<i>Антонов Д. А., Тонких Н. В., Семерикова Д. А.</i> Исследование условий профессионального развития женщин, воспитывающих детей в возрасте до трех лет: кейс Свердловской области	251
<i>Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н.</i> Влияние цифровизации на развитие социальной сферы: региональный аспект ..	256
<i>Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А.</i> Индексы качества жизни населения региона	264
<i>Ерошенко Е. П.</i> К вопросу методического обеспечения оценки развития молодежного предпринимательства	270
<i>Илюхин А. А.</i> Анализ миграционного движения населения крупного промышленного региона	276
<i>Илюхина С. В.</i> Анализ и прогноз численности экономически активного населения Свердловской области.....	281
<i>Калужский М. Л.</i> Институциональные закономерности в развитии внештатной занятости	286
<i>Ковальчук Л. Б.</i> Оценка неравномерности развития социальной сферы Республики Бурятия в условиях вхождения в состав Дальневосточного федерального округа	292
<i>Козлова О. А., Бедрина Е. Б., Голубина В. В.</i> Гендерные особенности выбора здорового образа жизни студенческой молодежи города Екатеринбург.....	297
<i>Кулькова И. А.</i> Актуальные особенности демографических процессов в регионах России	303
<i>Макарова М. Н.</i> Накопление капитала здоровья населения: тенденции и инновационные практики.....	308
<i>Никулина Ю. Н.</i> Региональная политика обеспечения занятости молодежи: формы и инструменты реализации	312

<i>Павлов Б. С.</i> Профессионально-трудовая социализация как базовая детерминанта социального благополучия молодежи на Урале (теоретические посылы и практика анализа).....	317
<i>Пастухова Е. Я., Шульгин М. А.</i> Региональная дифференциация масштабов бедности в Сибирском Федеральном округе.....	325
<i>Преснякова Е. В.</i> Методический подход к оценке соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню в регионах Беларуси.....	330
<i>Секицки-Павленко О. О.</i> Количественные демографические теории в контексте экономического развития региона.....	336
<i>Селютина Л. Г., Булгакова К. О.</i> Реалии и перспективы строительства наемных домов социального использования в Санкт-Петербурге.....	341
<i>Смирнова Т. Л.</i> Особенности безработицы и социально-экономического развития моногорода ЗАТО Северск.....	347
<i>Соловьев А. К.</i> Бедность пенсионеров в Российской Федерации: причины и условия сокращения.....	351
<i>Трушкова Е. А., Макарова М. Н.</i> К вопросу о системной оценке взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в субъектах Федерации.....	356
<i>Фомина В. Ф., Фомин А. В.</i> Дифференциация муниципальных образований Республики Коми по комфортности жилищно-коммунальных условий.....	362

**Проблемы и перспективы развития
современной теории и методологии
исследования региональной экономики**

к. э. н. Анисова Н. А.
ООО «Экспертная организация РОСТ»
г. Тюмень

МЕТОДОЛОГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Статья посвящена развитию теории кластеров. Обобщена проблема разработки универсальной теоретической модели кластера и обосновано применение общенаучных методов анализа. На основе системного анализа и кибернетики разработана типовая модель кластера, состоящая из четырех блоков, возможная к применению во всех отраслях промышленности и видах деятельности.

Ключевые слова: кластер, модель, теория, предприятие, системный анализ

В настоящее время теория кластеров является неотъемлемой составляющей изучения региональной экономики. Активное исследование кластеров породило значительное количество подходов и методик. Анализ современной экономической литературы показывает обилие теоретических подходов, которые мало поддаются группировке и классификации, и с другой стороны, слабо применимы в прикладных исследованиях региональной экономики ввиду теоретической сложности.

До сих пор, несмотря на многочисленные теоретические описания кластеров, на огромное множество предложенных научных подходов к изучению и структурированию кластеров, не выработано единого понимания многих вопросов методологии исследования кластеров в региональной экономике. Недостаточное внимание к моделированию представления кластерных форм организации местной экономики увеличивает риски несбалансированного планирования территориального развития. Основной проблемой, тормозящей применение кластерного подхода в практике регионального управления, является отсутствие общепринятого подхода к методологии обоснования универсальной теоретической модели кластера.

Несмотря на значительное количество аналитических исследований, до сих пор нет единства взглядов на теоретическую модель кластера.

Для выработки единого методологического подхода целесообразно применить общенаучные методы анализа. Такой общенаучной теорией, определяющей порядок проведения и методы исследования в любой науке, является системный подход. В данном исследовании нами предлагается основываться на теории системного анализа, которая постулирует любой объект рассматривать как систему с взаимодействующими внутри структуры элементами. Одновременно саму анализируемую систему требуется рассматривать как элемент внешней среды – более глобальной системы, с которой осуществляются внешние взаимодействия. Рассмотрение и изучение кластера в терминах системного анализа позволит выработать единую методологию исследования.

¹ © Анисова Н. А. Текст. 2019.

Основной вклад в развитие теории систем внесли А.А. Богданов, Л.фон Берталанфи, продолжили развитие теории Р. Акофф, Н. Винер, С. Оптнер, по кибернетике - Д. Форрестер, У.Эшби [1-7].

Применение системного анализа как метода научного познания постулирует исследовать объект по следующим этапам: обозначить изучаемый объект как систему, выделить основные элементы (элементный анализ), определить структуру данной системы (структурный анализ), определить функции каждого элемента (функциональный анализ), определить связи между ними и классифицировать характер связей, определить внешнюю и внутреннюю среду, выявить, каким образом элементы образуют систему и взаимодействуют внутри, выявить внешние связи и внешние взаимодействия.

В соответствии с вышеприведенными этапами методологии системного анализа определим объект исследования – кластер как систему. Кластер в экономике, изучаемый как система, характеризуется постоянным обменом материально-вещественных потоков, информации, капитала. Кластер является сложной системой, поскольку состоит из многих различных экономических элементов – предприятий, организаций, поддерживающей инфраструктуры. Эта система изменяется во времени, поэтому является динамической. Также кластер относится к вероятностным системам, поскольку отсутствует информация о полном состоянии системы и при развитии кластера как экономической системы можно планировать только вероятность перехода в целевое состояние. Таким образом, кластер предлагаем методологически исследовать как динамическую, вероятностную сложную систему с большим количеством элементов, многообразием экономических форм, возможных видов связей между ними, множественностью целей и изменчивостью состава и структуры.

Обозначая кластер как сложную систему, необходимо выделить основные элементы в изучаемом объекте, которыми являются взаимодействующие предприятия, организации, ассоциации и другие виды учреждений. На основании определения кластера выделим основной элемент – местное предприятие, которое взаимодействует и взаимосвязано с другими местными предприятиями – участниками кластера. Учитывая, что кластер является экономической системой, определим, что связи между элементами устанавливаются договорами поставки – покупки товаров, продуктов, услуг, а также связи могут носить неформализованный характер в виде личных контактов, неформального взаимодействия. В соответствии с кибернетикой, связи могут быть прямые и обратные, положительные и отрицательные. Классифицировать характер связи необходимо непосредственно в прикладном исследовании при рассмотрении взаимодействий конкретных участников кластера. Структуру кластера как сложной системы соответственно определим состоящей из предприятий, которые между собой взаимосвязаны, как формальными, так и неформальными связями. Таким образом, с точки зрения системного подхода, внутренней средой системы кластера будут являться все взаимодействующие предприятия. По

отсутствию взаимодействия определяется граница кластера во внешней среде.

Таким образом, на основании общепринятой классификации систем предлагаем кластер определить как сложную, открытую, динамическую систему, предприятие – как основной элемент данной системы, наличие связей между основными элементами устанавливать на основе договоров поставки-покупки товаров, продуктов, услуг.

Применяя системный анализ на основе модели кибернетики «черный ящик» с обратной связью, проведем структурный и функциональный анализ кластера и определим элементы, которые взаимосвязаны и взаимодействуют на территории:

- вход – это поставщики (сырье и материалы, машины и оборудование, местные поставщики – электроэнергия, вода, тепло, газ, исследовательские институты, технологии, а также внешние поставщики, не входящие в кластер);

- процесс – это предприятия отрасли – корневой бизнес (совокупный объем производства, численность, налоги);

- выход – это потребители (внутреннее потребление, а также вывоз за пределы региона – покупатели, не входящие в кластер);

- среда – это кадры, промышленные и общественные организации, ассоциации, административная поддержка, кредитные ресурсы, инфраструктура (финансовые услуги, консалтинг).

В соответствии с моделью кибернетики «черный ящик» все системные элементы выстроены по производственной цепочке и структурированы в модель кластера (рис.). Данный подход к изучению кластера предлагается нами при проведении научных исследований любых отраслей и видов деятельности, является универсальным и поэтому данная модель кластера может быть названа Типовой. Типовая модель кластера состоит из 4 блоков: ядро (корневой бизнес); поставщики предприятий кластера; потребители предприятий кластера; поддерживающая инфраструктура.

Блок 1: Ядро кластера – все предприятия отрасли, локализованные на территории, сгруппированы по видам основной продукции или по подотраслям. Внизу дается оценка вклада предприятий в экономику территории – общее количество предприятий, объем отгруженной продукции, численность занятых, оценка налогов как экономического вклада кластера в региональную экономику и бюджет.

Блок 2: Поставщики предприятий отрасли, разделенные на местные и из других регионов. При этом проводится оценка влияния поставщиков из других регионов и анализ возможности развития собственных поставщиков, т.е. наращивания кластера. Поставщики также группируются по видам поставок.

Блок 3: Потребители предприятий отрасли, разделенные на 3 группы: внутреннее потребление, межрегиональные поставки, экспорт. Предлагаемое разделение вносит принципиальную новизну в анализ потребителей, позволяя напрямую оценить экспорт кластера как основной критерий эф-

фективности и разработать меры государственной поддержки кластера, исходя из возможности наращивания экспортных поставок. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что, раскрывая внутренних потребителей как следующий кластер другой смежной отрасли, мы получаем кластерную структуру экономики данного региона, цепь взаимосвязанных кластеров с совокупной оценкой количества предприятий, числа занятых работников, объемов производства и налогов.

Блок 4: Поддерживающая инфраструктура (промышленные и общественные ассоциации, административная поддержка, кредитные ресурсы, финансовые услуги, складские услуги, транспортные услуги, логистика).

Данный методический подход основан на производственных взаимосвязях поставщик-потребитель и отражает основные материальные потоки в кластере слева направо по производственной цепочке, поэтому блоки «поставщик – ядро кластера – потребитель» выстроены слева направо в соответствии с моделью кибернетики «черный ящик». Нематериальные связи, которые часто носят неформальный характер, выделены в инфраструктурный блок поддержки сверху, как элемент внешней среда.

Данное структурирование состава кластера позволяет провести функциональный анализ и закрепить отдельную экономическую функцию за каждым блоком. Блок поставщиков реализует функцию поставок товарно-материальных ценностей, блок потребителей – функцию покупки и(или) потребления созданного в кластере товара, услуги, ценности. Ядро кластера осуществляет функцию производства, блок инфраструктуры – функцию поддержки во внешней среде.

Таким образом, разработанная нами на основании системного подхода и кибернетики Типовая модель кластера состоит из 4 блоков и является универсальной, применимой в любой отрасли. Впервые для отражения влияния внешней среды в теоретическую модель кластера нами включены элементы, не входящие в определение кластера – неместные поставщики и потребители с целью проведения важного методологического анализа по возможности развития кластера.

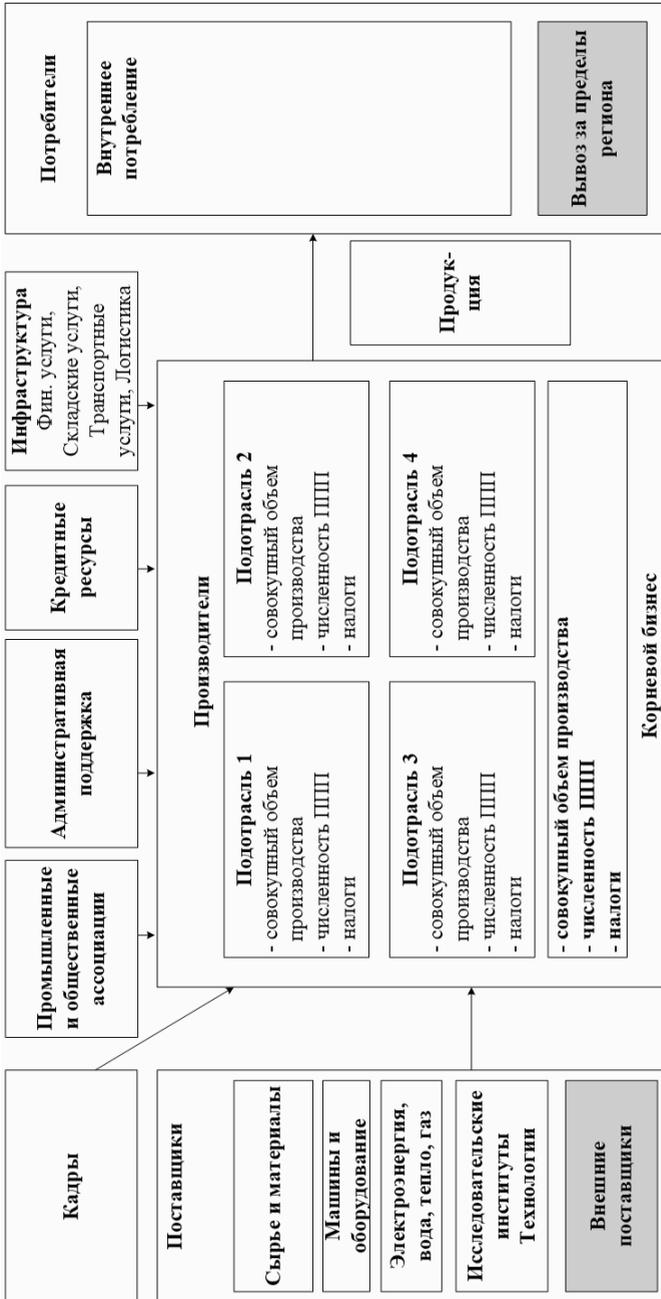

Рис. Типовая модель кластера (разработано автором)

Необходимо отдельно обосновать эту важную теоретическую особенность Типовой модели кластера. В соответствии с общепринятым определением в кластер входят только местные взаимосвязанные предприятия. Тем не менее, в Типовую модель кластера нами включены неместные поставщики и потребители («внешние поставщики» и «вывоз за пределы региона»), т.е. предприятия, теоретически по определению не входящие в кластер. Эта теоретическая особенность позволяет отразить влияние внешней среды в кластере и имеет важное значение для выработки решений промышленной политики по следующим вопросам:

1) возможность замены внешнего поставщика внутренним; целесообразность перехода на местное сырье и услуги; обоснование целесообразности инвестиционных проектов по созданию внутреннего поставщика; разработка мер по административной поддержке (проводимая органами власти инвестиционная политика);

2) целесообразность углубления переработки местного продукта, создания дополнительной цепочки добавочной стоимости, вывоза за пределы региона продукта более высокой степени переработки, создания местных перерабатывающих производств.

Поэтому включение в Типовую модель элементов «внешние поставщики» и «вывоз за пределы региона», которые теоретически в кластер не входят, позволяет проводить важнейший экономический анализ по обоснованию инвестиционных проектов в регионе и разрабатывать практические мероприятия по региональной промышленной политике, поддержке местных предприятий.

Список использованной литературы

1. Аcoфф Р. Планирование в больших экономических системах. – М.: Советское радио, 1972. – 223 с.
2. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический взгляд // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23 – 82.
3. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.; Кн. 2. – 351 с.
4. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
5. Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем: пер. с англ. С. П. Никанорова. – М.: «Советское радио», 1969. – 216 с.
6. Форрестер Д. Основы кибернетики предприятия. – М.: Прогресс, 1971. – 340 с.
7. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 432 с.

д.э.н. Антропов В. А.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ – ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС МЕХАНИЗМА АДАПТАЦИИ ГРАЖДАН РОССИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ¹

Идущие в России реформы оказываются неэффективными из-за отсутствия необходимых четко прописанных механизмов их реализации, в том числе механизмов адаптации граждан к динамично меняющимся условиям внешней среды. Их разработка на основе сформулированной национальной идеи позволит реализовать цепочку: национальная идея – государственная стратегия – прогнозирование развития экономики и ее отраслей – развитие техники и технологии – кадровое обеспечение – формирование системы профессионального образования и воспитания.

Ключевые слова: национальная идея, государственная стратегия, адаптация, профессиональное образование, развивающаяся личность.

Как теория, так и методология концептуального обоснования адаптационных процессов должна опираться на какую-то главную идею. Для нас это – необходимость формирования в России национальной идеи.

Без нее невозможно выстроить государственную стратегию. На ее базе далее развивается вся логическая цепочка: идея – стратегия – прогнозирование экономики и ее отраслей – развитие техники и технологии – кадровое обеспечение – формирование системы профессионального образования. Только здесь, на этом этапе, она получает свое обоснование, без ничем не обоснованных модернизационных шарашаний.

Для нас во главе угла формирования всех адаптационных механизмов стоит национальная идея и вытекающая из нее модель развивающейся личности на всех этапах перехода: из семьи в школу, от школы к вузу, из вуза в трудовой коллектив.

Далее наша логика выстраивается в аспекте установления соответствия качеств подготовленного специалиста и требований рабочего места. Именно качеств, а не компетенций! И подготовка не «человека-кнопки» с клиповым мышлением, а личности, активного участника реализации национальной идеи, знающей в этом процессе свое место и роль.

От наличия национальной идеи, четкости ее формулировки, от того, насколько она воспринимается гражданами, зависит целостность государства, понимание модели гражданина этого государства, его основополагающих ценностей и смыслов.

Государственная идея в ее общем виде определяет путь движения страны, способ ее существования в настоящем и в прогнозируемом будущем.

¹ © Антропов В. А. Текст. 2019.

Только на уровне такой идеи можно формулировать модели и механизмы социально-экономической адаптации населения России к новым условиям.

Проблема необходимости формулировки национальной идеи актуализировалась в условиях санкций, требующих общего настроения российского народа на противостояние западной идеологии.

Не ответив на вопрос что такое наша «национальная идея» и есть ли она у нас, невозможно реформировать систему образования, здравоохранения, проводить пенсионную реформу. Но к сожалению, более чем за 30 лет Россия так и не определилась со своей идентичностью.

Если граждане России не знают, что мы строим, к чему стремимся, то вряд ли можно создать и соответствующие механизмы адаптации к новым условиям.

«Людей в государстве объединяет общая идея - та самая национальная идея, которую мы ищем и никак не найдем. Ее отсутствие - это на сегодня куда более серьезная преграда для модернизации страны, чем научно-техническое отставание. И в этом смысле организующую роль в силах сыграть, безусловно, государство. Именно оно должно выдвинуть идеи, которые станут движущей силой модернизационного прорыва. Причем люди поверят в них только тогда, когда будут лично заинтересованы в успехе реформ» [2].

Да, реформы создают граждан, но без понимания ими, куда направлено это создание, какова цель, это движение «без руля и без ветрил». Только зная эту стратегию, можно увидеть конечную цель движения (для определенного этапа), создать механизмы адаптации, которые каждый гражданин России может примерить на себя.

Формирование механизма адаптации, в центре которого человек (личность, гражданин), позволит обеспечить его инновационный характер, восприимчивость к инновациям, принятие и вовлечение в российские реформы.

Чтобы создать такой механизм, необходим поиск ответов на судьбоносные вопросы:

К чему адаптироваться гражданину России? Нужно понимание идеала, нормы, их источников, понимания критериев адаптации как соответствие норме.

Первый и самый актуальный вопрос – к чему адаптироваться? Без решения этого вопроса механизм не «запустить». Нужно понимание некоего идеала, норм, описанных конкретными параметрами (существенными признаками).

Критерий адаптации – это соответствие норме. Но кто и как ее задает? Во всех случаях необходимо понимать соответствие ситуации норме [1]. Но кто диктует эти нормы?

Проблемы адаптации самым непосредственным образом связаны с вопросами нормирования. Логика проста. Процесс адаптации направляет движение граждан к заданному параметру. Выпускника образовательного учреждения (и далее абитуриента) к хорошим оценкам по предметам для

поступления в вуз, работника – к требованиям рабочего места (профессиональной квалификации), гражданина страны (региона) – к требованиям социума, сложившихся социально-экономических отношений (или осознания противоречий с ними).

И везде есть необходимый перечень количественных и качественных параметров, которым необходимо следовать, т.е. к неким нормативам.

И сейчас, разрабатывая стратегии развития государства (регионов), их авторы явно должны опираться на некие прогнозные параметры. Они необходимы и для нас.

Отсутствие таких нормативов ведет к бездоказательному изложению материала и невозможности проверки степени достижения поставленных задач (их недиагностичности).

Пример тому – отсутствие ряда необходимых обоснованных нормативов в системе профессионального образования. Это касается процедур аккредитации, материально-технической базы, организации работы преподавателей [4] и др.

Решая проблему адаптации, мы исходим из понимания необходимости таких программных (модельных) параметров. Они позволят далее выстраивать модели и механизмы систем адаптации на всех иерархических уровнях.

Отмечу, что проблема нормативов сама по себе является очень сложной методологической проблемой.

Постановка такого вопроса сразу переводит нашу проблему в идеологическую плоскость.

Если это личность, то ее адаптацию следует рассматривать на разных уровнях: в семье, в коллективе (школа, производство), в социуме.

Если это семья – то нужно понимание членами семьи ее традиций, передающихся из поколения в поколение.

Если трудовой коллектив и рабочее место человека – то это миссия и стратегия организации, ее философия, социально-трудовая среда, этика взаимоотношений, нормы и традиции коллектива.

Если организация, то для выживаемости в рыночных условиях она должна быть как живой организм гибкой, оперативно перенастраивающейся к изменениям внешней среды. Это касается всех организаций, малых и больших.

Не потеряли актуальности слова Маслоу о том, что «адаптация означает пассивное принятие облика, который предписывается культурой и окружением. Но что делать, если эта культура больна?» [3, с. 173]. Именно эта проблема сейчас обсуждается в глобальном мире, где идет столкновение культур.

Сказанное выше позволяет утверждать, что проблема адаптации, понимаемая как некое приспособление, является методологической многоуровневой проблемой, решаемой в любой организации конкретным работником в режиме реального времени.

Страна переживает трудный процесс преобразований, охвативший все общество, реализуемых через национальные проекты. Каждый человек так или иначе участвует в них. От его адаптивности, вовлеченности, восприимчивости к инновациям, а не пассивного созерцания зависит успех развития нашего государства. Эти условия могут быть обеспечены за счет разработанных, методологически осмысленных и реализованных механизмов адаптации человека и трудовых коллективов к новым условиям развивающейся экономики России.

Список использованной литературы

1. *Асеев В.Г.* Нормативное управление социальным развитием. – М.: Профиздат, 1988. – 128 с. – ISBN 5-255-00037-х.

2. *Добрынина Е.* Капитал не по Марксу / Интервью: Михаил Горшков, директор Института социологии РАН // Рос. газета. Фед. вып. – 2013. – 8 нояб. – № 6228 (252).

3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с. – ISBN 5-318-00616-7.

4. *Шеломенцев А. Г., Антропов В. А., Козлова О. А., Терентьева Т. В.* Федеральный университет как социально ответственный институт регионального развития // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2016. – Т.15. – № 2. – С. 257-276.

д. и. н. Берсенёв В. Л.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА¹

На основе сопоставления организационных особенностей функционирования научных школ и «незримых колледжей» раскрывается природа ведущих исследовательских центров – институционализированных, но не ограниченных рамками иерархии, тематики и т.п. форм осуществления научно-исследовательской деятельности. Выявлен ряд институтов РАН и высших учебных заведений, на базе которых сложились ведущие центры анализа проблем межтерриториального взаимодействия. Отмечается, что такое взаимодействие может осуществляться как в рамках конструкции «центр – периферия», так и на горизонтальном уровне (при участии примерно равных по статусу территорий). Исследование вертикального типа межтерриториальных отношений рассмотрено на примере работы Института региональной экономики при Удмуртском государственном университете (рук. – д.э.н., профессор К.В. Павлов). Свидетельством эффективности анализа горизонтального типа отношений выступает сложившийся в рамках Института проблем региональной экономики РАН вокруг д.э.н., профессора Б.С. Жихаревича неформальный исследовательский центр, предложивший оригинальную концепцию сочетания сотруенции и соткуренции в системе межтерриториального взаимодействия.

Ключевые слова: научная школа, регион, конкуренция, сотрудничество, сотруенция, соткуренция

Основы организации научно-исследовательской деятельности – явление достаточно консервативное по своей природе, хотя и способное к совершенствованию. В настоящее время действует сложившаяся в ходе реформы РАН паллиативная система. Институты, ранее подчинённые Российской академии наук, сохранили своё имущество и функции, сменив лишь подведомственность. После признания деятельности ФАНО неэффективной они подчиняются непосредственно Министерству науки и высшего образования РФ, равно как и университеты и иные учебные заведения, призванные стать альтернативными научными центрами. Поскольку высшие учебные заведения в обозримом будущем не способны как по организационным, так и по финансовым, техническим и иным причинам полностью заменить институты РАН, любая актуальная научная проблема-

¹ © Берсенёв В. Л. Текст. 2019.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН, тема № 0404-2019-0002 «Социально-экономическое конструирование конкурентного сотрудничества территорий (регионов, городов) в современном экономическом пространстве».

тика будет разрабатываться параллельно в академических и вузовских исследовательских центрах.

Поскольку речь идёт о научно-исследовательских центрах, следует оговориться, что под ними понимаются, во-первых, не территориальные подразделения Российской академии наук, а во-вторых – не научные школы во всём многообразии трактовок данного понятия, хотя по ряду признаков научные центры и научные школы могут восприниматься почти как синонимы.

Следует также учитывать, что само по себе понятие «научная школа (школа в науке)» не имеет однозначного толкования среди учёных. Во многом это объясняется тем, что научные школы воспринимаются в двух ипостасях:

— как определённым образом сложившаяся и продолжающая развиваться на основе собственных теоретико-методологических принципов система научных взглядов (концепций, доктрин и др.);

— как научное сообщество, объединяемое формальными и неформальными связями и отношениями на базе единых (или содержательно близких) теории, методологии и методов исследования.

Чтобы снять это противоречие, слишком часто историки науки предпочитают говорить о национальных школах как отражение этнического своеобразия какого-либо научного направления. Искусственность такого подхода уже давно подвергается критике. В частности, М.Г. Ярошевский в статье, открывавшей знаковый для советского науковедения сборник «Школы в науке» (1977), специально отмечал, что русская школа физиологии 1850-1870-х годов не была идентична сообществу всех физиологов, работавших в России в этот период [10, с.74].

Попытки преодолеть разночтения в трактовке понятия «научная школа» предпринимались и на институциональном уровне. С середины 1990-х годов в России была развёрнута программа поддержки ведущих научных школ¹, получившая продолжение и в XXI веке². Под «ведущей научной школой» понимается «сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединённых совместной научной деятельностью». Такая трактовка, сближающая понятия «научная школа» и «трудоуловый коллектив научно-исследовательского учреждения», вполне объяснима, поскольку сама программа поддержки ведущих научных школ направлена не на раскрытие творческого потенциала отдельных групп учёных, а на финансовую поддержку отечественной науки вообще.

¹ О государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации: Постановление Правительства российской Федерации от 26 сентября 1995 г. № 957 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 40. – Ст. 3816.

² О мерах по государственной поддержке молодых российских учёных – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации: Постановление Правительства российской Федерации от 27 апреля 2005 г. № 260 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 18. – Ст. 1686.

Между тем формализация отношений снижает инновационную активность не только в хозяйственной, но и в научно-исследовательской деятельности. В противовес этому мировая практика организации работы научных коллективов породила такую форму сотрудничества учёных, как «незримый колледж».

О возможностях «незримых колледжей» писали ещё авторы сборника «Школы в науке» [3]. С другой стороны, зарубежные аналитики иллюстрировали генезис «незримых колледжей», используя в качестве примера наукометрические показатели в том числе и советской математической школы сингулярности В.И. Арнольда. Проанализировав общее и особенное в содержании того и другого термина, И.Г. Дежина и В.В. Киселёва, пожалуй, наиболее точно отразили разницу между ними. Научные школы в России, как правило, привязаны к тем организациям, на базе которых они существуют, а «невидимые колледжи» возникают в результате нерегламентированных связей между учёными и потому не обязательно организационно оформлены [5, с.43].

Впрочем, у всякого правила могут найтись исключения, по-своему его подтверждающие, поэтому крупные российские научные школы обычно не ограничиваются рамками базового научно-исследовательского учреждения. Поэтому можно говорить о некоей промежуточной форме сотрудничества учёных, работающих по единой тематике, отличительным признаком которой является территориальная обособленность. Такие исследовательские центры, формирующиеся в пределах крупного города с академическими традициями вокруг крупного и авторитетного учёного (что и придаёт им статус ведущих), вбирают в себя черты как научных школ, так и «незримых колледжей». Им также свойственны три основных аспекта научной деятельности, выделяемых М.Г. Ярошевым – логический, социальный и психологический, а основной единицей анализа результативности работы выступает исследовательская программа [10, с.13, 24 и др.].

Всякая исследовательская программа отражает как общие представления об анализируемой проблеме, так и специфику восприятия отдельных её нюансов конкретным творческим коллективом. В свою очередь, такого рода специфика определяется местоположением исследовательского центра, интеллектуальным потенциалом аналитиков, целевыми установками и т.д. Отсюда и анализ вопросов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества может представлять собой либо часть реализации более масштабной исследовательской программы, посвящённой различным аспектам региональной политики вообще, либо как выполнение конкретного задания по выявлению организационных форм и оценке эффективности такого рода сотрудничества.

С начала 1990-х годов общегосударственная региональная политика неоднократно меняла свою направленность, содержание и формы реализации. В свою очередь, субъекты Федерации и муниципальные образования предпринимали самые разнообразные попытки претворить в жизнь всевозможные модели своей самореализации. Тем не менее, сохраняется по-

нимание того, что отдельная территория (регион, муниципальное образование) представляет собой не элементарную частицу, входящую в единое целое – государство, а сложную социально-экономическую систему со своими особенностями и перспективами развития.

Отсюда и ведущие центры анализа региональных проблем развития отечественной экономики сосредоточены на выявлении внутренних возможностей обеспечения экономического роста в пределах определённых территорий. Среди таких центров в рамках Российской академии наук, помимо базовых профильных институтов (Институт экономики РАН, Институт экономики УрО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН и др.), выделяются:

- Институт системного анализа РАН (ИСА РАН)¹;
- Институт проблем региональной экономики РАН (ИПРЭ РАН);
- Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН).

К данным научным центрам тематически примыкает Институт региональных экономических исследований, не входящий в систему РАН. Помимо этого, проблемы реализации региональной политики, включая развитие региональной экономики, находятся в исследовательском поле ряда вузовских научных центров, включая:

- Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы;
- Институт региональной экономики при Удмуртском государственном университете;
- Волгоградский государственный технический университет и др.

Общим для перечисленных и иных исследовательских центров данного профиля является ориентация на разработку региональных и муниципальных целевых программ комплексного социально-экономического развития территорий и отдельных отраслей региональной экономики, анализ основ проведения научно-технической политики на данных уровнях организации хозяйственной деятельности и т.д. Вопросы межрегионального (межмуниципального) взаимодействия в рамках такого рода исследований носят преимущественно опосредованный характер.

Тем не менее, наряду с общим трендом вопросы межрегионального и межмуниципального сотрудничества также находили своё отражение в публикациях авторов, представляющих самые разные территории. В частности, А.А. Климов на примере формирования Пермского края (в результате слияния Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) показал, как межтерриториальное взаимодействие реализуется именно через программы пространственного развития [7]. В ещё более конкретизированных формах эта проблематика нашла отражение в публикациях представителей целого ряда исследовательских центров. При этом можно выделить два типа отношений, ставших предметом анализа:

¹ В настоящее время ИСА РАН входит в состав ФИЦ «Информатика и управление» РАН.

— вертикальный (отношения между «передовиками» и «отстающими», «донорами» и «реципиентами», инновационными и депрессивными территориями и т.д.);

— горизонтальный (отношения либо сотрудничества, либо конкуренции, но без доминирования какой-либо территории).

Вертикальный тип отношений предполагает выстраивание определённой иерархии, исходя из разного статуса, потенциала и прочих характеристик взаимодействующих территорий (миры-экономики Ф. Броделя, «полуса роста» Ф. Перру, «опорные регионы» Дж. Фридмана и др.). На этом концептуальном фоне в Ижевске сложился свой центр анализа взаимодействия экономических единиц с разным потенциалом, возглавляемый д.э.н., профессором К.В. Павловым. Ключевой категорией в данном случае выступает «экономическое ядро» [4, 9 и др.], под которым понимается совокупность разного рода полюсов роста, способствующих интенсивному развитию всех элементов экономики региона. Элементный состав такого ядра многовариантен, и его основу могут составлять отрасль, регион и даже отдельное предприятие.

К.В. Павлов отмечает, что актуальность применения теории «экономического ядра» существенно выше в регионах нового освоения или депрессивных регионах. Более того, возможна ситуация, когда один регион будет входить в «экономические ядра» разного уровня. Главное, что первопричинами необходимости формирования «экономического ядра» являются ограниченность ресурсов и возможностей, а также количество нерешённых проблем и их острота. Тем самым межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество предстаёт как условие реализации антикризисных мер в рамках общей региональной политики [8, 9].

В свою очередь, одним из ведущих в рамках исследования горизонтального типа отношений между регионами (муниципальными образованиями) является сложившийся вокруг д.э.н., профессора Б.С. Жихаревича в ИПРЭ РАН центр анализа межтерриториального взаимодействия. Первоначально под влиянием глобализационных процессов теория «конкурентных преимуществ на основе сотрудничества» сформировалась в западной экономической науке, и даже возник термин «коопетиция» (cooperation and competition). Б.С. Жихаревич предложил использовать два русскоязычных термина, расширяющих содержание коопетиции – «сотруенцию» и «соткуренцию» [6 и др.].

Разница между данными терминами определяется пропорциями в соотношении сотрудничества и конкуренции в процессе взаимодействия между территориями. В сотруенции больше сотрудничества, чем конкуренции, а в соткурении – больше конкуренции, чем сотрудничества. Б.С. Жихаревич предлагает и более длинную шкалу интерпретаций: интеграция – сотрудничество – сотруенция – соткурения – конкуренция – корпоративная война. В качестве примеров сотруенции при проведении региональной политики он отмечает сотрудничество в области развития человеческого капитала, энергетических мощностей, транспортной ин-

фраструктуры. На уровне региональных органов власти и управления это могут быть совместные проекты, направленные на реализацию отдельных разделов федеральных программ и т.д.

Институт экономики УрО РАН также может быть представлен как один из центров анализа межрегионального и межмуниципального сотрудничества. В секторе территориальной конкуренции Центра экономической теории ИЭ УрО РАН под руководством к.э.н., с.н.с. С.Г. Важенина разработана оригинальная концепция конкурентного сосуществования территорий [1, 2 и др.], подкреплённая выявлением законов и подзаконных актов, которые составляют отечественную нормативную базу регулирования данного явления. Поскольку в данном случае территория рассматривается одновременно и как мегапредприятие, и как мегатовар со своей потребительной стоимостью, можно говорить об исследовании, охватывающем и вертикальный, и горизонтальный тип взаимодействия регионов.

Таким образом, программы деятельности различных центров по исследованию феномена межрегионального и межмуниципального сотрудничества неизбежно отличаются в деталях, однако каждая из них исходит из того, что межтерриториальное взаимодействие:

- может принимать формы сотрудничества, конкуренции и конкурентного сосуществования;
- осуществляется как в рамках системы «центр – периферия», так и на горизонтальном уровне.

Дальнейшие исследования в этом направлении в ряде научных центров (ИПРЭ РАН, Институт региональной экономики при Удмуртском государственном университете, ИЭ УрО РАН и др.) неизбежно должны касаться предпосылок и особенностей становления конкурентного сотрудничества в современных условиях.

Список использованной литературы

1. *Важенин С. Г., Важенина И. С.* Конкурентное сосуществование территорий в экономическом пространстве. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 78 с.
2. *Важенина И. С., Важенин С. Г.* Конкурентное сотрудничество – стратегическая платформа жизнестойкости территорий // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2015. – № 1. – С. 62-71.
3. *Гасилов В. В.* Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // *Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера.* – М.: Наука, 1977. – С.119-153.
4. *Дедов Л. А.* Развитие хозяйственных систем: методы оценки и анализа. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 195 с.
5. *Дежина И., Киселёва В.* Научные школы: интеллектуальная капитализация или стагнация? // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2009. – № 1. – С.43-51.

6. Жихаревич Б. С. Стратегическое планирование как фактор стимулирования региональной сотруенции // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С.3-14.
7. Климов А. А. Системный подход к разработке стратегии пространственного развития региона (на примере Пермского края) // Труды ИСА. – 2006. – Т. 22. – С.213-231.
8. Павлов К. В. Ядро системы: его сущность и структура // Российское предпринимательство. – 2003. – Т.4. – № 6. – С.49-53.
9. Павлов К. В., Шишкин М. И. Теория экономического ядра. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 92 с.
10. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – С. 7-97.
11. Zuscala A. Modeling the invisible college // Journal of the American Society for Information Science and Technology. – 2006. – Vol. 57, No. 2. – P.152-168.

д.э.н. Гончаров А.Ю.

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко,
г. Воронеж*

Киселев С.С.

Воронежский государственный медицинский университет, г. Воронеж

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МНОЖЕСТВА¹

В настоящей работе авторы применили базовые положения теории множеств к определению структуры региона. Дано определение провайдеров социально-экономического развития в аспекте системно-сетевой интеграции и определение выделенной социально-экономической сети. Определены социально-экономические множества, способствующие повышению благосостояния населения в постиндустриальной стадии.

Ключевые слова: региональная социально-экономическая система, благополучие населения, социально-экономические сети, социально-экономические множества, провайдеры социально-экономического развития, постиндустриальная стадия

Сегодня одно из важнейших направлений государственной мысли – это укрепление суверенитета Российской Федерации. Общеизвестно, что носителем суверенитета в России является её многонациональный народ. Разрешая указанную логическую цепь, становится очевидным необходимость повышения благосостояния населения. В исследовании мы применили теорию множеств для определения региональных объектов управления в целях повышения благосостояния населения.

Цель данного научного исследования – определить соответствующих постиндустриальной стадии общественного развития региональные объекты управления в целях повышения благосостояния населения. В исследовании поставлены следующие задачи:

- определить структуру региональной социально-экономической системы;
- определить характерные черты постиндустриального экономического способа производства;
- определить элементы региона, соответствующие постиндустриальному характеру.

При проведении исследования были использованы труды следующих ученых: Гончаров А.Ю., Киселев С.С., Кузык Б.Н., Ленин В.И., Литовкин М.В., Панченко В.Е., Сироткина Н.В., Трещевский Ю.И., Яковец Ю.В.

Исследование построено на приложении методологии теории множеств к исследованию региональной экономики. Также нами применены принципы плюрализма, индивидуализма, конвенционализма, органической целостности; подходы нормативный, институциональный, равновесный; методы научной абстракции, анализа и синтеза. Информационной базой

¹ © Гончаров А. Ю., Киселев С. С. Текст. 2019.

исследования послужили печатные издания, материалы электронной научной библиотеки elibrary.ru, данные электронной системы consultant.ru.

Общеизвестно, что структура региона включает социально-экономические системы, связанные сетями. Следует отметить, что в настоящее время наблюдается отказ от вертикального взаимодействия в пользу горизонтального. [4, с. 56] На сегодняшний день разработано большое количество подходов и методов управления социально-экономическими субъектами: системами и сетями. Однако, существуют интегрированные системно-сетевые структуры, активно привлекающие внимание исследователей и менеджеров.

Мы считаем целесообразным представить мир как связанное социально-экономическое пространство (далее – СЭП). Следовательно, СЭП имеет не пустые пересекающиеся открытые социально-экономические подмножества. Элементом одного из таких подмножеств является регион (далее – множество A). По нашему мнению, данное представление удобно для описания интегрированных системно-сетевых структур ввиду возможности построения универсальных экономико-математических моделей.

Интегрированная региональная системно-сетевая структура – это подмножество множества A (далее – множество A_1), включающее множество социально-экономических систем и множество выделенных социально-экономических сетей.

По нашему мнению, для любого участника любой сети существует путь к любому участнику другой сети. В целях ограничения масштаба сети для повышения эффективности управления, опираясь на действующее законодательство¹, мы определили выделенную социально-экономическую сеть как сеть, предназначенную для обеспечения благами ограниченного круга участников или группы таких участников.

Реалии экономики России безоговорочно указали на необходимость инновационного развития. Ученые, анализируя тенденции развития инновационной деятельности, выявили несколько типов региональной разбалансированности. [6, с. 26-30] В ранних трудах [5, с. 32] мы обосновали перспективность применения структурного управления к сбалансированному развитию региона в условиях цифровой экономики. Ответственными региональными структурами выступали провайдеры социально-экономического развития.

Каждый провайдер является интегрированной структурой. Более того, отдельный элемент может принадлежать к нескольким провайдерам. Элементы провайдеров могут быть географически разобщены и(или) не знать о существовании друг друга. Это объясняется тем, что регион наряду с системными отношениями имеет сетевые отношения.

Очевидно, что благосостояние населения зависит, в том числе, от валового регионального продукта, объема и качества социальных услуг, эф-

¹ п.1, ст. 14 Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 06.06.2019) «О связи». – URL: <http://www.consultant.ru>.

фективного государственного управления. Каждый из указанных факторов благосостояния зависит от эффективности управления провайдерами.

В конце 19 века Ленин В.И. справедливо отметил, что «пока мы говорим – колесо истории вертится, действуют стихийные силы». [3, с. 330] Действительно, объективные законы не статичны. Ленин В.И. подразумевал диалектику классовых отношений. Сегодня мы в эту фразу вкладываем процесс общественного развития в постиндустриальных социально-экономических условиях.

Полагая в качестве основного фактора развития общества экономический способ производства, мы принимаем мнения Кузык Б.Н. и Яковец Ю.В. [2, с. 30-33] относительно характера постиндустриальных условий. На рисунке разместим провайдеров в постиндустриальные условия.

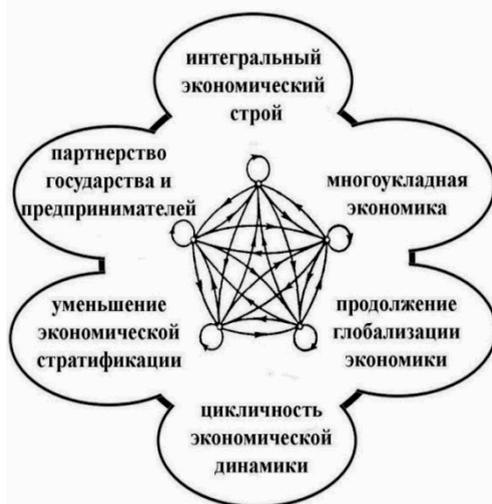

Рис. Провайдеры в постиндустриальных условиях

Напомним, что в качестве провайдеров социально-экономического развития выступают:

- институты гражданского общества;
- население;
- органы государственной власти;
- предпринимательские структуры;
- сфера образования, исследования и разработок.

В центре рисунка 1 находится разработанная ранее «звезда» провайдеров. [1, с. 24] Для понимания путей взаимодействия мы представили «звезду» в виде полного симметрического графа. Такое представление отображает внутренние и внешние отношения провайдеров. В нашем случае

звезда является множеством A с подмножествами A_i . Т.е. провайдеры – это интегрированные региональные системно-сетевые структуры, включающие социально-экономические системы и сети.

Сопоставив сущность провайдеров с условиями постиндустриальной экономической среды, мы получили, что 5 из 6 условий могут создаваться провайдерами.

Для доказательства эффективности представления региона как множества A выделим альтернативное множества B , включающее субъекты региональной экономики. Очевидно, что множество A превышает по мощности множество B , т.к. включает сети. Таким образом, отрицательные явления экономической динамики оказывают на регион, как на множество A , меньший эффект ввиду повышенной мощности этого множества.

Результаты проведенного исследования показали, что для повышения благосостояния населения и развития региональных систем в постиндустриальных условиях необходимо эффективное управление провайдерами социально-экономического развития.

Список использованной литературы

1. *Гончаров А.Ю.* Управление сбалансированным региональным развитием: проблемы и перспективы / под ред. проф. Н. В. Сироткиной. – Воронеж : Научная книга, 2016. – 186 с.

2. *Кузык Б.Н.* Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. – 2-е изд., доп. – М. : Экономика, 2005. – 624 с.

3. *Ленин В.И.* Сочинения. – Т. 1. – 4-е изд. – Л. : Изд-во политической литературы, 1941. – 512 с.

4. Особенности сетизации экономического пространства региона в условиях глобализации. Роль и значение университетов / Н. В. Сироткина, В. Е. Панченко // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и правление. – 2019. – № 1. – С. 56-63.

5. Структурное управление сбалансированным развитием региона в условиях цифровой экономики / А.Ю. Гончаров, С.С. Киселев // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIV международной научно-практической конференции / под ред. И.Е. Рисина. – Воронеж, 2019. – С. 28-32.

6. Тенденции развития инновационной деятельности в регионах Российской Федерации / Ю. И. Трещевский, М. В. Литовкин // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и правление. – 2018. – № 1. – С. 24-31.

к.э.н. Захарчук Е. А., к.э.н. Некрасов А. А., Трифонова П. С.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ОЦЕНКА ВАЛОВОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРОДУКТА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ¹

Рассмотрен и обобщен зарубежный и российский опыт расчета валового муниципального продукта (ВМП). Сформированы теоретические положения, необходимые для обоснования возможностей исчисления ВМП на основе Системы национальных счетов. Предложен методический подход к оценке ВМП в российской статистической системе.

Ключевые слова: система национальных счетов, валовой муниципальный продукт

Проблемы сильной дифференциации социально-экономического развития регионов РФ достаточно хорошо исследованы, они основываются на репрезентативной информационной базе, предоставляемой как Росстатом, так и отдельными министерствами и ведомствами. Как правило, основным сравнительным показателем уровня экономического развития регионов выступает Валовой региональный продукт (ВРП), представленный в отраслевом (по видам деятельности) разрезе и по источникам образования доходов. В то же время, для муниципального уровня управления аналог ВРП не определяется, по причинам отсутствия информационной базы о формировании добавленной стоимости территорий, сопоставимой с Системой национальных счетов. Однако разрывы в социально-экономическом развитии муниципальных образований как внутри регионов, а в особенности между территориями имеют намного больший масштаб, чем по регионам, поэтому исследования условий и причин межмуниципальной дифференциации в социально-экономическом развитии являются критически важными для анализа параметров выравнивания условий жизни граждан. С этой точки зрения, выработка подходов к определению добавленной стоимости муниципальных образований (валового муниципального продукта), как основы для межрегиональных сопоставлений источников формирования благосостояния жителей, несомненно имеет высокую актуальность в современных экономических исследованиях.

Теоретические и практические исследования российских и зарубежных авторов позволяют нам определить, что для расчета добавленной стоимости муниципальных образований используется два основных методологических подхода, которые можно условно сгруппировать в две основные категории: подход к расчету «сверху» и «снизу». В случае применения методологического подхода «сверху» для определения муниципального продукта используются данные валового продукта более высоких уровней – регионального или национального, где путем определенного алгоритма ряд данных преобразовывается в расчет валового муниципального продук-

¹ © Захарчук Е. А., Некрасов А. А., Трифонова П. С. Текст. 2019.

та. При использовании методических положений подхода «снизу», главной задачей становится поиск и обработка первичной информации о деятельности территорий, их последующая обработка и приведение в соответствие с положениями Системы национальных счетов. В мировой литературе наиболее часто встречающийся метод определения добавленной стоимости муниципальных образований относится к расчету «сверху», метод «снизу» более трудозатратен, рассмотрим наиболее популярные подходы и методы расчета валового муниципального продукта.

Метод определения ВМП на основе населения территории

Наиболее простой и быстро считаемый метод, заключается в расчете валового муниципального продукта территории на основе использования показателя валового регионального продукта на душу населения. Данный подход используется как официальными структурами ООН, при отсутствии значимой информации по исследуемым объектам [см., например 7], так и международными компаниями, оказывающие консультационные услуги для власти и бизнеса, например «PricewaterhouseCoopers» [2]. Понятно, что данный подход имеет значительные допущения, к основному из которых относится предположение о равенстве структуры экономического производства отдельных территорий и региональной структуры, и, соответственно, применение такого подхода позволяет получить только приблизительные оценки. Исходя из примененной методологии оценки, сумма валового продукта территории определяется лишь только численностью проживающего населения.

Использование метода факторной оценки

Данный метод исходит из того, что существует тесная связь между региональным и муниципальным продуктом территорий. Здесь валовой региональный продукт представляется как функция, зависящая от количества применяемых факторов производства и предельной производительности каждого из них [1]. Данная зависимость описана производственной функцией Кобба–Дугласа, и в целях расчета муниципального продукта по методике факторной оценки подбираются параметры, которые можно рассматривать в качестве труда и капитала. То есть, применение данного метода основывается на предположении о зависимости добавленной стоимости региона от некоторых составляющих, и данные зависимости используются для расчета ВМП на уровне муниципалитета для подсчета. Как указывают ряд исследований, расчетные значения, полученные с использованием данного подхода, зачастую бывают близки к значениям, рассчитанным методом деления ВРП на душу населения (см., например, [2]).

Использование результирующего метода

Одним из, достаточно популярных в российской литературе, методов определения ВМП выступает «результирующий метод», описание которого изложено в работе [3]. Он основывается на суммировании ряда показате-

лей деятельности территорий, которые представлены в российской статистике, и больше относится к попытке определить добавленную стоимость методом «снизу». Формула выглядит так:

$$\text{ВМП} = \text{П} + \text{СХ} + \text{ТР} + \text{ТО} + \text{ПО} + \text{ПУ} + \text{С},$$

где П – отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по основным видам экономической деятельности – добывающие и обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды (по крупным средним и малым предприятиям) МР/ГО;

СХ – отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по «чистым» видам деятельности «растениеводство», «животноводство», «растениеводство в сочетании с животноводством (смешанное сельское хозяйство)» МР/ГО; ТР – перевезено грузов и грузооборот грузовыми автомобилями по крупным и средним предприятиям МР/ГО; ТО – оборот розничной торговли и общественного питания МР/ГО; ПУ – объем платных услуг, оказанных населению; С – отгружено работ и услуг собственными силами предприятий и организаций по «чистому» виду деятельности «строительство» в МР/ГО по крупным и средним предприятиям.

В то же время, по нашему мнению, использование такого подхода достаточно спорно, поскольку используемые показатели плохо соотносятся с показателями Системы национальных счетов.

Методы расчета на основе эконометрических моделей

Анализируемый метод является достаточно закрытым по описанию, поскольку он получил широкое распространение у международных консалтинговых компаний, которым необходимо сформировать некий набор данных по той или иной экономике для заинтересованных лиц (клиентов). Данный подход основан на построении эконометрической модели в региональном разрезе, и перенос полученных зависимостей на уровень муниципальных образований. Основным примером таких работ можно привести доклад «GlobalInsight» [4] и «Moody'sAnalytical» [7]. Стоит отметить, что алгоритмы работы модели данными компаниями не раскрываются, под предлогом коммерческой тайны, и поэтому определить адекватность примененных зависимостей не представляется возможным.

Таким образом, в России и мире на сегодняшний момент не сложилось сколько-нибудь устоявшихся подходов к расчету валового муниципального продукта, поэтому авторы предлагают свой поход к решению данной проблемы, основанном на комбинации существующим методов.

Авторским коллективом, при рассмотрении принципов формирования международной Системы национальных счетов, были сформированы теоретические положения, необходимых для обоснования возможностей исчисления ВМП на основе СНС, к ним относятся:

В Системе национальных счетов-2008 имеются возможности по изменению в классификациях показателей, необходимых для расчета муниципального продукта.

В Руководстве по СНС-2008 (глава 29) прямо указывается на возможность создания спутниковых счетов, являющихся дополнительными к центральным (к ним можно отнести и территориальные счета для расчета ВМП). Сама по себе Система национальных счетов разработана для гибкого применения, и имеет некоторый «зазор» в изменениях классификации институциональных единиц, операций и активов. Дальнейшее агрегирование или дезагрегирование данных и счетов предусмотрено лишь при сохранении общего смысла построения СНС.

Свободное применение методов регистрации денежных потоков.

В национальных счетах, используется принцип гибкой системы учета экономических операций. Поэтому выбор регистрации денежных потоков, для спутниковых счетов оставлен на выбор разработчиков. Как известно, в СНС представлено два вида регистраций денежных потоков в экономике: по методу начислений и кассовый метод. Наш подход заключается в использовании кассового метода начисления финансовых потоков, в целях расчета муниципального продукта, поскольку предоставляемая информация по муниципальным образованиям, формируется на территориальном уровне по фактически проведенным платежам.

Формирование муниципальных органов управления как отдельной институциональной единицы

Согласно теоретическим представлениям СНС-2008, отличительной чертой территориального органа управления как институциональной единицы, является право собственности на активы, а также возможность получать средства и принимать обязательства от своего имени. В соответствие с этим, в статистической системе России, местные органы выделяются отдельным подсектором сектора государственного управления.

Таким образом, использование Системы национальных счетов как основы для формирования методологических положений расчета валового муниципального продукта не противоречит самой структуре счетов, а рассмотрение местных органов власти как институциональной единицы позволяют применять методы расчета «снизу».

В соответствие с этим, на основе представленного российского и зарубежного опыта расчета ВМП муниципальных образований, авторский коллектив предлагает оригинальную методику оценки валовой добавленной стоимости. Сущность предлагаемого подхода - использование распределительных методов на основе Валового регионального продукта (ВРП) субъектов РФ, по аналогии с зарубежным опытом. Существенным отличием подхода выступает процедура расчета, учитывающих специфику российской статистической системы, которая позволяет говорить об использовании смешанного подхода к определению муниципального продукта. К базовым условиям предлагаемой методики относятся следующие элементы.

1) Как следует из национальных счетов РФ, расходы на оплату труда в валовой добавленной стоимости составляют в районе 50%, поэтому необходимо использовать данный показатель как «якорный». В этих условиях, для более точного расчета добавленной стоимости территорий, необходимо сопоставление затрат на трудовые ресурсы по видам экономической деятельности (ОКВЭД, ОКВЭД-2), то есть соотнесение добавленной стоимости между отраслями на региональном и муниципальном уровне.

2) Соответственно, для точного распределения добавленной стоимости региона между муниципальными образованиями, необходимо сформировать базу данных по суммам начисленной заработной платы по всем муниципальным образованиям данного региона. Теоретически, совокупность сумм заработной платы всех территорий по отраслям должно совпадать с соответствующими региональными показателями, однако несовершенство статистической базы не всегда позволяет добиться такого результата. В этом случае необходимо использовать распределительные методы.

3) Основой распределительных операций добавленной стоимости между территориями является счет регионального образования доходов, который в статистике разложен на компоненты, его образующие: оплата труда наемных работников, другие чистые налоги на производство и валовая прибыль и валовые смешанные доходы, по видам экономической деятельности. Соотнесение добавленной стоимости региона по компонентам и индивидуального фонда оплаты труда на территориях позволяет сформировать достаточно точные данные по ВМП муниципальных образований.

Источники данных, необходимых для расчета добавленной стоимости муниципальных образований, представлены в официальных базах данных. Так, оплата труда наемных работников по муниципальным образованиям Российской Федерации, находятся в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата РФ¹(БД ПМО). Счет образования доходов Валового регионального продукта регионов РФ представлен в региональных статистических сборниках, а также возможно его получение по запросу, и т.д.

В итоге, решение задачи расчета валовой добавленной стоимости муниципальных образований является необходимым элементом планирования и прогнозирования развития отдельных территорий, а также определения вклада различных муниципальных образований в экономическое развитие как региона, так и страны в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта № 18-010-01007 А «Финансовые потоки Арктики: формирование, распределение и использование добавленной стоимости в условиях промышленного освоения новых пространств».

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-32-01163-ОГН «Дизайн институтов социальных инноваций как инструмент активации гражданских инициатив»

Список использованной литературы

1. *Лопатин А. А., Набиев А. М., Силинцев В. С.* Совершенствование системы показателей долгосрочного прогноза социально-экономического развития региона // Экономика. Финансы. Рынок. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: www.lib.csu.ru/dl/econ/2006_s2_12.doc (дата обращения 17.09.2019).
2. *Макарова М. Н.* Труд как фактор математической модели валового муниципального продукта // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы IV международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15-17 ноября 2012 г.): [в 2 ч.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. – Ч.1. – С. 35-38.
3. Методические рекомендации к оценке качества жизни населения Новосибирской области, муниципальных районов и городских округов 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.adm.nso.ru/glaveu/tex/met_ocenka.htm
4. GMP – The Engines of America’s Growth. GlobalInsight. – 2007. – 121 p.
5. U.S. Précis. Metro. Moody’s Analytics. 2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.economy.com/products/research/precis-metro> дата обращение 17.09.2019
6. United Nations Human Settlements Programme State of the World’s Cities Report 2012/2013: Prosperity of Cities 2013. – P. 36
7. Pricewaterhouse Coopers UK Economic Outlook November 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ukmediacentre.pwc.com/imagelibrary/downloadMedia.ashx?MediaDetailsID=1562> (дата обращения 17.09.2019).

к. п. н. Латышев Д. В.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
г. Волгоград

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА КАК ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА¹

Процесс цифровизации региональной экономики является фактором трансформации всех сфер человеческой деятельности, в том числе и сферы образования. В условиях становления цифровой образовательной среды особую актуальность приобретает маркетинговый подход в управлении образовательными системами. Интернет-маркетинг позволяет в большей степени реализовывать актуальные задачи повышения качества образовательной деятельности, однако, в то же время, несет в себе угрозу нивелирования педагогических функций системы образования.

Ключевые слова: региональная экономика, цифровизация, маркетинг, экономическое киберпространство, интернет, информационно-коммуникационные технологии, цифровая образовательная среда

Актуальность вопроса о тенденциях развития отечественной системы образования в условиях цифровых технологий, обусловлена необходимостью переосмысления традиционных механизмов хозяйствования в аспекте становления экономического киберпространства.

Стоит отметить, что еще не до конца раскрыта проблема успешного существования отечественной сферы образования в условиях рыночной экономики, как появляется еще один важный вопрос, а именно, каким образом будет развиваться отечественная система образования в условиях цифровой экономики, в условиях становлении экономического киберпространства.

Цифровизация экономики неизбежно преломляет сложившийся уклад воспроизводства и перераспределения благ во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере образования. Тем самым, создаются предпосылки цифрового парадигмального сдвига (Индустрия 4.0). Складывающиеся обстоятельства порождают множество вопросов, однако и создают огромный потенциал для трансформаций и развития региональных экономических систем, в том числе, региональных образовательных институтов.

Цифровизация — это в первую очередь, процесс и результат внедрения цифровых технологий, при этом, отметим, что сочетание цифровизации с процессами роботизации, развития искусственного интеллекта и цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и систем, в том числе интернета, приводят к формированию современного экономического пространства, интенсивно обогащающегося автоматизированными

¹ © Латышев Д. В. Текст. 2019.

ми самоуправляемыми системами, таким образом создается экономическое киберпространство.

Цифровая образовательная среда регионального уровня представляет собой логическое продолжение процесса внедрения современных технических средств в педагогический процесс и деятельность образовательных учреждений. Это определенная система динамично развивающихся условий, создаваемых за счет применения цифровых образовательных технологий и соответствующих им средств в сфере образования.

В свою очередь, цифровой маркетинг – это цифровое преломление маркетинга, которое является неизбежным явлением в условиях цифровизации экономики и становления экономического киберпространства.

Интернет-маркетинг — это маркетинг, реализуемый в интернет-пространстве. При этом отметим, что маркетинг — это раздел экономической науки об успешной торговой деятельности субъекта рыночной экономики, направленной на стопроцентное удовлетворение актуальных потребностей клиентов с целью получения оптимальной прибыли.

В данном случае, по отношению к сфере образования, речь идет об удовлетворении образовательных потребностей личности, общества, рынка труда и государства. Образовательная потребность — это нужда в образовательном благо, требующая удовлетворения с учетом индивидуальных и личностных особенностей. В свою очередь образовательное благо — это определенное приращение развития личности.

Интернет-маркетинг позволяет в большей степени реализовать следующие задачи в сфере образования [4]:

1. Способствует популяризации образовательного учреждения среди целевой аудитории, т.к. широко применяет интернет-коммуникации, в том числе социальные сети и онлайн-сервисы.

2. Позволяет обеспечивать эффективную двухстороннюю связь с целевой аудиторией, способствует росту объективности обратной связи.

3. Повышает объем и качество маркетинговых исследований рынка.

Более того, алгоритмы и модели социально-экономического поведения потребителей образовательных услуг подталкивает к стремительному освоению средств интернет-маркетинга с целью привлечения и удержания абитуриентов.

Цифровизация региональной экономики задает новые условия существования и развития сферы образования. Психологическое и культурное интернет-преломление личностных и общественных ценностей все больше вынуждает интегрировать систему образования в экономическое киберпространство и осваивать цифровые интернет-технологии.

Трансформируемые алгоритмы социально-экономического поведения потребителей образовательных услуг актуализируют стремительное освоение средств цифрового маркетинга образовательными учреждениями с целью привлечения и удержания абитуриентов. Интернет-среда и цифровые средства производства (устройства) и обслуживания (сервисы) изменяют ряд поведенческих моделей поиска товара, совершения покупки, что соз-

дает предпосылки для использования систем цифрового маркетинга в деятельности образовательных учреждений с целью повышения конверсии трафика клиентов.

Трафик клиентов представляет собой общий поток лиц, которые проявили заинтересованность к определенному товару или услуге, в нашем случае, образовательной деятельности. Трафик конвертируется на каждом условном этапе воронки продаж постепенно кристаллизуясь в определенное количество клиентов, совершающих покупку. Конверсия трафика представляет собой выполнение каждой единицы трафика заведомо определяемых для нее видов действий, таких как переход на нужный сайт, далее, заполнение необходимых форм с целью предоставления нужной информации, увлечение товаром, совершение покупки.

Показатель конверсии рассчитывается по следующей формуле¹:

$$\begin{aligned} \text{Показатель конверсии} &= \\ &= \frac{\text{Число пользователей, совершивших целевое действие}}{\text{Общее число пользователей}} \times 100\%. \end{aligned}$$

В управлении эффективностью интернет-маркетинга используются определенные показатели, так называемые KPI, т.е. ключевые показатели эффективности (англ. Key Performance Indicators, KPI) — это показатели деятельности организации, которые являются основой для определения индикаторов достижения стратегических и тактических (операционных) целей. Например, показателями движения трафика клиентов являются:

ClickThroughRate (CTR) – отношение числа пользователей, которые кликнули на ссылку рекламного объявления, к общему числу показов, выраженное в процентах.

CostPerClick (CPC) — т.е. стоимость одного переход на сайт;

CostPerLead (CPL) — т.е. стоимость за одного увлеченного (ведомого, одержимого) клиента, который подписывается на рассылку (оставляет контактные данные) и/или заполняет анкету; проходит опрос.

Маркетинговые стратегии в интернете могут иметь различные направления, средства и методы реализации и так или иначе сопряжены с созданием эффективного таргетинга. На сегодняшний день, таргетинг понимается как маркетинговый механизм, позволяющий донести рекламное объявление до целевой аудитории.

В свою очередь, целевая аудитория обладает множеством специфических потребностей и мотивов, поэтому установка на эффективное привлечение клиентов средствами цифрового маркетинга сталкивается с фактором неопределенности и проблемой создания привлекательного, понятного и увлекательного контента рекламы и информационных ресурсов, направленных на продвижение бренда учебного заведения (в нашем случае ВУЗа) [2].

¹ Бизнес-класс. Программа развития предпринимательства от Google и Сбербанк. – <https://www.business-class.pro>.

Следует отметить, что интернет-маркетинг имеет огромный потенциал и будет продолжать свое стремительное развитие, именно поэтому образовательным учреждениям необходимо активно осваивать эту сферу. Информационная среда интернет пространства представляет собой большие возможности для реализации образовательной деятельности и эффективного продвижения образовательных услуг. Целевая аудитория образовательных учреждений: школ, СУЗов, ВУЗов и постдипломных образовательных центров все больше времени проводит в интернете и в большей степени начинает ассоциировать образовательную деятельность с киберпространством. Отметим ряд современных средства интернет-маркетинга, которые уже доступны и отчасти используются в сфере образования.

Для проведения первичных цифровых маркетинговых исследований достаточно обратиться к бесплатным интернет-ресурсам получения обратной связи, например, таким как Google Trends, которые позволяет видеть последние тренды запросов, например, по запросу «ВГСПУ приемная комиссия» максимальное количество запросов начинает формироваться и достигает максимального количества в период с 1 июля по 11 августа.

Для комплексного взаимодействия с абитуриентами и, что более важно с имеющимся контингентом необходимо использовать мобильное приложение образовательного учреждения, которое может совмещать в себе механизмы идентификации, контроля, информационного обеспечения и обучения. Наиболее распространенным интернет-средством остаются официальные интернет-страницы и интернет-порталы образовательных учреждений с явно выраженной тенденцией интеграции с методическими онлайн-сервисами с использованием системы оптимизации результатов поиска ресурса (англ. searchengineoptimization, SEO).

Стабильная популярность прослеживается в использовании социальных сетей для продвижения образовательных проектов и обеспечения системы обратной связи. Важно отметить, что социальные интернет-сети имеют интегрированные аналитические сервисы, например, VK-статистика.

Наиболее популярные социальные сети для продвижения бренда — это Instagram, VK, Facebook, при этом эффективность сервиса всегда неизменно зависит от качества контента и его актуальности, т.е. от первого принципа маркетинга — стопроцентное удовлетворение актуальных потребностей клиентов, выгодных для бизнеса.

Для поддержания связи и оптимизации маркетинговых коммуникаций используется интернет-рассылка на адрес электронной почты. Отчасти, подобную функцию могут выполнять регулярные, привлекательные посты на страницах соцсетей.

По своей сути, интернет-маркетинг, уже сегодня, способен, в той или иной степени, осуществлять все направления комплекса маркетинга и основные направления маркетинговых исследований. Назовем некоторые из них: изучение внешней и внутренней среды деятельности образовательного учреждения; анализ конкурентной среды; мониторинг степени удовлет-

воренности клиентов; анализ ассортиментной и ценовой политики конкурентов; исследование поведенческих особенностей клиентов; изучение сети распространения образовательных учреждений; компенсация недостатков месторасположения образовательного учреждения; товарное продвижение и брендоформирование [3].

В заключение стоит сказать, что интернет-маркетинг в сфере образования направлен на определение потребностей людей и других заинтересованных сторон в образовательных продуктах и создание системы стопроцентного удовлетворения этих потребностей в условиях становления и развития цифровых образовательных систем и расширения уровня взаимодействия региональных образовательных институтов.

Маркетинговые ориентиры и соответствующие им параметры и индикаторы позволяют нейтрализовать эффект неопределенности и хаотичности разработки эффективных стратегий развития образовательных систем, в том числе и образовательных учреждений, ориентированных на успех с учетом спроса и состояния конкурентной среды.

Список использованной литературы

1. *Димитров И.* 63 лучших инструмента цифрового маркетинга, о которых вы должны знать в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/swlh/63-best-digital-marketing-tools-you-should-know-about-in-2018-f010a4e3db4b>

2. *Латышев Д. В., Шохнех А. В.* Маркетинговая фасилитация системы непрерывного педагогического образования в условиях экономического киберпространства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2019. - № 5 (138). - С. 30-35.

3. *Evangeline D.* Role of Internet Marketing in Modern Marketing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techfunnel.com/martech/role-internet-marketing-modern-marketing/>

д. э. н. Мальцев Ал. А.

Уральский государственный экономический университет,
Институт экономики УрО РАН

г. Екатеринбург

Университет Пикардии имени Жюль Верна

г. Амьен

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЕССИМИЗМА¹

В работе рассмотрены некоторые распространенные в современной литературе пессимистические воззрения в отношении перспектив развития мирового хозяйства. К числу важнейших из них автором отнесены опасения по поводу фрагментации глобальной экономики и чрезмерной концентрации рынков. Автор связывает природу данных опасений с использованием экспертами все более нерелевантных меняющихся хозяйственным реалиям теоретических схем. Одним из возможных выходов из данной ситуации автору видится расширение концептуального инструментария, в частности, за счет более активного использования концепции «коокуренции».

Ключевые слова: мировая экономика, мирохозяйственный пессимизм, экономическая наука, коокуренция, сотрудничество

В последние десятилетия в экономической литературе все чаще встречаются пессимистичные прогнозы в отношении будущего мирового хозяйства². С нашей точки зрения, одними из наиболее распространенных страшилок, по популярности с которыми могут поспорить, пожалуй, лишь множасьиесь день ото дня пророчества о скором захвате роботами едва ли не всех рабочих мест, являются: а) жупел грядущей балканизации глобальной экономики; б) сетования по поводу смерти конкуренции под воздействием нарастания процессов монополизации. Подобные минорные настроения образуют явление, которое, на наш взгляд, можно назвать «мирохозяйственным пессимизмом», поразившее значительную часть экспертного сообщества. В чем же его причины?

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что мрачные предсказания в отношении перспектив развития мировой экономики не лишены определенных оснований. Вместе с тем, большинство экспертов, с нашей точки зрения, склонны излишне драматизировать ситуацию. Одна из причин такого мрачного мироощущения, как видится, заключается в недооценке значимости такой концепции, как «коокуренция»³, исходящей из того, что конкуренция и сотрудничество не являются противоречащими друг другу понятиями. Между тем, в современной мировой экономике можно найти

¹ © Мальцев Ал. А. Текст. 2019.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.

² Данный материал базируется на идеях, более подробно рассмотренных в статье автора: [1].

³ См., подробнее, например: [2].

все больше свидетельств того, что коокуренция начинает приобретать все более реальные очертания, превращаясь из казавшейся еще недавно умозрительной теоретической конструкции в одно из магистральных направлений развития глобального хозяйства.

В чем же проявляется коокуренция в современной мировой экономике? Разумеется, развернутый ответ на данный вопрос потребует отдельного – монографического по своему объему – исследования. Поэтому в данном материале мы лишь пунктирно обозначим некоторые проявления этого явления. К числу важнейших из них, на наш взгляд, можно отнести следующие моменты.

Во-первых, вопреки заявлениям о якобы беспрецедентной монополизации, убивающей живительную силу хозяйственного развития – конкуренцию, в современном глобальном хозяйстве складывается двоякая тенденция, когда достаточно высокая концентрация рынков соседствует с ростом сотрудничества между рыночными игроками разных «весовых» категорий. Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Так, например, в США за 1997-2012 гг. доля четырех крупнейших фирм в общей прибыли важнейших отраслей поднялась с 24 до 33% [5, р. 2, 3]. На первый взгляд, эти цифры наглядно свидетельствуют об оправданности заявлений, будто бы Соединенные Штаты снова вступили в «Позолоченный век» с характерным для него всевластием монополистов. Однако сторонники подобных воззрений, как правило, не принимают в расчет значение новых технологий, позволяющих малым и средним бизнесам быть успешными на, казалось бы, высокомонополизированных рынках. Более того, создание разнообразных цифровых платформ создает почву для укрепления коллаборации между малыми и крупными рыночными игроками. Суть этого явления хорошо объясняет Макс Лядвинский, справедливо подчеркивающий, что крупные бизнесы и стартапы обречены сотрудничать, так как первые не хотят мириться с потерей идей и талантливых кадров, а последние нуждаются в финансовых ресурсах рыночных гигантов. Неудивительно, что по данным опросов 82% крупнейших корпораций мира считают важным сотрудничество с молодыми компаниями, а 23% видят в подобной коллаборации одно из важнейших условий их рыночных успехов¹.

Во-вторых, мировую экономику, несмотря на охлаждение отношений России и Запада, обострение торговых споров между США и КНР, а также Брекзит, скорее всего, совсем не ждет окончательная фрагментация. Значительно более оправданной видится ситуация, когда сотрудничество с «заклятыми подругами» / *frenemies* станет своеобразным мейнстримом. Своеобразным «застрельщиком» подобных отношений стала Поднебесная, со своим гигантским проектом «Один пояс, один путь», зиждущегося на философии, предполагающей достижение индивидуальных целей через совместное взаимодействие. Даже сильно похолодевшие американо-китайские отношения вполне вписываются в коокурентную схему. Дело в том,

¹ Lyadvinsky M. A Match Made in (Business) Heaven: Why Startups and Corporations Need Cooperation / <https://www.entrepreneur.com/article/322213>.

что стремление США добиться от Китая уступок направлено на расширение присутствия американского бизнеса в Поднебесной, что, в конечном счете, лишь усилит взаимозависимость двух экономик. Поэтому трудно не согласиться с авторами, считающими, что в будущем американо-китайский тандем под названием «Кимерика» (Китай + Америку), вероятно, сможет сохраниться [3].

В-третьих, едва ли стоит соглашаться со скептиками, пророчащими закат глобализации и едва ли не полную фрагментацию глобального хозяйства на антагонистические блоки, а также предсказывающим скорое сползание мировой экономики в стадию бесконечной конфронтации. Дело в том, что под воздействием внедрения в хозяйственный оборот новых технологий сами процессы глобализации начинают носить все более локальный характер. В частности, это приводит к постепенной трансформации глобальных цепочек создания стоимости в региональные. Данное явление, в свою очередь, находит отражение, например, в росте числа разнообразных производственных кластеров [4], для деятельности которых как раз и характерна кооперация. Кроме того, в последние годы процессы кооперации пересекают границы отдельных кластеров [6] и начинают связывать производителей из разных регионов¹. Как видим, более внимательное отношение к процессам, разворачивающимся в современной мировой экономике, позволяет избавиться от пессимистичной оптики и гораздо оптимистичнее смотреть в ее будущее.

Подытоживая, следует заметить, что, по-видимому, одним из источников пессимизма, поразившего экспертное сообщество в отношении будущего глобальной экономики, является концептуальная инерция, когда теории, отлично работавшие в прошлом, оказываются нерелевантны вызовам современности. Между тем, изменения, происходящие в современной мировой экономике, требуют для своего осмысления использования новых теоретических подходов. Кооперация, на наш взгляд, относится к категории именно таких концептуальных лекарств. Кто знает, возможно, как раз кооперации суждено стать одним из инструментов, при помощи которого хотя бы отчасти удастся развеять туман пессимизма, сгустившегося над экспертной средой.

Список использованной литературы

1. Мальцев А. А. Кооперация – новая реальность мировой экономики? // Журнал экономической теории. – 2019. – № 3.
2. Полтерович В. М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 41– 64.
3. Ferguson N., Xu X. Making America Great Again // International Finance. – 2018. – Vol. 21. – Issue 3. – P. 239–252.

¹ См., например: Gast, J., Kallmünzer, A., Kraus, S., Gundolf, K., Arnold, J. Coopetition of Small- and Medium-Sized Family Enterprises: Insights from an IT Business Network / https://www.researchgate.net/publication/314749217_Coopetition_of_Small-_and_Medium-Sized_Family_Enterprises_Insights_from_an_IT_Business_Network.

4. *Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains.* – N.Y.: McKinsey Global Institute, 2019.

5. *Shambaugh Nunn R., Breitwieser A., Liu P. The State of Competition and Dynamism: Facts about Concentration, Start-Ups, and Related Policies.* – Washington D.C.: The Hamilton Project, 2018.

6. *Zachariadis I. Global and Regional Value Chains: Opportunities for European SMEs' Internationalisation and Growth.* – Brussels: European Parliamentary Research Service, 2019.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ¹

Действующая с начала 2019 года Стратегия пространственного развития Российской Федерации, согласно результатам ряда отечественных исследований, слабо проработана как в теоретическом, методологическом плане, так и методически². В статье рассмотрены методологические аспекты управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры, раскрывающие методологию пространственного развития с точки зрения концепции устойчивого развития в региональном пространственно-отраслевом разрезе. Предложена методологическая схема балансировки параметров устойчивого развития региональной пространственно-отраслевой структуры.

Ключевые слова: пространственное развитие, моделирование управления, региональная пространственно-отраслевая структура

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года №207-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (далее – СПР РФ).

Исходя из данного в СПР РФ определения пространственного развития, можно полагать, что стратегия пространственного развития является связующим звеном между стратегией социально-экономического развития и документами территориального планирования.

В СПР РФ обозначено, что целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации.

Отраслевой подход обозначен в СПР РФ в одной из ключевых задач, обеспечивающих достижение указанной цели, а именно, - повышения конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации путем обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, приведенных по перечню согласно приложению №1 (в СПР РФ).

Прежде всего, следует отметить, что в приложении №1 СПР РФ задается некоторая отраслевая структура субъектов РФ, при том, что под отраслями рассматриваются виды экономической деятельности согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОК

¹ © Мишарин Ю. В. Текст. 2019.

² Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2017. 512 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). - Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/751618>.

029-2014, утвержден Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст, ред. от 10.07.2018).

Согласно методическим рекомендациям Статистической комиссии ООН понятия «экономическая деятельность» и «отрасль экономики» определяются следующим образом:

— экономическая деятельность представляет собой процесс в виде сочетания действий, в результате которых получается определенный перечень продукции. Это достигается путем объединения ресурсов (оборудования, рабочей силы, технологий, сырья и материалов) и производственного процесса при создании конкретных товаров и производства услуг;

— отрасль экономики рассматривается как совокупность всех производственных единиц, которые осуществляют преимущественно одинаковый или сходный вид производственной деятельности.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года предпринята попытка выделить региональные пространственно-отраслевые структуры как основу эффективного пространственного развития Российской Федерации с учетом перспективной и критически важной для экономики неперспективной экономической специализации субъектов РФ.

Однако, сразу же по приложению №1 СПР РФ возникает ряд достаточно сложных вопросов в отношении отраслевой классификации перспективной и критически важной для экономики неперспективной экономической специализации субъектов РФ.

Предполагается, что такая классификация с учетом перспективности и критически важной неперспективности будет определять структуру инвестиций в развитие региональной пространственно-отраслевой структуры, обоснование вполне конкретных инвестиций.

То есть, следующим вопросом становится вопрос эффективности пространственного развития РФ как с точки зрения эффективности инвестиций, так и с точки зрения эффективности региональной пространственно-отраслевой структуры.

Исходя из результатов проведенных ранее исследований следует предположить, что эффективность региональной пространственно-отраслевой структуры (РПОС) нужно рассматривать через призму концепции устойчивого развития, которое в пространственном выражении отражается через баланс параметров развития социального, экономического, экологического и институционального пространств региональной пространственно-отраслевой структуры при опережающем потребностях населения и запросы рынка развития технологического пространства региона на основе создаваемых средств труда и знаний, способствующих воспроизводству и развитию ноосферы [3, с.130] в пределах РПОС.

Данный методологический подход, основанный на зарубежных и отечественных рекомендациях по оценке эффективности устойчивого развития, предполагает обработку более чем 400 параметров, характеризующих взаимовлияние и взаимодействие пяти видов пространств – социального, эко-

номического, экологического, институционального и технологического, для каждого из которых характерно и специфично течение собственного вида времени – социального, экономического, экологического, институционального и технологического (в последнем случае глобально выражается через смену технологических укладов).

Следует отметить, что экономическое пространство - пространство осуществления хозяйственной деятельности, где пространственно определены производительные силы и установлены производственные отношения, замыкает на себе экономически значимые элементы социального, экологического, институционального и технологического пространств по аналогии с принципом междисциплинарного синтеза. Физическое (реальное) представление экономического пространства проявляется как ограниченная какими-то рамками пространственная структура в виде территории, в т.ч. наземной, надземной и подземной, акватории надводной и подводной, аэротории, космотории ближнего и дальнего космоса. Для экономического пространства может быть представление и виртуальное (например, в виде сетевого интернет-пространства).

Нужно сделать оговорку, что само по себе пространственное развитие можно рассматривать как расширение пространства, так и его сжатие, но с возрастанием интенсивности процессов внутри него (в этом смысле интересно описание астрофизиками процессов, протекающих в объектах называемых «черными дырами», но подобие тому – процессы, свойственные крупнейшим мегаполисам).

Тогда, с экономической точки зрения, пространственное развитие можно рассматривать как совокупность и последовательность закономерных количественных и качественных изменений экономического пространства, отражающих воздействие, которое оказывают на него социальные, экономические, экологические, институциональные и технологические факторы, чем обусловлено планомерное формирование и развитие пространственной структуры производительных сил и производственных отношений, обеспечивающих воспроизводство и развитие ноосферы.

Методологически балансировка параметров устойчивого развития, способствующая достижению наибольшей эффективности управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры, может базироваться на методологии BSC (Balanced Score Card), разработанной Р. Капланом и Д. Нортеном [1, 2] и достаточно успешно внедряемой как за рубежом, так и в России.

В адаптированном нами виде методологическая схема балансировки параметров устойчивого развития региональной пространственно-отраслевой структуры представлена на рисунке 1.

В методологической схеме балансировки параметров устойчивого развития региональной пространственно-отраслевой структуры на основе методологии BSC (рисунок 1) нами выделено 6 ключевых видов стейкхолдеров: 1) население, потребители; 2) государство (руководители); 3) государство (исполнители); 4) производство (управляющие); 5) производство

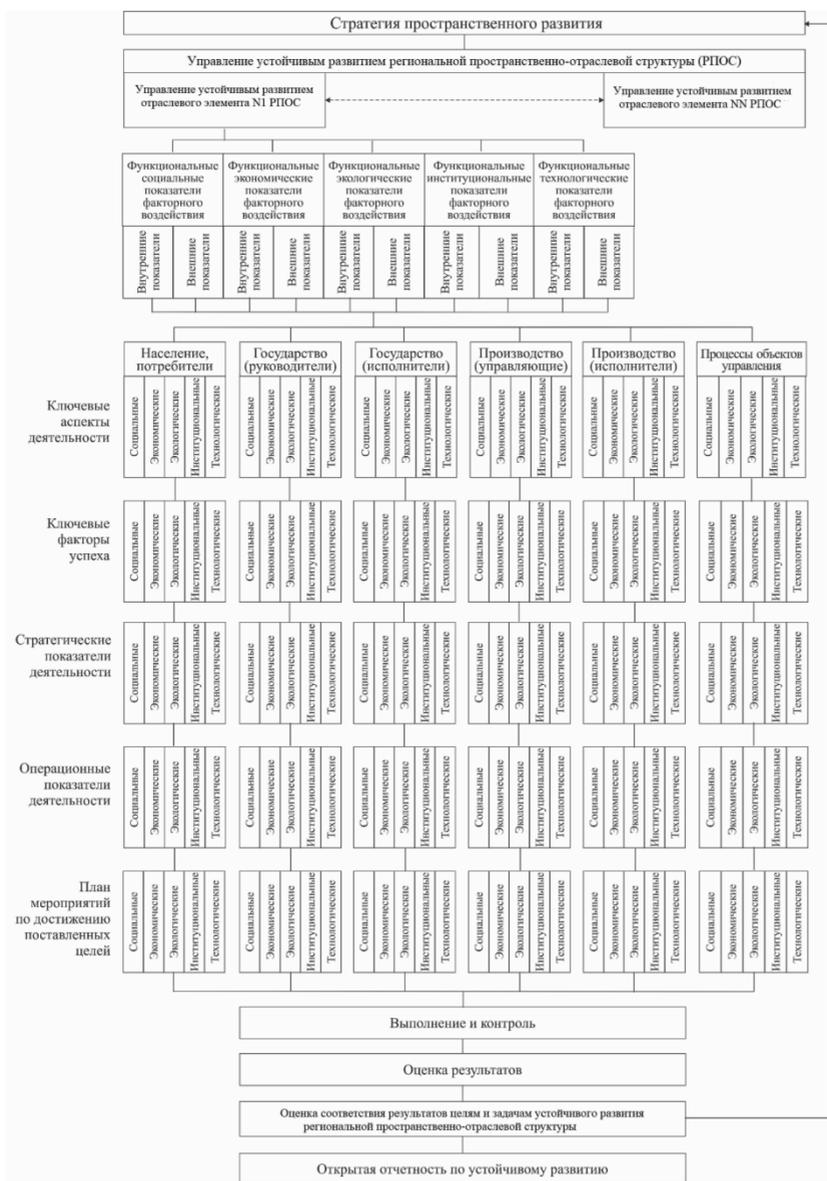

Рис. Методологическая схема балансировки параметров устойчивого развития региональной пространственно-отраслевой структуры на основе методологии BSC

Таблица

Категории сбалансированного по интересам стейкхолдеров управления устойчивым развитием региональной пространственно-отраслевой структуры

Категории управления	Вид баланса	Области балансирования		Стейкхолдеры
Движущая сила, мотивация	Баланс интересов	Потребности	Возможности	Человек, домохозяйство, корпоративный сектор, МО, субъект РФ
Действие	Баланс освоения территории	Территориальная самоорганизация населения	Государственная организация территории	Человек, домохозяйство, корпоративный сектор, МО, субъект РФ
Результат	Баланс устойчивого развития	Социальное развитие	Экономическое развитие	Человек, домохозяйство, корпоративный сектор, МО, субъект РФ
		Экологическое развитие	Институциональное развитие	
		Технологическое развитие		

(исполнители); б) процессы объектов управления (в неодушевленном виде – требования технологических процессов, в т.ч. отраслевые).

В зависимости от силы проявления влияния на характер устойчивого развития региональной пространственно-отраслевой структуры возможна и иная интерпретация групп стейкхолдеров: 1) человек; 2) домохозяйство; 3) корпоративный сектор; 4) муниципальные образования (МО); 5) субъект РФ.

Для данного примера могут быть рассмотрены следующие категории сбалансированного по интересам стейкхолдеров управления устойчивым развитием региональной пространственно-отраслевой структуры (таблица).

Представленные методологические аспекты моделирования управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры закладывают основу для разработки механизмов стратегического и оперативного управления развитием региональных пространственно-отраслевых структур и, в целом, реализации стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. – 304 с. – ISBN 5-901028-55-4.

2. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 512 с. – ISBN 5-901028-96-1.

3. Мишарин Ю.В. Теоретико-методологические подходы к определению структуры творческого процесса дизайна экономических структур // Пермский край: новые вызовы, новое время: материалы IV Пермского экономического конгресса (г. Пермь, ПГНИУ, 08.02.2018 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – Режим доступа: <https://elis.psu.ru/ident/978-5-7944-3078-3>.

к.э.н. Омонов Ж. К., к.э.н. Веретенникова А. Ю.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ¹

В данной статье с целью расширения методологии анализа социально-инновационной деятельности региона обосновано применение холистического подхода при развитии социально-инновационной деятельности, выделены принципы, требующие учета при построении механизма социальных инноваций и описан институциональный механизм в данном виде деятельности². Применение представленных методологических положений для развития социально-инновационной деятельности региона позволит создать благоприятные условия для стимулирования данного вида деятельности на различных уровнях хозяйствования.

Ключевые слова: социальные инновации, институты, принципы, холистический подход

Приоритетной задачей на современном этапе является развитие инновационного потенциала регионов. Одним из направлений его реализации является стимулирование социально-инновационной деятельности. С одной стороны, социальные инновации составляют ядро инновационного обновления общественного сектора региона, с другой – создают базу для технологического развития и повышают полезность использования нововведений в данной сфере. Отсюда следует необходимость расширения методологии анализа социально-инновационной деятельности региона. Достижение поставленной цели было реализовано посредством обоснования преимущества применения холистического подхода при развитии социально-инновационной деятельности, выделения принципов, требующих учета при построении механизма социальных инноваций и, непосредственно, описания институционального механизма в данной виде деятельности.

Современные исследования социально-инновационной деятельности, в основном, придерживаются индивидуалистского и структурного подходов. С точки зрения первого подхода, социальные инновации рассматриваются как результат действий экономических агентов, а ценности и свойства экономических агентов как факторы, которые задают развитие социальных инноваций [3-5, 9-10]. Например, представители организации “Young Foundation”, которая является одним из самых значимых фондов социальных инноваций в Великобритании, подчеркивают роль активных индивидов, которые являются главными драйверами социальных инноваций, порождающих социальные и экономические изменения [12]. Также

¹ © Омонов Ж. К., Веретенникова А. Ю. Текст. 2019.

² Указанные типы форм собственности использованы при анализе динамики состава и структуры численности занятых в статье М.Н. Кузнецовой [3].

данные авторы отмечают важность стимулирования социальных новаторов, их поддержки как со стороны государственного и коммерческих, так и некоммерческого сектора. С. Бакк И Ф. Янсен отождествляют данный подход с предпринимателем Й. Шумпетера, который рассматривался как ядро инноваций [2]. С этой точки зрения, социальные инновации – результат дальновидных экономических агентов, которые находят новые решения социальных проблем общества, сконцентрированных преимущественно на локальном уровне [1].

В рамках структурного подхода фундаментальными факторами развития социальных инноваций являются особенности социально-экономической системы. В частности, Р. Хэйскало и Т. Хамалаен [7] отмечают, что фундаментом развития социально-инновационного процесса являются устоявшаяся социальная структура и способность внедрения в общество новых идей. Ф. Лэтисс и М. Парех [8] по итогам своего качественного анализа социально-инновационной деятельности, целью которого было выявление барьеров и драйверов развития социальных инноваций, приходят к выводу о значимом влиянии социальной структуры на развитие социальных инноваций. А. Нови и Б. Лэболт [13], анализирующие такую социальную инновацию как партисипативное бюджетирование в Бразилии, отмечают, что социальные инновации – результат как исторического развития, так и ряда текущих особенностей. Они показывают необходимость многоуровневого анализа исторических и географических факторов развития. Существование и развитие структурного подхода в исследовании социальных инноваций Дж. Кажайба-Сантана [3] объясняет всепроникающим влиянием структурного функционализма при организационном анализе. Главным преимуществом структурного подхода является выделение социально-экономических контекстов и структур, которые могут быть разделены на различные категории, что является удобным для анализа. Тем не менее, данный подход встретил сильную критику как «слишком абстрактный подход, рассматривающий только экзогенные факторы».

Указанные два подхода столкнулись с серьезными недостатками, что выразилось в попытках научного сообщества развивать холистический подход к исследованию социальных инноваций, где агент и социально-экономическая система рассматривались бы как единые и взаимосвязанные явления. Например, Й. Вангель [15] отмечает, что одной из главных целей развития такого подхода является возможность комплексного проведения эмпирических исследований социальных инноваций, которая отсутствовала ранее. Ученый предлагает рассматривать холистический подход в качестве базы анализа социально-инновационного процесса, так как, во-первых, социальные инновации базируются на коллективных действиях, возникающих в социально-экономической системе, во-вторых, исторический и культурный контекст помогают понять особенности их развития. Дж. Кажайба-Сантана объединил концепции агента, социальных инноваций, институтов и социальной системы. Согласно его теоретической модели, поведение экономического агента сдерживается и стимулируется

институтами, которые понимаются как нормы, правила, соглашения и ценности. При этом поведение агента направлено на изменение социальной системы, что базируется на теории структуризации Э. Гидденса [6], согласно которой агенты представляют собой целеустремленных акторов, обладающих достаточным знанием и способностью «рефлектировать». При этом действия агента имеют способность воздействовать на социальную структуру и изменять институты, но, в то же время, могут являться объектом воздействия институтов.

Суммируя все достоинства, недостатки и особенности представленных подходов были сформулированы три принципа построения институционального механизма формирования социальных инноваций на примере региона:

1. Принцип комплексности. Построение должно охватывать экономических агентов, формирующих социальные инновации, институты, а также социально-экономические факторы.

2. Принцип отражения процесса. Институциональный механизм должен базироваться на социально-инновационном процессе, что позволит рассматривать каждый этап формирования социальных инноваций.

3. Принцип включения всех возможных вариантов. Институциональный механизм должен включать все возможные пути взаимодействия элементов.

Построение институционального механизма формирования социальных инноваций предполагало определение его элементов, возможных сценариев развития, которые были представлены как контуры, представления набора связей, показывающих взаимодействия данных элементов, а также учет цикличности инновационной деятельности в целом.

В ходе построения институционального механизма (рис.), прежде всего, были выделены его основные элементы, которые включали потенциальных новаторов как инициаторы социальных инноваций, идеи как основа для разработки проекта, непосредственно, социально-инновационный проект, институты, задающие стимулы и барьеры развития данного типа деятельности, а также общество как конечный потребитель и заказчик данного вида деятельности.

Формирование контуров развития социальных инноваций происходит в результате различного влияния формальных и неформальных институтов, также как экзогенных и эндогенных норм и правил в данном виде деятельности. Социальные новаторы, обнаружив социальную проблему в обществе при наличии условий для ее решения, прежде всего, генерируют новую идею, которая затем превращается в социально-инновационный проект и в последствии может быть институционализирована как организация. Данная инновация влияет на общество, что приводит к положительным социальным и экономическим изменениям. Общество, в свою очередь, воздействует на социальных новаторов при генерировании новых идей. При наличии неэффективных институтов основной контур может быть прерван, что не позволит решить существующую проблему должным

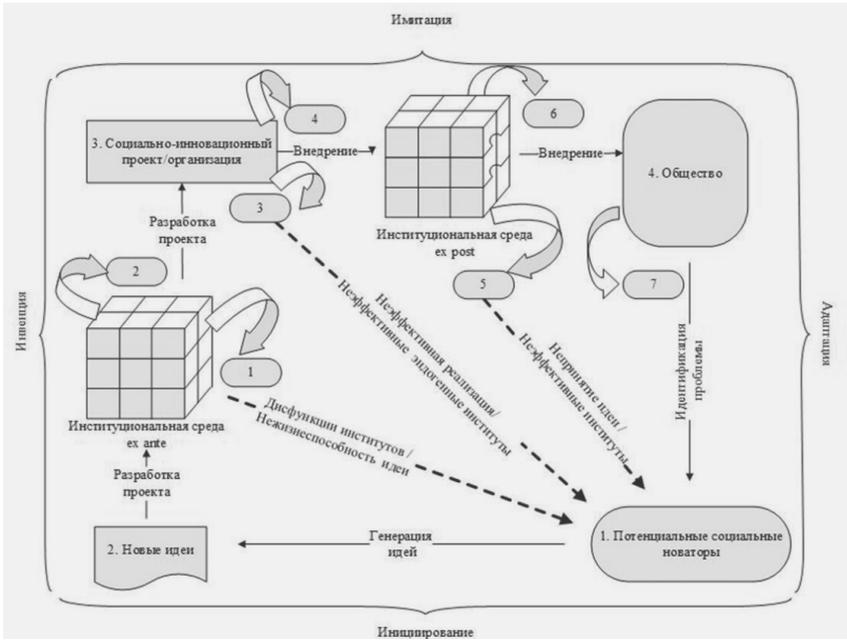

Рис. Институциональный механизм формирования социальных инноваций

образом. В этом случае проект не будет реализован и представленный цикл вернется в его исходную точку.

Региональная специфика развития социально-инновационной деятельности в данном механизме будет отражена в система действующих в том или ином экономическом субъекте институтов, которые определяются историческими, географическими, экономическими, социальными, культурными и другими особенностями. Следует отметить, что разработка институтов, стимулирующих развитие социально-инновационной деятельности на региональном уровне, позволяет выстраивать институты, обладающие такими свойствами как гибкость и инклюзивность. Однако их эффективная реализация требует привлечения дополнительных ресурсов, что обуславливает необходимость создания стимулов не только для разработчиков социальных инноваций, но и для всех участников, вовлеченных в данный вид деятельности. Преобладание неэкономических целей подтверждает необходимость вовлеченности региональных органов власти в развитие данного вида деятельности. Альтернативой формальных институтов, стимулирующих социальные инновации, будут являться неформальные институты, определяемые, прежде всего, традициями, ментальностью, национальными особенностями, характерными для той или иной территории. Акцентирование внимание на их поддержке и применении также

может выступить эффективным вектором развития данного вида деятельности.

Таким образом, эффективность социально-инновационной деятельности в регионе во многом определяется совокупностью действующих институциональных условий, требующих пристального внимания при формировании социального вектора развития экономики. Теоретическая значимость представленных результатов исследования состоит в расширении методологических оснований развития социально-инновационной деятельности регионов. Практическая значимость определена возможностью применения представленных разработок при развитии экономических институтов, способных выступить катализатором социально-инновационной активности в регионе.

Список использованной литературы

1. *Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К.* Институциональный механизм формирования социальных инноваций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* – 2016. – № 5. – С. 57-75.
2. *Bacq S., Janssen F.* The Multiple Faces of Social Entrepreneurship: A Review of Definitional Issues Based on Geographical and Thematic Criteria. // *Entrepreneurship & Regional Development: An International Journal.* – 2011. – No. 23(5–6). – P. 373–403.
3. *Cajaiba-Santana G.* 'Social Innovation: Moving the Field Forward. A Conceptual Framework'. *Technological Forecasting and Social Change*, 2014.
4. *Mulgan G.* and others. *Social Innovation: What It Is, Why It Matters and How It Can Be Accelerated.* – Oxford Saïd Business School, 2007.
5. *Caulier-Grice J., Mulgan G., Murray R.* The Open Book of Social Innovations. *Social Innovator Series: Ways to Design, Develop and Grow Social Innovations // The Young Foundation.* – 2010. – No. 30(8). – P. 224.
6. *Giddens A.* *Elements of the Theory of Structuration // The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration.* – 1984. – P. 1–40.
7. *Hämäläinen T.J.* Social Innovation, Structural Adjustment and Economic Performance in Social Innovations, Institutional Change, and Economic Performance. – Edward Elgar Publishing, 2007. – P. 52–79.
8. *Lettice F., Parekh M.* The Social Innovation Process: Themes, Challenges and Implications for Practice // *International Journal of Technology Management.* – 2010. – No. 51(1). – P. 139.
9. *Marcy R., Mumford M.* Social Innovation: Enhancing Creative Performance through Causal Analysis // *Creativity Research Journal.* – 2007. – P. 123–140.
10. *Mumford M.* Social Innovation: Ten Cases From Benjamin Franklin. // *Creativity Research Journal.* – 2002. – No.14(2). –P. 253–266.
11. General Introduction: The Return of Social Innovation as a Scientific Concept and a Social Practice. *The International Handbook on Social Innovation: Collective Action, Social Learning and Transdisciplinary Research / ed. by Moulaert F., MacCallum, Mehmood A., Hamduoch A.* – 2013. – P. 1–153.

12. *Mulgan G., Simon T., Rushanara A., Ben S.* Social Innovation: What It Is, Why It Matters and How It Can Be Accelerated, Oxford Saïd Business School, 2007.

13. *Novy A., Leubolt B.* Participatory Budgeting in Porto Alegre: Social Innovation and the Dialectical Relationship of State and Civil Society // *Urban Studies*. – 2005. – No. 42(11). – P. 2023–2036.

14. *Simms J.* Technical and Social Innovation Determinants of Behaviour. // *Systems Research and Behavioral Science*. – 2006. – No. 23(3). – P. 383–393 .

15. *Wangel J.* Exploring Social Structures and Agency in Backcasting Studies for Sustainable Development // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2011. – No.78. – P. 872–82.

д. филос.н. Павлов Б. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
ст. н. с. Пронина Е. И.
Федеральный социологический центр РАН, г. Москва
к. социол. н. Икингрин Е. Н.
профессор РАЕ, г. Уфа

ПРОЖЕКТИВНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)¹

Статья посвящена анализу одного из малоизученных аспектов процесса профессиональной социализации молодежи, связанного с формированием у студентов прожективных планов относительно своей дальнейшей профессионально-трудовой деятельности в сфере реальной экономики. Использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам профессиональной социализации уральской молодежи, проведенных в 2012-2018 гг. в Институте экономики УрО РАН. Авторы, вскрывая ряд болевых точек развития системы профессионально-трудовой социализации молодежи в старопромышленном регионе, предлагают возможные пути и средства повышения эффективности трудоустройства молодых специалистов после окончания вуза.

Ключевые слова: студенты, жизненные планы, интересы, труд, профессионально-производственная мобильность, родительская семья, Урал

Одна из центральных проблем экономической социологии – этой, сравнительно новой научной дисциплины, сформировавшейся на стыке экономического и социологического знания - изучение социально-экономического поведения не только больших и малых социальных групп, но и отдельного индивида, его объектно-субъектных отношений в сфере производственно-трудовой деятельности. Именно эта научная дисциплина и призвана интегрировать подходы к пониманию и описанию социально-экономического поведения, выработанного и опробованного в рамках как экономической, так и социологической науки. И уже в силу своего междисциплинарного статуса она не может ограничиться простой (и, на первый взгляд, самоочевидной) констатацией того факта, что у каждой из этих двух наук, следуя специфике своего предмета, применяется и свой особый подход к анализу такого поведения. Ибо научно-методологический статус междисциплинарности, «стыковых» образований в системе современной дифференцированного научного знания как раз и заключается в интеграции (объединении в целостную, непротиворечивую систему) теоретико-исследовательских интересов, ориентаций и принципов. Интегративные процессы в современной обществоведческой науке и кристаллизуются вокруг проблематики, представляющей общий научно-практический интерес [10].

¹ © Павлов Б. С., Пронина Е. И., Икингрин Е. Н. Текст. 2019.

Специфическими социальными интересами для молодёжи являются жизненное самоопределение, поиск молодыми людьми приемлемого для них социально-экономического статуса, обретение относительной автономности и независимости, способности к самообеспечению. Эти интересы для различных групп и подгрупп молодёжи не остаются неизменными, их структура динамична и способна перестраиваться в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями и изменяющимися потребностями молодежи. Одной из особенностей изменений в структуре современных социальных интересов российской молодёжи, как это фиксируется многочисленными социологическими исследованиями, становится возрастание значения материальных и снижение роли духовных интересов. Важно подчеркнуть, что на современном этапе своего развития российское общество во многом не способно предоставить молодым людям возможность законным способом реализовать возросшие материальные запросы, что выступает одной из важнейших причин распространения девиантного поведения в молодежной среде [8].

Важно осознавать, что выбор молодым человеком своего социального статуса и профессии не исчерпывает всей сложности процесса социально-профессионального и тем более жизненного самоопределения. Отсюда необходимость целостного подхода к изучению этого процесса, охват различных срезов социальной структуры общества, компоненты которых являются непосредственными объектами жизненного самоопределения молодежи, составляют содержание их профессиональной социализации. Последняя, в свою очередь, предполагает выбор и освоение профессии. Вместе с тем к концу XX – началу XXI в. к числу выраженных особенностей массового социального поведения россиян (в первую очередь молодёжи), накладывающих заметный отпечаток и на их профессионально-экономическое поведение, социологи относят высокий уровень спонтанности, незначительную роль правовых регуляторов поведения, радикализм и трудности нахождения «золотой середины», низкий уровень организации и самоорганизации социального действия, и др. [7].

Немаловажен и ещё один аспект. Следуя логике Н. Лумана, характерной чертой постсовременного общества, является не столько потребность создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации. Социально-экономическое поведение, ориентированное на такие случайности, и принятие таких альтернатив являются противоречивыми. «Все усилия основывать решения на рациональном подсчете не только остаются безуспешными, но, в конечном счете, также подрывают требования метода и процедур рациональности». По утверждению Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального» [15, p. 18].

Кратко о самом понятии «профессионально-производственная мобильность». Стремительность современных социально-экономических преоб-

разований в общественном производстве диктует спрос на специалистов, которые обладая повышенной академической и бизнес-мобильностью, стремятся к постоянному наращиванию своего информационно-профессионального потенциала, позволяющего, уметь анализировать постоянно изменяющиеся социально-экономические условия, предвидеть и прогнозировать глубинные изменения в профессиональной деятельности принимать нестандартные решения в условиях рыночной конкуренции. В разработанном Минэкономразвития России «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» ставится задача развития профессиональной мобильности при опоре на совершенствование квалификации, непрерывного обучения и переобучения, что позволит работникам повысить свою конкурентоспособность на рынке труда, реализовать трудовой потенциал в наиболее динамично развивающихся секторах экономики в соответствии со спросом [2].

В реальной практической трудовой деятельности индивида его профессионально-трудовые знания, навыки, умения, их трансформация идут в условиях (на фоне, при участии) постоянно меняющихся конкретных предприятий, производств, рабочих мест трудовых коллективов (ассоциаций). Взаимная трансформация профессии и производственной принадлежности работника по мере его трудовой биографии, может быть реализовываться в следующих многочисленных диспозициях:

Завод – «Зд»	Цех – «Ц»	Профессия «Пр»
Зд-А	Ц-А	Пр-А
		Пр-А; Пр-Б...
	Ц-Б	Пр-А; Пр-В; Пр-Г...
	Ц-В; Ц-Г; Ц-Д.....	Пр-Б; Пр-Д;...
Увольнение с Зд-А, поступление на Зд-Б		
Зд-Б	Ц-А; Ц-Б...	Пр-А; Пр-В;
Статус безработного		
Зд-В...	Ц-А; Ц-Б...	Пр-Д; Пр-Е;
....

Своеобразными полюсами интенсивности профессионально-производственной мобильности кадров на современном рынке труда могут служить, с одной стороны - так называемые, семьи-династии [3, 13, 4]. и с другой, работники-летуны. По результатам опроса, проведенного партнерами портала E1.RU, только 9% представителей предприятий и организаций столицы Урала вообще не считают «летунами» сотрудников, часто меняющих работу. То есть практически девять из десяти этот фактор учитывают и обращают внимание на частоту смены работы. Примерно столько же – каждый десятый работодатель – называет «летунами» работников, не задерживающихся в одной организации более трёх лет. А ведь в 1990-е годы подавляющее большинство сотрудников трудилось в организациях не менее 3-4

лет, и это считалось нормой. Половина респондентов – более 52% – считает, что «летунами» можно назвать сотрудников, меняющих работу чаще раза в год. Причём в комментариях к ответам представители компаний смягчают свою оценку, заявляя, что понимают всё многообразие причин возможной смены работы. Но, тем не менее, именно срок в один год является очень важным сигналом, работаешь меньше – вызываешь подозрение [11].

Прежде всего, попытаемся выделить основные объективные и субъективные причины профессионально-производственной мобильности молодых специалистов на региональном рынке труда, которые можно подразделить на две взаимосвязанные группы:

<i>Группы причин мобильности</i>		
I. Сопутствующие обстоятельства и условия приложения труда	⇔	II. Процесс, содержание и результат профессионального труда
<i>Общий высокий уровень безработицы в регионе</i>		<i>Личностное «полное» разочарование работника в правильности первоначального выбора профессии.</i>
<i>Дисбаланс спроса и предложения на конкретные специальности в регионе</i>		<i>Неудовлетворённость условиями труда на конкретном рабочем месте</i>
<i>Банкротство, закрытие, перепрофилирование предприятий, производств</i>		<i>Стремление к профессионально-производственной карьере</i>
<i>Последствия социально-природных катастроф</i>		<i>Неудовлетворенность социально-психологическим климатом</i>
<i>Реструктуризация (конверсия) предприятий, производств</i>		<i>Стремление к повышению уровня оплаты труда, получения социальных благ</i>
<i>Снижение общественного престижа и статуса профессии</i>		<i>Стремление к повышению профессионализма, компетентности, производительности труда</i>
<i>Неблаговидные, сомнительные асоциальные факты биографии индивида</i>		<i>Стремление к повышению творческого содержания труда</i>
<i>Резкие, коренные изменения жизненных (лично-семейных) обстоятельств</i>		<i>Реабилитация последствий профессионального выгорания</i>

Рис. Причины, условия и обстоятельства профессионально-производственной мобильности молодых специалистов на Урале

К разряду спонтанных, во многом, самопроизвольно-случайных и нередко неожиданных для окружающих можно отнести прожективную профессионально-производственную мобильность студентов. Попробуем более предметно, так сказать, «с цифрами в руках», рассмотреть некоторые аспекты обозначенной проблемы. Нами будут использованы результаты трёх социологических опросов, проведённых нами в 2016-2017 гг. в Институте экономики УрО РАН.

— 2016 г. в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих

детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «Техн»; педагогическую (СППУ, ЧППУ – 350 чел.) – «Пед» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «Гум» – 400 чел. Общая для опроса – «Урал-ВУЗ-2016».

– 2016-2017 гг. в рамках «инженерной» проблематики в Свердловской области по «Анкете молодого инженера» был проведён опрос 1200 инженеров (в их числе – 1000 молодых инженеров в возрасте до 30 лет) на 11 промышленных предприятиях региона, в том числе: ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.); ОАО «СТЗ» (200 чел.); АО «НПО Автоматики» (170 чел.); ОАО «НСММЗ» (45 чел.) и др. На этих же предприятиях были опрошены 230 высококвалифицированных инженеров-экспертов (анкета включала 78 содержательных вопросов) – «Урал-Завод-2017»;

– 2017 г. было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – «Урал-ВУЗ-2017».

Ниже, опираясь на результаты наших опросов, в качестве примера, дадим характеристику состояния общественного сознания уральской студенческой молодёжи по ряду аспектов их прожективного (вероятностного, желаемого, возможного) поведения в сфере профессионально-производственной жизнедеятельности.

I. Отношение к полипрофессиональному варианту социализации. В анкете проекта «Урал-ВУЗ-2016», которую заполняли 1500 уральских студентов из 7-ми ВУЗов региона предлагалось ответить на вопрос, который был сформулирован следующим образом: «Сегодня нередки случаи, когда студент пытается учиться сразу в ДВУХ МЕСТАХ, чтобы «НА ВЫХОДЕ» получить ДВА ДИПЛОМА. В связи с этим вопрос: «Как Вы лично относитесь к подобной форме получения профессионального образования?». Нашим респондентам предлагалось для выбора три варианта: вариант I – «Считаю это вполне разумным. Осваивая сразу две профессии, молодой человек обеспечивает себе потенциальный профессиональный «запас прочности» для конкуренции на рынке труда»; вариант II – «Конечно, такой вариант заманчив. Однако он требует большого напряжения сил, отказа от полноценного отдыха, развлечений»; вариант III – «Считаю это неразумным, так как, во-первых, под вопросом качество получаемой профессиональной подготовки, а во-вторых «губится» студенческая молодость». Полученные отве-

ты размещены НИЖЕ (% от общего числа опрошенных по каждой группе респондентов):

Вариант учёбы в ВУЗе	Группы респондентов							
	По полу		По профилю		По ВУЗам			
	мужчины	женщины	технический	гуманитарный	ЮУрГУ	ЧелГУ	УрГГПУ	УрФУ
Вариант I	35	42	31	44	28	31	55	35
Вариант II	39	44	47	38	52	42	38	41
Вариант III	17	12	17	12	15	19	7	19

II. Отношение к качеству профессиональной учёбы в ВУЗе. Формирование той или иной компетенции как определяющей профессионально-личностные качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремленную адаптацию к учебному процессу. О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса «Семья-ВУЗ-2017» (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу):

— в процессе своего обучения в вузе допускают «пропускать занятия без уважительной причины» – 75 % студентов ЮУрГУ, 57% – УрГУПС, 57 % – УрГАУ, 27 % – УрФУ и 53 % студентов АГАСУ;

— в процессе своего обучения в вузе допускают «пользоваться шпаргалками на экзамене» – 77 % студентов ЮУрГУ, 73% – УрГУПС, 90 % – УрГАУ, 51 % – УрФУ и 68 % студентов АГАСУ;

— в процессе своего обучения в вузе допускают «списывать» курсовые, дипломы из Интернета» – 34 % студентов ЮУрГУ, 49% – УрГУПС, 73 % – УрГАУ, 31 % – УрФУ и 29 % студентов АГАСУ.

III. Можно ли застраховать себя от от безработицы? мнения уральских студентов относительно мер, действий и обстоятельств, которые бы позволяли «страховать» их от безработицы на региональном рынке труда можно судить по результатам нашего опроса 1500 уральских студентов из 7-ми ВУЗов «Урал-ВУЗ-2016». Вопрос в анкете формулировался следующим образом: «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы быть уверенным в получении работы или не быть уволенным?». Вот мнение студентов 7-ми уральских ВУЗов (% от общего числа опрошенных по соответствующему ВУЗу).

3.1. Наиболее «надёжные, защитные» варианты действий, поведения

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Относиться серьезно к работе, стараться работать эффективнее», считали в 2016 г. 73 % студентов ЮУрГУ, 71 % - ЧелГУ, 68 % - УрГГПУ, 53 % - УрФУ, 61 % - УрГУПС, 87 % - СГПУ, 50 % - ТюмГУ; и 62 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Получить высшее образование», считали в 2016 г. 66 % студентов ЮУрГУ, 64 %

- ЧелГУ, 61 % - УрГГПУ, 53 % - УрФУ, 58 % - УрГУПС, 63 % - СГПУ, 56 % - ТюмГУ; и 59 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Изучить, знать иностранный язык», считали в 2016 г. 53 % студентов ЮУрГУ, 53 % - ЧелГУ, 42 % - УрГГПУ, 57 % - УрФУ, 41 % - УрГУПС, 41 % - СГПУ, 36 % - ТюмГУ; и 47 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «В совершенстве владеть компьютером», считали в 2016 г. 41 % студентов ЮУрГУ, 37 % - ЧелГУ, 42 % - УрГГПУ, 47 % - УрФУ, 36 % - УрГУПС, 44 % - СГПУ, 35 % - ТюмГУ; и 41 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Обучиться универсальной специальности, позволяющей работать где угодно», считали в 2016 г. 38 % студентов ЮУрГУ, 41 % - ЧелГУ, 40 % - УрГГПУ, 47 % - УрФУ, 50 % - УрГУПС, 31 % - СГПУ, 34 % - ТюмГУ; и 41 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Обучиться навыкам бизнеса, умению правильно мыслить в условиях», считали в 2016 г. 38 % студентов ЮУрГУ, 43 % - ЧелГУ, 23 % - УрГГПУ, 34 % - УрФУ, 34 % - УрГУПС, 30 % - СГПУ, 28 % - ТюмГУ; и 33 % - в целом по семи ВУЗам;

3.2. Варианты, которые могут служить хорошим «подспорьем» в конкуренции за рабочее место

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Иметь хорошее здоровье», считали в 2016 г. 20 % студентов ЮУрГУ, 25 % - ЧелГУ, 44 % - УрГГПУ, 19 % - УрФУ, 37 % - УрГУПС, 32 % - СГПУ, 36 % - ТюмГУ; и 30 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Уметь хорошо ориентироваться на рынке труда в своем городе (регионе)», считали в 2016 г. 31 % студентов ЮУрГУ, 30 % - ЧелГУ, 31 % - УрГГПУ, 29 % - УрФУ, 28 % - УрГУПС, 35 % - СГПУ, 22 % - ТюмГУ; и 29 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Получить несколько дипломов, освоить несколько профессий», считали в 2016 г. 24 % студентов ЮУрГУ, 17 % - ЧелГУ, 35 % - УрГГПУ, 27 % - УрФУ, 14 % - УрГУПС, 29 % - СГПУ, 28 % - ТюмГУ; и 25 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Иметь влиятельных родителей, знакомых, которые помогут с трудоустройством», считали в 2016 г. 28 % студентов ЮУрГУ, 23 % - ЧелГУ, 17 % - УрГГПУ, 26 % - УрФУ, 30 % - УрГУПС, 8 % - СГПУ, 29 % - ТюмГУ; и 24 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Получить правовую подготовку», считали в 2016 г. 18 % студентов ЮУрГУ, 18 % - ЧелГУ, 26 % - УрГГПУ, 22 % - УрФУ, 21 % - УрГУПС, 28 % - СГПУ, 23 % - ТюмГУ; и 22 % - в целом по семи ВУЗам;

3.3. Действия и обстоятельства, о которых «не стоит забывать»

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Получить водительские права », считали в 2016 г. 19 % студентов ЮУрГУ, 12 % - ЧелГУ, 20 % - УрГГПУ, 15 % - УрФУ, 21 % - УрГУПС, 15% - СГПУ, 16 % - ТюмГУ; и 17 % - в целом по семи ВУЗам;

— для того, чтобы не бояться в будущем стать безработным нужно «Быть просто «везучим» человеком», считали в 2016 г. 4 % студентов ЮУрГУ, 12 % - ЧелГУ, 0 % - УрГГПУ, 18 % - УрФУ, 9 % - УрГУПС, 17 % - СГПУ, 1 % - ТюмГУ; и 11 % - в целом по семи ВУЗам;

4.4. И наконец, позиция пессимистов

— Вариант ответа в анкете «Пожалуй, никто и ничто не застрахует от безработицы», выбрали в 2016 г. 13 % студентов ЮУрГУ, 14 % - ЧелГУ, 18 % - УрГГПУ, 1 % - УрФУ, 20 % - УрГУПС, 11 % - СГПУ, 29 % - ТюмГУ; а в целом - каждый шестой (16 %) – уральский студент, готовящийся «выставить» свой «свеже-дипломированный» профессионально-трудовой потенциал на региональный рынок труда.

IV. Планируемые горизонты профессионально-производственной карьеры. Особый аспект профессиональной адаптации молодых специалистов («вчерашних» студентов) – наличие условий, возможностей и стремление к перманентному административно-статусному и профессиональному росту. На вопрос анкеты «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы добиться возможности профессионального продвижения на данном предприятии?» (опрос «Урал-Завод-2017») гендерные отличия в мнении молодых уральских инженеров оказались следующими (в % от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – ответы женщин – 470 чел., в знаменателе мужчин – 530 чел.):

– соответствующее образование	– 59 / 57
– продолжительный опыт работы на предприятии	– 49 / 38
– высокая квалификация	– 48 / 55
– личные интеллектуальные способности	– 48 / 52
– наличие коммуникативных качеств	– 41 / 44
– наличие лидерских качеств (качеств «управленца»)	– 39 / 51
– хорошая стрессоустойчивость	– 33 / 32
– наличие «весомых» связей (родственники, знакомые)	– 24 / 22
– признание в коллективе	– 22 / 24
– присутствие фактора везения, удачи	– 19 / 19
– активное участие в общественной деятельности	– 11 / 14
– хорошее физическое здоровье	– 6 / 7
– знание иностранного языка	– 3 / 3

V. При каких условиях и зачем поехали бы работать и жить молодые специалисты с Урала в другие регионы РФ? «Мы продолжим активную политику привлечения инвестиций, формирования центров социального и экономического роста на Дальнем Востоке - подчеркивалось в Послании Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. - Будем создавать все

условия, чтобы люди здесь жили комфортно, приезжали сюда, чтобы население дальневосточных регионов увеличивалось» [1]. Подобные стратегические инновационные намерения в социально-экономической политике РФ реализуются и в отношении некоторых других перспективных «точек роста» экономики Федерации. В их числе, например, предприятия нефтегазодобычи в ХМАО, ЯНАО, Азово-Черноморский логистический центр, Комсомольск-на Амуре и др.

Насколько адекватно корреспондируются эти государственные мероприятия с прожективными планами и намерениями «простых» молодых уральских специалистов. В анкете проекта «Урал-ВУЗ-2016», которую заполняли 1500 уральских студентов из 7-ми ВУЗов региона предлагалось ответить на вопрос: «Если Вы (Ваша семья) допускаете возможность после окончания вуза переехать в другие регионы России, то, ради чего вы бы решились на это? (Выберите, пожалуйста, не более трёх решающих условий)». Ниже представлены ответы на этот вопрос (% от общего числа опрошенных студентов мужчин (700 чел., в числителе) и женщин (800 чел. - в знаменателе):

- улучшить финансово-материальное обеспечение семьи	- 66 / 68
- найти более подходящую работу, профессию (деловая карьера)	- 34 / 37
- улучшить жилищно-бытовые условия	- 34 / 28
- переехать в более чистые экологические условия	- 30 / 37
- обеспечить более благоприятные условия для воспитания и учёбы детей	- 21 / 25
- просто уехать на новое место, в новые условия	- 22 / 23
- создать собственную семью	- 17 / 17
улучшить здоровье старших (младших) членов семьи	- 17 / 16
- «заработать» повышенную пенсию и более ранний уход на неё	- 12 / 13

Уместным здесь считаем привести мнение уже «состоявшихся» молодых специалистов по поводу профессионально-производственной миграции. В опросе «Урал-Завод-2017» тысяче молодых инженеров ряда ведущих предприятий Среднего Урала задавался вопрос: «Если бы у Вас (вашей семьи) появилась возможность переехать в другие регионы России, на новое строительство и освоение новых регионов, то какие адреса переезда были бы для Вас более предпочтительными?». Один из вариантов вопроса формулировался так: «С Урала, скорее всего, никуда не поедут (не поехали бы) работать и жить». За этот вариант проголосовали: – 47 % инженеров «НТМК»; 44 % – «СТЗ», 48 % – «Трансмаша»; 56 % инженеров «НПО Автоматики» и 53 % экспертов Урала.

Заинтересованному и компетентному исследователю эти данные могут служить богатой базой для размышлений. Мы же здесь ограничимся лишь одним замечанием. Стойкими патриотами своего края и своего предприятия, судя по данным опроса, являются лишь примерно половина молодых

специалистов (среди мужчин – 46 %, среди женщин – 59 %). А остальные? [9, 6, 11, 12].

Более полутора веков тому назад замечательный русский педагог К.Д Ушинский писал: «Можно надеяться, что человечество, наконец, устанет гнаться за внешними удобствами жизни и пойдет создавать гораздо прочнейшие удобства в самом человеке, убедившись не на словах только, а на деле, что главные источники нашего счастья и величия не в вещах и порядках, нас окружающих, а в нас самих» [14, с. 284]. К числу таких «внутренних удобств» сегодня следует относить умение и желание молодых людей с прицелом в день завтрашний стремиться формировать и удовлетворять свои потребности, строить своё поведение, тратить своё жизненные силы и время. При этом помнить, что у каждого из нас они - не бесконечны.

Список использованной литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] URL: // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 23. 09.19).

2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/online/cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6251662886862117#0043946415299800146> (дата обращения: 25.9.19).

3. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Профессионально-производственная «династийность» рабочих семей на Урале: ретроспективный взгляд в будущее // Не расстанусь с комсомолом: сб. науч. статей к 80-летию Ю.П. Вишневого. – Екатеринбург, 2018. – С. 247-261.

4. Коган Л. Н., Павлов Б. С., Поляничко В. П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.

5. Кто теперь «летун» [Электронный ресурс]. URL: // https://www.e1.ru/articles/job/012/303/article_12303.html (дата обращения: 26.9.19).

6. Лоншакова Н. А., Павлов Б. С., Пронина Е. И., Сентюрина Л. Б. Трансформация процесса профессиональной социализации студентов на Урале: Онтогенетический аспект // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14, ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 666-671.

7. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности //Thesis. – 1994. – Вып. 5. – С. 60-120.

8. Павлов Б. С., Анисимов С. А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.

9. Павлов Б. С., Бердник Л. П., Разикова Н. И., Павлов Д. Б. Социально-экономическое самочувствие молодежи на Урале в условиях рыночных преобразований: опыт социологического мониторинга (1989-2016 гг.) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. II, ч. 3 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – С. 598-607

10. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.

11. Павлов Б. С., Кузьмин А. И., Каргаполова Е. В., Соколова (Колунина) Э. Г. Материально-денежные скрепы в отношениях уральских студентов со своими родителями // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14, ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – С. 696-702.

12. Суховой А. Ф., Павлов Б. С., Павлов Д. Б., Шевелёва А. А. Труд молодых инженеров на уральских заводах: Дисбаланс претензий и реалий // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 14, ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – С. 900-906.

13. Ткач О. А. Заводская династия как социально-культурный феномен: советский и постсоветский периоды: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Санкт-Петербург, 2008.

14. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Просвещение, 1968. – 560 с.

15. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. – N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. – 236 p.

к.э.н. Пасынков А. Ф., Лопатин В. М.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РАЗМЕРОВ СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ И РЕГИОНА¹

Рассматриваются теоретические основы понятия «сектор государственного управления». Анализируется российский и зарубежный опыт методологии расчета доли государственного сектора в экономике страны. Выделены проблемы методологического характера при определении сектора в экономике регионов РФ.

Ключевые слова: государственный сектор, сектор государственного управления, масштабы общественного сектора, методики расчета

К настоящему времени, в статистической и научной литературе отсутствует единый подход к определению государственного сектора экономики. В связи с этим, возникает некоторые трудности в установлении количественного размера, и как, причина, определения границ государственного сектора, и поэтому проблема исследования теоретических основ данного понятия представляется достаточно актуальной.

В первую очередь стоит отметить, что очень часто понятие «государственный сектор экономики» отождествляется с понятием «общественный сектор». Это связано с тем, что государство, как известно, представляет интерес граждан, членов общества, поэтому государственный сектор экономики и называют общественным сектором. В специализированной литературе и других источниках, дается, как правило, упрощенная трактовка данного понятия - под «государственным сектором» обычно понимается комплекс хозяйствующих субъектов, целиком принадлежащих центральным или местным органам власти [8].

Так, например, современный экономический словарь дает следующее определение рассматриваемого понятия. «Государственный сектор экономики – это совокупность проводящих экономическую деятельность предприятий, организаций, учреждений, находящихся в государственной собственности и управляемых государственными органами и нанимаемыми ими лицами»².

В Методологических положениях по статистике Росстата, государственный сектор трактуется, как совокупность институциональных единиц сектора государственного управления и двух типов юридических лиц:

— корпоративные юридические лица, владельцем более 50 процентов акций (долей) которых являются публично-правовые образования или го-

¹ © Пасынков А. Ф., Лопатин В. М. Текст. 2019.

² База данных показателей муниципальных образований Росстат РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.03.2019).

сударственные (муниципальные) бюджетные, автономные учреждения (за исключением корпоративных юридических лиц, являющихся институциональными единицами сектора государственного управления);

— унитарные юридические лица, полномочия собственника которых осуществляют юридические лица, включаемые в сектор государственного управления (за исключением унитарных юридических лиц, являющихся институциональными единицами сектора государственного управления).

В государственный сектор включаются единицы сектора государственного управления и финансовые и нефинансовые корпорации, соответствующие установленным выше критериям[1,2].

Система национальных счетов 2008 года (СНС-2008) дает очень расширенную и глубокую трактовку государственного сектора – сектор государственного управления наряду с органами государственного управления включает некоторые НКО и производственные единицы, являющиеся частью органов государственного управления, которые не рассматриваются как корпорации. Государственный сектор включает сектор государственного управления и государственные корпорации. Размеры государственного участия в экономике зависят от экономической и социальной эффективности государственного сектора экономики [3, 4].

Обобщая приведенные определения, можно сказать, что государственный сектор представляет собой совокупность ресурсов и факторов производства экономики, находящихся в распоряжении государства или подлежащие контролю с его стороны.

В докладе МВФ по отдельным вопросам экономики России №18/276 говорится, что, размеры государства в России велики, и значительно увеличились за последние несколько лет. Рост размера государства, расширил сферу его влияния, вытесняя частный сектор и оказывая негативное воздействие на динамизм экономики. Согласно этой точке зрения, размер государства в России удвоился и достиг 70 процентов ВВП. Это утверждение было основано на сопоставлении оценок ЕБРР размера государства в России в 2005 году, с отношением доходов государственного сектора к ВВП в 2012 году. В том же докладе говорится, что специалистами МВФ было сделано несколько попыток оценить долю государства в ВВП России. Несмотря на наличие многочисленных оценок размеров государства, все они связаны с методологическими и другими проблемами. Тем не менее, из имеющихся данных вытекают несколько согласованных заключений:

1) доля государства в России значительно меньше 70 процентов ВВП, большинство показателей указывают на диапазон 30–35 процентов;

2) в последние несколько лет не наблюдалась четкая тенденция к росту размеров государства в России, хотя присутствие государства усилилось в некоторых секторах, таких как банковская деятельность и добыча нефти;

3) размеры государства в России относительно велики по международным стандартам.

Также в докладе МВФ отмечаются теоретические недостатки в имеющихся оценках доли государства в экономике. К ним относятся: отсутствие

анализа доли государства по отраслям, учет доли государства только в официальном секторе, без исследования неформальной доли, неопределенность рамок государственного сектора и т.д. [5].

В таблице представлены данные о размерах доли государственного сектора в некоторых странах ОЭСР.

Таблица

Размер государственного сектора в некоторых странах ОЭСР, 2017 г. [8]

Страна	Государственные расходы к ВВП, %
Франция	55
Швеция	49
Германия	44
Италия	48
Канада	40
Испания	41
Япония	39

Из приведенных данных видно, что размер государственного сектора в развитых странах ОЭСР составляет от 40 до 50%. Такие данные, свидетельствуют о высокой доле влияния сектора государственного управления на экономическое развитие стран, даже выше, чем в России (по версии МВФ). Так почему же многие экономисты указывают на чрезмерную долю государства в России? Приведем оценку доли государства российских ученых, возможно международные организации не вполне оценивают масштаб проблемы в России.

Российское измерение вклада сектора «Государственное управление»

Так, в статье А.Абрамова, И.Аксёнова, А. Радыгина, М.Чернова «Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика» говорится, что сводные расчеты свидетельствуют о росте государственного присутствия в экономике — с 39,6% ВВП в 2006 году до 46,0% в 2016-м. В течение 2006–2016 годов консервативно оцениваемая доля компаний с государственным участием в ВВП выросла с 20,2% в 2006 году до 25,3% в 2016-м, а доля сектора государственного управления — с 16,9 до 19,2% ВВП. В работе указывается, что в сравнении с другими странами, относительные размеры капитализации, численности занятых и вклада в ВВП российских компаний с государственным участием являются значительными и имеют тенденцию к росту. В то же время доля сектора государственного управления (как показатель расходов в экономике) в России соответствует среднему уровню для стран — членов ОЭСР, в то же время наметилась тенденция к росту. [2].

В докладе ФАС о состоянии конкуренции в РФ за 2016 год отмечается, что ключевой проблемой развития экономики остаются государственно-монополистические тенденции в экономике, которые приводят к усилению позиций монополий, усложняют конкурентную политику, усиливают

монополистические тенденции в неконтролируемом государством экономическом пространстве. Размер государства по подсчетам ФАС достиг 70%, однако методология исследования не приводится, поэтому оценка является неподтвержденной расчетами [9].

Свою оценку привели и эксперты Центра стратегических разработок (ЦСР). Согласно их подсчетам, приведенным в докладе «Эффективное управление государственной собственностью в 2018-2024 гг. и до 2035 г.», доля госсектора в ВВП в 2016 году составила 46%. Отмечается, что данный показатель — это средняя «температура по больнице»: в ряде секторов государство играет более значимую роль. Чтобы получить более точные данные, эксперты ЦСР оценили степень участия государства в тех или иных секторах, подсчитав долю выручки госкомпаний в совокупной выручке 100 компаний каждой из отраслей экономики. К расчету не принимались компании, доля участия государства в которых составляет менее 50% + 1 акция, а также социальный сектор, представленный бюджетными учреждениями. Источником данных служила неконсолидированная отчетность компаний по РСБУ за 2015 год — это позволило отнести к различным секторам экономики дочерние компании холдинговых структур: к примеру, «дочки» «Сбербанка», ведущие бизнес в сфере IT, были отнесены к сектору информационных технологий, а «дочки» «РЖД», оказывающие образовательные услуги, — к сектору образования.

Подсчеты ЦСР также показали, что в транспорте, энергетике и добыче полезных ископаемых на долю госкомпаний приходится свыше двух третей совокупной выручки крупнейших 100 компаний, а в финансах и страховании — почти половина. Чуть более четверти доля государства составляет в коммунальном хозяйстве и машиностроении, а чуть менее четверти — в телекоммуникациях и строительстве. К наименее зависимым от государства секторам относятся металлургия, фармацевтика и легкая промышленность, где доля государства не достигает 5%, 3% и 1% соответственно [6].

Очевидно, что, несмотря на значительный разброс данных и различие в методиках оценки и расчета доли государственного сектора, все вышеописанные точки зрения свидетельствуют о росте размеров государственного сектора в экономике России. Если сравнивать эти данные со странами ОЭСР, то можно сделать вывод, что масштабы государственного сектора сопоставимы с развитыми странами-членами этой организации.

Если рассматривать региональный аспект влияния государственного сектора на экономику субъекта РФ, то в этом плане исследований практически не проводилась. Одной из немногих публикаций выступает работа Кемеровских исследователей Курбатовой М. В., Каган Е. С., Вшивковой А. А., где был разработан интегральный показатель, отражающий объёмы государственного сектора экономики субъектов РФ. Комплексная оценка, по их мнению, отражает разные аспекты рассматриваемого явления, то есть основан на исследовании доли государственных структур в различных сферах деятельности региона — инвестициях, занятости, институциональной структуры и т. п. [1]. В итоге, по расчетам исследователей, нависшая зави-

симось от государственного управления присутствовала в Чукотском автономном округе и Забайкальском Крае, наименьшая доля государства наблюдается в Республиках Татарстан и Коми.

Как видно из представленного анализа, основным «камнем преткновения» при оценке масштабов присутствия государственного сектора в экономике России выступает оценка зависимости не финансовых корпораций от государственных структур.

Это же относится к региональному уровню, поэтому для повышения точности и объективности оценок размеров государственного сектора, на наш взгляд, необходимо разработать методику расчета масштабов общественного сектора на уровне субъекта РФ. Особенно это актуально для России, чья экономика характеризуется значительной дифференциацией регионов по уровню социально-экономического развития. Ввиду этого, необходимо учитывать тот факт, что наличие подобного разброса по социальным, экономическим и другим характеристикам, требует различной степени участия государства в том или ином регионе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проекта № 18-010-01001 «Сектор «Государственное управление»: формирование финансовых балансов регионов и муниципальных образований на основе принципов Системы национальных счетов»

Список использованной литературы

1. Курбатова М. В., Каган Е. С., Вишневкова А. А. Оценка масштабов государственного сектора регионов РФ и их взаимосвязи с уровнем экономического развития // «Вопросы регулирования экономики» 2016. №3. Т.7 С. 7-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://hjournal.ru/journals/journal-of-economic-regulation/2016-god/162-nomer-3/1354-otsenka-masshtabov-gosudarstvennogo-sektora-regionov-rf-i-ikh-vzaimosvyazi-s-urovнем-ekonomicheskogo-razvitiya.html> (дата обращения 13.09.2019 г.).

2. Абрамов А., Аксёнов И., Радыгин А., Чернова М. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 36–69.

3. Бабленкова И. И. Государственное регулирование и государственный сектор в современной региональной экономике России // Экономика. Налоги. Право [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvennoe-regulirovanie-i-gosudarstvennyy-sektor-v-sovremennoy-regionalnoy-ekonomike-rossii> (дата обращения 13.09.2019 г.).

4. Шицко А. В. Оценка масштабов государственного сектора в национальной экономике // «Евразийский научный журнал». 2016. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://journalpro.ru/articles/otsenka-masshtabov-gosudarstvennogo-sektora-v-natsionalnoy-ekonomike/> Дата обращения 13.09.2019 г.

5. Доклад МВФ по России № 18/276 [Электронный ресурс]. URL: https://aurora.network/images/Власик%20АИ/cr18276r_1.pdf Дата обращения 13.09.2019 г.

6. Доклад Центра стратегических разработок «Эффективное управление государственной собственностью в 2018-2024 гг. и до 2035 г.» [Электронный ре-

сурс]. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Doklad_effektivnoe_upravlenie_gossobstvennostyu_Web.pdf (дата обращения 13.09.2019 г.).

7. Экономика общественного сектора: учебник / Е. В. Пономаренко, В. А. Исаев. – М.: КНОРУС, 2018. – 320 с.

8. Система национальных счетов - 2008. / Нью-Йорк: Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций и Всемирный банк. – 2012. – 764 с. (Под ред. проф. Ю. Н. Иванова Ю. Н.) [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesf/SeriesF_2Rev5r.pdf (дата обращения 13.09.2019 г.).

9. Доклад ФАС о состоянии конкуренции в РФ за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/596439> Дата обращения 13.09.2019 г.

к.э.н. Патрушева С. Б.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ВЗАИМОСВЯЗЬ АДАПТАЦИИ И ИННОВАЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ¹

В статье дается понятие инновации, трактовка этого понятия разными авторами. Адаптацию населения очень важно рассматривать с любой точки зрения (экономической, экологической, социальной). Необходимо использовать передовые производственные технологии не только в производственную сферу, но и в социальную сферу (медицина, образование, здравоохранение). Автор предлагает такой вид адаптации, как заинтересованная адаптация, когда люди быстро адаптируются к новшествам и это для них представляет огромный интерес.

Ключевые слова: адаптация, инновация, регион, взаимосвязь, статистика

Инновация, нововведение (англ. innovation) — это внедрённое новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Является конечным результатом интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации. Примером инновации является выведение на рынок продукции (товаров и услуг) с новыми потребительскими свойствами или качественным повышением эффективности производственных систем [1].

Термин «инновация» происходит от латинского «novatio», что означает «обновление» (или «изменение»), и приставки «in», которая переводится с латинского как «в направление», если переводить дословно «Innovatio» — «в направлении изменений». Само понятие innovation впервые появилось в научных исследованиях XIX в. Новую жизнь понятие «инновация» получило в начале XX в. в научных работах австрийского экономиста Й. Шумпетера в результате анализа «инновационных комбинаций», изменений в развитии экономических систем.

Особенностью экономического учения инноваций Й. Шумпетера является стремление познать существующую традиционную экономическую реальность и раскрыть сущность, содержание и формы инновационного поведения, которое инициирует динамичное развитие действующего производства и вызывает потребность в крупных вложениях. Перечисленные изменения можно отнести к действиям по созданию новых производств, продукции, а «осуществление новых комбинаций» — к инновационным изменениям, в которых впервые раскрываются экономическая сущность понятия «инновация».

Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в общем числе обследованных организаций в авторском понима-

¹ © Патрушева С.Б. Текст. 2019.

нии этих инноваций недостаточно должны быть обязательно включены социальные инновации, т.к. необходимо включать инновации в социальную сферу (здравоохранение, образование, наука, культура) и инновации во все сферы жизнедеятельности человека. В авторском понимании предлагаются следующие данные:

Используемые передовые производственные технологии

Если просмотреть данные используемые передовые производственные технологии, то можно увидеть, что в РФ за 2017 г. составила 240054, в Центральный федеральный округ — 77966, Москва — 20649, а в Ивановской области и в Брянской области показатели выросли. Москва с большими возможностями, с перспективным развитием и настолько показатель вырос по сравнению с прошлым годом. Необходимо использовать передовые производственные технологии не только в производственную сферу, но и в социальную сферу (медицина, образование, здравоохранение).

Таблица 1

Используемые передовые производственные технологии

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	140983	203330	191650	191372	193830	204546	218018	232388	240054
ЦФО	46683	68945	63078	62796	60829	65591	69588	72648	77966
г. Москва	11057	20021	17205	17948	14830	15645	18838	18800	20649
Ивановская область	432	512	486	624	744	856	935	720	933
Брянская область	690	1021	1066	1221	1225	1281	1456	1512	1603

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб./Росстат. М., 2018. 1162 с. С. 944.

В зависимости от оснований и критериев выделяют разные виды и формы адаптации, например добровольную и вынужденную, «позитивную» и «негативную» [2]. Социальная адаптация сельского населения представляют собой определенную совокупность сложных многоаспектных процессов [3]. Их исследование имеет важное научное значение для понимания особенностей поведения сельского населения и требует междисциплинарного подхода с учетом социокультурных, экономических, политических, психологических факторов. Добровольная адаптация, когда люди переходят на новую технику, технологию, привыкают к новым технологиям, имея при этом большое желание им интересно пользоваться новыми телефонами, которые необходимы не только, как средство общения, но и для работы. Вынужденная адаптация это когда люди вынуждены переходить на новшества, а у людей нет желания или времени осваивать новую технику, а с них требуют. Я бы хотела бы предложить такой вид адаптации, как заинтересованная адаптация, люди быстро адаптируются к новшествам и это

для них представляет огромный интерес. Мы предлагаем выделять социальную адаптацию в зависимости от того уровня или социального среза, к которому относится ее среда. В этом смысле можно говорить о двух ее видах. Первый, исходный – адаптация, происходящая в среде, в которой непосредственно и осуществляется жизнедеятельность: адаптация к профессии, работе, учебе, к коллективу (социально-психологическая адаптация), приспособление к особенностям и условиям жизни по месту жительства и др. Второй уровень (срез) предполагает адаптацию к макросоциальной среде.

На этом уровне объектом освоения выступает социум, общественные отношения и характер социальных взаимодействий. Критерий адаптации на этом уровне – принимают или не принимают индивиды социально-экономические, социально-политические, социально- культурные и другие отношения и условия жизни, насколько они готовы интегрироваться в эти условия. Эти два уровня представляют ступени и звенья единого процесса. Адаптация в социуме осуществляется через приспособление к непосредственной среде жизнедеятельности, близкому социальному окружению. Общество воспринимается и оценивается во многом в зависимости оттого, удалось или не удалось индивиду «вписаться» в свою первичную среду [4].

Учет этого вида адаптивных средств чрезвычайно важен для социологии. Современная действительность дает обширный материал по этому поводу. Так, общеизвестно, что статус столичного жителя в наше время означает более широкие возможности включения в быстроразвивающуюся рыночную среду, чем статус провинциала или жителя сельской глубинки. Рассмотрим более подробно основные типы адаптационного процесса. Критерием различия типов адаптационного процесса является вектор активности адаптации, ее направленность:

1. Активное воздействие на социальную среду (адаптация «наружу»).
2. Пассивное, конформистское принятие целей и ценностных ориентаций группы, но, следовательно, активное самоизменение, самокоррекция в соответствии с требованиями среды (адаптация «внутри»).
3. Вероятностно-комбинированный тип адаптации, основанный на использовании обоих вариантов.

Выбор того или иного варианта осуществляется в результате оценки личностью вероятности успешной адаптации при разных типах адаптационной стратегии («внутри» или «наружу»). При выборе стратегии личностью оцениваются:

- требования социальной среды – их сила, степень ограничения целей личности, степень дестабилизирующего влияния и т. п.;
- потенциал личности в плане изменения, приспособления среды к себе.

Системная социальная адаптация (Re-адаптация) – есть адаптация по внутреннему и внешнему критериям; это появление нового системного образования – способности личности к самоактуализации в гармонии с реальным социумом.

Организации, выполнявшие научные исследования и разработки

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	3566	3492	3682	3566	3605	3604	4175	4032	3944
ЦФО	1393	1358	1365	1318	1327	1313	1523	1461	1445
г. Москва	787	749	733	710	727	709	811	752	748
Ивановская область	30	21	17	20	19	20	23	24	23
Брянская область	20	17	23	21	21	22	19	22	20

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб./Росстат. М., 2018. 1162 с. С. 899.

Исследуя данную таблицу организаций, выполнявших научные исследования и разработки в РФ в 2005г.3566, а в 2017г.3944; в ЦФО в 2005г.1393, в 2017г. 1445; г. Москва 2005г.787, в 2017г. 748. В ЦФО организации выполняют научные исследования и разработки, хотелось внедрять инновации. Автор пришел в удивление, показатель колеблется, организации не активно выполняют научные исследования и разработки, а в Ивановской и Брянской области показатели очень низкие. В этих областях не выполняются научные исследования и разработки.

Ивановская область славящаяся текстильной промышленностью Иваново. Здесь текстильная промышленность считается одной из лучших. Инновации на данную территорию можно внедрять в производство текстильной промышленности.

Статья I. В Ивановской области адаптация населения идет быстрее, т.к. здесь производят текстильную промышленность (Ивановская постель), людям есть, чем где работать, чем заниматься, что производить.

Статья II. Экологические проблемы.

В результате аварии на Чернобыльской АЭС26 апреля1986 года часть территории Брянской области была загрязнена долгоживущими радионуклидами (главным образом Злынковский, Климовский, Клинцовский, Новозыбковский, Красногорский и Гордеевский районы)[8]. В 1999 году на территории с уровнем загрязнения выше 5 Ки/км² проживало 226 тыс. человек, что составляет примерно 16 % населения области.

Мы считаем, что из-за загрязнения окружающей среды адаптация у населения проходила тяжело, сейчас возможно эта ситуация забывается. Возможно, в данной области люди не так активно вводили инновации. В научных исследованиях и разработках, наблюдается стабильность (показатели примерно остаются на одном уровне, причем очень низком).

В исследовании мы рассмотрели, как происходит взаимосвязь адаптаций и инноваций в развитие региона. Если будут инновации на данных территориях или областях, то адаптация населения будет происходить бы-

стрее и эффективнее, будет улучшаться уровень и качество населения, что будет способствовать повышению уровня и качества жизни населения.

Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019-2022 гг.

Список использованной литературы

1. Инновация [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152267>.

2. *Капица С. И.* Особенности механизма социальной адаптации экономически активного населения к изменениям рынка труда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 314-320.

3. *Кошарная Г. Б.* Стратегии социальной адаптации сельского населения в современном российском обществе: региональный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4 (8). – С. 154-162.

4. *Реан А. А.* К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбГУ. – 1995. – Сер. 6. – Вып. 3.

5. *Пацюрковский В. В.* Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 90–99.

д.э.н., проф. Потехин Н. А., к.э.н. Потехин В. Н.
Уральский государственный аграрный университет
г. Екатеринбург

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ¹

Дается критический анализ накопленного опыта и обосновывается альтернативный подход к решению проблемы эффективного социально-экономического развития страны и регионов на основе учета расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов, системно-целостной междисциплинарной методологии, единиц измерения в кВт/час, обеспечивающих адекватное и полное познание структуры, содержания, объективного механизма развития и механизма рационального управления по уровням хозяйствования.

Ключевые слова: совокупность всеобщих и социально-экономических законов, системно-целостная междисциплинарная методология, объективные единицы измерения процессов производства и управления

Наиболее распространенные в мировом сообществе современные направления марксизм-ленинизм и постиндустриализм страдают едиными недостатками в теории, методологии и практике управления, которые активно применяются в региональной экономике [5; 6]. Характерным для обоих направлений является: во-первых, повсеместное применение неадекватных теорий, методологий, волюнтаристских практик управления, схоластики в науке, обеспечивающих корыстные цели и интересы элиты страны [4]; во-вторых, отсутствие в теориях объективного основного закона развития человека-общества в природе [3; 5]. Имеются лишь религиозно-политические и классово-политические утверждения в виде основной цели способов производства – «удовлетворение постоянно возрастающих общественных потребностей» и – «получение прибыли», не имеющих научного подтверждения; в-третьих, устанавливаются ложные системы целей, принципов, критериев, развития человека-общества в природе [4] и субъективные показатели измерения жизнедеятельности общества. По этой причине экономика и управление не стали еще системными науками [7]; в-четвертых, методологии обеспечивают лишь частичное, «кусочное», неполное познание в условиях высокой степени неопределенности, а потому выводы и рекомендации определяются субъективными восприятиями и такими же мнениями советников-ученых; в-пятых, в централизованном и рыночном управлении и самоуправлении превалируют субъективно-договорные подходы и тупиковое ручное управление.

Оба направления повсеместно учитывают в исследованиях и расчетах лишь действие закона сохранения энергии, линейные модели и линейную математику, отражающие изменения в неживой материи, которые негод-

¹ © Потехин Н. А., Потехин В. Н. Текст. 2019.

ны для познания социально-экономических процессов, но широко используются в практике [6; 7; 9]. Этим авторы обоих направлений ограничивают научную базу развития науки и ставят ее на субъективную основу [3]. В 1873 году был открыт закон сохранения полной мощности, который характеризует жизнедеятельность человека-общества в природе и отражает выполненную работу обществом, измеряемую в кВт/час [2; 3; 8; 12]. Но его по неизвестным причинам не используют в системе образования, теории, методологии экономики и управлении страной и регионами.

Исходя из изложенного, можно сделать вполне аргументированные выводы о том, что: 1) все названные общие недостатки свойственны теориям, методологиям современной региональной экономики и практикам управления; 2) дальнейшее использование такого опыта будет только усиливать деструктивные процессы в стране и регионах; 3) назрела объективная необходимость и возможность в незамедлительной разработке объективной экономической теории, системно-целостной междисциплинарной методологии, системы управления нового поколения, обеспечивающих рациональное развитие и управление по всем уровням хозяйствования.

Регионы являются источником всех доходов элиты государства и получаемого совокупного общественного продукта страны. Однако по государственной статистике за 2018 год из 85 регионов только 12 имели профицитный бюджет. Остальные – 73 из них были дотационными. Отмеченное положение сохранилось и свидетельствует о неспособности или нежелании государства и науки обеспечить рациональную внутреннюю социально-экономическую политику развития в регионах.

Более глубокий анализ позволил выявить сущностную причину наблюдаемых комплексных недостатков в экономике России. Уже несколько тысячелетий была навязана силовыми методами и применяется на практике религиозно-политическая дискриминационно-деградационная исходная модель жизнедеятельности человека-общества в природе – «Тиран-Жертва» [16]. Соответственно модели сформировались: однополярное общество в виде элиты и ее преимуществ над обществом и государством; часть населения для обеспечения всех преимуществ элиты (3,9%); остальная часть населения (96%) для создания всех благ и услуг элите. Законодательно принимаются пакеты нормативных актов, обеспечивающих все преимущества элиты над обществом и государством. Данная модель полностью определяла и определяет направления и границы развития всех фундаментальных, естественных, прикладных, общественных наук и практики управления по уровням хозяйствования, обеспечивая сохранение господства элиты [1; 14; 17].

Сообразно требованиям данной модели проведено в России разделение властей и системы управления на три ветви, каждая из которых занимается преимущественно развитием конкуренции (закреплено в законодательстве) и ручным управлением на своем уровне, но не научным обоснованием координации, организации и согласования по вертикали и горизонтали общественного воспроизводства. Общеизвестно, что конкуренция и кри-

зисы (ее спутники) являются древними методами незаконного извлечения доходов у рядовых производителей и всего населения, широко применяемые в современной России. В таких условиях учет объективных всеобщих и социально-экономических законов в управлении по уровням хозяйствования будет лишь препятствовать субъективизму, волюнтаризму, схоластике в науке и практике. В настоящее время многие ученые, защищая свои рекомендации, к сожалению, не могут обосновать научность и не знают, какие законы природы они учитывают в своих разработках [3].

Отсюда, решение комплексной проблемы перспективного развития современной теории и методологии региональной экономики становится возможным лишь при переходе к объективной, подлинно гуманной исходной модели «Каждый человек хозяин своей жизни» [16], предполагающей разработку и повсеместное использование качественно новой научной базы, адекватной теории, системно-целостной междисциплинарной методологии, объективных единиц измерения и системы рационального управления по уровням хозяйствования.

Переход России на рациональное развитие и управление региональных экономик всей страны, на системный уровень экономической и управленческой науки по уровням хозяйствования становится возможным лишь при разработке и повсеместном использовании качественно новой общенациональной перспективной идеи устойчивого развития, обеспечивающей постоянный многократный рост производительности труда и повышение высокими темпами качества жизни всего населения страны.

Обобщение отечественного опыта позволил нам выделить общенациональную стратегическую идею. Ею является форсированное осуществление Второй индустриализации России [2], охватывающей воедино цели, интересы, потребности, возможности дальнейшего роста каждого человека и всего общества на качественно новой научной базе, инновационной технологической, кадровой, управленческой основе, обеспечивающих выход из внутренних и внешних системных кризисов, устойчивое развитие, многократный рост производительности труда и благосостояния всего населения страны поэтапно – 1,5-2 года создание в ведущих отраслях и регионах мобильных супертехнологических комплексов на новых физических и социально-экономических принципах [18]; в последующие 3 года – их повсеместное распространение по всем отраслям и регионам; в течение последующих 5-7 лет обеспечение мирового лидерства по регионам и ведущим отраслям России [2; 12; 13].

Решение данной комплексной задачи предполагает разработку и повсеместное использование системно-целостной междисциплинарной методологии во всех сферах [11]. Исходным здесь является выделение совокупности всеобщих и социально-экономических законов, определяющих рациональное развитие человека-общества в природе, нарушение которых

приводит к известным современным, системным кризисам и гуманитарным катастрофам¹. К ним, на наш взгляд, относятся законы:

- сохранения полной мощности [2; 3; 8];
- золотого сечения Фибоначчи;
- сохранения кинетронного импульса [18];
- сохранения энергоинформационного потенциала [15];
- развития социально-экономических систем на основе постоянного
- увеличения полезной мощности общества С.А. Подолинского [10];
- воспроизводимости природных ресурсов;
- синергии – объединения объектов живой и неживой природы;
- экономии времени;
- роста производительности труда;
- возвышения потребностей;
- цикличного развития – эволюции социально-экономических систем;
- и другие [11].

Учет действия закона сохранения полной мощности создает возможность рассматривать все социально-экономические и управленческие процессы через призму его проявления, выполненной обществом работы по уровням хозяйствования, измеряемой в кВт/час. Кузнецов П. Г. в этой связи выделил единицу размерности для регионов – 1 МГ – бюджет социального времени одного миллиона человек в год². В дополнение к этому нами были выделены основные социально-экономические формы проявления этого закона в виде: доли полезных затрат-результатов и доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального свободного и рабочего времени [2; 12].

Каждый человек и общество при любом строе объективно заинтересованы, чтобы доля полезных затрат-результатов постоянно увеличивалась, а доли бесполезных, вредных и потерь постоянно уменьшалась. По существу всеобщий закон сохранения полной мощности в виде выделенных нами социально-экономических форм его проявления отражает смысл, главную цель и основной закон развития человека-общества в природе при любом строе, который понятен даже школьнику. Создается возможность всю деятельность измерять в кВт/час. Только так можно создать реальные условия для устойчивого развития индивида-общества по уровням хозяйствования. Нарушение этого объективного закона приводит к деградации и самоуничтожению человечества. Зная действие данного закона, каждый человек перед началом своих действий-бездействий всегда будет ставить вопрос: «Что хорошо и что плохо» в конечном итоге для него самого, семьи, общества и природы?

¹ См. подробнее: Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. 2012. 9 декабря.

² На основе использования 1МГ разрабатывался пятилетний план социально-экономического развития Латвийской ССР по заданию Совмина СССР. Получен положительный результат.

На основе анализа и синтеза с выделенных позиций накопленного отечественного и зарубежного опыта нами впервые был определен и сформулирован, апробированный многократно в теории и практике, необходимый и достаточный набор системно-целостных междисциплинарных инструментов. Он насчитывает двенадцать комплексных инструментов, последовательное использование которых обеспечивает полное и в условиях определенности познание структуры, содержания, объективного механизма общественного воспроизводства и механизма рационального управления по уровням хозяйствования [11].

Использование всех междисциплинарных инструментов осуществляется на основе и с учетом: объективных единиц измерения (в кВт/час); системы воспроизводственных циклов и фаз общественного производства; системно-целостного уровня познания; социально-экономических инвариантов; адекватных социально-экономических моделей по уровням хозяйствования (предполагает применение нелинейной математики и соответствующего программного продукта); концептуальных матриц обновления факторов производства, начиная с концептуальной матрицы всеобщего развития и управления развитием. Последняя обеспечивает учет в разработках всех, даже мелких свойств и элементов конкретизации объектов любого масштаба и рациональное управление экономикой страны и регионов [12;13].

Ключевое место в успешном осуществлении Второй индустриализации России занимает массовое развитие творческой активности в рабочее и свободное время, направленной на увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в жизнедеятельности всего населения страны путем повсеместного использования новых физических и социально-экономических принципов в общественном и региональном воспроизводстве. В этих условиях фундаментальная, качественно новая система образования всего населения страны является исходным началом выхода России на лидирующие позиции в мире.

Приведенная расширенная совокупность всеобщих и социально-экономических законов, их повсеместный учет в жизнедеятельности, изменение социально-экономических процессов по всем уровням хозяйствования и управления в кВт/час и иных единицах физической размерности составляют основу качественно новой научной базы, объективной теории. Повсеместное использование системно-целостной междисциплинарной методологии позволяет многократно сократить время и иные ресурсы на рациональное воспитание, общее и профессиональное обучение; полезное саморазвитие всего населения, научные и практические разработки; исключить полностью тупиковые направления и обеспечить рациональное управление экономикой страны и регионов.

Список использованной литературы

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – Стокгольм, 2003.

2. Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / под ред. д.э.н., профессора Н. А. Потехина – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011.

3. *Гвардейцев М. И., Кузнецов П. Г., Розенберг В. Я.* Математическое обеспечение управления. Меры развития общества. – СПб.: Специальная Литература, 2016.

4. *Губин В. Б.* О методологии лженауки. //Философские науки. – 2002. – №1. – С. 150-156.

5. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели развития общества. – М., 1973.

6. *Канторович Л. В.* Математико-экономические работы. – Новосибирск: Наука, 2011.

7. *Конторов Д. С., Михайлов Н. В., Саврасов Ю. С.* Основы физической экономики. (Физические аналогии и модели в экономике.) – М.: Радио и связь, 1999.

8. *Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е.* Система природа – общество – человек: Устойчивое развитие / Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000.

9. *Леонтьев В. В.* «Слепое» теоретизирование. Методологическая критика неокембриджской школы: Экономические эссе. – М., 1990.

10. *Подолинский С. А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: «Ноосфера», 1991.

11. *Потехин Н. А., Потехин В. Н.* Методология осуществления Второй индустриализации России. Настольная книга руководителя государства. – Екатеринбург: СвРО МААО, 2018.

12. *Потехин Н. А., Потехин В. Н.* Новая общественно-экономическая формация – инновационный способ воспроизводства. Настольная книга руководителя государства. (Преодоление всеобщего кризиса на основе Второй индустриализации России) /Н.А. Потехин, В.Н. Потехин – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.

13. *Потехин В. Н.* Государственное управление в условиях осуществления Второй индустриализации. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.

14. *Рифкин Д.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

15. *Рогожкин В. Ю.* Эниология: Энергоинформационный обмен. – М.: Пантори, 2013.

16. *Синельников В. В.* Прививка от стресса. Как стать хозяином своей жизни. – М.: Центрполиграф, 2013.

17. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М., 2016.

18. *Янушевский И. А., Ласточкин С. С.* Кинетронные супертехнологии. – М., 2009.

Рогозин А. Д.
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В ИНФРАСТРУКТУРУ ГОРОДА¹

Данная статья направлена на раскрытие практической пользы интернета вещей в городской среде. Главная цель интернета вещей в том, что объекты повседневной жизни будут оснащены микроконтроллерами, приёмопередатчиками для цифровой связи и соответствующими стеками протоколов, которые позволят им общаться с друг с другом и с клиентами для решения ежедневных проблем. Новая парадигма наиболее выигрышно смотрится при использовании в городской среде, так как данная стратегия отвечает на вызовы времени в управлении и автоматизации государственных дел. Городской интернет вещей имеет ряд преимуществ в управлении и оптимизации традиционных общественных сервисов.

Ключевые слова: интернет вещей, умный город, веб-сервис, архитектура интернета вещей, городской интернет вещей, Internet of Things, IoT, Smart city

Цель данной статьи – доказать жизнеспособность идеи внедрения IoT в жизнь города. Эта практика позволяет создавать уникальные сервисы, которые помогают городским властям снизить расходы, оптимизировать и автоматизировать типичные городские процессы.

Интернет вещей – это новая парадигма взаимодействия. Главная её цель в том, что объекты повседневной жизни будут оснащены микроконтроллерами, приёмопередатчиками для цифровой связи и соответствующими стеками протоколов, которые позволят им общаться с друг с другом и с клиентами. Кроме того, Интернет Вещей может взаимодействовать с широким спектром устройств, например, с камерами наблюдения, датчиками управления, бытовой техникой и т.д. Новая парадигма наиболее выигрышно смотрится при использовании в городской среде, так как данная стратегия отвечает на вызовы времени в управлении и автоматизации государственных дел.

Городской Интернет вещей имеет ряд преимуществ в управлении и оптимизации традиционных общественных сервисов. К примерам таких сервисов можно отнести транспорт, освещение, видеонаблюдение, сбор мусора, очистка воздуха и многое другое. В данный момент наиболее острой проблемой являются разнородные устройства и технологии, которые используются в данный момент. Данный вопрос может решить Интернет Вещей, который может стать единым блоком управления в рамках городского масштаба. [1]

Умный Город – это система, при которой имеющие место быть ресурсы городских служб используются наилучшим образом и обеспечива-

¹ © Рогозин А. Д. Текст. 2019.

ют наибольший комфорт обитателям мегаполиса. Сервисы Умного Города основаны на централизованной архитектуре, состоящей из разнородных устройств, находящихся в разных точках города. Эти устройства передают данные в центр управления, где происходит обработка, хранение и управление данными. [2]

Можно выделить три основные части, из которых состоит городской Интернет Вещей – это веб-подход, технологии канального уровня и устройства.

Веб-подход поддерживает как ограниченный, так и неограниченный стек протоколов. Неограниченный стек состоит из HTML/XML данных, HTTP/TCP уровней и сетевых протоколов IPv4/IPv6. Данный стек является стандартом де-факто в традиционном Интернете. Этот стек имеет аналоги в неограниченном стеке, состоящим из EXI данных, CoAP/UDP уровней и сетевых протоколов IPv6/6LoWPAN.

Технологии канального уровня можно разделить на неограниченные и ограниченные технологии. Первая группа состоит из LAN, MAN и WAN, LTE, Ethernet, WiFi, оптоволоконной сети. Их особенностями являются высокая надёжность, высокая скорость передачи данных, высокий объём потребления энергии. Вторая группа характеризуется низким потреблением энергии и низкой скоростью передачи данных. Среди ограниченных технологий можно выделить Bluetooth, NFC и RFID [3].

Можно выделить три типа устройств – это центр управления, шлюзы и периферийные узлы Интернета Вещей. Центр управления собирает, хранит и обрабатывает данные, обеспечивая функционирование сервиса. В веб-архитектуре за это отвечает сервер. Шлюзы объединяют конечные устройства в единую инфраструктуру. В веб-архитектуре за это отвечают коммутаторы. Периферийные узлы Интернета Вещей отвечают за подготовку данных, отправляемые в центр управления. В веб-архитектуре – это обычный персональный компьютер пользователя. [4]

Архитектура, описанная ранее, нашла своё применение при внедрении Интернета Вещей в городе Падуя в Италии. Это стало возможным благодаря сотрудничеству муниципальных органов и частных компаний. Главная цель данного проекта - способствовать скорейшему внедрению Интернета Вещей в управление жизнью города. Основными сервисами, который предоставляет Умный Город Падуя, является сбор данных об экологической обстановке и управление уличным освещением [5].

Применяемые датчики подключаются к узлу, который обеспечивает питание датчиков, принимает и отправляет данные. Далее он отправляет данные в центр управления. Центр управления обрабатывает эти данные и на их основе подаёт команды датчикам выполнять те или иные функции (см. рисунок). К центру управления могут подключаться обычные пользователи, которым будет дан доступ к статистике датчиков и возможность управления некоторыми функциями.

Рис. Краткая архитектура Умного Города Падуя

Архитектура, описанная ранее, нашла своё применение при внедрении Интернета Вещей в городе Падуя в итальянской области Венеция. [6] Это стало возможным благодаря сотрудничеству муниципальных органов и частных компаний. Главная цель данного проекта - способствовать скорейшему внедрению Интернета Вещей в управление жизнью города. Основными сервисами, который предоставляет умный город Падуя, является сбор данных об экологической обстановке и управление уличным освещением [7].

Эти датчики собирают данные окружающей среды, такие как углекислый газ, шум, влажность воздуха, вибрации, температура и тому подобное.

Рассмотрим данную архитектуру на примере контроля уровня освещенности в городе. Правильная работа освещенности в городе происходит с помощью датчиков, называемых фотометрами. Они измеряют интенсивность света, испускаемого лампами, через равные промежутки времени или по запросу. Узлы питаются от небольших батарей и занимают небольшое пространство. Как раз неограниченный стек протоколов позволяет этим датчикам потреблять меньше энергии и передать необходимое количество данных, по сравнению с ограниченным стеком протоколов с высоким энергопотреблением. Чаще всего они помещаются в специальный кожух, который защищает от атмосферных явлений, таких как дождь, ветер и тому подобное.

Центр управления, называемый сервером базы данных, собирает данные с шлюзов. Шлюзы получают данные с узлов. Узлы получают данные с датчиков. Информация об этих данных может быть представлена в виде веб-сайта или приложения на телефоне.

К примеру, с помощью мобильного приложения операторы муниципальных служб могут быстро определить неисправный фонарь, требующий немедленного вызова ремонтной бригады. Эта система может расширяться дополнительными узлами, которые будут визуализироваться в мобильном приложении. К таким сервисам можно отнести звуковую карту города, карту загрязнения города, карту энергопотребления города, показания температурных датчиков во всем городе за последние семь дней и т.п. Это позволит видеть ситуацию целиком, анализируя те или иные изменения в городе после дождей, засухи и т.п.

Кроме рассмотренного примера, в городе Падуа Интернет Вещей осуществляет следующее [7]:

- умное освещение, которое позволит оптимально освещать улицы и помочь гражданам в некоторых ситуациях (к примеру, на рисунке 14 уличные лампы могут подсветить свободные парковки для машины, которая начинает тормозить);
- мониторинг состояния домов, с помощью которого можно определить ухудшение состояния опорных частей дома, стен и на основе этих данных вызвать ремонтную бригаду;
- умное энергосбережение, которое позволит оптимально распределить энергию по клиентам;
- умная парковка, которая ведёт мониторинг за свободными парковками в разных частях города;
- автоматизация общественных зданий, к которым относится видеонаблюдение, канализация, пропускная система, паркинг, электрика, газ, датчики дыма, воздушные фильтры и так далее;
- мониторинг воздуха (температура, состав воздуха, влажность, давление, анализ вредных веществ и т.д.);
- управление работой по уборке отходов, при которой датчики определяют загроможденность мусорных баков и отправляют данные на сервер при огромном количестве мусора в баке, который требуется забрать;
- управление трафиком на дорогах для устранения заторов на дорогах;
- мониторинг шума в разных частях города для составления звуковой карты города, на основе которой муниципальные службы могут принимать те или иные решения.

Данное внедрение позволит создать уникальные сервисы, которые позволят городским органам снизить расходы, оптимизировать и автоматизировать процессы города. Технологии на данный момент близки к стандартизации. Основная проблема заключается в том, чтобы промышленные игроки заинтересовались в развитии городского Интернета Вещей, чтобы принести инвестиции в данные проекты и сделать жизнь людей лучше.

Список использованной литературы

1. IoT: почему это важно [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweek.ru/iot/article/detail.php?ID=190919> (01.09.2019)
2. *Xu L. D., He W., Li S.* Internet of Things in Industries: A Survey // *IEEE Transactions on Industrial Informatics*, 2014. – Vol. 10(4). – P. 2233–2243.
3. *Kortuem G., Kawsar F., Sundramoorthy V., Fitton D.* Smart objects as building blocks for the Internet of thing // *IEEE Internet Computing*, 2010. – Vol. 14(1). – P.44–51.
4. Сети для самых маленьких. Часть нулевая. Планирование [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/134892/> (01.09.2019).
5. *Cenedese A., Zanella A., Vangelista L., Zorzi M.* Padova Smart City: An urban Internet of Things experimentation // *Proceeding of IEEE International Symposium on a World of Wireless, Mobile and Multimedia Networks 2014*. – P. 1–6.

6. *Jin J., Gubbi J., Marusic S., Palaniswami M.* An Information Framework for Creating a Smart City Through Internet of Things// IEEE Internet of Things Journal, 2014. – Vol. 1(2). – P. 112–121.

7. Smart cities and IoT [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slideshare.net/NishargoNigar/smart-cities-75041720> (01.09.2019).

к.э.н. Семячков К. А.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УМНЫХ ГОРОДОВ¹

Цель настоящего исследования заключается в развитии принципов устойчивого территориального развития на основе концепции умного города. В работе систематизированы основные направления внедрения цифровых технологий, выделены уровни развития умных городов. Показана важность применения такого подхода к исследованию институционального обеспечения умных городов. В работе рассмотрены проблемы развития умных городов в России, представлен ряд шагов для их решения.

Ключевые слова: умный город, цифровая экономика, методология, модель, оценка

В последнее время актуализируется вопрос о внедрении цифровых технологий в городскую среду [2]. Идея сделать города умнее, чтобы воспользоваться благами цифровой эпохи, все чаще обсуждается в экспертном сообществе. На сегодняшний момент проекты по внедрению цифровых технологий уже реализуются в городах Европы, Северной Америке и Азии. При этом не отстают и развивающиеся страны, в том числе Россия, создавая умную среду в таких городах как Москва, Сочи, Санкт-Петербург, Екатеринбург. В условиях быстрого развития цифровых технологий, города превращаются в мегаполисы с ощутимым цифровым потенциалом [5].

Хотя в настоящее время нет общего подхода к определению того, что такое умные города, их можно кратко описать как города, которые используют цифровые технологии с целью повышения качества жизни людей при обеспечении устойчивого развития.

Обзор литературы позволяет объединить подходы к развитию умного города в единую концептуальную модель. В настоящее время исследование инновационной парадигмы городской политики взаимосвязаны с проблемами экологического, социального, экономического, демографического, технологического характера. Можно выделить несколько уровней, составляющих умный город [6, 7].

Во-первых, это уровень городской инфраструктуры. В основе любого городского хозяйства лежат традиционные компоненты, присутствующие в каждом городе. Городская инфраструктура (инженерные сети, дороги, транспорт) являются базой для развития умных городов. Важно отметить и роль граждан в вопросах развития инфраструктуры, так как зачастую новое строительство влияет на существующее историческое наследие, ставя его под угрозу.

Во-вторых, это институциональный уровень. В последние годы увеличивается число исследований, которые в качестве основной причины социально-экономического развития отмечают институциональную состав-

¹ © Семячков К. А. Текст. 2019.

ляющую. Институциональное развитие, как и технологическое, включает и инновационную, и имитационную компоненту. Основная задача при этом заключается в выборе траектории – последовательности институтов, удовлетворяющей определенным требованиям и имеющей шансы на успех.

В-третьих, это экологический уровень. Современные теории урбанизации уделяют значительное внимание вопросам экологии и защиты окружающей среды при развитии городского хозяйства. Слой «зеленой» городской инфраструктуры создает благоприятную среду для формирования устойчивых принципов развития. Планирование городского хозяйства ставит вопросы о приоритете задач в отношении «зеленого» города, требующие инновационных форм экологического управления, интеграции политики и распределения финансовых ресурсов для разработки подходящего сочетания «зеленой» городской экосистемы.

В-четвертых, это уровень информационно-коммуникационной инфраструктуры, объединяющий городское хозяйство в единое информационное пространство. Цифровая инфраструктура, широкополосная связь укрепляют экономический потенциал города и повышают социальную сплоченность посредством целостного охвата городской территории. Этот уровень прямо указывает на способность поддержки инновационной инфраструктуры и телекоммуникаций для объединения людей и технических устройств с целью обеспечения высокоскоростного доступа к сети по всему городу. Городские власти должны решить проблему широкополосного охвата всего города, включая слаборазвитые районы.

В-пятых, уровень данных. Города, как системы реального времени, требуют реакции на события. Для этого используются цифровые устройства, работающие в реальном времени, такие как радиочастотные передатчики, сигналы дорожного движения, интеллектуальные счетчики, датчики инфраструктуры. Фактически, доступность данных в реальном времени является составляющим элементом умных городов, связывающих физический мир с информационным миром, и является отличительной чертой, которая оправдывает термин «разумность».

В-шестых, уровень интеграции. Приложения для умных городов должны иметь возможность взаимодействовать и обмениваться данными. Ключевым фактором успеха для интеллектуальных сред является предоставление открытого и распределенного хранилища информации для всех систем, реализованных на разных технологических платформах. Платформы умного города визуализируют городское пространство, собирают данные и реализуют интеллектуальные приложения. Тенденции в развитии интернета оказывают каталитическое влияние на функциональную совместимость умного города, открывая новые возможности для веб-сервисов посредством связанных и открытых данных. Способность города модерировать, интегрировать и открывать доступ к интеллектуальным цифровым ресурсам является важным процессом мониторинга города.

В-седьмых, уровень приложений. На уровне приложений реализуются веб-решения, обеспечивающие интеллектуальные возможности и оптими-

зирующие использование ресурсов при обработке потоков данных в реальном времени.

Наконец, уровень инноваций. Умные города создают благоприятную инновационную среду новых возможностей. Для этого, во-первых, необходимо изменить качество и эффективность государственных структур. Во-вторых, умный город должен быть привлекательным местом для ведения бизнеса. Развивающиеся технологии требуют инновационной среды, чтобы ускорить путь к устойчивому процветанию, используя новые решения и методы управления.

В последние годы увеличивается число исследований, которые в качестве основной причины социально-экономического развития отмечают институциональную составляющую [3]. Институциональное развитие, как и технологическое, включает и инновационную, и имитационную компоненты. Основная задача при этом заключается в выборе траектории – последовательности институтов, удовлетворяющей определенным требованиям и имеющей шансы на успех [1].

Оптимальный выбор подходящей траектории развития умного города требует описания множества институтов, допускающих преобразования, ведущие к намеченной цели. Определяющее условие перспективности траектории заключается в том, что составляющие ее промежуточные институты должны быть согласованы с ресурсными, технологическими, культурными, политическими и другими ограничениями.

И если ресурсные и технологические ограничения достаточно исследованы в рамках анализа развития умных городов, то особенностям гражданской культуры и человеческому капиталу уделяется достаточно мало внимания.

Исследование практик развития умных городов на таких примерах, как Лондон, Сеул, Токио, позволяет выделить основные приоритеты формирования умного развития городской среды (табл.).

Попытки развития городской среды на основе концепции умного города осуществляются и в России. В ряде крупных городов разработаны стратегии развития, включающие те или иные элементы умного города. При этом необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует комплексная стратегия развития умных городов в Российской Федерации.

В частности, в настоящее время в законодательстве не закреплено понятие «умный город» и связанные с ним виды деятельности, отсутствуют условия формирования единой цифровой среды доверия при внедрении технологий умного города, не отработаны процессы сбора, агрегации, обработки и управления данными в рамках единой информационной системы. Не решены вопросы предоставления данных всеми держателями данных, вне зависимости от форм собственности и ведомственной принадлежности; не регламентированы требования по внедрению цифровых технологий и системы соответствующих предпочтений; отсутствуют механизмы регулирования особенностей применения специальных технологических решений и программных продуктов в различных сферах.

Приоритеты и институциональное обеспечение цифровизации умного города¹

Приоритеты	Институты	Цели
Вовлечение граждан	Проведение консультаций с гражданами через онлайн-платформы Сокращение цифрового неравенства Повышение уровня образования Увеличение числа предпринимателей в ИТ	Рост онлайн-сообщества Увеличение предпринимателей в сфере ИТ
Открытые данные	Практика обмена данными	Увеличение числа пользователей открытых данных
Развитие исследовательского и предпринимательского потенциала	Стратегия продвижения инноваций с целью привлечения инвесторов Программа экспорта инноваций Программа привлечения талантливых специалистов	Увеличение высокотехнологического экспорта Создание высокотехнологических рабочих мест
Коллаборации	Сеть инноваций, объединяющая инициативы в области умного города Сотрудничество с другими городами, обмен опытом и реализация пилотных проектов	Рост числа совместных проектов
Инфраструктура	Поддержка и продвижение умных технологий Практика ведения бизнеса на основе открытых данных Оценка долгосрочных инфраструктурных потребностей Создание цифровой платформы города План повышения доступности интернета	Повышение в рейтинге городов по уровню цифрового развития Снижение потребления электроэнергии Снижение выбросов углекислого газа
Управление	Стратегия внедрения цифровых технологий в государственный сектор	Повышение эффективности и удобства административных сервисов

¹ Составлено авторами.

Решение данных проблем требует соответствующих институциональных преобразований, среди которых создание соответствующего органа на уровне Правительства РФ по вопросам развития умных городов, разработка системы национальных стандартов в области умных городов, включающую стандарты, определяющие общие термины и понятия, а также связь между ними; закрепление приоритетов умного развития в базовых документах стратегического развития; формирование системы мониторинга и оценки развития умных городов; создание системы налоговых, грантовых стимулов для развития умных городов; формирование технологического консорциума из компаний, предлагающих наиболее эффективные решения для городского хозяйства; развитие программ создания технопарков и площадок для апробации технологических инноваций; развитие краудфандинга.

В условиях происходящей в мире цифровой революции внедрение умных технологий в процессы городского хозяйствования является неотвратимой перспективой для российских городов. Фактор цифровых технологий является основополагающим для современного поколения умных городов. Поэтому долгосрочный тренд развития российских городов тесно связан с реализацией этого подхода.

Степень участия государства в процессах цифровизации городской среды и внедрения технологий умного города может быть различной. С учетом российских реалий, наиболее продуктивным является путь минимизации административных барьеров и создание институциональных условий с целью стимулирования внедрения цифровых технологий.

Учитывая сложность городских систем, ключевым аспектом для внедрения умных технологий становится выстраивание кооперативных связей и партнерств с различными бизнес-субъектами и компаниями.

Драйвером развития процессов цифровизации городской среды может стать реализация пилотных проектов в рамках выделенных экспериментальных зон. Пространствами для экспериментов в таком случае могут выступать как целые города, так и специальные тестовые полигоны или «живые лаборатории», позволяющие протестировать определенные решения в рамках всей территории [4].

При этом отметим, что основной вызов для развития умных городов в России и цифровизации городской среды связан не с технологическим аспектом, а с ресурсными ограничениями и дисбалансом полномочий между центром и регионами (муниципалитетами). Поэтому без реформирования сложившейся системы управления, налогового и бюджетного законодательства развитие умных городов будет затруднено.

Список использованной литературы

1. Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42. – № 1. – С. 1-19.
2. Попов Е. В., Семячков К. А. Компаративный анализ стратегических аспектов развития цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 19-36.
3. Сухарев О. С. Экономическая теория институционального моделирования: принципы и возможности // Журнал экономической теории. – 2017. – № 1. – С. 102-116.
4. Leminen S., Rajahonka M., Westerlund M. Towards Third-Generation Living Lab Networks in Cities // Technology Innovation Management Review. – 2017. — Vol. 7(11). – P. 21-35.
5. Neuronі A. C., Haller S., van Winden W., Carabias-Hütter V., Yildirim O. Public Value Creation in a Smart City Context: An Analysis Framework // Setting Foundations for the Creation of Public Value in Smart Citie. – 2019. – P. 49-76. – doi:10.1007/978-3-319-98953-2_3.

6. *Okwechime E., Duncan P., Edgar D.* Big data and smart cities: a public sector organizational learning perspective. // *Information Systems and e-Business Management.* – 2018. – Vol. 16(3). – P. 601-625. – doi:10.1007/s10257-017-0344-0.

7. *Zygiaris S.* Smart City Reference Model: Assisting Planners to Conceptualize the Building of Smart City Innovation Ecosystems. // *Journal of the Knowledge Economy.* – 2012. – Vol. 4(2). – P. 217–231. – doi:10.1007/s13132-012-0089-4.

к.ф.-м.н. Серков Л. А.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ТРЕХСЕКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Целью данной публикации является разработка динамической стохастической мультисекторной модели для анализа региональной экономической политики. Особенностью предлагаемой модели является отражение ею структуры реального сектора экономики Свердловской области. Параметризация модели осуществлялась на эмпирических данных экономики Свердловской области за 2003 – 2016 гг. При разработке модели применялся подход общего равновесия. Результаты временной декомпозиции вариаций рассмотренных эндогенных переменных позволяют сделать вывод о том, что циклические процессы в региональной экономике Свердловской области в исследуемом периоде в большей мере обусловлены факторами предложения, а не спроса.

Ключевые слова: региональная экономика, общее равновесие, сырьевой сектор, сектор торгуемых и неторгуемых товаров, разложение дисперсий

Необходимость разработки политики эффективного использования производственного, ресурсного, инновационного и иного потенциала в целях устойчивого пространственного развития регионов предопределяет разработку методического инструментария формирования стратегии его развития. Поэтому важной задачей является разработка динамической модели субъекта федерации и нахождение закономерностей и каналов взаимодействия субъекта с остальными субъектами и с центром. Целью данной публикации является разработка динамической стохастической модели для анализа региональной экономической политики Свердловской области, в частности, для исследования влияния шоков на региональные переменные.

Составной частью предлагаемой модели, отражающей реальный сектор экономики Свердловской области, являются домашние хозяйства, фирмы, региональное и федеральное правительство, Центробанк РФ. В модели рассматриваются следующие типы фирм:

1. Производители сырьевого сектора экономики (сектор добычи полезных ископаемых) (далее X – сектор).
2. Производители торгуемых товаров (обрабатывающий сектор) (далее M – сектор).
3. Производители неторгуемых товаров и услуг (далее N – сектор).
4. Импортёры (ввоз товаров из других регионов) (далее F – сектор).
5. Производители конечных товаров и услуг.

Рассматриваемый регион² обменивается ресурсами с другими регионами РФ, с правительством. Взаимодействие регионов с остальным миром

¹ © Серков Л. А. Текст. 2019.

² В дальнейшем домашний регион.

и, соответственно, перенос обменного курса в модели не учитывается, так как, по мнению автора, подобная детализация не влияет на основные результаты работы.

В исследовании применяется подход общего равновесия. В рамках этого подхода экономические агенты оптимизируют свою целевую функцию при определенных ограничениях: домохозяйства на бесконечном горизонте оптимизируют свои траектории потребления и часы досуга; фирмы оптимизируют ожидаемый поток прибыли при заданном технологическом ограничении. Исследуемая мультисекторная модель является моделью с рациональными ожиданиями экономических агентов. Модель имеет неокейнсианские особенности, такие как жесткие цены и жесткая заработная плата. В модели отражен факт дискриминации цен в домашнем регионе и в оставшейся части РФ.

Континуальное множество репрезентативных домохозяйств получает полезность от потребления конечного продукта и досуга. Предполагается существование домашних хозяйств двух типов. Первый тип домохозяйств – домохозяйства рикардианского типа обладают финансовыми активами и способны сглаживать свое межвременное потребление. Домохозяйства второго типа (нерикардианские домохозяйства) не обладают финансовыми активами. Получаемый ими трудовой доход в течение каждого периода жизненного цикла они полностью расходуют на потребление.

Репрезентативные рикардианские домохозяйства в каждом периоде времени максимизируют с учетом дисконтирования ожидаемую сумму значений функции полезности и функции, затраченного на труд времени (функции досуга)¹

$$\max E_0 \left\{ \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t [U(C_{h,t}^R) - V(N_{h,t}^R)] \right\}, \quad (1)$$

где E_0 – оператор рациональных ожиданий (математическое ожидание переменной при условии доступной в периоде $t = 0$ информации), β – коэффициент дисконтирования ($0 < \beta < 1$), $N_{h,t}^R$ – количество отработанных часов, $C_{h,t}^R$ – объем потребления композитного продукта, составленного из продукта, который производится в домашнем регионе, и продукта, импортируемого из остальных регионов. Максимизация (1) происходит при заданном бюджетном ограничении с учетом налогообложения домашних хозяйств.

Кроме того, домашние хозяйства являются монополистами на рынке предложения трудовых услуг и определяют желаемый уровень заработной платы. Предполагая жесткость заработной платы по типу Calvo [1] каждому домохозяйству разрешено на начало периода с определенной вероятностью $(1 - \varphi_i^W)$ изменять желаемый уровень заработной платы. В случае отсутствия такой возможности новый уровень заработной платы индексируется с учетом региональной инфляции с вероятностью φ_i^W .

¹ Для нерикардианских домохозяйств условие (1) не выполнимо, так как они не имеют возможности для сглаживания своего потребления.

Сырьевой сектор представлен репрезентативной фирмой, использующей агрегированный (в объеме сектора) капитал $K_{X,t}$, труд $N_{X,t}$ и природные ресурсы L_t . Объем выпуска продукции в этом секторе описывается функцией

$$Y_{X,t} = (K_{X,t})^{\alpha_X} (N_{X,t})^{\gamma_X} (L_t)^{\eta_X}, \quad (2)$$

где $\alpha_X, \gamma_X, \eta_X$ — доли соответствующих факторов производства в сырьевом секторе в сумме равные единице.

Предполагается, что продукт сырьевого сектора экономики распределяется между потреблением в секторах торгуемых и неторгуемых товаров домашнего региона и экспортируется в другие регионы. Уравнения для функций спроса фирм этого сектора на капитал, труд и сырьевые товары определяются из решения статической задачи условной оптимизации.

Сектор торгуемых товаров представлен континуальным множеством репрезентативных фирм (фирмам присваивается индекс $j \in [0,1]$), действующим в условиях несовершенной конкуренции. Продукция сектора торгуемых товаров распределяется между внутренним потреблением и экспортом в другие регионы. Объем выпуска продукции в этом секторе описывается функцией

$$Y_{M,j,t} = A_{M,t} (K_{M,j,t})^{\alpha_M} (N_{M,j,t})^{\gamma_M} (Y_{X,j,t}^M)^{\eta_M}, \quad (\alpha_M + \gamma_M + \eta_M = 1), \quad (3)$$

где $A_{M,t}$ является технологическим шоком и подчиняется авторегрессионному уравнению AR(1), $Y_{X,j,t}^M$ — доля объема выпуска продукции сырьевого сектора, используемая в производстве торгуемых товаров. Решение задачи условной межвременной оптимизации приводит к уравнениям для функций спроса на капитал, труд и сырьевые товары.

Решение статической задачи условной оптимизации приводит к уравнениям для функций спроса фирм на капитал, труд и сырьевые товары в секторе торгуемых товаров.

Фирмы сектора торгуемых товаров имеют возможность самостоятельно изменять цены. Исследуемая модель предполагает номинальную жесткость цен по методу Calvo. При этом каждой фирме разрешено на начало периода t с вероятностью $(1 - \phi_M^P)$ изменять уровень цен в секторе. В случае отсутствия такой возможности новый уровень цен индексируется с учетом региональной инфляции с вероятностью ϕ_M^P . Оптимальная цена $\hat{P}_{M,j,t}$ в момент времени t определяется из условия максимизации ожидаемого будущего потока прибыли производителей.

Сектор неторгуемых товаров также как и предыдущий сектор представлен континуальным множеством репрезентативных фирм ($j \in [0, 1]$). Производство в этом, секторе моделируется аналогично производству в секторе торгуемых товаров, за исключением того, что продукция сектора неторгуемых товаров не экспортируется в другие регионы. Объем выпуска в этом секторе представлен функцией

$$Y_{N,j,t} = A_{N,t} (K_{N,j,t})^{\alpha_N} (N_{N,j,t})^{\gamma_N} (Y_{X,j,t}^N)^{\eta_N}, \quad (\alpha_N + \gamma_N + \eta_N = 1), \quad (4)$$

где технологический фактор $A_{N,t}$ описывается авторегрессионным уравнением AR(1), $Y_{X,j,t}^N$ - доля объема выпуска продукции сырьевого сектора, используемая в производстве неторгуемых товаров. Решение статической задачи условной оптимизации приводит к уравнениям для функций спроса фирм на капитал, труд и сырьевые товары в этом секторе.

Аналогично фирмам сектора торгуемых товаров, фирмы в секторе неторгуемых товаров действуют в условиях несовершенной конкуренции. Поэтому предполагается также номинальная жесткость цен в соответствии с подходом Calvo.

Фирмы ($j \in [0, 1]$) домашнего региона, импортирующие товары, действуют также в условиях несовершенного рынка. Эти фирмы покупают товар по цене $P_{F,t}^*$ устанавливая свой бренд на этот продукт и продают его на домашнем рынке по цене $P_{F,j,t}$. При этом каждый бренд этой продукции выступает в качестве несовершенного заменителя по отношению к другим брендам. Оптимальная цена в момент времени t , которую устанавливают фирмы – импортеры, определяется аналогично оптимальной цене производителей в секторах торгуемых и неторгуемых товаров. При этом номинальные предельные издержки импортеров равны $P_{F,t}^*$.

Рынок производства конечных товаров и услуг является совершенно конкурентным. На этом рынке действует условный агрегатор производящий конечные блага по технологии

$$Z_t = \left(w_M^{1/v} (Y_{M,t}^d)^{\frac{v-1}{v}} + w_N^{1/v} (Y_{N,t})^{\frac{v-1}{v}} + w_F^{1/v} (Y_{F,t})^{\frac{v-1}{v}} \right)^{\frac{v}{v-1}}, \quad (5)$$

где w_M, w_N, w_F — доли продукции соответствующих секторов, потребляемой в домашнем регионе в объеме выпуска конечного продукта, v — эластичность замещения между продукцией этих секторов в конечном продукте.

Агрегатор решает задачу оптимизации своей прибыли путем максимизации целевой функции $\max_{Y_{M,t}, Y_{N,t}, Y_{F,t}} (P_t Z_t - P_{F,t} Y_{F,t} - P_{M,t} Y_{M,t} - P_{N,t} Y_{N,t})$ при заданных ценах по отношению к (5). Решение задачи оптимизации определяет функции спроса для продукции соответствующих секторов

Реальный баланс бюджета регионального правительства составляется с учетом того, что налог на добавленную стоимость полностью, а налог на прибыль частично, поступают в федеральный бюджет¹. В исследуемой модели анализируется бюджетное правило для расходов регионального правительства с обратной связью между расходами и валовым региональным продуктом (ВРП). Фискальные правила для эффективных налоговых ставок определяются как правила с обратной связью между ставками и отношением долговых обязательств федерального центра к валовому внутреннему продукту (ВВП).

Бюджетное правило для государственных расходов в анализируемой модели имеет тот же вид, что и правило для региональных расходов. Монетарная политика ЦБ моделируется в форме правила Тейлора [2].

¹ Налог на доход физических лиц полностью поступает в региональный бюджет.

Параметризация исследуемой модели производилась на статистических данных экономики Свердловской области и РФ с помощью Байесовской эконометрики. При этом использовались временные ряды квартальных данных с 2003 г. по 2016 г.

Предлагаемая модель является мощным инструментом анализа региональной политики, в том числе, инструментом анализа влияния шоков на региональные переменные. В работе исследовалась историческая (временная) декомпозиция вариаций (дисперсий) объемов выпуска в различных секторах экономики Свердловской области, позволяющая оценить вклад в динамику этих переменных внешних и внутренних экономических факторов в период до и после кризиса 2008 г. Ввиду того, что рассматриваемая модель содержит значительное количество шоков (13 шоков), для облегчения визуализации (но с некоторой потерей экономической интерпретации) все шоки разбиты на четыре группы. Первая группа содержит шоки предложения – технологические шоки, ценовой шок на сырьевые товары, шок на использование природных ресурсов. Вторая группа – состоит из одного шока спроса - шока региональных расходов. Третья группа содержит внешние по отношению к рассматриваемому региону шоки - инфляционный шок, шок объема выпуска в российской экономике, шок монетарной политики (шок процентной ставки), шок госрасходов. Наконец, четвертая группа – группа фискальных шоков ответственных за формирование доходов регионального бюджета.

Разложение вариаций регионального объема выпуска в секторе торгуемых товаров экономики Свердловской области показало, что во время кризиса 2008–2010гг. основная роль в спаде реального объема выпуска в секторе торгуемых товаров принадлежала шокам предложения, связанным с резким снижением цен на металлы и фискальным шокам. Эти шоки ответственны примерно за 25% спада реального объема выпуска в рассматриваемом секторе.

Меньшая, но существенная доля по сравнению с фискальными и шоками предложения в разложении вариаций региональных объемов выпуска, принадлежала отрицательному шоку спроса (шок региональных расходов). Это связано с тем, что в период кризиса региональные расходы составляли 95,4% к аналогичному уровню 2008 г. В большей степени шок региональных расходов влияет на потребление домохозяйств. Незначительная роль в спаде реального объема выпуска в секторе торгуемых товаров в период кризиса принадлежала внешним по отношению к рассматриваемому региону шокам. Из внешних шоков основную роль играли разнонаправленные шоки процентной ставки и объема выпуска в национальной экономике. Отметим также, что в докризисный период 2008 г. рост объема выпуска в рассматриваемом секторе в основном вызывался шоками предложения.

В спаде реального объема выпуска в секторе неторгуемых товаров роль внешних шоков возрастает, и их доля приближается к доле шоков предложения. Доля шока региональных расходов, напротив меньше, чем для объема выпуска в сектореторгуемых товаров. Все эти группы шоков ответствен-

ны за 30% спад объема выпуска в рассматриваемом секторе экономики. В докризисный период рост объема выпуска в секторе неторгуемых товаров также, как и в сектореторгуемых товаров обеспечивался в основном шоками предложения и частично внешними шоками.

В сырьевом секторе главенствующая роль как во время спада, так и во время подъема принадлежала шокам предложения (снижением и повышением биржевых цен на металлы). Роль остальных шоков незначительна.

Таким образом, результаты временной декомпозиции вариаций рассмотренных эндогенных переменных позволяют сделать вывод о том, что циклические процессы в региональной экономике Свердловской области в исследуемом периоде в большей мере обусловлены факторами предложения, а не спроса.

Список использованной литературы

1. *Calvo G.* Staggered Prices in a Utility Maximizing Framework // *Journal of Monetary Economics*. – 1983. – No.12. – P. 383-398.
2. *Taylor J.B.* Discretion versus policy rules in practice // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. – 1993. – Vol. 39. – P. 195-214.

к.э.н. Сухих В. В.

Институт экономики УрО РАН; УрГЭУ
г. Екатеринбург

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР 1920-1930-Х ГГ.¹

В статье делается попытка объяснить централизацию экономических исследований в СССР в 1920-1930-е годы. Партийное мировоззрение не допускало возможности существования альтернативных научных школ и отрицало региональную специфику экономических исследований. Это привело к искажению истории экономической мысли, к замалчиванию деятельности провинциальных экономистов, к ограничению самой возможности проведения экономических исследований в регионах.

Ключевые слова: марксизм, регион, Ленин, Троцкий

История региональных экономических исследований в СССР до 1941 года привлекает мало внимания учёных. В советские годы тема казалась слишком опасной, после же распада СССР экономистам хватало забот помимо разысканий и изучений трудов своих предшественников. Теперь, спустя более чем четверть века с момента исчезновения советской официальной экономической науки, можно более беспристрастно ее оценить и понять. Для первых десятилетий советской власти выявляется жесткая закономерность: в то время как в развитых странах Запада давно сложилась традиция сильных провинциальных университетов и научных школ, в СССР определено была тенденция к централизации экономических исследований (особенно по вопросам экономической теории и истории экономической мысли), их ограничения пределами Москвы и Ленинграда. Причины подобной централизации исходят из особенностей партийного мировоззрения большевиков в 1920-1930-е годы. Взаимосвязь политики и науки нигде так сильно не ощущалась как в СССР, где последовательно создавали идеологически обусловленную картину мира от далеко прошлого до светлого будущего. История экономической мысли не избежала общей участи и была сильно искажена по идеологическим причинам. Для нас особо интересно намеренное замалчивание истории региональной экономической мысли и долгое недопущение самой возможности занятия экономической наукой в регионах. Причинам и последствиям такого решения и посвящена данная работа.

Коммунистическая партия опиралась на единственно верное учение марксизм, воспринимавшийся как венец долгого пути социально-экономической мысли. Любая история экономической мысли в СССР поэтому неизбежно рассматривала процесс научного поиска как наличие единственного верного пути, приведшего к марксизму, в океане заведомо ошибочных и классово пристрастных теорий. Продолжая и современную социально-экономическую теорию воспринимать с такой же позиции

¹ © Сухих В. В. Текст. 2019.

(наличие единственно верного и множества ошибочного), большевики не могли допустить альтернативности в экономических исследованиях. Если есть правильный путь, то необходимо как можно раньше отсечь ошибочные свороты с него.

При этом вопрос, кто именно имеет монополию на научную истину в современном марксизме был напрямую связан с политической властью. У кого монополия на истину – у того монополия и на власть. Заметим, что это монополия ограждалась довольно сурово и долгое время маскировалась подчеркнуто коллективным характером принятия серьезных решений. Недовольство внутри партии Л.Д. Троцким сильно выросло, когда он первым из партийных вождей стал выпускать свое собрание сочинений, чем пытался поставить себя в качестве вождя партии, у которого все работы имеют непреходящую практическую и теоретическую ценность. Заметим, что по результатам реакции на такой поступок Л.Д. Троцкого И.С. Сталин свое собрание сочинений стал выпускать только после 1945 года, когда сменились поколения партийцев, а «Краткий курс ВКП(б)», где И.В. Сталин был основным автором, был объявлен коллективным творчеством.

Подход на признание лишь единственно верного пути на практике и в теории был изначально задан в ленинской партии. В этом она разительно отличалась от германской социал-демократии, где наличие нескольких дискутирующих друг с другом внутривнутрипартийных групп воспринималось как норма (К. Маркс мог искренне ненавидеть Ф. Лассалья и считать многие его взгляды ошибочными, но при этом учение Ф. Лассалья неизменно оставалось частью программы германских социал-демократов, сторонники доктрины К. Маркса в Германии заслуги Ф. Лассалья признавали). В России меньшевики шли по немецкому пути в признании плюрализма в политических и экономических обсуждениях прошлого и современности, но В.И. Ленин последовательно отрицал какое-либо право своих сторонников и тем более врагов на самостоятельность в теоретических вопросах. Еще большим было его недовольство местными организациями социал-демократов, когда в отдельных регионах пытались проводить независимую от центральных органов партии политику, обосновывая ее региональной спецификой. Отрицание такой специфики лежало в основе идеи о всезнании и всемогуществе центрального комитета. Если руководители партии вооружены единственно верным учением, то они уже знают все – учение верно всегда и всюду, ссылки на региональные отличия и особенности – это всего лишь прикрытие оппортунизма, теоретического и политического ренегатства. Важен для понимания взглядов В.И. Ленина на региональную проблематику сборник «Ленин об Урале» [1], где собраны все упоминания Урала и его промышленности в трудах основателя партии. В.И. Ленин охотно берет из сообщений с мест фактические данные, но либо критикует, либо совершенно игнорирует теоретические размышления уральцев, заведомо отмечая их как ошибочные. Социал-демократические организации Урала, пытающиеся самостоятельно разобраться с вопросами рабочего движения, вызывают у Ленина гнев – на местах только и могут что ошибаться – в

одном из писем 1902 года В.И. Ленин пишет Г.М. Кржижановскому «обдумайте атаку на центр, Иваново и др., Урал и Юг» [1, с.85]. Везде в регионах враги, которые пытаются действовать самостоятельно. Отрицание Лениным роли региональных партийных организаций, напрямую ему не подвластных привело в дальнейшем к переписыванию истории партии. Такие структуры как Уральская социал-демократическая группа, Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров не вписывались в догматическую историю революционного движения, поэтому замалчивались, а взгляды и издания подобных групп до сих пор остаются забытыми. Справедливо замечание, что подобная ситуация установилась для истории всех местных организаций, не только уральских. После победы большевиков деятельность местных организаций либо совершенно не освещалась, либо в литературе помещалась тенденциозная информация, не соответствующая реальной действительности [2, с.12].

И после Октябрьской революции В.И. Ленин не смягчился в отношении к регионам – его интересует ситуация на местах, но точка зрения самих местных важна лишь в плоскости одобрения или не одобрения ими решений центра. Одобряют – молодцы, не одобряют – враги. Экономическая инициатива с мест, экономическое самоопределение регионов, требование ими большей хозяйственной самостоятельности не могли встретить поддержки центральной власти.

Опасение дать излишнюю экономическую власть регионам и допустить обсуждение на местах вопросов экономической политики обосновывалось частично опасением усиления фракционной борьбы внутри коммунистической партии. В ходе мировой войны раскол внутри социал-демократических партий по вопросам поддержки национальных правительств привел к фактическому распаду старых партий на отдельные фракции с ожесточенной взаимной борьбой. Особо тяжелым ударом для большевиков стала позиция Карла Кауцкого, признанного классика марксизма, выступившего против большевиков. Для объяснения раскола социал-демократии большевики приняли концепцию перерождения старых социал-демократических партий, в которой их единственно настоящая пролетарская социал-демократическая партия стала коммунистической, а все остальные партии II Интернационала переродились во врагов революционного движения. Отказ от фракций внутри коммунистической партии обосновывался как раз опасением подобного же перерождения: любая фракция могла быть потенциально источником заражения всей партии, поэтому никаких отклонений от генеральной линии быть не может.

Проигрыш Л.Д. Троцкого в партийной борьбе был во многом связан как раз с его ставкой на демонстративное признание своей особой фракции внутри партии. При этом Л.Д. Троцкий попытался обеспечить политическое и экономическое влияние своей фракции путем освобождения от власти центра Урала. Л.Д. Троцкий создал на основе III армии РККА первую революционную армию труда (Уральскую трудармию) и лично приехал ею руководить в феврале 1920 года. За время пребывания на Урале Л.Д. Троц-

кий сумел заручиться поддержкой местных властей и стал обосновывать необходимость создания на Урале автономной от ВСНХ РСФСР, непосредственно подчиненной ему как Председателю совтрудармии хозяйственной структуры. Получив отказ в Совнаркоме, Л.Д. Троцкий несколько раз возвращался к идее создания объединяющего уральскую промышленность органа для восстановления хозяйства до довоенного уровня и технического переоборудования металлургических заводов. Но все эти инициативы о создании Уральского областного хозяйственного центра встретили огромное сопротивление, так как в случае его создания в распоряжении Л.Д. Троцкого оказались бы колоссальные материальные и людские ресурсы [3, с.63, 97].

Попытка Л.Д. Троцкого стала наглядным подтверждением для центральной власти опасений, что любая экономическая самостоятельность регионов может стать опасной для партии. Поэтому жестко пресекались все попытки с мест начать рассуждать по поводу экономических и политических вопросов. Даже изучение политической экономии допускалось лишь в рамках политучёбы, без научных изысканий, тем более что не существовало и идеологически выверенного учебника по марксистской экономической теории как базиса и отправной точки экономической мысли советского государства. Региональные власти четко ощущали ту грань, которую не стоило переступать в обсуждении социально-экономических проблем. К примеру, при всем своеволии уральские власти определенно не рисковали поднимать вопросы теории народного хозяйства, поэтому в «Уральском рабочем» статьи об экономической политике страны в целом написаны московскими лидерами партии.

Закономерным итогом отрицания местных особенностей стала тенденция, давно отмеченная в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 года. Как указывает Р.А. Медведев, один из главных принципов «Краткого курса» - как можно меньше писать о работе местных партийных организаций. Поэтому даже о работе большевиков и Сталина в Закавказье подробно писать не стали [4, с.222].

История экономической мысли в СССР неизменно ровнялась на историю партии. И не удивительно, что при подготовке «Краткого курса истории ВКП(б)» навели порядок и в истории экономической мысли, приведя ее к общему знаменателю. Применительно к СССР была принята концепция, отрицающая наличие каких-либо региональных центров экономической мысли.

Наиболее серьезный удар был нанесен по позициям украинских историков марксизма в Российской империи. Ранее в политике украинизации допускалось признание, что первыми марксистами на территории СССР были украинские деятели, к которым был приписан даже швейцарский подданный Н.И. Зибер. Такая позиция вступала в противоречие с выведением марксизма в России от группы Г.В. Плеханова и была идеологически опасна: выходит допускалась мысль, что одно время были в стране два центра марксизма и оба признавались значимыми и правильными. На этот

факт могли опереться оппозиционеры внутри партии, заявив, что и в современном СССР возможны и законны альтернативные группы марксистов.

Позволим себе большую цитату, чтобы показать насколько жесткой была реакция на, казалось бы, довольно незначительный спор по истории экономической мысли в России XIX века: «По части грубой фальсификации роли Зиберера в истории русского марксизма все рекорды побили украинские контр-революционеры, националисты-петлюровцы. Большую помощь украинским национал-фашистам в обосновании их теории особых путей развития марксизма на Украине оказывали агенты гестапо – контр-революционные троцкисты. Эта попытка превратить Зиберера в родоначальника марксизма, эта попытка создания особого украинского марксизма является одним из моментов обоснования контрреволюционной попытки противопоставления Украины Советскому союзу, обоснования националистской и фашистской политики отрыва Украины от Советского Союза и реставрации капитализма» [5, с. XLIV].

История экономической мысли к концу 1930-х годов была предельно унифицирована с четким разделением на авторов правильных и неправильных. Оставлен Н.И. Зибер, но запрещены такие экономисты как П.Б. Струве и С.Н. Булгаков, перестали издавать книги К. Каутского и т.д. Полностью убирались какие-либо упоминания о деятельности дореволюционных и довоенных экономистов, ставших жертвами репрессий. При этом масштабы репрессий против экономистов были так велики, что фактически с 1940-х годов группы экономических исследований в регионах создавались с нуля и действовали под жестким идеологическим контролем.

Список использованной литературы

1. *Габдулхаков Р.Б.* Деятельность леворадикальных политических партий на Урале в начале XX века: дис. д-ра ист. наук. – М., 2004.
2. Ленин об Урале. – Свердловск. Средне-Уральское издательство, 1969.
3. *Медведев Р.А.* Люди и книги. Что читал Сталин? Писатель и книга в тоталитарном обществе. – М.: Права человека, 2004.
4. *Реуэль А.Л.* Зибер как экономист // Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
5. *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917-1921 годах. – М.: РОССПЭН, 2007.

Приоритеты региональной экономической политики в условиях глобальных вызовов

д.э.н. Андреева Е. Л.

*Институт экономики УрО РАН; УрГЭУ
г. Екатеринбург*

к.э.н. Ратнер А. В.

*Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург*

к.э.н. Алексина А. С.

*УрГЭУ
г. Екатеринбург*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОДДЕРЖКИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА¹

Анализируются глобальные экономические вызовы для национальных и региональных экономик. Предложена типология институциональных факторов поддержки внешнеэкономической деятельности (ВЭД) с учетом того, на какие вызовы они в первую очередь позволяют дать ответ. В частности, проиллюстрированы факторы, содействующие поиску внешних рынков сбыта, партнерских торгово-экономических отношений, путей повышения конкурентоспособности на мировом рынке.

Ключевые слова: институциональные факторы ВЭД, глобальные экономические вызовы, поддержка ВЭД предприятий, соглашения и выставки, факторы развития производства, поиск спроса

Развитие международной экономики характеризуется на текущем этапе рядом глобальных вызовов для национальных экономик, в том числе для российской. Представляется актуальным проследить, какие это вызовы и какие институциональные ресурсы для ответа на них есть у региона страны в части внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

Итак, могут быть выделены следующие вызовы:

— рецессия мировой экономики. Она проявляется в замедлении темпов роста мировой экономики. В особенности, она ощущается после мирового финансово-экономического кризиса 2009 г., когда сложилась «новая нормальность»: когда уже нету столь стремительного роста, как было до кризиса, и мировая экономика оказалась в новых условиях. Особенно остро в этих условиях стоит перед экономикой вопрос о реиндустриализации, необходимость которой осознана ведущими экономикой и начинает реализовываться на практике (Бодрунов С.Д.) [2, с. 7].

— рост международного торгового протекционизма. Стараясь защитить внутренние рынки от международной конкуренции (в немалой степени – в целях обеспечения развития стратегических отраслей внутри страны (Гусейнова А.И., Козлова Е.И.) [6, с. 148], страны нередко объединяются в региональные торговые союзы. В условиях использования международных нетарифных мер регулирования торговли и движения капитала (таких как

¹ © Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Алексина А. С. Текст. 2019.

санкции) сокращается реализация модели либерализации международной торговли.

— рост международной технической и экономической конкуренции. В рамках новой индустриализации нарастает знаниеёмкость производимого продукта (Бодрунов С.Д.) [2, с. 7-8]. Наблюдается интенсивное технологическое развитие развивающихся экономик, обладающих большим человеческим капиталом и локализованными на их территории производственными мощностями транснациональных корпораций. Развитые страны также активно внедряют инновации.

В этих условиях перед страной стоит вопрос оптимального участия в международном разделении труда. В российской экономике в качестве одной из важнейших задач обозначено развитие несырьевого экспорта.

Представляется актуальным выделить, какие трудности следуют из этих вызовов для экономики отдельного региона страны (как совокупности предприятий) в плане развития экспорта:

— из рецессии, замедления темпов роста мировой экономики следует, что под вопросом встаёт спрос на мировом рынке. Соответственно, предприятиям региона будет сложнее найти покупателей. Следовательно, нужно продвижение товаров региона на внешнем рынке.

— из роста международного торгового протекционизма следует, что (наряду с поиском путей развития экономических отношений с важными странами-партнёрами из числа поддерживающих нетарифные барьеры) актуален поиск дружественных стран-партнёров;

— из роста международной технической и экономической конкуренции следует, что нужно повышать качество и улучшать функциональные характеристики изготавливаемых товаров, так чтобы поддерживалась их конкурентоспособность на мировом рынке.

Представляется актуальным выделить, какие экономические инструменты могут быть задействованы для решения этих задач. Предприятия региона занимаются своим производственным, технологическим, экономическим развитием (имеют место усилия субъектов миниэкономики), получая поддержку от государственных институтов содействия развитию (усилия макро- и мезоэкономики). В литературе отмечается, что государственная поддержка экспорта содействует росту производительности предприятий-экспортёров вкู่ с обучающим эффектом экспорта, получению положительных внешних эффектов (таких как нахождение нового конкурентного преимущества), уходу от провалов рынка (таких как недостаток информации о зарубежных рынках, о возможностях встраивания в производственные цепочки) (Горовой Е.В.) [5, с. 83, 85-89, 91]. Таким образом, в институциональных факторах поддержки заключается важнейший ресурс оптимального участия экономики региона в международном разделении труда. Представляется, что самое прямое отношение к этому (с точки зрения курса на развитие несырьевого экспорта) имеют институциональные факторы поддержки ВЭД. Институты в экономической теории понимаются как нормы и правила, а также механизмы взаимодействия между экономи-

ческими субъектами. В контексте поддержки ВЭД представляется актуальным рассмотреть институты в части механизмов поддержки ВЭД региона.

Относительно институтов в части механизмов поддержки ВЭД региона можно сказать, что они функционируют в соответствии с федеральным законодательством, выражены в мерах стимулирования со стороны федеральных органов власти, занимающихся ВЭД, и в мерах по развитию региона, реализуемых региональными органами власти. В соответствии с поставленной в исследовании задачей, институциональные факторы развития ВЭД региона можно условно типологизировать по признаку того, на какие глобальные вызовы они в первую очередь позволяют предприятиям региона страны дать ответ:

— институциональные факторы, направленные на содействие в продвижении товара на уже имеющихся рынках, в том числе в международной сертификации, в поиске конкретных покупателей. Сюда можно отнести прямую поддержку предприятий-экспортёров со стороны федеральных органов власти (здесь следует упомянуть Министерство промышленности и торговли России). В научной литературе подчёркивается большое значение информационно-консультационного сопровождения в отношении существующего на зарубежных рынках нетарифного регулирования импорта, содействия при прохождении административно-таможенных процедур. Осуществляется работа по признанию в международном пространстве сертификации, полученной в России (Голубков М.А.) [4, с. 27, 35]. Через Российский экспортный центр (РЭЦ) реализуется модель «единого окна», и таким образом, он выступает для компаний-экспортёров важным каналом связи с министерствами и ведомствами, оказывающими поддержку несырьевого экспорта. Группа РЭЦ включает также Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций и АО «РОСЭКСИМБАНК» (exportcenter.ru/company). За рубежом компании могут получать информационно-консультационную поддержку от российских торговых представительств. Находясь в России, компании-экспортёры могут получать информационно-консультационную поддержку от Торгово-промышленной палаты, которая представлена в регионах. Министерством экономического развития России осуществляется ведение Единого портала внешнеэкономической информации (ved.gov.ru/about). Создан экспортный каталог, представляющий электронную площадку, информирующую потенциальных зарубежных партнёров о товарах российских экспортирующих компаний (ruexport.org). В регионах, в соответствии с Региональным экспортным стандартом (разработанным согласно приоритетному направлению развития РФ «Международная кооперация и экспорт»), может иметься структурное подразделение по развитию несырьевого экспорта, которое может содействовать информированию компаний о региональных и федеральных инструментах поддержки, формированию бизнес-миссий, продвижению регионального бренда за рубежом, созданию информационного ресурса по экспорту региона. Также в регионе может создаваться центр поддержки экспорта субъектов предпринимательства, который может участвовать

в выявлении приоритетных направлений содействия экспорту компаний в регионе. Предусмотрена возможность создания зарубежных торговых представительств региона; возможность выявления пожеланий экспортеров в части поддержки через поощрение создания объединений и ассоциаций экспортеров и включение их представителей в Экспортный совет региона.¹

— институциональные факторы, направленные на содействие в поиске новых рынков сбыта (в зарубежных странах, где меньше ограничений для покупки российских товаров). Сюда можно отнести заключение соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве с зарубежными странами (на федеральном уровне), с регионами зарубежных стран (на уровне региона), организацию международных выставок. Министерством промышленности и торговли России осуществляется организация международных выставок федерального уровня (как, например, выставка «Иннопром», проводимая в г. Екатеринбург (в проведении таких выставок участвуют также региональные органы власти)), поддержка участия отечественных компаний в выставках, проводимых за рубежом. В рамках выставок проводятся бизнес-форумы, семинары, можно получить актуальную информацию о возможностях поддержки для конкретного случая непосредственно от представителей институтов поддержки. Касательно международных соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве на федеральном уровне может быть отмечено, что они могут заключаться в том числе и в рамках отдельных отраслей, что свидетельствует в пользу нацеленности на предметное сотрудничество. Касательно регионального уровня можно отметить, что органом власти, занимающимся развитием внешнеэкономических связей, организуются международные визиты и приёмы официальных и бизнес-миссий, в ходе которых презентуется экспортный потенциал региона. Здесь может быть приведён и зарубежный опыт: например, в Гане в каждом её регионе существует по крайней мере одна выставочная площадка; также в стране имеется электронная торговая площадка (что соответствует и предыдущему типу факторов), где представлена широкая номенклатура производимой в стране продукции (Борцов Д.В.) [3, с. 394-395].

— институциональные факторы, направленные на содействие развитию производства товаров высококачественных и высокотехнологичных. Сюда можно отнести формирование институтов содействия производственному развитию (особых экономических зон, технопарков), формирование институтов прикладного образования. Важное значение для поддержки отечественного экспорта имеет стимулирование привлечения инвестиций отечественных и зарубежных компаний в создание и модернизацию высокой степени переработки, поддержка кластерного развития, содействие организации подготовки кадров соответствующих данным производствам специальностей [1, с. 584-584]. Здесь также может быть приведён зарубеж-

¹ Региональный экспортный стандарт // Российский экспортный центр [веб-сайт]. URL: https://www.exportcenter.ru/upload/iblock/be0/Региональный_экспортный_стандарт.pdf (обращение: 25.1.19). п. 2.2, . 2.3, 2.8, 2.12.

ный опыт: так, в Евросоюзе было запланировано оказание поддержки в области научных исследований и инноваций, в частности, с ориентацией на внедрение цифровых технологий (на создание «фабрик будущего») (Орлова Г.А. и др.) [7, с. 37-38].

Необходимо отметить, что многие институциональные факторы, поддерживающие ВЭД региона, позволяют дать ответ на все упомянутые глобальные вызовы, в статье лишь сделана попытка отметить, на какой вызов они дают возможность ответить в первую очередь. Также перечень институциональных факторов, поддерживающих ВЭД региона, весьма широк и поэтому многие из них не были приведены в качестве примеров. Данная условная типология позволяет в схематичном виде отметить, что существующее институциональное обеспечение, которое доступно для поддержки ВЭД предприятий региона, может быть соотнесено с запросами современных мирохозяйственных реалий.

Благодарность

Исследование в рамках данной статьи выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук МК-3463.2019.6.

Список использованной литературы

1. Андреева Е. Л., Сапир Е. В., Карх Д. А., Карачев И. А. Компаративный анализ внешнеэкономического развития фармацевтического сектора в РФ и США // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 2 – С. 576-589. – DOI: 10.17059/2019-2-20.
2. Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 5–12. – DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
3. Борцов Д. В. Развитие системы государственной поддержки экспорта в Республике Гана // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 8. – № 10А. – С. 390-399.
4. Голубков М. А. Нетарифное регулирование экспорта российской пищевой продукции в страны АТР // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4. – С. 25-38.
5. Горовой Е. В. Экономическая целесообразность государственной политики по продвижению экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4. – С. 83-94.
6. Гусейнова А. И., Козлова Е. И. Роль протекционизма в международной торговле // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 1 (35). – С. 144-149.
7. Орлова Г. А., Зеленюк А. Н., Савинов Ю. А., Тарановская Е. В. Государственная поддержка экспортеров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 3. – С. 33-45.

Антонов Д. А.,

*начальник отдела обеспечения и внутренней экспертизы МАУЗ ОТКЗ ГКБ №1
г. Челябинск*

Силова Е. С.,

к.э.н., доцент

Челябинский государственный университет,

г. Челябинск

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В МЕДИЦИНСКОЙ ОТРАСЛИ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

В статье уделяется внимание анализу института государственных закупок в сфере здравоохранения. На основе статистических данных Единой информационной системы проведен анализ динамики показателя конкурентных закупок по регионам УрФО, динамики доли несостоявшихся закупок и динамика среднего количества участников в торгах. На основе проведенного анализа сделан вывод, что рынок медицинской отрасли в целом нельзя назвать высококонкурентным. Наибольшее число заявителей на участие наблюдается в Челябинской области, показатель колеблется в пределах от 2,8 до 3,9 участника, в этом смысле область является самым конкурентным регионом, так как в целом по УрФО показатель колеблется в пределах от 2,1 до 2,3 участника. Наименьшее количество характерно для Тюменской области.

Ключевые слова: государственные закупки, эффективность закупок, здравоохранение

Несколько лет подряд отрасль медицины по совокупному размещению заказов входит в десятку крупнейших рынков государственного заказа. Минздрав РФ как крупнейший заказчик, размещающий закупки для государственных программ развития отрасли здравоохранения, входит в пятерку крупнейших заказчиков. Учитывая социальную значимость области здравоохранения и приведенные факты, необходимость в анализе эффективности закупочного процесса только растет.

Анализ эффективности государственных закупок позволяет ответить на вопросы степени эффективности использования средств фонда обязательного медицинского страхования, а также бюджетных средств, что может способствовать выявлению резервов и зон развития.

Е.А. Федченко, рассматривая эффективность в секторе государственных закупок, опирается на относительный показатель эффекта для бюджета в результате исполнения бюджетных средств [3]. С учетом специфики бюджетного процесса она называет три основных вида экономической эффективности: экономичность использования средств, определяемую как отношение затрат к полученным результатам; результативность как отношение результата к целям; целесообразность как соответствие целей реальным потребностям, проблемам.

¹ © Антонов Д. А., Силова Е. С. Текст. 2019.

О. И. Карепина обращает внимание на требования, которым должны отвечать показатели эффективности бюджетных расходов: адекватность, точность, объективность, достоверность, однозначность, экономичность, сопоставимость, своевременность, регулярность и уникальность [2]. И. В. Баранова указывает на особенности экономического положения государственных отраслевых заказчиков определяемые тем, что они не производят материальных благ [1].

Для проведения анализа по приведенным критериям была собрана статистическая информация по Уральскому федеральному округу (далее УРФО) в разрезе областей за 2015-2018 годы по данным Единой Информационной системы (далее ЕИС), а также ресурсам сети Интернет, позволяющим собрать агрегированную информацию по заказчикам отрасли медицины.

Анализ статистических данных, сгруппированных определенным образом, позволяет сформулировать несколько гипотез относительно тенденций и явлений, наблюдаемых в отрасли здравоохранения.

Предположим, что уровень конкуренции на рынке государственных закупок влияет на эффективность проводимых заказчиками закупочных процедур. Для проверки этой гипотезы была собрана агрегированная статистическая отчетность по заказчикам и по областям региона УрФО за отчетные периоды с 2015 по 2018 год. Проведем статистический анализ по критерию конкурентности.

Рассмотрим некоторые показатели, характеризующие эффективность закупок в медицинской отрасли.

Доля конкурентных закупок в общем объеме проведенных закупок. Результирующие показатели представлены в таблице 1.

Важность анализируемого критерия обосновывается тем, что уровень конкурентной среды носит исключительно важную роль в эффективности государственных закупок. Наличие здоровой конкуренции обеспечит жесткую, бескомпромиссную борьбу поставщиков на получение государственных контрактов. Уровень конкуренции влияет как на показатель экономики при размещении государственного заказа, так и на поведение поставщика при исполнении условий контракта.

В свою очередь если увеличивается объем заказов, размещенный у единственного поставщика, – это отрицательная тенденция, свидетельствующая о снижении уровня конкуренции.

Исходя из этих положений, мы можем видеть, что наибольший показатель в динамике по годам характерен для Челябинской области, где он варьируется от 65,7 % до 73,9 %. Свердловская область на протяжении 2015 – 2018 гг. размещает две третьих своих заказов конкурентными способами, показатель варьируется от 56,8 % до 75,3 %. Наименьший показатель доли размещенных заказов соответствует Тюменской области, где устойчиво наблюдается диапазон от 42,1 % до 50,5 %. Анализ по средним показателям за период 2015-2018 гг. также подтверждает, что в 1,5 раза показатель ниже

Таблица 1

Динамика показателя конкурентных закупок по регионам УРФО в целом с 2015 по 2018 годы, в процентах от общего объема

Годы	Челябинская обл.	Свердловская обл.	Тюменская обл. (включая ХМАО, ЯНАО)	Курганская обл.	Показатель по УРФО
2015	72,3	65,1	45,7	44,6	61,6
2016	70,8	62,7	50,4	59,7	62,7
2017	65,7	56,8	42,1	72,5	58,8
2018	73,9	75,3	50,5	65,7	67,9
Ср. значение по годам	70,7	65,0	47,2	60,6	62,7

Таблица 2

Динамика изменения доли несостоявшихся закупок в общем объеме конкурентных закупок, в процентах

Годы	Челябинская обл.	Свердловская обл.	Тюменская область (включая ХМАО, ЯНАО)	Курганская обл.	Совокупно по УРФО
2015	0,7	0,4	0,8	1,6	0,7
2016	0,8	1,0	0,8	0,6	0,8
2017	0,5	1,3	2,2	0,5	1,1
2018	1,3	2,1	1,3	2,6	1,7
Среднее значение по годам	0,8	1,2	1,3	1,3	1,1

уровня Челябинской области. В целом по УРФО варьируется в значениях от 58,8 % до 67,9 %. Средний показатель по годам находится на уровне 62,7 %.

В целом по региону необходимо отметить, что доля закупок конкурентным способом находится на удовлетворительном уровне. Более двух третей закупок 2018 года было осуществлено конкурентным способом.

С точки зрения развития конкуренции на территории УРФО рынок медицинской отрасли в целом нельзя назвать высококонкурентным.

Проанализируем второй показатель - долю несостоявшихся закупок в общем объеме конкурентных закупок. Данный показатель характеризует экономический эффект от проведения закупок конкурентными способами определения поставщиков. Высокое значение показателя свидетельствует об отсутствии конкуренции, существовании риска получения предложений с завышенной стоимостью. Необходимо отметить, что признать закупку несостоявшейся заказчик может по различным причинам. Основные из них – отсутствие заявителей по ценовому фактору или условиям исполнения контракта, в аукционе – в случае если один участник не сделал шаг аукциона, если заявители подали заявку, не удовлетворяющую критериям закупки. Данная ситуация негативно отражается на закупочном процессе и требует проведения повторного размещения закупки, что продлевает сроки исполнения и также влияет на бюджетную составляющую.

В таблице 2 приведены результаты расчета данного показателя.

Анализ данного показателя по регионам УРФО находится в статистически не значимых пределах. Наиболее низкий показатель присущ Челябинской и Свердловской областям за исследуемый период. Тюменская и Курганская области не имеют четко выраженной тенденции о доли отклоненных закупок. Однако общим для всех регионов следует отметить увеличение доли отклоненных закупок в последние периоды в 2017 – 2018 гг.

Не менее важным в критерии анализа конкурентной среды и ее влияния на эффективность закупок в медицинской отрасли имеет показатель, анализирующий количество потенциальных поставщиков, заявляющихся на участие в государственном тендере. Данный фактор обязательно рассчитывается в развитых странах и позволяет анализировать влияние данного фактора на общую эффективность государственных закупок.

Показатель характеризует уровень конкуренции при проведении закупок. Нормальные значения этого показателя находятся в диапазоне 3–7 участников закупки на одну процедуру. Меньшие значения (особенно значения, близкие к единице) характеризуют либо завышенный уровень требования заказчика, либо низкий уровень конкуренции на рынках, на которых производится закупка, либо наличие иных факторов, не позволяющих эффективно применять данный способ закупки. Значения меньше единицы говорят о наличии в статистических данных ошибок. Число участников, подавших свои заявки на участие в конкурентных способах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), отражает реальный уровень конкурентной активности. Чем выше данный показатель, тем выше конкурентная борьба между участниками процедуры, что влияет на возможность получения экономии бюджетных средств.

Чем больше участников в конкурентных торгах, тем выше ожидается экономия от проведенных конкурентных процедур. Таким образом наличие конкурентной среды дает возможность развиваться участникам рынков и оптимизировать свои бизнес-процессы, а государству удовлетворять потребности в нуждах по оптимальной цене. Рассмотрим анализ данного показателя для регионов УРФО. В таблице 3 приведено расчетное значение по годам.

В приведенной аналитике по регионам можно сделать вывод, что наибольшее число заявителей на участие наблюдается в Челябинской области, показатель колеблется в пределах от 2,8 до 3,9 участников, что является наибольшей величиной по УРФО. В Свердловской области в секторе медицинских закупок наблюдается значение от 1,3 участников в 2015 году до 2,5 участников в 2018. За последние 2 анализируемых года показатель в Свердловской области улучшается. Наиболее низкие результаты фиксируются в Тюменской области, в трех из четырех анализируемых периода показатель составлял значение около 1,7 и только в 2017 показатель равнялся 2,7 участников.

Таким образом, можно говорить о некоторой конкурентной изолированности Тюменской области в медицинской отрасли. Можно предположить в качестве причин региональной изолированности такие факторы как

Динамика среднего количества участников в конкурентных процедурах медицинского сектора, в единицах

Годы	Челябинская обл	Свердловская обл	Тюменская область (включая ХМАО, ЯНАО)	Курганская обл	Показатель по УРФО
2015	2,8	1,3	1,7	2,4	2,1
2016	3,6	1,4	1,4	1,2	2,0
2017	3,9	1,9	2,7	2,2	2,7
2018	3,1	2,5	1,6	2,3	2,4
Среднее по годам	3,4	1,8	1,8	2,0	2,3

в сложная логистика в ХМАО и ЯНАО, климатическом факторе этих регионов, что во многом имеет существенное значение для медтоваров.

Уровень участия в конкурентных процедурах Курганской области сопоставим с уровнем Свердловской области и составляет около 2,0 участников.

В целом, характеризуя ситуацию с конкуренцией в отрасли здравоохранения, можно сделать следующие выводы. Средний показатель участия в торгах находится на уровне 62,7 %. Доля закупок конкурентным способом находится на удовлетворительном уровне. Более двух третей закупок 2018 года было осуществлено конкурентным способом. По количеству участников в закупках лидирует Челябинская область – от 2,8 до 3,4, это не очень высокий показатель, так как норматив предусматривает до 7 участников. Для Свердловской и Тюменской областей характерны крайне низкие значения данного показателя. Эффективность закупок в сфере здравоохранения находится не на высоком уровне, в отрасли необходимо наращивать конкуренцию.

Список использованной литературы

Баранова И.В. Оценка эффективности использования бюджетных средств: теория и практика. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т экономики и управления, 2009. – 217 с.

Карепина О.И. Развитие государственного финансового контроля в системе высших учебных заведений / О.И. Карепина, С.Н. Меликсетян // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 29.

Федченко Е.А. Формирование системы показателей эффективности использования бюджетных средств // Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice. – 2016. – Vol. 20(2). – P.106-116. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-2-106-116>.

Бельдягина А. М.
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

В статье обозначена актуальность развития высокотехнологичного сектора для Российской Федерации, рассмотрена структура мирового рынка технологий, выделены его основные участники, отмечена тенденция к возрастанию роли инновационных малых и средних предприятий (МСП). Показана малая инновационная активность МСП в России и выявлены основные причины данной стагнации. Подробно рассмотрены пути повышения инновационной активности малого и среднего бизнеса через инструменты государственной поддержки предприятий в регионах.

Ключевые слова: инновации, государственная поддержка, МСП, рынок технологий

Развитие высокотехнологичного сектора является ключевым фактором роста и повышения национальной конкурентоспособности. Место и роль на мировой экономической арене, а также финансовую стабильность определяет способность страны создавать и внедрять собственные инновации. Для России проблема развития высокотехнологичного сектора имеет особую актуальность, учитывая факт того, что за страной закреплена сырьевая ориентация экономики. Для усиления экономической роли, в первую очередь, необходимо модернизировать систему государственной поддержки и технологической базы, стимулировать развитие высокотехнологичного производства. Целью работы является исследование государственной поддержки инновационной активности малых и средних предприятий и российской практике.

В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- исследовать структуру рынка технологий;
- оценить роль МСП в инновационном процессе;
- проанализировать государственную поддержку инновационной активности предприятий в Российской Федерации.

Информационной базой выступили учебные пособия по мировой экономике и инновационному менеджменту; базы статистической информации; публикации профессиональных СМИ – ТАСС, Эксперт.

Мировой рынок технологий является крупной ареной обмена и передачи плодов научной деятельности, производимых с целью повышения технического и технологического уровня производства, а также получения прибыли. Технологии выступают на мировом рынке в виде комплекса научно-технических знаний, приемах и методах производства, а также формах его организации и управления. Объектами сделок на рынке технологий

¹ © Бельдягина А. М. Текст. 2019.

Рис. Структура рынка высоких технологий (Ломакин, В. К. *Мировая экономика: учебник для вузов. 3-е изд., стереотип. М., 2007. 672 с.*)

становятся результаты интеллектуальной деятельности человека в материальной и нематериальной форме. Под материальной формой понимается готовое производственное оборудование, под нематериальной - различные виды информации, производственный опыт и знания. Главными участниками рынка выступают государства, инновационные компании и фонды, физические лица (рис.).

Условное распределение технологий по странам можно представить в виде «технологической пирамиды», где на вершине стоят создатели новых технологических принципов (США, Япония, Германия, Франция), средний уровень занимает «второй эшелон» (Китай, несколько стран ЕС), а на последней ступени располагаются «сборщики» высокотехнологичной продукции (Россия, Ирландия, Малайзия, Мексика и др.). Не менее важными участниками рынка выступают различные инновационные компании. Начиная с 1980-х около 2/3 мирового технологического обмена приходится на внутрифирменный обмен крупнейших транснациональных компаний. Более 60% лицензионных поступлений промышленно развитых стран приходится на долю внутрикорпорационных поступлений (в США – 80%). Большие средства расходуются на внедрение и распространение новых технологий, создание на их базе новых товаров, пользующихся спросом и конкурентоспособных на рынке.

Значительной тенденцией последних лет является расширение роли малых и средних инновационных предприятий в экономиках мира. Если крупный бизнес в основном ориентирован на массовый, относительно однородный рынок, то малые предприятия успешно занимают небольшие, в том числе новые сегменты рынка, чему способствует их мобильность, способность к быстрым структурным и техническим сдвигам. Субъекты МСБ играют важную роль в развитии наукоемких высокотехнологичных производств, часто выступают поставщиками инноваций для крупного бизнеса. Так, по данным ОЭСР в настоящее время во Франции малые предприятия создают до 30% значительных изобретений, в Англии – 28%. В США 60% инновационной продукции создается предприятиями МСБ, на которых сосредоточено около 40 % технического персонала страны. Малые иннова-

Таблица

Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных малых предприятий РФ, 2007-2017 гг., %¹

Удельный вес инновационных МП в общем числе обследованных МП, %						
Год	2007	2009	2011	2015	2015	2017
Удельный вес	4,3	4,1	5,1	4,8	4,5	5,2

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.

ционные предприятия в относительном выражении вкладывают в НИОКР больше средств, чем крупные. Кроме того, завершающий (внедренческий) процесс протекает на таких предприятиях в среднем на год быстрее.¹

На 2017 г. доля малого бизнеса в ВВП России достигает лишь 21% (40% в общем количестве предприятий; 0,8% в инновационных) [1]. Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных малых предприятий в 2017 г. составил 5,2%. Значение данного показателя варьировало в пределах 4-5% в период с 2007 по 2017 г., достигая своего максимума в 2015 г. (5,1%) (таблица).

Одним из факторов данной стагнации выступает экономическая модель российской экономики, которая в большей степени направлена на развитие и поддержку крупного бизнеса. В свою очередь крупные предприятия предпочитают использовать уже имеющиеся технологии, пассивно участвуя в жизни малых предприятий (например, отказываясь от инвестиций в венчурные проекты). Еще одной вероятной причиной выступает отсутствие «инновационных компетенций» у предпринимателей. Бизнес общество способно генерировать идеи, но не имеет возможности воплощать их в жизнь, особенно в виде коммерческих проектов. Таким образом, основной задачей государственной политики должен стать фокус на малые и средние предприятия и разработку, в первую очередь, образовательных инструментов поддержки, заточенных именно на малый инновационный бизнес.

Проблему образования и улучшения взаимодействия между малым и крупным бизнесом могут решить программы акселерации. В стране уже существует несколько программ регионального характера. Так, например, в Ленинградской области популярны программы обучения «Бизнес-акселерация 2018» по направлениям «Производство и инновации» и «Креативная индустрия». Предприниматели Ленинградской области под руководством профессиональных бизнес-тренеров получают современные компетенции в сфере развития бизнеса, повышения рентабельности своих предприятий, создании рабочих мест, расширения партнерской сети и выхода на новые рынки. Внедрена система бизнес-акселерации в рамках модернизации Белгородского регионального ресурсного инновационно-

¹ Агарков С. А., Кузнецова Е.С., Грязнова М.О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. Учеб. пособие. – М.: ИД «Академия естествознания», 2011. – 254 с.

го центра. Созданное бизнес-пространство «Контакт» включает площадку для коммуникаций, помещения технопарка, бизнес-инкубатора, коворкинга и другие объекты инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Основной целью проекта является повышение предпринимательской активности путем создания в едином месте возможности для общения, получения новых знаний и обмена опытом с успешными предпринимателями. В Тюменской области в рамках государственной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства и научно-инновационной сферы» поддержка оказывается не только в форме предоставления субсидий и грантов, но и в виде развития культуры предпринимательства и инноваций, регион активно содействует реализации и продвижению инновационных проектов и разработок. В рамках реализации Программы государственная поддержка оказывается в форме предоставления следующих субсидий и грантов. В рамках нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в регионах планируется к 2024 г. открыть 100 центров «Мой бизнес». Проект направлен предоставлять услуги для начала и ведения предпринимательской деятельности по принципу «единого окна».

По итогу рассмотрения вопроса государственной поддержки МСП можно сказать, что государство движется по курсу улучшения экономического климата для рассматриваемого сегмента бизнеса. Особое внимание стоит уделить образовательной поддержке, бизнес сообщество способно генерировать идеи, но не имеет возможности воплощать их в жизнь, особенно в виде коммерческих проектов. У страны есть потенциал в виде перспективных разработок и только развитие «диалога» власти и бизнеса может выступить гарантией дальнейшей модернизации российской экономики и повышения общего экономического уровня страны.

Список использованной литературы

1. Коваленко А. Свободу малому и среднему // Эксперт Урал. – 2016. – № 21 (688) [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/ural/2016/21/svobodu-malomu-i-srednemu/>, свободный.

к.т.н. Бушуев В. С., к.э.н. Коньшева Е. В., к.э.н. Пономарева М. С.
Уральский государственный университет путей сообщения
г. Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

В данной статье рассмотрены современные тенденции развития региональных субъектов инновационной деятельности. Представлена модель управления научным потенциалом вуза, направленная на повышение эффективности интеграции научной, образовательной и инновационных видов деятельности. Особое внимание в статье уделяется выработке механизма управления научным потенциалом вуза в целях реализации инновационной деятельности региона.

Ключевые слова: научный потенциал, инновации, исследования, X-матрица (Хосин Канри), научная деятельность.

Сегодня, на этапе макроэкономической нестабильности, задача инновационного развития в нашей стране состоит в том, чтобы найти способы активизации субъектов инновационной деятельности. Опыт инновационной деятельности российских отраслевых вузов подтверждает их малую способность адаптироваться к требованиям рынка и производить пользующуюся спросом инновационную продукцию, готовую к коммерциализации в ограниченные сроки, предсказывая запросы бизнеса.

Высшей Школой Экономики проведен эмпирический анализ (опрос представителей бизнеса) существующих барьеров развития кооперации ВУЗов и бизнеса. Согласно результатам опроса представителей бизнеса, основными барьерами коммерциализации инноваций являются: отсутствие на предприятии средств к внедрению новой технологии (44% респондентов), и высокие экономические риски внедрения (42% респондентов). Другими словами, бизнес не готов платить за промежуточный продукт. Им нужны готовые к практическому внедрению результаты научно-исследовательской деятельности, реализуемые на производстве в короткие сроки.

Контролирующие органы в сфере образования и науки также направлены на оценку научной деятельности ВУЗов по количественному признаку «Объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на одного научно-педагогического работника». Важно, что объем НИОКР в показателе рассчитывается по стоимостному признаку, как объем средств, поступивших от выполнения научно-исследовательских и опытно конструкторских работ.

В заданных условиях, ВУЗы могут действовать «в кругу своего влияния» [8], а именно создавать внутреннюю стратегическую и оперативную политику управления научным потенциалом.

¹ Бушуев В. С., Коньшева Е. В., Пономарева М. С. Текст. 2020.

Существующий управленческий механизм построения научно-исследовательской деятельности в университетах часто заключается в подготовке отчетов научно-исследовательских работ по кафедре, написанию публикаций и статей. Данный вид деятельности представляет собой часть индивидуального плана преподавателя. Этот план является основным направляющим и контролирующим документом, который регламентирует научную деятельность работников университетов. Выстраивается он на основе плана научно-исследовательской работы кафедры, который утверждается проректором по науке на 3-5 лет. Таким образом, основной организационной единицей научно-исследовательской деятельности в ВУЗе является коллектив кафедры [1-2, 6, 8]. При этом необходимо заметить, что при таком подходе научный коллектив рассматривается лишь как административная единица, которую представляет кафедра. И горизонтальные связи между другими кафедрами по смежным научным вопросам (интересам) отсутствуют.

Следовательно, для выявления научного потенциала и управления им важно создать среду для его генерации и развития, организации и поддержки неформальных связей. В рамках построения теоретических основ управления научным потенциалом целесообразно уточнить эту категорию исследования.

Под научным потенциалом понимается совокупность всех ресурсов ВУЗа, в том числе материальных и нематериальных. Важно также ввести временный классификатор научного потенциала в целях конкретизации ресурсов для их целевого планирования. Предлагаем ввести следующую классификацию научного потенциала: располагаемый, фактически используемый и реализованный (рис. 1).

Целевым аспектом систематизации и последующего планирования является возможность дальнейшей коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности (НИР).

Рис. 1. Структура временного классификатора научного потенциала

Также для планирования и организации НИР в соответствии с запросами внешней среды необходимо построить систему управления.

Структура управления НИР, как правило, опирается на четыре основных блока:

1. Выбор стратегических направлений прикладных исследований, исходя из приоритетных задач бизнес-сообщества и государственных задач.
2. Управление научным потенциалом.
3. Организация исследования.
4. Материальное обеспечение исследовательских проектов.

При формировании плана НИР важно сформулировать стратегию исследований в соответствии с запросами внешней среды, и научным потенциалом ВУЗа (располагаемым, фактически используемым, реализованным), а также определить место этого исследования в дальнейшей подготовке аспирантов и докторантов.

В качестве потенциальных заказчиков научных исследований предлагаем рассматривать неконкурентные между собой региональные предприятия. Например, предприятия Уральского федерального округа из железнодорожной сферы деятельности – Уралвагонзавод, Уральские локомотивы, СПК, ОАО «РЖД», Транскотейнер. В смежных отраслях – Газпром, УГМК, АВИСМА, а также региональные власти – Минтранс Свердловской области, муниципалитеты, грантодателей – РВК и РФФИ и др.

В качестве источника для получения информации возможно использовать:

1. Долгосрочные программы развития.
2. Стратегии развития.
3. Информацию от источника в рамках Агентства стратегических инициатив (дорожные карты)¹.

Многие задачи в программах развития бизнеса идентичны, они направлены на минимизацию расходов, максимизацию доходов и автоматизацию управления, сокращение рисков. Это актуально для всех отраслей и разработка механизмов, способствующих выполнению этих задач, позволит реализовать и осуществить полный цикл исследовательских и внедренческих услуг.

Следовательно, важно при разработке предложений для НИР ориентироваться на ключевые виды деятельности в регионе, а не на конкретные фирмы или секторы экономики всей страны. Использование этого принципа позволит диверсифицировать НИОКР в другие виды бизнеса, что повысит шансы на ее коммерциализацию.

На основании этих сведений возможно построить X-матрицу (Хосин Канри). Данный инструмент позволит соотнести стратегические задачи регионального бизнеса с потенциальными и реальными возможностями ВУЗов.

¹ Налоговые стимулы развития арендного жилья: опыт США. 2018. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/upload/iblock/a56/a56c6b789ee355daafa4b1d6a2ca89cb.pdf>.

*	*	УГМК				Уч	Уч	ОТ	Уч	Уч		Уч	Уч
*	*	Свердловская железная дорога (ОАО "РЖД")				Уч	Уч	Уч	Уч	ОТ		ОТ	Уч
<p>Отдавая приоритет "целевым" госзаказам, обеспечить снижение нагрузки на окружающую среду в 2 раза</p>	<p>Повысить уровень удовлетворенности клиентов счет повышения качества услуг при сохранении конкурентоспособной стоимости перевозок</p>	ЗАКАЗЧИКИ		<p>НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ</p> <p>Формирование Коммунальных предприятий транспортного обслуживания населения</p>	<p>Ответственные, учения степень, ФИО</p>								
		<p>ЦЕЛИ ЗАКАЗЧИКОВ</p> <p style="font-size: 2em; text-align: center;">X</p>			<p>ИССЛЕДОВАНО УргГПС</p>								
					<p>Концепция организации городских железнодорожных пассажирских перевозок в городе Тюмени</p>								

Рис. 2. X-матрица для Хосин-команды

X-матрицу будем рассматривать как инструмент управления комплексными проектами на межведомственном (межфункциональном) уровне. Использование этого инструмента наряду с фасилитацией групповой работы позволит создать сообщество ученых в рамках ВУЗа, сконцентрировав реализованный, фактически используемый и располагаемый научный потенциал. В основе данной методологии лежит инструмент X-матрица и метод формирования Хосин команды – фасилитация групповой работы.

X-матрица – это инструмент, позволяющий стратегии сделать видимой, систематизированной и измеримой. В управлении проектами, она позволяет определить задачи, ответственных и результаты. В случае организации научной работы, она также будет способствовать систематизации запросы внешней среды и избежать риски не востребованности результата.

В целях адаптации матрицы к задачам по развитию и реализации научного потенциала ВУЗа, ее можно представить на 1 шаге исследования в виде матрицы соотношения потребностей заказчиков с возможностями ВУЗа (рисунок 2).

Работать с данным инструментом необходимо командой, чтобы каждый причастный к реализации задач этой матрицы принимал участие в ее разработке (2 шаг создания X-матрицы). Для этого необходимо определить шаги создания матрицы и уровни команд, а затем организовать их работу по принципу PDCA цикла.

Шаги проектирования X-матрицы:

1 шаг на уровне масштаба всей компании сформировать матрицу направлений исследований (определить и поддерживать связь с потенциальными заказчиками от первых лиц). Могут быть задействованы заведующие кафедр, деканы, ректоры, представители научных организации и бизнес сообществ. ХОСИН КОМАНДА

Таблица

Рейтингование НИОКР балльным методом

Баллы				
1	2	3	4	5
Отсутствует необходимый научный потенциал	Отсутствует фактический и реализованный научный потенциал	Требуются незначительные вложения в располагаемый научный потенциал	Требуются незначительные вложения в фактически научный потенциал	Достаточно фактически используемого научного потенциала
Возможность внешнего финансирования отсутствует	Финансовые вложения незначительные	Необходимы значительные финансовые вложения	Необходимы незначительные финансовые вложения	Не требуется вложений
Срок коммерциализации результата исследований значителен	Срок коммерциализации результата исследований значителен; срок окупаемости проекта велик	Короткий срок коммерциализации; значительный срок окупаемости проекта	Короткий срок коммерциализации; средний срок окупаемости проекта	Короткий срок коммерциализации; малый срок окупаемости
Необходима разработка новых правовых документов	Необходимо получение множества согласований	Процедура получения разрешительных документов проста и не требует много времени	Необходимо согласование регулирующих органов	Отсутствуют правовые ограничения

2 шаг сформировать матрицу укрупненно по каждому проекту представленной матрицы на 1 шаге. С этой задачей возможно справится ученый совет. Представители каждого направления научных исследований выступают в качестве экспертов по каждому проекту и определяют межфункциональную (межкафедральную) команду лидеров проекта, способную реализовать задачи проекта. **ТАКТИЧЕСКАЯ КОМАНДА**

3 шаг Межкафедральная команда оперативных лидеров получают матрицу по отдельному проекту, сформированную на 2 шаге, и приступают к ее реализации. В состав команды необходимо тех, кто готов поддержать команду техническими средствами, материальными средствами, и обладают требуемыми компетенциями. **МЕЖКАФЕДРАЛЬНАЯ КОМАНДА ОПЕРАТИВНЫХ ЛИДЕРОВ**

4 шаг реализации проекта под руководством и ответственностью Межкафедральной команды оперативных лидеров. К этому проекту могут быть привлечены студенческое сообщество и молодые ученые. **КОМАНДА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ**

Каждый проект прежде, чем перейти ко 2 шагу должен пройти рейтингование, которое предлагается выполнить на основе аудита НИР (балльной оценки) (таблица).

Процедура аудита должна проводиться Хосин командой, тактической командой и быть предназначена для оценки практической реализуемости данного научного направления исследований в среде регионального ВУЗа.

Оценка осуществляется по нескольким параметрам: наличие компетентных научных работников, финансовых и материальных ресурсов, срок коммерциализации идеи, а также ограничения в реализации вследствие отсутствия необходимых нормативно-правовых документов или, напротив, присутствия ограничивающих документов. В приоритете остается проект с наибольшим баллом.

Данная модель, на наш взгляд, позволит повысить эффективность взаимодействия региональных субъектов инновационной деятельности, а также создаст условия для развития инноваций в региональном ВУЗе и регионе в целом, станет отличным инструментом для управленческого штата университета в целях систематизации и реализации научного потенциала.

Список использованной литературы

1. *Антропов В. А.* Образовательный кластер – новое понятие в системах кадрового обеспечения регионов // Вестник УрФУ. – 2012. – № 4. – С. 163–174.
2. *Антропов В. А.* Проблемы модернизации и инноваций в российском профессиональном образовании. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 104 с.
3. *Кови С. Р.* Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 396 с
4. *Резник Г. А., Пономаренко Ю. С., Парамонова Л. С.* Оценка факторов конкурентоспособности вуза в современных условиях // Интернет-журнал

«Мир науки». – 2015. – №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/12PMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана.

5. *Смирнова В. Р.* Управление интеллектуальной собственностью в инновационной деятельности: автореф. дис... д-ра экон. наук. – М., 2011. – 47 с.

6. *Татаркин А. И.* Интегративные механизмы эффективной организации научных исследований на экономических кафедрах университетов Екатеринбурга / А. И. Татаркин, В. А. Антропов // Материалы первого круглого стола «Интеграция академической и вузовской науки». – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – С. 23–38.

7. *Шеленговский П. В.* Особенности интеллектуальной собственности и инноваций в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6.– № 12А. – С. 167-173.

8. *Шеломенцев А. Г.* Интегративные механизмы эффективной организации в российских университетах / А. Г. Шеломенцев, В. А. Антропов // Актуальные проблемы современности. Серия: Экономика. – 2012. – № 9 (89). – С. 4–12.

к.э.н. Вышегородский Д. В.

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Екатеринбург

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЕМНОГО ЖИЛЬЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Статья посвящена разработке рекомендаций по решению актуальной проблемы государственной поддержке развития строительства наемного жилья на региональном уровне. Особо отмечено, что в России к настоящему времени подготовлена необходимая нормативно-правовая база для строительства наемного жилья. Необходимы меры по стимулированию инвестирования и обеспечению бюджетного финансирования этого сектора строительной отрасли. Автором предложены мероприятия на всех уровнях государственного и муниципального управления для создания привлекательной инвестиционной среды и по совершенствованию механизма государственного субсидирования при строительстве и эксплуатации наемного жилья.

Ключевые слова: жилищная политика, региональный рынок наемного жилья, строительство жилья в Свердловской области

В России такой инструмент государственной жилищной политики, как предоставление жилья гражданам только в собственность, недостаточен для удовлетворения существующего в стране спроса на жильё. В условиях роста спроса на доступное и комфортное жильё тема формирования развитого рынка наемного жилья приобретает всё большую актуальность. На федеральном уровне поставлена задача по созданию легального рынка коммерческого и социального найма жилья, предполагающая строительство в значительных масштабах наемных домов, которые рассматривают в качестве альтернативного способа удовлетворения спроса на жильё.

Статья I. Цель научного исследования – разработка рекомендаций по формированию концепции государственного управления развитием строительства наемного жилья в Свердловской области в рамках совокупности мер государственного регулирования наемного жилья в Российской Федерации.

Статья II. Один из важнейших социально-экономических показателей благополучия страны и оценки успешности государственного управления – это обеспеченность населения жильем. Как показано в таблице 1 уровень обеспеченности жильем в России ниже, чем в некоторых странах. В Свердловской области показатель обеспеченности жильем, хотя и выше общероссийского среднего, но, как указано в таблице 2, не выводит регион на лидирующие позиции. В развитых странах довольно велика доля жилого фонда,

¹ © Вышегородский Д. В. Текст. 2019.

Таблица 1

Обеспеченность жильем, в некоторых странах

Страна	м²/тыс. чел.
Канада	76
США	70
Германия	39
Франция	39
Польша	25
Россия	

Таблица 2

Обеспеченность жильем в субъектах РФ, в 2017 г.^{*}

Место	Субъект	м²/тыс. чел.
1	Московская область	31,8
2	Тверская область	31,3
3	Новгородская область	31,2
4	Белгородская область	30,6
5	Псковская область	30,4
46-48	Свердловская область	25,7

^{*} Рисунок см. Сапир Ж. G7 в Биаррице: конец вестернизации <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sammit-g7-v-biarritse-konets-vesternizatsii/?s>.

находящегося в найме. Например, в США - 34 %¹, в Германии – 54 % [3]. В России доля жилого фонда в найме оценена в 7 % [2].

Социальным наймом в развитых странах решают проблему предоставления жилья малообеспеченному населению. В Германии среди малообеспеченных семей снимают жилье 70 %, в Швеции – 65 %, в Дании – 60 %, в Финляндии – 59 % [1].

Одним из инструментов решения государством задачи обеспечения населения страны доступным и комфортным жильем служит поддержка строительства наемного жилья.

В России, а также в Свердловской области, создана нормативно-правовая база, обеспечивающая строительство и функционирование наемного жилья коммерческого и социального использования, поэтому в настоящее время основная задача развития строительства наемных домов в России заключается в привлечении инвестиций и определения величины государственных субсидий в этот строительный сектор. Для создания привлекательной инвестиционной среды и совершенствованию механизма государственного субсидирования при строительстве и эксплуатации наемного жилья предложены мероприятия на всех уровнях государственного и муниципального управления.

¹ Развитие рынков ипотеки и жилищного строительства в 2000-2017. Минстрой России, ДОМ. РФ URL: https://xn--d1aqf.xn--p1ai/wp-content/uploads/2016/04/AHML_17-let_2017.12.11.pdf.

Предлагаемые мероприятия государственного регулирования по развитию строительства наемных домов в России

	Мероприятия	Ожидаемые результаты от реализации мероприятий	Органы ГМУ, которым адресованы мероприятия
1	Подготовка и запуск программы по строительству наемного жилья для граждан с низкими доходами при помощи Единого института жилищного строительства (АО «ДОМ.РФ»)	Ускорение темпов обеспечения жильем граждан с низкими доходами в России	Инициатор - Министерство строительства и ЖКХ РФ, поддержка Правительства РФ, Федерального собрания, Президента РФ
2	Налоговые льготы для застройщиков и операторов наемного жилья, участвующих в программе по строительству наемного жилья для граждан с низкими доходами	Увеличение объемов строительства наемных домов в России, снижение затрат на строительство наемного жилья	Инициатор - Министерство строительства и ЖКХ РФ, поддержка Правительства РФ, Федерального собрания, Президента РФ
3	Частичное или полное освобождение от налога на прибыль инвестиционных фондов недвижимости, при соблюдении ими условия, что не менее 25 % доходов фонд получает от сдачи в найм недвижимости	Увеличение объемов инвестиций в строительство наемных домов в России	Инициатор - Министерство финансов РФ, поддержка Правительства РФ, Федерального собрания, Президента РФ
4	Налоговые вычеты для нанимателей жилья по НДФЛ	Увеличение количества нанимателей жилья в наемных домах, снижение платы за найм	Инициатор - Министерство финансов РФ, поддержка Правительства РФ, Федерального собрания, Президента РФ

На федеральном уровне предложены мероприятия, представленные в таблице 3. При подготовке этих продолжений использован опыт развитых стран по реализации программ строительства наемного жилья для малообеспеченных граждан и применения налоговых льгот для участвующих в этих программах строителей, инвесторов, а также для граждан, снимающих жилье.

Для региональных органов управления и местных органов самоуправления предложены мероприятия, представленные в таблице 4. Предложения касаются организации мониторинга потребности в наемном жилье на территории Свердловской области, совершенствования расчетов субсидий при строительстве и эксплуатации наемного жилья, и налоговых льгот. Местным органам самоуправления предложено снизить ставку земельного налога при постройке наемных домов.

Чтобы более рационально расходовать средства бюджета области на субсидии сторонам сделки при найме жилья разработана модель расчета денежных потоков и размеров субсидий при строительстве и эксплуатации

Таблица 4

Предлагаемые мероприятия государственного регулирования по развитию строительства наемных домов в Свердловской области (СО)

	Мероприятия	Ожидаемые результаты от реализации мероприятий	Органы ГМУ, которым адресованы мероприятия
1	Исследование потребности в развитии сектора жилищного фонда коммерческого и некоммерческого найма на территории Свердловской области	Определение объемов строительства наемного жилья в СО для подготовки региональной программы строительства наемного жилья	Министерство экономики и территориального развития СО
2	Совершенствование методики расчетов размера субсидий при строительстве и эксплуатации наемного жилья	Более рациональное расходование средств бюджета СО на субсидии	Министерство финансов СО
3	Частичное или полное освобождение от налога на прибыль инвестиционных фондов недвижимости, при соблюдении ими условия, что не менее 25 % доходов фонд получает от сдачи в найм недвижимости	Увеличение объемов инвестиций в строительство наемных домов в СО	Инициатор - Министерство инвестиций и развития СО, Законодательное собрание СО, Губернатор СО
4	Пониженная или нулевая ставка по налогу на имущество организаций, в отношении построенных и эксплуатируемых наемных домов коммерческого или социального использования	Увеличение объемов строительства наемных домов в СО, снижение затрат на эксплуатацию наемных домов	Инициатор - Министерство инвестиций и развития СО, Законодательное собрание СО, Губернатор СО
5	Пониженная или нулевая ставки земельного налога в отношении земельных участков, предназначенных для жилой застройки при размещении наемных домов социального или коммерческого использования	Увеличение объемов строительства наемных домов на территории муниципальных образований СО, снижение затрат на строительство наемного жилья	органы муниципальных образований на территории СО

наемного жилья. Предлагаемая модель – это усовершенствованная методика расчетов для выбора оптимального варианта оказания государственной финансовой поддержки наймодателю и нанимателю жилья, в случае приобретения этого жилья наймодателем с привлечением ипотечного кредита.

Ниже представлены конкретные предложения по совершенствованию этой методики расчета.

1) рассчитать денежные потоки во времени, то есть принять за основу горизонт расчета, равный периоду кредитования, поделить его на шаги расчета по годам;

2) рассчитать дисконтированные значения размеров субсидий по каждому шагу расчета;

3) вычислить накопленный итог дисконтированных субсидий по каждому варианту способа выплаты субсидий из областного бюджета;

4) провести сравнение вариантов способа выплаты субсидий из областного бюджета по величине накопленного итога дисконтированных субсидий.

В рассматриваемой методике цель государственной поддержки сформулирована как сохранение фиксированной величины платы за найм для нанимателя жилья. Применяя расчет дисконтированных значений субсидий, можно корректно сравнивать между собой разновременные выплаты, поскольку платежи в ближайшее время обладают большей текущей ценностью, чем платежи в более отдаленное время.

Таким образом, предлагаемая модель позволяет оценить величину ежегодных субсидий из бюджета и их накопленную дисконтированную величину при разных величинах исходных параметров: стоимость жилья, условия ипотечного кредитования, плановый период субсидирования, прогнозное изменение ценности денежных средств за весь период субсидирования.

Список использованной литературы

1. *Денисенко Е. Б.* Экономика недвижимости: учебное пособие. – Электрон. текстовые данные. – Новосибирск: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), 2016. – 77 с.

2. *Новикова И. И., Кочесокова Т. Е.* Приоритетные направления развития государственного управления жилищной сферой на субфедеральном уровне // Вестник Академии знаний. – 2018. – № 4 (27). – С. 181-185.

3. Управление недвижимостью : учебник для академического бакалавриата / А. В. Талонов [и др.] ; под ред. А. В. Талонова. – М. : Изд-во Юрайт, 2017. – 411 с.

к.э.н. Галиуллина Г. Ф.
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
г. Набережные Челны

ТЕРРИТОРИЯ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА¹

В статье представлена модель территорий с особым режимом ведения предпринимательской деятельности на основе принципов государственно-частного партнерства. На основе выявленных ключевых условий успеха ГЧП-проектов исследованы необходимые условия для реализации данного проекта и роли основных участников проекта по созданию особой территории.

Ключевые слова: региональная экономика, государственно-частное партнерство, территория с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности, ГЧП-проект

В Российской Федерации опробованы практически все формы институтов развития, которые используются в мировой практике. В настоящее время наравне со свободными экономическими зонами, особыми экономическими зонами, зонами территориального развития создаются территориальные кластеры, открываются технопарки, индустриальные парки, технополисы.

В некоторых случаях территории с особым режимом функционирования выходят на положительные результаты, в других случаях результаты скромнее. Это означает, что одних различий в правовых формах недостаточно. Необходимо учитывать не только соответствие их конкретным условиям территории, но ряд других параметров – набор инструментов, механизмов, рычагов, организационных мер, подключение адекватных институтов развития, разработки и реализации активной промышленной политики.

На основе анализа опыта [6, с. 134; 2, с.4] по вопросам развития ГЧП с ключевых условий сформулированы условия успеха совместных проектов государства и бизнеса (таблица).

Системоформирующие условия реализации ГЧП-проекта по созданию и функционированию особых территорий предлагается структурировать по четырем направлениям: базовые условия государственно-частного партнерства, синергетический потенциал развития, институциональные условия, синергия взаимодействия (рис. 1).

Базовые условия ГЧП-проекта включают в себя условия проекта, которые характеризуют как заинтересованность государства (решение социально-значимой проблемы развития территории), так и пользу для бизнеса (показатели финансовой эффективности). При этом частного инвестора может заинтересовать долгосрочный характер проекта и высокая стоимость проекта при юридически оформленных отношениях.

¹ © Галиуллина Г. Ф. Текст. 2019.

Ключевые условия успеха государственно-частного партнерства

№	Характеристика успеха	Преимущества партнерства
1	Долгосрочное сотрудничество и обязательства	Долгосрочное сотрудничество и обязательства позволяют лучше планировать будущую работу и привлечь серьезные инвестиции
2	Общее видение и цели	Общее видение и цели позволяет убедиться в том, что партнеры не работают над достижением противоположных целей
3	Взаимодополняющие навыки и способности	Каждый партнер должен вносить взаимодополняющие навыки и способности для партнерства, поскольку схожие навыки могут привести к излишней конкурентности
4	Когерентность целей проекта приоритетам федерации и региона	Поддержка вышестоящих структур, необходима для того, чтобы убедиться, что проявленные усилия и ресурсы не противоречат приоритетам региональной и федеральной политики
5	Всесторонний анализ инвестиционного проекта	Анализ инвестиционного проекта должен быть сделан как часть условия для принятия партнерства. Предполагаемые показатели должны быть понятны и предоставлены всем заинтересованным сторонам ГЧП
6	Взаимодоверие и разделение риска	Сотрудничество должно быть основано на взаимодоверии, открытых коммуникациях и сбалансированном риске обоих партнеров
7	Гибкая система управления ГЧП	Механизм адаптации к меняющимся внутренним условиям и внешним вызовам, выстроенный как система с двумя каналами обратной связи
8	Независимая оценка	Независимая оценка предполагает объективную оценку в вопросах достижения каждым партнером своих выгод и обязательств. Такая оценка также позволяет скорректировать или перенаправить усилия, в случае, если ожидания не были оправданы
9	Выполнение решений и требований партнерства	Руководящий менеджмент должен обеспечивать выполнение требований и решений с целью достижения эффективного партнерства
10	Ясно задокументированные цели в соглашении о партнерстве	Как только обоюдные цели определены, они должны быть задокументированы в соглашении для того, чтобы яснее отражать обязанности каждой стороны
11	Полное координирование со всеми заинтересованными сторонами	ГЧП должно включать шаги, позволяющие получать обратную связь от участников по планируемым действиям, а также обеспечивать информацией по стратегии партнерства с целью снизить обоснованную обеспокоенность заинтересованных сторон

кую систему правил, основная цель которых - стимулирование развития в какой-то сфере хозяйственной деятельности. Иными словами, институты развития должны развивать ту систему, ради которой или для стимулиро-

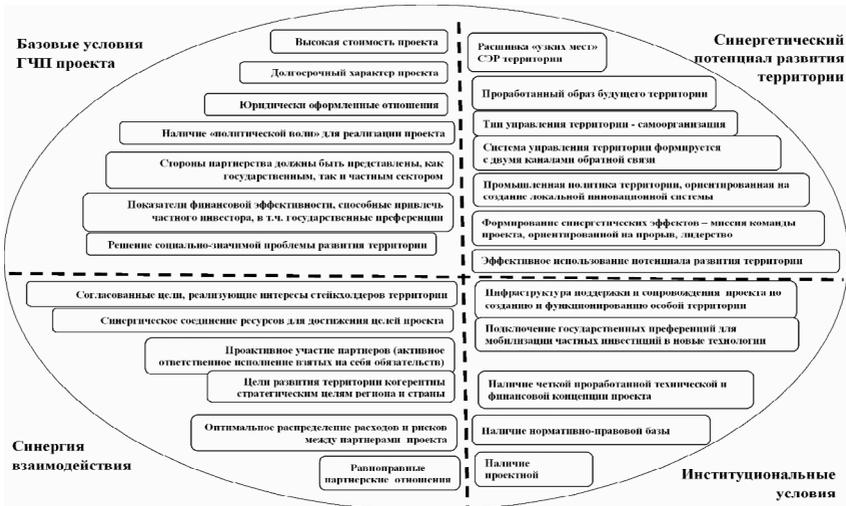

Рис. 1. Необходимые условия для реализации проекта по созданию и функционированию особой территории в виде ГЧП

Синергетический потенциал развития территории базируется на понимании, что государственно-частное партнерство должно ориентироваться не просто на получение эффекта от реализации от проекта, а именно на синергетический эффект. Синергетический эффект - это экономическая категория для обозначения явления, когда результат функционирования системы (выход) не находится в адекватном соотношении с затратами на получение данного результата (входом в систему), в том числе, когда слабому сигналу на входе может отвечать неадекватный сигнал на выходе [2, с. 70]. При формировании синергетического эффекта проектирование идет из будущего в настоящее – через осознания желаемого образа будущего территории.

По мнению Романовой О.А. [5, с. 672] критерий образа будущего территории должен соответствовать мировым трендам технологического развития и учитывать национальные и региональные особенности потенциала социально-экономического развития.

Отличительной особенностью представленной системы управления особыми территориями является не только наличие положительной обратной связи, но и то, что её мощность должна доминировать над отрицательной обратной связью. В случае, когда доминирует отрицательная обратная связь, система законсервируется, так как отрицательная обратная связь выполняет функцию стабилизации и фиксации. В тоже время реальная жизнь требует непрерывного обновления и опережающего социально-экономического развития территории.

Институты развития можно и нужно рассматривать как некую систему правил, либо отдельные организации, предполагающие в своей работе та-

вания положительной динамики которой они созданы, введены специально, либо возникли в силу наличия иных задач [7, с. 9].

Новую институциональную основу заложили и продолжают формировать, прежде всего, федеральные институты развития, которые не столько многочисленны, но в целом контролируют более 70% активов всех действующих в стране институтов развития [1, с. 79; 7, с. 73].

Учитывая, что российские институты развития только приступают к формированию инвестиционных портфелей и открытию финансирования конкретных инвестиционных проектов, существует возможность учета задач реализации кластерной политики в регионе с использованием механизмов государственно-частного партнерства [4, с. 107]. Немаловажным институциональными условиями эффективной реализации ГСП проекта является проработанность нормативно-правовой базы и квалификация проектной команды

Создание и функционирование территории с особым режимом ведения предпринимательской деятельности должно основываться на фундаментальном лидерстве государственного сектора в решении стратегических задач развития территории. То есть приоритеты особой территории не должны приводить к материальному оскудению государственного сектора и основываться на лоббизме региональных элит. Государственный сектор должен проявить свою лидерскую функцию в отношении выбора стратегических приоритетов развития территории и страны (рис. 2).

Форма государственно-частного партнерства позволяет решить вопрос конфликтов стейкхолеров особой территории: в процессе запуска ГЧП-проекта происходит согласование целей, ролей, ответственности каждой из заинтересованных структур (рисунок 3).

Поскольку решение большинства актуальных проблем особой территории будет иметь существенное влияние на социально-экономическое положение региона, то их выработка и реализация требуют высокого профессионального уровня ответственных лиц.

Координация их деятельности должна осуществляться как на уровне федерации, так и на уровне региона и территории. Как вариант с целью выполнения этой функции предлагается создание Совет по функционированию особой территории. Важно, чтобы Совет был именно общественным, состоящим из стейкхолдеров проекта без довлеющего кураторства органов власти.

Проверку обоснованности, результативности и целевого использования бюджетных средств на создание и функционирование особых территорий, где предусмотрены бюджетные вложения в инфраструктуру, осуществляет Счетная Палата РФ.

При этом ТОСЭР, функционирующих в моногородах, не опираются на государственные инвестиции, но власти монопрофильных муниципальных образований с целью завлечения потенциальных инвесторов, предоставляют резидентам на особых условиях производственные площади, земельные участки и ряд других преференций. Не секрет, что в стране вы-

Рис. 2. Модель особой территории в формате государственно-частного партнерства

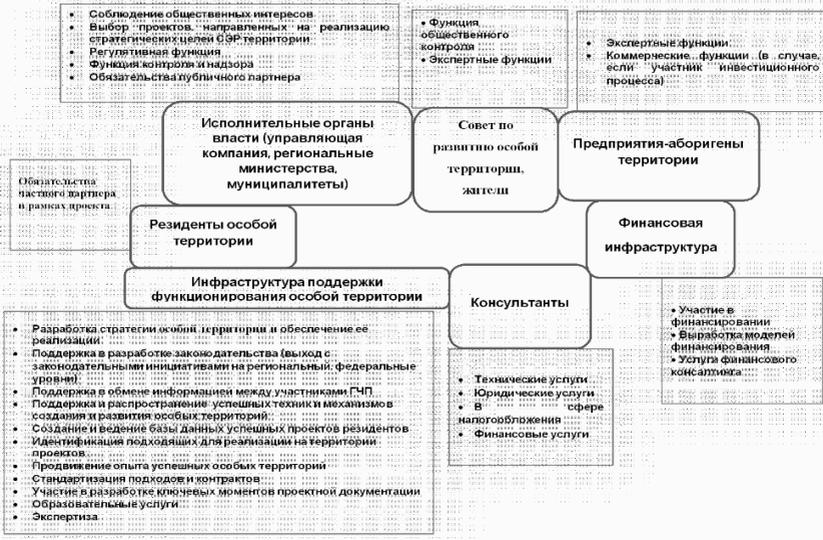

Рис. 3. Основные участники проекта ГЧП по созданию особой территории

сокий уровень коррупционной составляющей, поэтому предлагаемый Совет по функционированию особой территории может взять функции общественного контроля по решению вопросов развития особой территории.

Предлагаемая модель развития особых территорий в формате государственно-частного партнерства ориентирована, прежде всего, на выявлении и использовании лучших практик государственного управления и получения синергетического эффекта при реализации важного государственного проекта.

Список использованной литературы

1. Бухвальд Е. М., Виленский А. В. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 1 (15). – С. 77-86.

2. *Галиуллина Г. Ф.* Совершенствование промышленной политики территории с крупным машиностроительным комплексом: дис. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2008.

3. *Галиуллина Г. Ф., Кузнецова С. Б., Мингалева Л. Б.* Проблемы реализации государственно-частных проектов в оборонно-промышленном комплексе страны // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. – 2014. – № 3. – С. 4.

4. *Котлярова С. Н.* Формирование и развитие региональных институтов // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2014. – № 3 (27). – С. 99-109.

5. *Романова О. А.* Образ будущего в стратегиях развития регионов России // *Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XII Международной конференции / Мин-во образования и науки Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Высшая школа экономики и менеджмента*. – Екатеринбург, 2018. – С. 667-675.

6. *Сазонов С. П.* и др. Институциональные основы развития государственно-частного партнерства в системе регионального стратегического планирования / *С. П. Сазонов, Е. М. Бухвальд, Н. Н. Косинова, Г. В. Федотова, М. Ю. Попова, Д. А. Савченко, Е. А. Полянская*. – Волгоград, ВолгГТУ, 2016. – 224 с.

7. *Сухарев О. С.* Институты развития: необходимость и эффективность // *Государственный аудит. Право. Экономика*. – 2017. – № 2. – С. 8-16.

8. *Тургель И. Д.* Новые институты поддержки развития моногородов // *Экономика и политика*. – 2017. – № 2 (10). – С. 72-75.

к.э.н. Главацкий В. Б., к.э.н. Ковалева Е. Б., к.э.н. Пыткина С. А.
Пермский филиал Института экономики УрО РАН
г. Пермь

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ¹

Субъекты Российской Федерации активно включились в цифровизацию экономики регионов. В статье акцентировано внимание на цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры как ключевого фактора цифровизации экономики. Рассмотрены организационно-экономические инструменты в качестве основы цифровой трансформации стратегического управления. Предложены методика оценки исходного уровня стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры и поэтапная блок-схема цифровой трансформации стратегического управления. Результаты проведенного исследования, предложенные положения могут быть использованы регионами при цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, стратегическое управление, региональная пространственно-отраслевая структура, организационно-экономические инструменты, цифровые компетенции.

В решение проблем формирования нового пространственного облика России и обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов важное место занимает эффективное стратегическое управление развитием региональных пространственно-отраслевых структур. Принятие в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в 2019 г. – «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», а также разработанного в 2018 г. «Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2019-2024 гг.» и принятого национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в условиях реализации четвертой промышленной революции («Индустрия 4.0») обусловило взятие российскими регионами курса на активную цифровизацию экономики регионов и в том числе цифровую трансформацию стратегического управления развитием региональных пространственно-отраслевых структур [1].

Роль цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры как нового качественно высокого инновационного уровня бизнес-процесса управления экономикой региона должна учитываться при разработке, организации выполнения и контроллинге стратегических документов (стратегии, про-

¹ © Главацкий В. Б., Ковалева Е. Б., Пыткина С. А. Текст. 2019.

Статья опубликована в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019-2021 г.

граммы, проекты, планы и прогнозы) социально-экономического развития региона и муниципальных образований.

Вместе с тем, в субъектах Российской Федерации при формировании программ цифровизации экономики региона основное внимание уделяется пошаговой (частичной) цифровизации через механизм цифровых решений для отдельных бизнес-проектов, связанных с внедрением высоких технологий в производство конкурентоспособной продукции ключевыми отраслями экономики региона, что практически не решает проблему комплексной цифровизации экономики региона.

Основным препятствием на пути цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственной структуры в настоящее время является отсутствие необходимых навыков, компетенций и оперативного обновления комплекса технических средств, а также традиционного программного обеспечения [3].

На сегодняшний день существует определенное число исследований, посвященных цифровой трансформации отдельных функций управления экономикой региона, корпорациями и хозяйствующими субъектами. Однако единый подход к цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственной структуры еще не выработан. Чаще всего в литературе раскрываются подходы к цифровой трансформации функций управления на основе применения компьютерно-информационных технологий, которые, на наш взгляд, с одной стороны, быстро устаревают и не обеспечивают долговременного конкурентного управленческого преимущества, а с другой, дают возможность администрации регионов наработать практический опыт в освоении передовых информационных технологий и создать условия для применения цифровых систем управления экономикой региона [2].

Целью данного исследования является более системное и глубокое изучение основных подходов к цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры, направленной на повышение профессионального уровня и цифровой зрелости сотрудников администрации управления регионом, а также разработка концептуальных положений и рекомендаций по цифровой трансформации организационно-экономических инструментов стратегического управления пространственным развитием региона. Достижение поставленной цели мы рассматриваем в решении задач по трем основным направлениям: отбор для цифровизации ключевых организационно-экономических инструментов стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры; обоснование методики определения исходного уровня стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры; формирование поэтапной блок-схемы цифровой трансформации стратегического управления региональной пространственно-отраслевой структуры.

В исследовании направлений цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой

структуры субъектов РФ, входящих в Уральский экономический район мы использовали следующие аспекты системно-комплексного подхода:

- анализ зарубежных и отечественных литературных источников, посвященных цифровизации экономики;
- сбор и анализ информации относительно механизма разработки программ и проектов цифровой трансформации функций управления экономикой региона;
- анализ факторов прямого и косвенного влияния на результативность цифровой трансформации системы управления экономикой региона;
- сбор и анализ специальных курсов и программ по повышению профессионального уровня и цифровой зрелости сотрудников аппарата управления регионом;
- анализ отчетов и статистических баз Пермьстата и Пермского экономического конгресса – Пермский край: Цифровое будущее здесь и сейчас.

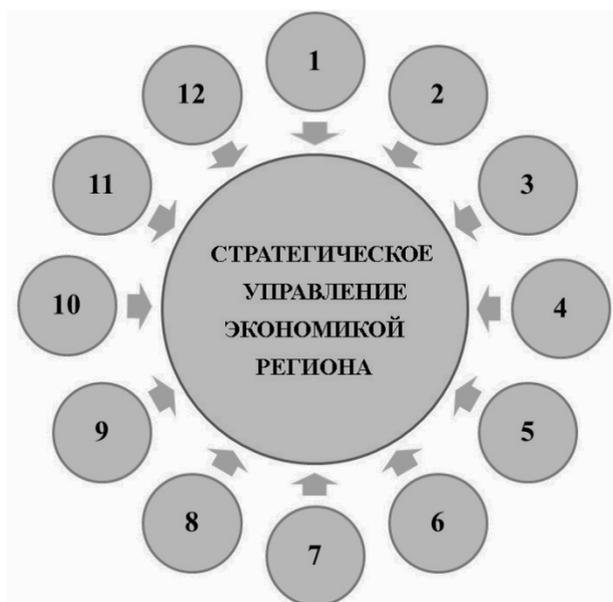
Данные литературных источников и информационных статистических баз обработаны с помощью методов статистико-экономического анализа.

Существенно продвинутые в области цифровизации экономики региона такие субъекты РФ как Республика Башкортостан, Пермский край, Свердловская и Челябинская области Уральского экономического района в цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры ориентируются прежде всего на формирование единого цифрового информационного пространства, автоматическую передачу данных, создание кросс-функциональной сети обмена данных и сотрудников, для которых не требуются дополнительные цифровые компетенции [5].

Как показали исследования Пермского филиала ИЭ УрО РАН по проблемам цифровизации экономики региона, одним из определяющих условий осуществления цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры является цифровизация организационно-экономических инструментов стратегического управления их полнота и уровень взаимодействия при разработке пакета документов стратегического развития региона. Ведущие организационно-экономические инструменты стратегического управления представлены на рисунке.

От того насколько полно будет отобран круг организационно-экономических инструментов стратегического управления для цифровизации, будет зависеть результативность цифровой трансформации стратегического управления не только развитием региональной пространственно-отраслевой структуры, но и экономики региона в целом [4].

Цифровая трансформация стратегического управления предполагает не только применение современных компьютерно-информационных технологий, но и комплексный анализ бизнес-процессов стратегического управления с целью определения пошаговой логической цепочки цифровизации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Следует отметить, что вся совокупность

Цель	Факторы
Задачи	Методики
Принципы	Компьютерно-информационные технологии
Методы	Программное обеспечение
Подходы	Информация
Временные горизонты	Комплекс организационно-вычислительных средств

Рис. Организационно-экономические инструменты стратегического управления экономикой региона

пошаговой логической цепочки образует целенаправленный процесс цифровой трансформации стратегического управления, который может тиражироваться для цифровизации других функций управления социально-экономическим развитием региона и муниципальных образований.

В связи с этим нами предложен методический подход к оценке исходного уровня стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры в переходный период к цифровизации экономики региона. Данный подход опирается на следующую пошаговую методику оценки: Шаг 1. Исследование исходного состояния функционирования стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Результаты шага: реестр используемых организационно-экономических инструментов в стратегическом управлении развитием экономики региона; подготовка требований к цифровизации инструментов стратегического управления. Шаг 2. Анализ бизнес-процес-

сов стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Результаты шага: реестр бизнес-процессов стратегического управления; уровень понимания концепции цифровой трансформации стратегического управления; цифровые компетенции работников зоны ответственности бизнес-процессов стратегического управления. Шаг 3. Определение научно-технического уровня стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Результаты шага: уровень применяемых компьютерно-информационных технологий; уровень программного обеспечения; уровень цифровой зрелости работников стратегического управления. Шаг 4. Обобщающая оценка эффективности стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Результат шага: детальное описание бизнес-процессов стратегического управления; реестр проблемных бизнес-процессов стратегического управления; описание информационных потоков стратегического планирования; реестр инициатив цифровой трансформации стратегического управления.

Характерными особенностями, влияющими на цифровую трансформацию стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры в современных условиях могут быть: персонал, обладающий цифровыми компетенциями и культурой непрерывных улучшений; определенность цифровых технологий; адаптивность бизнес-процессов стратегического управления к осуществлению цифровой трансформации функций управления экономикой региона.

Таблица

Характеристика блок-схемы цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры

Наименование этапа	Характеристика основных процедур этапа
Прогнозно-аналитический	Оценка уровня стратегического управления. Определение потребности в цифровой трансформации стратегического управления. Обоснование желаемого результата цифровой трансформации стратегического управления
Сценарный	Разработка вариантов и сценариев возможной цифровой трансформации стратегического управления
Управленческий	Сравнительный анализ и оценка сценариев цифровой трансформации стратегического управления. Выбор оптимального сценария. Принятие управленческого решения по цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры
Организационно-внедренческий	Формирование дорожной карты перехода к цифровой трансформации стратегического управления. Организация выполнения работ дорожной карты и их контроля
Функционально-оценочный	Анализ результатов выполнения работ дорожной карты. Оценка цифровой трансформации стратегического управления. Обеспечение функционирования цифровых бизнес-процессов стратегического управления и их взаимосвязи с цифровизацией экономики региона

Поэтому, по нашему мнению, процесс цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры в субъектах РФ является комплексным и должен осуществляться по определенной технологии в тесной увязке с цифровизацией экономики региона в целом. Исходя из этого авторами статьи разработана поэтапная блок-схема цифровой трансформации стратегического управления региональной пространственно-отраслевой структуры, которая укрупненно раскрыта в таблице.

Как видно из таблицы, логическая последовательность этапов образует целенаправленный, единый и системный процесс цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры. Результатом выполнения данных этапов становится программно-проектная схема цифровой трансформации, ориентированной на повышение эффективности и цифровизации бизнес-процессов стратегического управления.

В целом можно констатировать, что описанные в статье подходы цифровой трансформации стратегического управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры значительно расширяют существующие положения цифровизации управления экономикой региона.

Таким образом, информация представленная в данной статье, на наш взгляд, может служить практико-ориентированным подходом к цифровизации пространственного развития России.

Список использованной литературы

1. *Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В.* и др. Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 178 с.
2. *Лондон Дж., Лондон К.* Управление информационными системами. – 7-е изд.; пер. с англ. под ред. Д. Р. Трутнева. – СПб.: Питер, 2005. – 912с.
3. *Маркова В. Д.* Цифровая экономика. – М.: Инфра-М, 2019. – 186 с.
4. Моделирование в управлении организационно-экономическими системами / под ред. А. Н. Пыткина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 288 с.
5. Перспективы повышения конкурентных преимуществ региона: теория и практика / под ред. А. Н. Пыткина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – 129 с.

к.э.н. Глухих П. Л.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

СПЕЦИФИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ И ВОСПРИЯТИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ БИЗНЕСА НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ¹

Статья посвящена анализу территориальных особенностей проявления предпринимательской активности у населения северных регионов. Целью научного исследования является анализ предпринимательской активности в федеральных округах России. В результате анализа установлено, что восприятие населением готовности к предпринимательству, благоприятности бизнес-среды и результатов существенно различается по территории Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Для повышения адекватности ожиданий населения от занятий предпринимательством предлагается внедрение гибкого образования, основанного на ранней профессиональной и предпринимательской ориентации, легко встраиваемое в современный стиль жизни.

Ключевые слова: региональная экономика, предпринимательские намерения, регионы России, домохозяйства

Северная идентичность народов прослеживается и в предпринимательской активности. Существенный вклад в исследование предпринимательской активности внесли зарубежные авторы. Наиболее доказанными причинами предпринимательской активности индивида являются следующие аспекты: предпринимательская самоэффективность (De Noble A., Jung D., Ehrlich S. [8, с. 73–87]; Chen C.C., Greene P.G., Crick A. [7, с. 295–316]; McGee J.E., Peterson M., Mueller S.L., Sequeira J.M. [12, с. 965–988] и др.), наличие у индивида необходимого отношения к предпринимательству, формируемого под влиянием личных характеристик и ситуационных факторов (Carsrud A., Brännback M. [6, с. 9–26] и др.).

Научные исследования последних лет все меньше проявляют интерес к изучению таких мотивов предпринимательской активности, как независимость и самостоятельность в пользу позитивного отношения к себе и к миру (Krueger N.F., Reilly M.D., Carsrud A.L. [10, с. 411–432] и др.). Mazharul I., Vokhari A. H., Abalala T. S. [11, с. 1–22] достаточно подробно обобщили основные факторы, побуждающие население к предпринимательству: демографические факторы; факторы человеческого капитала; мотивационные и целевые факторы; факторы среды; теория социального обучения. Также результаты эмпирического исследования Ferina N., Khurotul A., Sukowidyanti A. [9, с. 41–54.] сделали вывод о том, что одним из самых значимых факторов, поддерживающих в начале предпринимательства это сплоченность семьи (единство и эмоциональная близость).

¹ © Глухих П. Л. Текст. 2019.

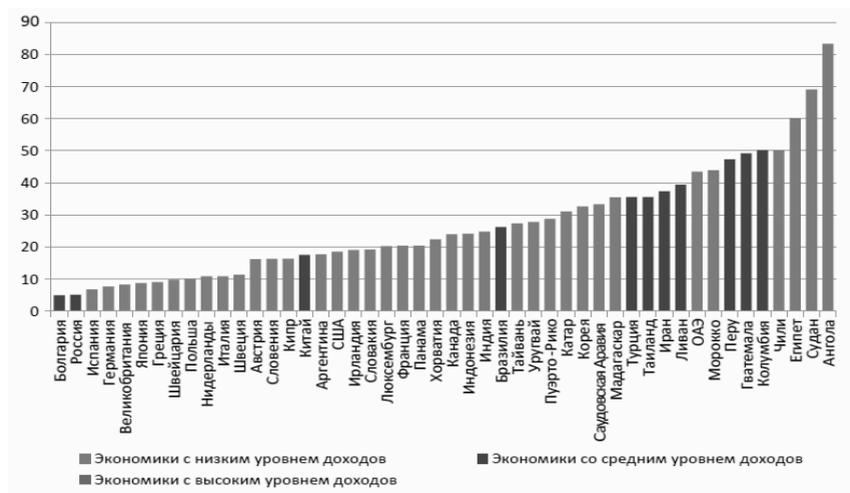

Рис. 1. Предпринимательские намерения в странах – участницах проекта GEM, 2018, %

Среди отечественных исследователей данные факторы активно анализируются авторским коллективом под руководством профессора Широковой Г.В. [5, с. 170-207]. Имеются самостоятельные исследования предпринимательской активности населения российских северных территорий, например, такими вопросами занимаются в Федеральном исследовательском центре комплексного изучения Арктики [3].

Из результатов международного проекта «Исследование глобально-го мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM)» четко видно, что в государствах Северной Европы и в России пониженные предпринимательские намерения (рис. 1).

У России самый низкий показатель предпринимательских намерений среди 70 стран-участниц проекта. Очередной этап исследований GEM подтвердил, что в России планируют открыть собственное дело в ближайшие три года только 5,1 % респондентов (для сравнения в 2012 г. 4,7%). Но и в странах Северной Европы он тоже минимальный. Чуть выше значение, чем в России, но наименьшее из европейских стран в Норвегии, чуть выше в Финляндии, несколько больше в Швеции, но все ниже среднего. В странах Северной Европы в среднем около 5-12%. В странах БРИКС он составил в среднем 22%, а в странах Восточной Европы - 21%¹. То есть, ожидание позитивных условий для начала бизнеса не переходят в реальную готовность и потенциал так и остается не реализованным.

В тоже время, между предпринимательской активностью россиян и жителей Северной Европы имеются существенные различия по типу экономики. Авторы выделяют три группы стран: 1) ресурсно-ориентированные

¹ Как Вы считаете, каковы в нашем городе (селе) условия для развития малого бизнеса, частного предпринимательства? // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=907&q_id=63027&date=19.05.2013 (дата обращения 13.09.2019).

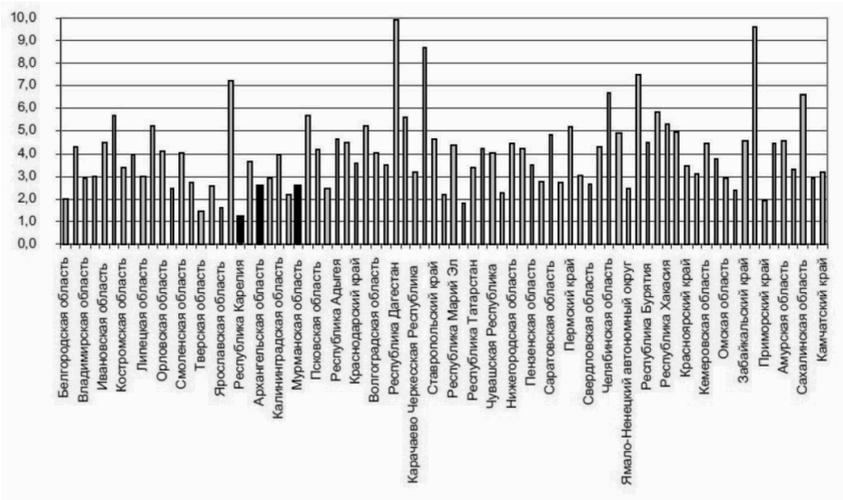

Рис. 2. Индекс общей предпринимательской активности населения в регионах РФ, 2011, % [4, с. 31]

(фирмы конкурируют по цене, используют базовые факторы производства, главным образом неквалифицированную рабочую силу и природные ресурсы); 2) эффективно-ориентированные (эффективное производство для увеличения производительности, конкурентоспособность достигается в результате высшего образования, эффективности рынка и способности извлекать пользу из существующих технологий); 3) инновационно-ориентированные (экономика должна производить высокотехнологичные продукты, фирма способна выжить, если она конкурирует на основе инноваций). Экономика России отнесена ко второму типу, то есть рост производительности в большей степени может быть обеспечен повышением эффективности, прежде всего кадров. А страны Северной Европы к более продвинутому – инновационно-ориентированному типу, то есть предпринимательство на основе продукции с высокой добавленной стоимостью.

«Северный» феномен предпринимательской активности населения ярко прослеживается и в разрезе регионов России (рис. 2).

Наименьшую предпринимательскую активность, как правило, демонстрирует население самых северных регионов – Республика Карелия, Архангельская, Мурманская области и др. [4].

Таким образом, северная идентичность народов прослеживается в предпринимательской активности населения минимальной готовностью к предпринимательству.

В авторской трактовке предпринимательская активность населения складывается из трех базовых составляющих: предпринимательский настрой (готовность), восприятие предпринимательской прибыли как результата и условий для развития бизнеса. Восприятие населением готовно-

сти к предпринимательству, благоприятности бизнес-среды и результатов существенно отличается по территории страны.

1. Восприятие благоприятности бизнес-среды оценивалось через ключевой вопрос социологического опроса ВЦИОМ «Как Вы считаете, каковы в нашем городе (селе) условия для развития малого бизнеса, частного предпринимательства?»¹. Население Северо-Западного федерального округа характеризуют условия как более негативные («безусловно, хорошие» и «скорее хорошие») на 5,8% хуже, чем в среднем по стране. Преобладают более выраженные отрицательные оценки («скорее плохие» на 7,4% меньше, а «безусловно, плохие» на 7,8% больше). Как самые негативные условия для создания собственного бизнеса оценивают домохозяйства Уральского (17% респондентов) и Центрального (19%) федеральных округов, а благоприятные – Южного (36%), Дальневосточного (34%) и Приволжского (29%) федеральных округов.

2. К предпринимательству как доходной деятельности² наибольший интерес проявляет население Северо-Западного (87%), в большей степени Южного (88%), Северо-Кавказского (88%) и Центрального (92%) федеральных округов. Так в Северо-Западном округе на 3,5% преобладает мнение, что предпринимательство «очень доходная, высокооплачиваемая» деятельность. Не разделяют мнение о прибыльности бизнеса (на 13% меньше среднего по РФ) жители Дальневосточного федерального округа.

3. Жители Северо-Западного федерального округа демонстрируют меньшую предпринимательскую активность. На вопрос «А пытались ли Вы когда-нибудь организовать свой собственный бизнес?» ответ «Нет, и не планирую этого делать» оказался больше среднероссийского на 5%. Больше предпринимательская активность зафиксирована в Южном, Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах³.

Восприятие домохозяйствами предпринимательского поведения, оцененное через авторский интегральный индекс (положительное отношение к условиям и готовность к предпринимательству) свидетельствует сформировалось от минимального в Уральском (43,7%), далее по возрастающей: Центральном (48%), Приволжском (48,3%), Дальневосточном (48,5%), Сибирском (48,5%), Северо-Западном (51%), Северо-Кавказском (52%), до максимального в Южном (53,5%) федеральных округах.

Таким образом, Северо-Западный федеральные округа, занимает противоречивую позицию – одновременно существует высокое негативное

¹ Насколько доходными, высокооплачиваемыми Вам представляются следующие профессии // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=898&q_id=62452&date=03.03.2013 (дата обращения 13.09.2019).

² А пытались ли Вы когда-нибудь организовать свой собственный бизнес? / ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?q_id=63025&s_id=907 (дата обращения 13.09.2019).

³ Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 N 872-р (ред. от 11.07.2019) «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)»».

отношение к предпринимательству с повышенным ожиданием дохода от бизнеса и низкая готовность к нему.

Отмеченная проблема низкой предпринимательской активности населения северных регионов актуализирует необходимость применения передового зарубежного опыта по активизации стартап движения, прежде всего молодежи, что способно повысить предпринимательские намеренья. Необходимо повысить адекватность ожиданий населения северных регионов от занятий предпринимательством через внедрение гибкого образования, основанного на ранней профессиональной и предпринимательской ориентации, легко встраиваемое в современный стиль жизни.

Сложившийся в стране дефицит источников экономического роста актуализирует необходимость стратегии развития инновационного предпринимательства через кооперацию различных типов компаний для преодоления своих слабых сторон и усиления имеющихся шансов. Испытывающему потребность в инновационном развитии крупному бизнесу целесообразно инициировать реализацию перспективных проектов. Такая кооперация со стартапами возможна благодаря венчурному финансированию этих компаний или частно-государственному партнерству.

Список использованной литературы

1. Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Мыслякова Ю. Г., Глухих П. Л. Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения // Балтийский регион. – 2018. – № 1. – С. 19-36.
2. Андреева Е. Л., Глухих П. Л. Оценка политики развития предпринимательства в регионах России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2016. – № 4 (80). – С. 65-82.
3. Воронина Л. В., Проворова А. А., Кармакулова А. В. Оценка предпринимательской активности населения северных моногородов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – № 2. – С. 135-143.
4. Поповская Е. В. Подходы к измерению предпринимательской активности населения: система количественных и качественных индикаторов // Вопросы статистики. – 2013. – № 3. – С. 27-38.
5. Широкова Г. В., Цуканова Т. В., Богатырева К. А. Университетская среда и предпринимательская активность студентов: роль бизнес-опыта и предпринимательской самоэффективности // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 170-207.
6. Carsrud A., Brännback M. Entrepreneurial Motivations: What Do We Still Need to Know? // Journal of Small Business Management. – 2010. – Vol. 49. – P. 9–26.
7. Chen C. C., Greene P. G., Crick A. Does Entrepreneurial SelfEfficacy Distinguish Entrepreneurs from Managers? // Journal of Business Venturing. – 1998. – Vol. 13. – No 4. – P. 295–316.
8. DeNoble A., Jung D., Ehrlich S. Entrepreneurial SelfEfficacy: The Development of a Measure and its Relationship to Entrepreneurship/P.D. Reynolds et al. (eds)

Frontiers of Entrepreneurship Research. Welles-ley, MA: Babson College, 1999. – P. 73–87.

9. *Ferina N., Khurotul A., Sukowidyanti A.* Does family social support affect startup business activities? // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. – 2018. – No. 2(74). – P. 41–54.

10. *Krueger N. F., Reilly M. D., Carsrud A. L.* Competing models of entrepreneurial intentions // Journal of Business Venturing. – 2000. – Vol. 15 (5–6). – P. 411–432.

к. э. н. Горочная В. В.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград

КОМПЛЕКСООБРАЗОВАНИЕ И КЛАСТЕРОГЕНЕЗ В СОВРЕМЕННОЙ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ЗАПАДНЫХ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Статья посвящена актуальным проблемам развития морехозяйственного комплекса России. Акцентируется особая роль регионов западного побережья России в преодолении ситуации геоэкономической нестабильности, разрыва торговых и производственно-кооперативных связей. Возрождение и развитие морехозяйственной деятельности рассматривается в качестве дополнительного ресурса упрочения устойчивости и расширения регионального воспроизводства, осуществления импортозамещения и повышения качества контактных функций западных приморских регионов России. На основе проведенного обзора экономического кластерообразования, затрагивающего сферу морской и приморской экономики, выявлена необходимость на текущем этапе вновь обратиться к управленческому концепту территориально-производственного комплексобразования для дальнейшего запуска процессов рыночной кластерной самоорганизации.

Ключевые слова: региональная экономика, морехозяйственный комплекс, экономические кластеры, территориально-производственные комплексы, западное побережье России

Введённый в научный оборот М. Портером [9] концепт экономического кластера имеет целый ряд преимуществ, заложенных, главным образом, в удобстве сочетания территориального и отраслевого подходов к организации кооперационных связей между субъектами регионального хозяйства, а также в самоорганизующемся характере установления и поддержания таковых связей. Тем не менее, активное проникновение кластерного подхода в современной России как в научный дискурс, так и в управленческую практику, вызвало вполне естественную дихотомию с традиционным (унаследованным от планового хозяйства СССР) концептом территориально-производственного комплекса (ТПК), последовательно и детально разработанного в отечественной экономической и экономико-географической науке [4, 7]. Опыт сравнения обоих подходов способствовал выявлению преимуществ кластерной самоорганизации за счёт наличия рыночной конкурентной саморегуляции, стимулирующей постоянный рост технологий, повышение качества и конкурентоспособности региональной продукции [5]. Однако при этом не учитывается как ряд преимуществ ТПК, в особенности – последовательное проектирование, комплексность, выстроенная вокруг особенностей и потребностей собственно производственно-

¹ © Горочная В.В. Текст. 2019.

го процесса, а не вокруг территориального соседства (пусть и при влиянии исторического фактора и стратегической долгосрочной производственной специализации территории). Следует принимать во внимание, что образование кластеров в современной России неизбежно несёт в себе «генетическую инерцию» ТПК, а потому оба типа хозяйственной кооперации находятся в сложной системе взаимно переходящих форм (в особенности в тех регионах, где наблюдается активная динамика организационной «критической массы», либо условием для её достижения является трансграничное взаимодействие, в свою очередь, зависимое от смены экономико-правовых режимов и общего геоэкономического вектора) [2, 8]. Интересным эмпирическим наблюдением при проведении обзора и сравнительного анализа динамики появления экономических кластеров в порубежных регионах России можно считать случаи эффективного и жизнеспособного рыночного кластерообразования в одних профильных отраслях регионального производства при практическом отсутствии его в других. Одним из ярких примеров является морехозяйственный сектор, выступавший на протяжении десятилетий в качестве основной или дополнительной отрасли специализации для большинства приморских регионов России. На сегодняшний день образование судостроительных кластеров произошло лишь в Архангельской области и Хабаровском крае¹, происходит в Калининградской² и Ленинградской³ областях, практически отсутствует оно в сферах рыболовства и рыбоводства (единственный кластер аквакультуры формируется в Астраханской области⁴), а также припортового хозяйства, морских грузоперевозок и логистики. Тем самым оказывается не реализованным интеграционный потенциал российской морской экономики, способный сыграть положительную роль в текущих условиях для стабилизации развития приморских порубежных регионов.

Приграничные и приморские регионы современной России (в особенности, относящиеся к её западному порубежью), ранее активно включённые в систему трансграничных и трансакваториальных контактов [6, 8], в текущих условиях геоэкономической нестабильности испытывают противоречивые тенденции, утрачивая значимые трансграничные деловые связи [1]. Составляя контактно-барьерную зону внешнеэкономического взаимодействия и стабильно демонстрируя повышенные темпы социально-экономического развития [2], они являются стратегическими «точками роста» для всего национального хозяйства. В связи с этим одна из приоритетных задач, стоящих на сегодняшний день перед Россией, состоит в том,

¹ Судостроительный кластер Калининградской области // Министерство экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области. URL: <https://minprom.gov39.ru/deyatelnost/regionalnaya-promyshlennaya-politika/klastery/sudostroitelnyy-klaster-kaliningradskoy-oblasti>.

² ЦРП Ленинградской области. URL: <https://crplo.ru/clusters/sudostroitelny-cluster>.

³ Карта кластеров России. URL: <http://clusters.monocore.ru>.

⁴ Реестр кластеров Ростовской области. URL: old.donland.ru/economy/Klastery/Reestr/?pageid=128999.

чтобы не допустить снижения темпов их развития, перефериизации, «сворачивания» пространства их экономических возможностей.

Как в исследовательской, так и в управленческой практике уже имеется опыт рассмотрения потенциала морехозяйственного комплекса как «старого и проверенного средства» в качестве ресурса для упрочения социально-экономических позиций приморских регионов [3], способного не только создать рабочие места, обрести устойчивый внутренний рынок для регионального продукта (а в долгосрочной перспективе и принять экспортную стратегию), но и способствовать мультипликационному эффекту инвестиций, повлечь за собой развитие взаимосвязанных отраслей (в том числе наукоёмких [1]). Так, сделать акцент на возрождении и развитии морехозяйственного комплекса Калининградской области предлагалось в период 2008–2009 гг. [3], кризисный для всей Российской экономики и в особенности — для эксклавного региона, коррелирующего с нестабильной европейской динамикой. То же остаётся актуальным и в контексте текущей ситуации геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад». Однако для понимания (как научного, так и управленческого) общей картины возможностей, структурных ограничений и потребностей развития морской и приморской экономики в западных регионах России требуется не только фиксация их особой роли, «удельного веса» и профильной направленности в общероссийской системе морехозяйственных отраслей, но также осмысление процессов и тенденций организационной среды, внутренних причин текущего состояния её рыночной конкурентоспособности, мотивации и принятия решений (в том числе — на пересечении с другими отраслями). На протяжении последних десятилетий из всех регионов западного побережья России именно приморские крупные центры (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Калининград с прилегающими территориями) стали ареалом наиболее раннего кластерообразования, ведомого не столько государственной инициативой, сколько самоорганизующимися трендами, многосторонним развитием деловой среды [1, 6]. Однако в этой связи примечательно, что ни в одном из указанных приморских регионов морехозяйственные отрасли не становились ядром кластеризации.

В Ростовской области кластер судостроения и судоремонта можно рассматривать лишь в качестве потенциального, не были заявлены морехозяйственные кластеры и среди проектов, послуживших толчком к новой волне самоорганизации групп предприятий в 2014–2016 гг. на основе потребности в импортозамещении в условиях санкций¹. Исключением можно считать лишь таганрогский кластер гражданского морского приборостроения «Морские системы», нацеленный на производство эхолокационного рыбопоискового оборудования; отдельные разработки в сфере морского профиля присутствуют в числе проектов кластера наукоёмкого машиностроения «Южное созвездие» [1]. Наряду с указанными кластерами интересный пример кластеризации в регионе представляют агропроизводители («Юг Руси», «Астон» и др.), диверсифицирующие свою деятельность

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru>.

в сторону образования и содержания собственных портовых терминалов, флота, судоремонтных мощностей. Данная тенденция укрепила экспортоориентированный вектор регионального производства. Экспорт как в страны СНГ, так и в страны дальнего зарубежья после 2014 г. ежегодно растёт¹ несмотря на общее внешнеэкономическое охлаждение в отношениях со странами Европы и практически трёхкратное сокращение внешней торговли с сопредельной Украиной. Однако на фоне положительного опыта агропроизводителей остаётся практически не реализованным потенциал самостоятельного кластерообразования в секторах морских и речных грузоперевозок, портово-логистического хозяйства (в том числе с возможностью вовлечения интермодального транспорта). Развитие Ростовской области на протяжении практически двух десятилетий связано с последовательным вовлечением всех профильных секторов в самоорганизующиеся кластерогенные процессы: от агропробизнеса – к сельскохозяйственному машиностроению, наукоёмкому приборостроению и биотехнологиям, за последние годы – к атомному машиностроению. Поэтому отсутствие состоявшихся кластеров в морской сфере привлекает к себе внимание уже в силу того, что транспортно-логистический профиль является одной из отраслей специализации региона.

В Краснодарском крае, располагающем крупнейшими на Юге России портовыми мощностями, так же не происходит самоорганизации деловой среды и активного развития кооперативных (в том числе межотраслевых) связей. Отчасти это является следствием преобладания на протяжении длительного периода холдинговой, а не кластерной модели интеграции бизнеса (механизмы образования кластеров были запущены лишь за последние 2-3 года по отдельным направлениям региональной экономики, не захватив при этом морской сектор, за исключением туристических кластеров), а также большой доли государственного участия в деятельности портов федеральной значимости, осуществляющих существенную часть экспорта энергоресурсов и продовольственного сырья [1]. Отсутствует критическая масса предприятий в большинстве секторов морехозяйственной сферы для развития рыночной конкуренции.

В Калининградской области активная динамика кластеризации была фактически прервана негативными последствиями геоэкономической турбулентности, поскольку большинство кластеров были образованы в качестве трансграничных. Соответственно, после разрыва части партнёрских отношений с сопредельными территориями внутренняя организационная масса оказалась недостаточной; не восполнило её и взаимодействие с другими регионами России в силу эксклавного положения. В настоящее время инициатива образования судостроительного кластера исходит от региональной администрации, в то время как портовая индустрия региона демонстрирует противоречивые тренды: после падения за 2014-2015 за последние годы активно наращивается грузооборот (так, для Калининградского морского порта он вырос с 11,7 млн. тонн в

¹ ЦПП Ленинградской области. URL: <https://crplo.ru/clusters/sudostroitelny-cluster>.

2016 г. до 14,1 млн. тонн в 2018¹), периодически происходит переформирование организационной среды и перераспределение собственности. После длительного кризиса восстанавливается рыбохозяйственная отрасль, так же испытывая неоднозначные тенденции (в частности, по данным экспертных интервью, имеют место встречные с сопредельными государствами потоки сырья из Калининградской области и импорта готовой продукции, реализуемой под иностранными брендами без укрепления местных).

Инициатива создания судостроительного кластера в Ленинградской области привела к его документальному оформлению в 2018 г. на основе интеграции 6 предприятий и 12 потенциальных участников², кластер имеет возможности как к межрегиональному, так и к трансграничному развитию (в том числе с вовлечением кооперативных связей с предприятиями стан ЕС). Большое значение для региона сыграла модернизация порта Усть-Луга. Однако рыбохозяйственная отрасль по-прежнему не обнаруживает заметных импульсов к модернизации и интеграции, что соответствует, в целом, общероссийской ситуации.

Таким образом, наличие опыта и текущих попыток к интеграции деловой среды отражает картину исторической специализации приморских регионов, однако очевидным является недоиспользование имеющегося потенциала. Одной из причин отсутствия самоорганизующихся импульсов либо несостоятельности попыток к развитию производственной кооперации и конкуренции в данном секторе можно считать наличие серьёзных «структурных пробелов» в цепочках добавленной стоимости, формируемых морехозяйственной отраслью регионально-го хозяйства. Попытки их восполнения за счёт зарубежной продукции и услуг далеко не всегда способствуют развитию устойчивого трансграничного контактного потенциала, а попытки импортозамещения (как было выявлено на основе экспертного опроса) наталкиваются в настоящее время на неэффективный характер производства, технологическое отставание, дефицит высоко квалифицированных кадров. Данный ряд проблем позволяет говорить о том, что использование потенциала морехозяйственного комплекса России в целом, и особенно в западных её приморских регионах, возможно лишь при последовательном проектировании и восполнении данных и отсутствующих структурных звеньев. В свою очередь, решение данной задачи требует возвращения к концепции территориально-производственного комплексобразования в качестве базовой, после чего возможен переход к решению проблем стимулирования рыночной самоорганизации на основе кластерного подхода.

¹ Калининградский морской торговый порт. URL: <http://kscport.ru/index.php/ru/gruzooborot-inf>.

² Взаимодействие науки и бизнеса в процессе коммерциализации исследований и разработок (на основе эмпирического анализа), октябрь 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2DBx1wx>.

Список использованной литературы

1. *Горочная В. В.* Трансграничная кластеризация в Черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России // Балтийский регион – регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России: материалы международной научной конференции / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. – Калининград, 2018. – С. 74-84.
2. *Дружинин А. Г., Горочная В. В.* Производственное комплексообразование и экономический кластерогенез: институциональная специфика приморских зон // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 4 (88). – С. 5-15.
3. *Ивченко В. В.* Морехозяйственный комплекс как резерв в преодолении кризиса экономики Приморского региона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 3. – С. 26-33.
4. *Колосовский Н. Н.* Основы экономического районирования. – М.: Наука, 1958. – 278 с.
5. *Ларина Н. И.* Региональные кластеры и территориально-производственные комплексы как формы территориальной организации пространства // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 34-39.
6. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации / под ред. А. Г. Дружинина. – Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета. – М., 2018. – 216 с.
7. Территориально-производственные комплексы: предплановые исследования / М. К. Бандман, В. В. Воробьева, В. Ю. Малов и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 270 с.
8. *Druzhinin A. G., Gorochnaya V. V.* Economic clusterization and complexion: the specificity of the coastal zones of the South of Russia // Journal of Applied Economic Sciences. – 2016. – Vol. 11. – No. № 6. – P. 1017-1025.
9. *Porter M.* Competitive Advantage of Nations. – N.Y.: Free Press, 1990. – 896 p.

д.э.н. Губайдуллина Ф. С.
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

СТРАНЫ БРИКС В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КОНФИГУРАЦИИ МИРА¹

В статье рассматривается место стран группы БРИК в условиях многополярного мира. Проведен сравнительный анализ характеристик стран БРИК и членов «Большой семерки». В условиях укрепления позиций развивающихся стран противостояние этих двух групп имеет политическое значение.

Ключевые слова: многополярная мировая система, догоняющее развитие экономики, международная торговля, прямые иностранные инвестиции

В современных условиях мы живем в эпоху активного изменения конфигурации мировой экономики. На смену трехполярной системе мира (Триада), сформировавшейся после Второй мировой войны, образовалась многополярная мировая система, в которой отдельные полюса роста и концентрации экономического потенциала образуют развивающиеся страны. Статистически доказан факт, что группа развивающихся стран оказывает все большее влияние на мировую динамику, движущей силой в данной общности являются страны, преуспевшие в осуществлении стратегии догоняющего индустриального развития. Пионерами в воплощении в жизнь данной стратегии были азиатские тигры, которые предприняли первые шаги по пути ускоренной индустриализации с помощью иностранных инвестиций в 1960-е годы, за которыми затем последовала новая волна стран Юго-Восточной Азии, которые, в свою очередь, дали начало цепной реакции и нашли массу последователей по всему миру.

В результате распространения данных процессов, стала формироваться многослойная и полицентрическая модель современного мира. В глобальном мире сформировалось несколько центров силы в виде региональных супердержав, которые оказывают влияние на расстановку сил в мире. Самым мощным центром в развивающемся мире является Китай, который успешно противостоит Соединенным Штатам, склоняя конфигурацию мировой системы к биполярности. Укрепление других региональных держав и формирование вокруг них новых полюсов притяжения создает основу и направляет движение мировой системы к многополярному варианту, как современной модели мироустройства. Эти тренды в глобальной экономической системе постоянно обсуждаются учеными и политиками на международных форумах.

На изменение конфигурации многополярного мира оказывают влияние объединения стран, обладающих значительным политическим, экономическим, ресурсным и финансовым потенциалом, наиболее значимыми в этом плане являются Группа семи и страны БРИКС.

¹ © Губайдуллина Ф. С. Текст. 2019.

Группа семи (G7) или «Большая семерка», как объединение ведущих промышленно развитых стран, возникла в 1970-е годы, потребность в таком сотрудничестве была обусловлена необходимостью иметь площадку для регулярных встреч и обсуждения насущных проблем. На ежегодных саммитах глав государств и правительств этих стран обсуждаются проблемы мирового порядка, нестабильность мировой динамики, конфликты в международной торговле, кризисные ситуации в отдельных секторах мировой экономики. На момент создания группы страны запада главенствовали на мировом экономическом пространстве, обладая громадным экономическим весом и политическим влиянием в условиях холодной войны. Но их растущее благосостояние оказалось под угрозой в связи нефтяными кризисами.

Со временем G7 стала терять незыблемость своего могущества под влиянием укрепления позиций развивающихся стран. В результате быстрого роста новых индустриальных стран (НИС), идущих по пути ускоренной модернизации экономики, появились успешные конкуренты на рынках товаров обрабатывающей промышленности. Позже наиболее продвинутые НИС в Юго-Восточной Азии стали создавать технологические инновации, как основу долгосрочного роста, и конкурировать на рынках высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Национализация нефтяной промышленности в странах Ближнего Востока привела к появлению группы стран-нефтеэкспортеров и потере контроля над нефтяным рынком западными ТНК. Рост цен на нефть позволил странам укрепить свои позиции и стать финансово избыточными.

Группа стран БРИК зародилась сначала на бумаге на почве научного исследования аналитика американского банка Goldman Sachs Джима О'Нила в 2001 г., который отводил этим крупным развивающимся экономикам роль локомотивов мировой экономики. Реально формирование геополитического объединения началось с 2006 г., когда Бразилия, Россия, Индия и Китай, встречаясь на международных форумах, вели переговоры и приняли решение о целесообразности четырехстороннего взаимодействия. Позже в 2010 г. к этому блоку присоединилась Южно-Африканская республика, и аббревиатура объединения поменялась на БРИКС. Первый саммит БРИК состоялся в 2009 г. в Екатеринбурге, всего за время существования группы было проведено десять саммитов. На саммитах обсуждаются мировые вызовы в нестабильной мировой экономике и предложения по реформированию мирового порядка, страны вырабатывали единую позицию по ряду вопросов.

Сравнение производственного потенциала этих двух групп в динамике показывает, что за счет быстрого роста стран БРИКС, особенно Китая и Индии, наблюдалось постоянное смещение соотношения объемов производимого продукта в пользу БРИКС. Как видно из графика (рис.), в 1990-е годы преобладание G7 было очень заметным, но начиная с 2016 г. баланс поменялся в обратную сторону. Сдвиги в пользу БРИКС получили ускорение в

Доля G7 и БРИКС в мировом ВВП
(в расчете по паритету покупательной способности)

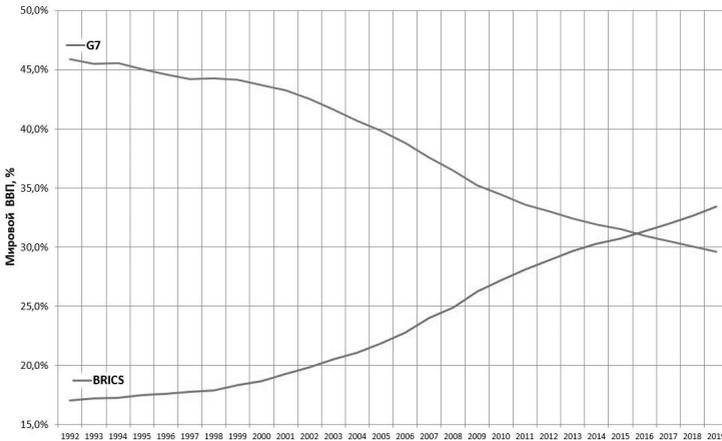

Рис. Соотношение показателей ВВП БРИКС и G7 в динамике (см.: Методику расчета показателя см.: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info>)

результате мирового кризиса 2008–2009 гг., в ходе которого сильно пострадала группа промышленно развитых стран.

Сравним показатели экономического развития анализируемых масштабных объединений стран западного и развивающегося мира, их участие в мировой торговле и движении международных инвестиций (таблица).

Начнем с обеспеченности факторами производства. Страны БРИКС занимают $\frac{1}{4}$ мировой суши, в то время как на G7 приходится примерно 14% мировой территории. Размер территории, как известно, тесно коррелирует с наличием природных ресурсов. Обеспеченность России природными ресурсами общеизвестна, российский экспорт имеет сырьевой характер, топливно-энергетические ресурсы, сырье и низко обработанные материалы составляют основное его содержание.

Бразилия также обладает большими запасами лесных и минеральных ресурсов и вывозит за границу железную руду, марганец, черные и цветные металлы, золото, драгоценные камни, древесину. Китай обеспечен запасами угля, железных, марганцевых, свинцово-цинковых, вольфрамовых руд, древесины, особенно велики запасы редкоземельных металлов, но быстрорастущая экономика требует подпитки извне, поэтому Китай ввозит топливо и многие виды сырья, в том числе из России. Индия также не обделена различными природными ресурсами, в том числе плодородные земли, запасы полезных ископаемых в виде угля, железной и марганцевой руды, хрома, циркония, титана, слюды и др., часть ресурсов она экспортирует. В ЮАР добываются уголь, разные виды минерального сырья, золото, платина, алмазы и больше половины экспорта приходится на продукцию

Сравнение показателей двух объединений супердержав, 2018 г.

	БРИК	% к миру	G-7	% к миру
Территория, тыс. км ²	38499,6	25,8	20784,2	14,0
Население, млн чел.	3 177,3	41,2	775,1	10,0
ВВП (ппс), млрд дол.	44142	32,3	40679	29,8
Экспорт товаров, млрд дол.	3601	18,5	6028	31,0
Импорт товаров, млрд дол.	3199	20,4	6966	44,3
Экспортная квота, %	8,15		14,8	
Накопленные ПИИ (вывезенные), млрд дол.	4 786,3	15,4	14 863,5	48,0
Накопленные ПИИ (ввезенные), млрд дол.	5 231, 6	16,2	7 796 4	24,1
Соотношение вывоза накопленных ПИИ с ВВП, %	10,8		36,5	
Соотношение ввоза накопленных ПИИ с ВВП, %	11,8		19,1	
Индекс инноваций, баллы	39,1		56,1	
ВВП на 1 занятого, дол. (2017 г.)	27157		105823	

Составлено автором по статистическим данным международных организаций МВФ, ВТО, ЮНКТАД.

горнодобывающей промышленности, ЮАР - крупнейший в мире поставщик золота.

Ресурсообеспеченность стран G7 ниже, большими запасами природных ресурсов обладают США и Канада. Лесные ресурсы, запасы угля, природного газа, нефти, меди, золота и урана обеспечивают экономики этих стран. В то время как европейские члены «Большой семерки» уступают по обеспеченности ресурсами. Хотя в недрах региона имеются многие виды минерального сырья, высокая плотность населения способствовала интенсивному освоению запасов природных ресурсов, это привело к их истощению, поэтому многими видами сырья страны обеспечивают себя по импорту.

Распределение населения между указанными группами происходит очень неравномерно, свыше 40% мирового населения проживает в странах БРИКС, в то время как на G7, представляющих «золотой миллиард», приходится только 10%. Трудовое население - это главная производительная сила общества, поэтому густонаселенность БРИКС - это предпосылка для производства материальных благ и одновременно большой потенциальный спрос на внутренних рынках.

В 2018 г. на семь развитых стран приходилось около 30% глобального валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, страны БРИКС незначительно опережают по данному показателю (32%). В этом балансе активную роль играет Китай, который в 2015 г. обогнал Соединенные Штаты по показателю ВВП по ппс, став самой крупной экономикой мира. Таким образом, сравнение двух объединений

супердержав по обладанию факторами производства и развитию производственных мощностей свидетельствует в пользу группы из развивающихся стран.

Участвуя в международной торговле, страны стремятся максимально использовать свои сравнительные преимущества и обеспеченность факторами производства. Но сравнение результатов участия в торговле приводит к выводам не в пользу БРИКС. По показателям экспорта и импорта товаров G7 значительно опережает БРИКС, охватывая почти третью часть мировой торговли. Но если отдельно рассматривать лидеров групп, можно констатировать, что США, лидер G7, уступает Китаю, занимая второе место в рейтинге крупнейших мировых экспортеров, США долгое время были экспортером номер один в мире, затем их потеснила Германия, а в 2012 г. на первую строчку в рейтинге поднялся Китай.

Двусторонняя торговля внутри групп поставлена по-разному. Страны G7 довольно тесно интегрированы, активно торгуют между собой, у США есть намерение подписать договор о зоне свободной торговли с Европейским Союзом, Канада уже это сделала. Что касается развития взаимной торговли стран БРИКС, здесь перспективы неоднозначные. Уровень интеграции стран не высок, примерно 10% торговых связей партнеров приходится на внутреннюю торговлю. Больше других в торговле задействован Китай, так как он торгует со многими странами в силу диверсификации экспорта, торговые связи России с Бразилией и ЮАР пока развиты слабо. Но перспективы активизации торговых связей есть, так как несмотря на то что все страны кроме Китая имеют сырьевой экспорт, специализация их разная, они могут дополнять друг друга, Россия – поставщик топлива, Бразилия – поставщик производственного и сельскохозяйственного сырья, Индия – поставщиками товаров промышленного назначения, фармацевтики и услуг, ЮАР – золота и алмазов, Китай специализируется на товарах обрабатывающей промышленности.

Как известно, показатель экспортная квота (соотношение экспорта и ВВП) характеризует участие страны в международных товарных потоках, развитость экспортного сектора и значимость экспорта для экономики, этот показатель зависит от конкурентоспособности производимой в стране продукции. В группе развитых стран он выше, очевидно, что экспортный потенциал этих стран на более высоком уровне. Конкурентные преимущества этих стран в виде квалифицированной рабочей силы, более эффективного использования производственных ресурсов и требовательных покупателей, которые вынуждают компании придерживаться высоких стандартов и улучшать потребительские свойства товаров, влияют на данный показатель.

Как следует из вышесказанного, несмотря на более высокий экономический потенциал страны БРИКС уступают в плане конкурентоспособности производимых товаров. Причина в том, что неоспоримым преимуществом развитых стран является умение генерировать инновации и более эффективно использовать ресурсы. Доказательством более рационального

использования ресурсов в западных странах являются показатели производительности труда. Если сравнить ВВП на 1 занятого, то мы констатируем почти четырехкратное превышение показателя стран G7 по сравнению со странами БРИКС. По расчетам статистического подразделения ОЭСР в странах «Большой семерки» в час производится продукции на 64,1 дол., в США этот показатель составляет 72,1 дол., в России - 26,5.

В науке пока не предложен показатель, надлежащим образом характеризующий инновационный потенциал экономики, уровень развития процессов, создающих нововведения. Международной бизнес-школой INSEAD во Франции предложена методика расчета Глобального индекса инноваций. Это комплексный показатель, состоящий из 82 различных переменных, учитывающих ресурсы для проведения инноваций и практические результаты осуществления инноваций. Расчет показателя проводится по широкому кругу стран¹. В 2017 г. средний показатель по БРИКС составил 39 баллов, при этом самый высокий показатель был у Китая (52,5), в странах G7 средний уровень 56,1 балла, наиболее инновационная экономика у США (61,4). Это соответствует реальной картине мира, так как нововведения чаще появляются на территории промышленно развитых государств, страны G7 специализируются на выпуске высокотехнологичной и наукоемкой продукции, а БРИКС в большой степени являются потребителями инноваций.

Значительные изменения за последнее десятилетие произошли на рынке прямых иностранных инвестиций. Пусковым механизмом оказался мировой экономический кризис 2008-2009 гг., который привел к ослаблению позиций развитых стран. Сократился разрыв между показателями экспорта ПИИ развитых и развивающихся стран, и впервые произошло превышение показателей развивающихся государств по объемам импорта ПИИ.

Для анализа позиций исследуемых объединений супердержав на глобальном рынке инвестиций будем использовать показатель накопленных ПИИ (табл.), так как он более стабилен и четко отражает существующие тенденции. В настоящее время активы ТНК западных стран за рубежом значительно превышают таковые из стран БРИКС, 48% мирового объема по сравнению 15,4%, то есть их сеть зарубежных филиалов намного мощнее. По ввезенным ПИИ отставание стран БРИКС меньше, но также очень существенное. БРИКС сумели привлечь в свои экономики 16,2 % мировых инвестиций, а страны G7 оказались более привлекательными и ввели 24,1 % мирового объема.

Таким образом, сальдо по иностранным инвестициям (экспорт минус импорт) у БРИКС пока отрицательное, а у стран G7 положительное, со значительным превышением экспорта над импортом, что доказывает более высокую конкурентоспособность международных компаний из развитых стран. Значительная доля операций на мировом рынке ПИИ осуществля-

¹ Исследование в рамках данной статьи выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук МК-3463.2019.6.

ется Китаем, в рейтинге экспортеров и импортеров ПИИ он находится на втором месте после США. В последние годы Китай стал нетто-экспортером ПИИ, значительная часть инвестиций вкладывается в страны Африки с целью доступа к местным источникам сырья, одновременно китайская экономика является производственным цехом для большого числа западных ТНК, выпускающих продукцию для вывоза в другие страны.

Интересную информацию для анализа дает показатель соотношения накопленных ПИИ с ВВП стран, он характеризует вовлеченность данных стран в мировую сеть ТНК, участие ресурсов страны в международном производстве. Активы ТНК из стран БРИКС за рубежом составляют 10,8% суммарного ВВП этих стран, в то время, как ТНК из стран G7 на производственные мощности за рубежом потратили сумму, эквивалентную 36% от ВВП. Ввезенные накопленные ПИИ в странах БРИКС составляют 11,8% от валового продукта, то есть они менее значимы для национальных экономик по сравнению со странами G7, где иностранные активы равняются 19,1% ВВП, то есть предположительно иностранные компании более активны на внутренних рынках этих стран-реципиентов и поставляют большие объемы продукции.

Экономическое взаимодействие БРИКС представляется, как развитие торгово-экономического сотрудничества государств на четырех континентах в рамках модели многополярного мира. Укрепление этих связей имеет перспективную основу, так как основной тренд современного развития – это трансформация глобального экономического пространства в направлении усиления позиций развивающихся стран.

В противостоянии групп БРИКС и «Большая семерка», имеющем политическое значение, сильной стороной БРИКС является обладание большим природно-ресурсным потенциалом. Преимуществом G7 является обладание инновационным потенциалом, страны специализируются на выпуске высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Для устойчивого развития экономик БРИКС и усиления элементов догоняющего развития необходима реструктуризация экономик в направлении стимулирования инновационных видов деятельности.

Для России участие в объединении БРИКС и развитие сотрудничества с этими государствами, как двустороннего, так и многостороннего, является одним из приоритетных направлений долгосрочной стратегии развития.

Список использованной литературы

1. *Попова Н. В.* Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире // Россия и современный мир. – 2017. – № 4.
2. World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. UNCTAD. – Geneva, 2016.

Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Косарева Г. А., Мальцев Ю. Г.
Челябинский государственный университет
г. Челябинск

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматриваются региональные социо-эколого-экономические системы с позиций междисциплинарных подходов. Данный подход исследования социо-эколого-экономической деятельности создает условия для интегрированного их изучения. Однако в практике принимаются односторонние решения, часто в угоду экономической выгоде, которые не служат целям общетерриториального развития. Авторами предлагается инновационное развитие территорий на основе сбалансированного ведения хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, социо-эколого-экономическая система, сбалансированность, инновации, ассимиляционный потенциал, альтернативная энергетика

Сбалансированное развитие региональной социо-эколого-экономической системы, состоит в обеспечении максимума экономических, социальных и природных благ с учетом объективных ограничений. Создавая тем самым возможность подсистемам функционировать без дисбалансов. Такое функционирование осуществляется посредством механизма интересов, льгот и привилегий, создание благоприятного инвестиционного климата и возможностей инновационной деятельности. Социальные, экономические и экологические проблемы решаются в ходе инновационного развития, тем самым формируя сбалансированное развитие.

Следовательно, баланс интересов достигается за счет ведения сбалансированной хозяйственной деятельности. Такая хозяйственная деятельность подразумевает качественное обеспечение социально-экономических и экологических условий жизни населения [3].

В природе протекают процессы распределения, обмена и накопления вещества, энергии и информации, точно так же как и в экономике. Трансформация концентраций формирует новые подсистемы с большей эффективностью работы, однако они деградируют, в случае несоответствия условиям сбалансированного самоорганизационного развития. Сбалансированность самоорганизационной деятельности как процесс упорядочения и усложнения связей в структурах систем разного порядка приводит к экономии работы на их создание и содержание.

Система развивается за счет совершенствования механизма экономии энергии затрачиваемой на самоорганизацию. Природные системы нуждаются в непрерывной самоорганизации, так как энергия упорядоченных частиц в системе всегда ниже суммарной энергии этих же частиц в свободном

¹ © Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Косарева Г. А., Мальцев Ю. Г. Текст. 2019.

состоянии. Соответственно, степень порядка системы говорит об уровне самоорганизации системы [9].

Экономичность можно рассматривать как величину сокращения затрат на работоспособность систем при получении ими равных результатов на протяжении своего жизненного цикла. Определение эффективности функционирования естественных систем можно выразить через соотношение позитивных и негативных, или рациональных и иррациональных действий, через соотношение результатов и издержек.

Результат жизнедеятельности системы состоит из суммы энергии взаимодействия (структурирования и производства) и энергии движения (приспособления своего состояния к состоянию окружающей среды). Экономичность рассматривается как оценочная категория по сравнительному преимуществу действий системы во времени. Из всех альтернатив природа пользуется той, которая в данный момент времени, исходя из существующих возможностей, принесла бы ей максимальную системную полезность. Другими словами экономичность природных систем — это разность скоростей изменения созидательных и деградирующих тенденций, обеспечивающая сбалансированность на протяжении их жизненных циклов [10].

Для оценки сбалансированности территориальных хозяйственных систем, обеспечивающих население необходимыми социо-эколого-экономическими благами, предлагается ввести понятие дисбаланса: это недопустимая степень расхождения показателей от уровня значений баланса, или согласованности интересов, выходящих из зоны компромисса. Возникновение современного дисбаланса в историческом аспекте связано промышленной революцией, когда к территориальной хозяйственной деятельности наряду с социальными и экономическими проблемами добавились экологические. Это позволило сформировать новую целостность – социо-эколого-экономической системы. Социо-эколого-экономическая система объединяет естественные и искусственные компоненты, участвующие в хозяйственной деятельности на территориях разного иерархического уровня.

Для исследования сбалансированной пространственной хозяйственной деятельности в качестве элементарного объекта предлагается использовать локальную социо-эколого-экономическую систему. Под ней понимается ограниченная определенной территорией часть биосферы, в которой природные, социальные и производственные структуры и процессы связаны взаимно поддерживающими потоками вещества, энергии и информации [4]. Локальная социо-эколого-экономическая система является основной структурной единицей биосферы, обладающей целостностью. Она является относительно замкнутой системой, вещественные потоки через границу которой значительно меньше потоков внутри системы. Природные структуры в социо-эколого-экономической системе описываются понятием «экосистема». Экосистема есть взаимосвязанная устойчивая совокупность живых организмов и среды обитания, в которой совершается кругооборот вещества и энергии. В каждую экосистему входят три группы

организмов: продуценты, консументы и деструкторы: продуценты – организмы, строящие из неорганических элементов биомассу (растения); консументы – организмы, которые используют органический материал для получения и накопления энергии; деструкторы – организмы, которые разрушают использованные или отмершие остатки биомассы, разлагают их на неорганические составные части [7].

Благодаря совместной жизнедеятельности этих организмов поддерживается существование биогеохимических циклов. Особая роль в этом принадлежит деструкторам, которые возвращают в биосферу вещество, использовавшееся для строения живых организмов, и тем самым замыкают биосферные циклы.

Совокупность естественных биогеохимических циркуляций вещества и искусственных техногенных потоков, поддерживаемых хозяйственной деятельностью человека, называется биосферным метаболизмом. Локальные социо-эколого-экономические системы, являясь частью биосферы должны в измененной форме воспроизводить основные ее черты. Это означает, что техногенные процессы включают группы элементов, выполняющие роли продуцентов, консументов и деструкторов [4].

Техногенные продуценты – процессы добывающих отраслей и осуществляющих первичную переработку полезных ископаемых и производящих из них полуфабрикаты и т.д.

Техногенные консументы – процессы производящие конечную продукцию машиностроения, приборостроения и получения энергии.

Техногенные деструкторы – процессы, связанные с утилизацией и переработкой выбросов.

Глобальный экологический кризис является отражением несбалансированности этих процессов. Недостаточная суммарная производительность техногенных деструкторов приводит к накоплению большого количества отходов и не позволяет замкнуть техногенные циклы внутри социо-эколого-экономической системы. Возникающие в результате хозяйственной деятельности техногенные потоки вещества не должны нарушать сбалансированности биогеохимических циклов. Внутри эколого-экономической системы биосферный метаболизм должен проявляться в форме замкнутых ресурсных циклов, позволяющих обеспечить сбалансированность её хозяйственной деятельности. Таким образом, основным системообразующим фактором, придающим социо-эколого-экономической системе свойство целостности, является существование в ней биосферного метаболизма. Обоснованием сбалансированности эколого-экономической системы является существование в ней системы управления биосферным метаболизмом, то есть потоками вещества, энергии и информации.

Таким образом, социо-эколого-экономическая система описывается потоками вещества, энергии и информации между ее компонентами различного иерархического уровня. Поэтому параметры, используемые для моделирования системы должны выражаться, через потоки вещества, энергии и информации. Так как вещество и информация, по сути, яв-

ляются энергией, то управление социо-эколого-экономической системой осуществляется прежде всего, через управление потоками энергии, путем создания определенных пропорций между ними. Эффективность функционирования территориальной социо-эколого-экономической системы с связана необходимостью поддержания пропорций между потоками, создаваемыми хозяйственной деятельностью и природными процессами (ассимиляционным потенциалом), выраженных в единицах энергетической мощности [5]. В этом случае происходит обще-территориальное снижение затрат на социальную, экологическую и экономическую хозяйственную деятельность. Следовательно, повышение эффективности управления территориальной хозяйственной деятельностью - это создание условий при которых техногенные потоки хозяйственной деятельности не превышают потоки природных процессов, способных нейтрализовать негативные последствия техногенеза. Под ассимиляционным потенциалом понимается не только энергетическая способность природных комплексов территории производить определенный объем O_2 , поглощать CO_2 , также устранять воздействия хозяйственной деятельности. Эколого-энергетические характеристики территории зависят от: площади лиственных лесов, хвойных лесов, прочей лесной и нелесной площади, площади сельскохозяйственных угодий, площади водных поверхностей. Количественные значения эколого-энергетических характеристик природных комплексов и общее значение энергетического потенциала биосферы земли разработаны российскими учеными в конце 20 века [2]. Используя эти значения нами проведены исследования для ряда российских регионов, свидетельствующие о высоком уровне несбалансированности природных и техногенных процессов, что во многом связано с деятельностью традиционной энергетики использующей в качестве топлива ископаемые природные ресурсы [9]. В последнее время широкое развитие получает альтернативная энергетика, ее особенность, что используется энергия уже циркулирующая в биосфере, т.е. в отличие от традиционной энергетики, она использует природные потоки энергии.

Альтернативная энергетика, используя материально-энергетические потоки биосферы, фактически не изменяет их, что в итоге ведет к большей сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона, оздоровлению экологической ситуации в регионе. Альтернативная энергетика бурно развивается как в мире, так и в России, растет ее доля в энергобалансе. Прогнозируется увеличение ее доли до 50% при производстве электроэнергии к 2050 году, а некоторые регионы и города, в частности Копенгаген и ряд других, планируют стать "углеродно нейтральными" [6]. Однако в данном случае существует проблема эколого-экономической оценки предела концентрации затрат энергии хозяйственной деятельности с энергетическими затратами ассимиляционного потенциала природной среды региона на нейтрализацию негативных последствий. Нет достоверных и обоснованных данных, за исключением климатической составляющей, как это скажется на материально-энергетических потоках, состоянии

окружающей среды, общей устойчивости биосферы. Выявление и прогнозирование новых эколого-экономических закономерностей, связанных с повышением сбалансированности затрат энергии хозяйственной деятельности с ассимиляционным потенциалом экосистемы региона по мере увеличения доли альтернативных источников энергии в его энергобалансе дальнейшее направление наших исследований.

Список использованной литературы

1. Горшков В. Г., Кондратьев К. Я., Шерман С. Г. Устойчивость биосферы и сохранение цивилизации // Природа. – 1990. – С. 3-16.
2. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Постников Е. А. Методический инструментарий оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы // Экономика региона. – 2016. – Т.12. – Вып. 4. – С. 1029-1039.
3. Даванков А. Ю., Липенков А. Д., Постников Е. А. и др. Методические основы оценки социо-эколого-экономического развития региона: препринт. – Екатеринбург, 2011. – 25 с.
4. Даванков А. Ю., Постников Е. А., Кочеров А. В., Мальнова А. В. Системные взаимодействия биосферных и техногенных процессов в социо-эколого-экономических системах // Журнал экономической теории. – 2017. – № 3. – С. 75-85.
5. Даванков А. Ю., Пряхин Г. Н., Косарева Г. А. и др. Научно-методические основы междисциплинарных исследований: препринт. ЧелГУ, ИЭ УрО РАН, 2016. – 59 с.
6. Двинин Д. Ю. Ресурсоемкость электроэнергетической отрасли экономики России // Научное обозрение: теория и практика. – 2017. – № 12. – С. 85-93.
7. Липенков А. Д. Экономика, жизнь, разум. Общественное производство с точки зрения глобальной эволюции. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2012. – 218 с.
8. Липенков А. Д., Даванков А. Ю. Естественнаучные основы управления эколого-экономическими системами: препринт. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 25 с.
9. Прыкин В. Б. Стратегия экономики. Природный экогормонизм. – М.: Юнита-Дана, 2000. – 267 с.
10. Современные методические подходы к междисциплинарным территориальным социо-эколого-экономическим системам. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 133 с.

д.э.н. Ермакова Ж. А., к.э.н. Холодилина Ю. Е.
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И ПРОДВИЖЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРПРОДУКТА¹

Статья посвящена вопросам формирования регионального турпродукта; выделены основополагающие подходы к формированию регионального турпродукта (ресурсный, инфраструктурный, маркетинговый). В статье рассмотрены проблемы формирования и продвижения турпродукта в Оренбургской области, а также определены основные направления формирования регионального турпродукта.

Ключевые слова: региональный турпродукт; внутренний и въездной туризм; регион; региональный туризм; Оренбургская область

В современных условиях функционирования регионы РФ рассматривают туризм как стратегическое направление развития, поскольку организация туристской деятельности выступает мультипликатором социально-экономического роста отдельных локальных территорий и региона в целом.

В связи с этим в регионах активно разрабатываются концепции и планы развития внутреннего и въездного туризма. Все регионы РФ с точки зрения организации туристской деятельности можно условно разделить на две группы: традиционно туристские регионы и регионы, которые не специализируются на туризме, но имеют необходимые ресурсы для развития отдельных видов туризма (экологический, событийный, приключенческий, гастрономический и т.д.) [1].

Обеспечение устойчивого турпотока в регионах возможно благодаря наличию и активному продвижению регионального турпродукта [5].

По определению турпродукта имеются разные точки зрения. С позиции макроэкономики региональный турпродукт представляет собой долю создаваемого и реализуемого валового регионального продукта, производство которой в пространстве региона генерируется под воздействием туристского спроса со стороны всего турпотока [4].

Согласно ФЗ от 24.11.1996 N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» под туристским продуктом понимается комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта [3].

Такой подход к определению данного понятия предполагает, что основными элементами туристского продукта являются транспортные услуги и услуги размещения. Все остальное, что находится за пределами указанных элементов, по существу не рассматривается или рассматривается в ряде случаев выборочно.

¹ © Ермакова Ж. А., Холодилина Ю. Е. Текст. 2019.

При формировании и продвижении регионального турпродукта в субъектах РФ делается следующий акцент: при развитии туризма на региональном уровне, как правило, осуществляется строительство либо реконструкция коллективных средств размещения, создаются благоприятные условия для работы туроператоров внутреннего туризма. Однако данные направления не являются залогом создания качественного регионального турпродукта.

Формирование регионального турпродукта в современных условиях может быть осуществлено в соответствии со следующими подходами:

1. Ресурсный подход: в регионе имеются уникальные (природные либо культурно-исторические) ресурсы, которые являются основой формирования туристского потока.

2. Инфраструктурный подход: в регионе создана современная инфраструктура (туристская, промышленная, городская среда и пр.), которая привлекает туристов и одновременно является ресурсом для развития туризма и инфраструктурой.

3. Маркетинговый подход: в регионе на основе имеющегося ресурсного и инфраструктурного потенциала создана уникальная система продвижения территории на внутреннем и внешнем рынках, иными словами, сформирован уникальный бренд территории способный сформировать устойчивый туристский поток.

В таблице 1 представлены основные примеры использования данных подходов при развитии туризма.

Таким образом, данные подходы позволяют формировать и продвигать региональный турпродукт не только потенциально «туристским субъектам», но и регионам, для которых туризм не является традиционной отраслью хозяйствования (к таким регионам как раз и относится Оренбургская область). Однако ресурсный потенциал области, заключающийся в природном и культурном ландшафте, позволяет говорить о развитии туристской деятельности и формировании регионального продукта внутреннего и въездного туризма [2].

В настоящее время на территории области имеются отдельные «точки» (локусы) развития внутреннего и въездного туризма:

— туристско-рекреационный кластер «Соленые озера» - въездной туризм;

— национальный парк «Бузулукский бор» - внутренний туризм;

— туристско-рекреационный кластер «Кувандык 365» - внутренний туризм;

— музей-заповедник С.Т. Аксакова – въездной и внутренний туризм;

— Ириклинское водохранилище – внутренний туризм;

— места перелета уток и гусей в Светлинском районе – въездной туризм.

Данные территории развиваются локально и имеют ярко выраженную сезонную направленность. Поэтому в настоящее время перед регионом стоит важная стратегическая задача – это формирование регионального

Таблица

Использование подходов к формированию турпродукта в мире и РФ

Подход	Пример	
	Мир	РФ
Ресурсный подход	- побережье Средиземного моря; - США и Канада (Ниагарский водопад); - Перу (Мачу-Пикчу) и пр.	- Краснодарский край (побережье Черного моря); - Республика Карелия (Кижис) и пр.
Инфраструктурный подход	- Гонконг; - ОАЭ; - США (Лас-Вегас) и пр.	- г. Мышкин; - г. Плес и пр.
Маркетинговый подход	- Италия (г. Верона) и пр.	- г. Казань; - г. Великий Устюг и пр.

туристского продукта, который повысит его конкурентоспособность на национальном и международном туристских рынках.

Предлагается при формировании регионального туристского продукта использовать маркетинговый подход, поскольку у региона имеются отдельные ресурсы и инфраструктура, но отсутствует единая концепция его продвижения.

Основные проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается Оренбургская область при формировании турпродукта следующие:

— проблемы транспортной логистики: регион территориально находится на значительном удалении от основных поставщиков туристов (городов-миллионников), недостаточно развитая система путей сообщения снижает привлекательность региона;

— недостаток информации о ресурсах и регионе: в настоящее время в общедоступных источниках информации (сеть Интернет, справочники-путеводители, специализированные издания и пр.) представлено недостаточно информации об Оренбургской области как территории привлекательной для путешествий и об отдельных туристских ресурсах региона, что, безусловно, снижает спрос как на отдельные туристские услуги области, так и отрицательно сказывается на туристском потоке;

— отсутствие готовых туров и маршрутов для самостоятельного туризма: для активизации развития внутреннего туризма должны быть разработаны туры и маршруты, которые позволят самостоятельным туристам наиболее качественно и оптимально планировать свое путешествие;

— отсутствие консолидации производителей отдельных туристских услуг: в регионе имеется достаточное количество представителей индустрии туризма различных сфер и специализации (туроператоры, коллективные средства размещения, предприятия питания, музеи и пр.), но каждый из них функционирует самостоятельно и производит отдельные туристские услуги, без объединения усилий и совместной работы данных предприятий не возможно говорить о готовом региональном турпродукте;

— отсутствие бренда Оренбургской области как территории благоприятной для развития внутреннего и въездного туризма.

В связи с этим, основными направлениями деятельности при формировании регионального турпродукта Оренбургской области должны выступать:

— формирование единого туристского бренда региона: создание единой концепции развития туризма на территории региона, которой должны придерживаться все субъекты региональной индустрии туризма;

— проектирование брендового туристского маршрута, который будет рассматриваться как тур выходного дня и включать посещение основных туристских объектов и достопримечательностей города Оренбурга и Оренбургской области;

— реконструкция городской среды: для успешного развития туристской деятельности и формирования регионального туристского продукта необходима качественная и современная городская среда, которая будет подчеркивать уникальность нашего региона и создаст комфортные условия пребывания туристов в городе Оренбурге (парки, фотозоны, пешеходные улицы, указатели, туристско-информационные центры и пр.).

Реализация данных направлений позволит сформировать качественный региональный турпродукт Оренбургской области, который должен быть востребован в первую очередь на внутреннем, а затем и на внешнем рынке.

Таким образом, выбор подхода к формированию и продвижению регионального турпродукта для конкретного региона зависит от большого количества внутренних и внешних факторов, однако всегда ориентирован на создание максимально благоприятных условий для развития приоритетных видов туризма.

Список использованной литературы

1. *Ермакова Ж.А.* Перспективные направления развития гастрономического туризма в Оренбургской области / Ж.А. Ермакова, И.Л. Полякова // Актуальные задачи фундаментальных и прикладных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 207-212.

2. *Ермакова Ж.А.* Современное состояние туристского рынка в Российской Федерации / Ж.А. Ермакова, И.Л. Полякова, Ю.Е. Холодилина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 2. – С. 30-34.

3. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 30.07.2019 г.)

4. *Шарафутдинов В.Н.* Формы и свойства турпродуктов: подходы к их созданию и реализации // Современная научная мысль. – 2015. – № 5. – С. 68-79.

5. *Якунин В.Н.* Роль туризма и рекреации в повышении социально-экономического развития Самарской области // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 4. – С. 150-156.

Ильенкова К. М.,
аспирант
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТА И СТЕПЕНЬ ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ТОРГОВЫХ СЕТЯХ УРФО¹

Целью данной статьи является выявление степени распространения категорийного менеджмента в торговых сетях Уральского федерального округа. В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие задачи: выделены восемь элементов категорийного менеджмента, сформулированы три гипотезы относительно степени распространения категорийного менеджмента в торговых сетях УрФО с учетом специфики региона. На основании опроса действующих категорийных менеджеров девяти торговых сетей УрФО выявлено преобладание смешанных форм управления ассортиментной политикой, наличие неиспользуемого в настоящее время потенциала для дальнейшего развития торговых сетей УрФО в данном направлении.

Ключевые слова: ассортиментная политика, потребности покупателей, категорийный менеджмент, торговые сети, регион, сравнительный анализ

Эффективность экономического развития торговых компаний всегда была актуальным вопросом. Однако в условиях глобализации и усиления конкуренции «выживать» организациям становится все сложнее и дороже. Существующие методы достаточно быстро копируются конкурентами и снижают конкурентные преимущества среди остальных игроков рынка. На фоне этого в научной сфере и на практике активно разрабатываются различные подходы и методики, позволяющие повысить эффективность деятельности компаний. Одним из таких подходов является категорийный менеджмент, который в зарубежной науке и деловой практике развивается и внедряется с конца 1980-х, в российской практике приобретает популярность с нач. 2000-х гг. Однако большая часть исследований проводится в Центральном регионе и все полученные выводы транслируются на всю страну. поэтому в рамках данной статьи видится целесообразным провести сравнительный анализ деятельности торговых сетей, осуществляющих свою деятельность на территории Уральского федерального округа (УрФО).

По данным Федеральной службы государственной статистики от 19.02.2019 УрФО занимает 10,6% территории России, на его долю приходится 8,4% населения страны. По структуре основных макроэкономических показателей по федеральным округам в 2018 году УрФО имеет следующие показатели: добыча полезных ископаемых 36,8% (1 место); обрабатывающие производства – 12,3% (4 место); обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха – 12,7% (3 место); инвестиции в основной капитал – 19,1% (2 место); финансовые вложения – 7,4% (2 место); оборот розничной торговли – 8,6% (5 место) [5]. В УрФО присутствуют

¹ © Ильенкова К. М. Текст. 2019.

высшие учебные заведения (УрФУ, УрГЭУ), а также УрО РАН, что свидетельствует о широких возможностях для населения как для получения высшего образования, так и повышения профессиональных компетенций.

Таким образом, УрФО представляет особый интерес для дальнейшего исследования практики применения современных инновационных подходов, в частности, категорийного менеджмента, и степени его распространения, а так же определения дальнейших возможностей и перспектив развития торговых компаний, представленных на данной территории. Поэтому целью данной статьи является проведение сравнительного анализа торговых сетей УрФО по степени распространения категорийного менеджмента.

Категорийный менеджмент – это стратегический подход к управлению товарными категориями, основанный на построении долгосрочных и взаимовыгодных отношений между всеми участниками цепочки создания ценности, нацеленный на максимальное удовлетворение потребностей конечных покупателей, а также увеличение продаж и прибыли всех участников цепи поставок в рамках определенной категорийным менеджером торговой сети политики развития категорий [2].

На основании изучения существующей отечественной и зарубежной литературы выделим следующие основные элементы категорийного менеджмента:

1. Основной фокус на потребителя [6, 12].
2. Отношенческий подход всех участников цепи создания ценности [3, 4].
3. Выделение товаров в товарные категории, то есть категоризация товаров согласно виденья и потребностей покупателей [9].
4. Управление товарными категориями как отдельными бизнес-единицами [8].
5. Категорийные менеджеры являются ответственными за закрепленные за ними категории [7].
6. Цель закупок товара - максимизация продаж, прибыли и увеличение трафика торговой сети [8].
7. Концепция "4P" («ассортимент, цены, выкладка, продвижение») [6, 12].
8. Наличие качественной системы выгрузки и анализа данных [7].

Описанные выше элементы категорийного менеджмента являются частью наиболее известных в научной среде методик Категорийного менеджмента, которые были представлены двумя консалтинговыми компаниями ACNielsen и The Partnering Group Inc.

Эффективность методики категорийного менеджмента, активно описываемая в иностранных источниках литературы [8], была подтверждена практикой внедрения данного подхода в отечественной торговой сети, осуществляющей свою деятельность на территории УрФО [1]. На основании данного исследования возникла потребность в проведении сравнительного анализа деятельности торговых сетей УрФО, выявлении региональных особенностей внедрения и степени распространения категорийного ме-

неджмента. В качестве критериев оценки степени распространения категорийного менеджмента в торговых сетях УрФО мы используем выделенные ранее элементы категорийного менеджмента.

В статье используются данные опроса восемнадцати категорийных менеджеров из торговых сетей УрФО: Яблоко, Галамарт, Монетка, Райт, Плюс, Оптима, Квартал, Пигмалион, Анстер.

Переходя к формулировке основных гипотез важно обратить внимание, что по каждому элементу категорийного менеджмента применительно к торговой сети, в которой занят опрашиваемый респондент, было предложено оценить деятельность торговой сети по трёхбалльной шкале, а так же дать комментарии, что позволило минимизировать степень субъективизма со стороны респондентов в проведении опроса, а так же исключить возможность недопонимания сути элементов категорийного менеджмента участниками опроса.

Сформулируем основные гипотезы данного исследования:

Гипотеза 1: Все торговые сети стремятся развиваться в современных экономических условиях и внедрять наиболее современные подходы и методики, в частности, категорийный менеджмент, основанный на маркетинге взаимоотношений с партнёрами, что позволяет увеличить доход компании и долю постоянных, лояльных покупателей.

Таблица

Сравнительный анализ по степени распространения категорийного менеджмента в УрФО

Элементы категорийного менеджмента	0, ТС	1, ТС	2, ТС	Итого, ТС	0, %	1, %	2, %
Основной фокус на потребителя	2	5	2	9	22%	56%	22%
Отношенческие подход всех участников цепи создания ценности	3	5	0	8	38%	63%	0%
Категоризация товаров	2	0	7	9	22%	0%	78%
Управление товарными категориями как отдельными бизнес-единицами	2	7	0	9	22%	78%	0%
Категорийные менеджеры - ответственные за закрепленные за ними категории	0	0	9	9	0%	0%	100%
Цель закупок товара	2	6	1	9	22%	67%	11%
Концепция” 4Р «	0	3	6	9	0%	33%	67%
Наличие качественной системы выгрузки и анализа данных	8	1	0	9	89%	11%	0%
Итого	19	27	25	71	27%	38%	35%

Источник: составлено автором [11].

Гипотеза 2: Торговые сети стремясь получить максимальный результат внедряют категорийный менеджмент комплексно и всесторонне, реализуя все его элементы.

Гипотеза 3: Категорийным менеджерам, как высокооплачиваемым специалистам с высоким уровнем необходимых компетенций и знаний в данной области, предоставляется высокий уровень свободы принятия решений и ответственности за принимаемые решения.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице (сост. по [11]).

Начнем с такого элемента, как основной фокус – потребитель. По результатам опроса мы выяснили, что 22% торговых сетей, действительно, ориентированы на потребности покупателей и все действия и мероприятия направлены на выявление и удовлетворение потребностей покупателей. 56% респондентов обозначили, что торговые сети ориентируются на потребности покупателей, однако не в полной мере, действуя в определенных ситуациях в ущерб интересам покупателей и ставя в приоритет получение кратковременного результата. В 20% случаев наблюдается отсутствие целеполагания на удовлетворение потребностей покупателей, основная цель – получение прибыли в краткосрочном периоде при отсутствии долгосрочного стратегического планирования деятельности торговой сети и категорий, в частности.

Что касается построения долгосрочных и взаимовыгодных отношений, то 63% торговых сетей находятся на пути становления и предпринимают попытки построения долгосрочных отношений с партнерами, однако не редко транзакционные сделки выходят на первый план. В 38% торговых сетях в принципе нет цели двигаться в данном направлении.

Более половины (78%) торговых сетей работают по принципу категоризации товаров, 22% – не считают это целесообразным.

В то же время, категории, требующие полноценного управления на всех этапах, рассматриваются как отдельные бизнес-единицы в 78% торговых сетей. В 22% торговых сетей товарные категории вообще не рассматриваются как бизнес-единицы.

В части ответственности категорийных менеджеров, лишь 10% торговых сетей дают категорийным менеджерам полную свободу в принятии решений и возлагают на них всю вытекающую из этого ответственность. 90% респондентов обозначили, что в той или иной мере свобода в принятии решений им предоставляется, однако требует дополнительного согласования с руководством. Во всех торговых сетях наблюдается пересечение функционала смежных отделов, что ведет к возникновению конфликтных ситуаций и неспособности сотрудников в полной мере работать на результат.

Что касается цели закупок товаров, то 11% опрошенных обозначили ее как максимизация продаж с учетом потребностей покупателей. В 67% случаев менеджеры относительно часто сталкиваются с необходимостью наполнения складов / полок торговой сети с целью получения маркетинговых

платежей. В 22% торговых сетей закупочная деятельность ориентирована на получение маркетинговых платежей.

Результаты исследования отражают высокую степень распространения элементов категорийного менеджмента в части реализации концепции «4Р», которые носят тактический характер и позволяют относительно быстро достичь краткосрочного результата. 67% торговых сетей, участвовавших в опросе, используют маркетинг-микс в полном объеме, 33% торговых сетей находятся на стадии активного внедрения данных принципов.

Более половины респондентов (60%) заявили о том, что стратегические решения принимаются на уровне головного офиса, в 10% случаев категорийные менеджеры активно советуются с сотрудниками магазинов при принятии решений, в 30% случаев многие решения принимаются на уровне торговых точек.

Отдельно хотелось бы выделить, что во всех торговых сетях, которые участвовали в данном исследовании, наблюдается проблема отсутствия качественной системы сбора, обработки и анализа информации, на основании которой категорийный менеджер мог бы принимать решения быстрее и качественнее. Лишь в 10% случаев респонденты обозначили наличие систем, позволяющих получать относительно систематизированную, полную и удобную для анализа информацию, 80% опрошенных свидетельствуют о наличии неудобной системы обработки данных, что ведет к ручной обработке информации. Очевидно, что внедрение информационных систем является дорогостоящим мероприятием, однако результат, который можно получить при покупке и внедрении современных систем обработки данных является огромным и недооцененным в большинстве торговых сетей УрФО.

Таким образом, в результате данного исследования очевидно применение элементов категорийного менеджмента во всех торговых сетях УрФО. Однако, степень применения каждого отдельного элемента существенно отличается. В целом, 35% элементов категорийного менеджмента применяется торговыми сетями в полном объеме, 38% - частично, 27% - не применяются вообще. Таким образом, гипотеза 1 подтверждается лишь частично. Действительно, наиболее прогрессивные торговые сети стремятся следовать тенденциям рынка, применять категорийный менеджмент и развивать партнерские отношения с поставщиками. Однако степень распространения категорийного менеджмента находится на уровне 35%, что свидетельствует о том, что он не применяется в чистом виде в анализируемых торговых сетях. При этом отдельные элементы подхода используются абсолютно всеми торговыми сетями.

Гипотеза 2 не подтверждается, поскольку все участвовавшие в опросе торговые сети внедряют подход частично, не системно и не комплексно. В процессе исследования выявлено, что степень применения каждого отдельного элемента существенно отличается. То есть, наблюдается попытка частичного внедрения подхода с целью получения краткосрочного эффекта в условиях жесткой конкурентной борьбы. Особо бросается в глаза, что

реализуются именно те элементы, которые можно легко скопировать без глубокого анализа и привлечения дополнительных ресурсов.

В результате исследования гипотеза 3 также не подтверждается. Большинство стратегических и тактических решений согласовывается на уровне руководства. Чаще всего (90% респондентов) основной задачей категорийных менеджеров является контроль всех процессов в рамках категории и закрытие текущих вопросов. На решение стратегических вопросов категорийным менеджерам ресурсов не хватает. При устранении данной проблемы торговые сети имеют возможность получать более высокие финансовые результаты от торговой деятельности.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в УрФО, являющемся экономически развитым регионом, торговые сети активно внедряют категорийный менеджмент, однако в полном объеме все элементы категорийного менеджмента не реализованы ни одной из анализируемых торговых сетей, что свидетельствует о преобладании смешанных форм управления ассортиментной политикой, при этом большую роль в готовности внедрять категорийный менеджмент играет размер торговой сети, занимаемая ею доля рынка и имеющиеся ресурсы.

С теоретической точки зрения значимость данной статьи состоит в выделении восьми элементов категорийного менеджмента.

На наш взгляд, практическая ценность представленного исследования заключается в том, что оно позволило выявить региональные особенности реализации данного подхода, а так же стремление торговых сетей регионального уровня в условиях ужесточающейся конкуренции искать пути дальнейшего развития, опираясь на опыт более крупных и сильных игроков рынка. В то же время, наблюдается огромный потенциал для дальнейшего развития и роста торговых сетей УрФО в данном направлении, что позволит им получить более высокие финансовые результаты от торговой деятельности.

Тем не менее, мы считаем, что для подтверждения эффективности данного подхода необходимы дальнейшие исследования эмпирического характера с использованием как количественных, так и качественных методов. Особый интерес для дальнейших исследований представляет анализ деятельности торговых сетей в разрезе различных федеральных округов РФ в рамках выделенных нами элементов категорийного менеджмента.

Список использованной литературы

1. Ильенкова К. М. Внедрение категорийного менеджмента в традиционной рознице // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – № 3. – С. 124-145.

2. Ильенкова К. М. Суть и основные элементы категорийного менеджмента // Современная конкуренция. – 2019. – Т. 13. – № 2(74). – С. 62-80.

3. Куц С. П. Отношенческие аспекты современной теории промышленного маркетинга // Вестник Северного федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – № 2(10). – С. 71-78.

4. *Неганова В. П.* Маркетинг взаимоотношений: механизмы формирования портфеля потребителей // Известия УрГЭУ. – 2012. – № 4 (42). – С. 81-86.
5. Социально-экономическое положение Уральского федерального округа. I квартал 2019: крат. стат. сб. /Росстат. – М., 2019. – 78 с.
6. *Nielsen A. C.* Category management: Positioning your Organization to Win. – Chicago, IL: American Marketing Association and NTC Business Book, 1992. – 175 p.
7. *Carr C., Coy S.* Effective day-to-day category management, BearingPoint, Management and Technology, 2011 [Электронный ресурс]. URL: www.bearingpoint.com.
8. *Dussart C.* Category management: Strengths. Limits and developments // European Management Journal. – 1998. – Vol.16 (1). – P. 50-62.
9. Europe ECR. Category Management Best Practices Report. – 1997. – 73 p.
10. *Ilyenkova K. M.* Category management in Russian retail sphere (case of the Ural Federal District) // R-Economy. – 2019. – No. 5(1). – P. 38–48. – DOI 10.15826/recon.2019.5.1.005.
11. The Partnering Group, Inc. and Category Management ECR. Best Practices Operating Comitee, Category management Report – Enhancing consumer value in the grocery industry. The United States of America, 1995.

к.э.н. Коркина Г. М.

Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

к.э.н. Смирнова О. П.

Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

ЭФФЕКТИВНЫЙ НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Налоговая составляющая экономической безопасности оказывает значительное влияние на каждого налогоплательщика и формирование бюджета страны. Вследствие этого налоговому контролю как фактору экономической безопасности уделяется особое внимание. Развиваются его формы и методы, рассматриваются новые области их применения с ориентиром на сохранение налогового потенциала, совершенствуется отбор налогоплательщиков с целью проведения контрольных мероприятий, в процесс контроля внедряются современные цифровые технологии.

Ключевые слова: налоговый контроль, результативность, развитие, экономическая безопасность

Экономическая безопасность страны во многом определяется эффективностью ее налоговой системы. Взымаемые с юридических и физических лиц налоги и сборы формируют доходную часть бюджета. Согласно данным официальных источников, в России федеральный бюджет создается в основном за счет налоговых поступлений. К налоговым поступлениям относятся предусмотренные Налоговым кодексом РФ федеральные, региональные и местные налоги и сборы, а также пени и штрафы [6]. В 2014 г. налоговые поступления составили 53,4% доходов консолидированного бюджета, в 2015 г. – 60%, в 2016 г. 58,3% от всего дохода государства, в 2017 году – 62,9%, в 2018 г. – 72,3%².

К числу основных угроз российской налоговой системы можно отнести: неэффективную налоговую политику; сложность и частые изменения налогового законодательства; сокрытие налогооблагаемой базы; выплату «серой» заработной платы; регистрацию «фирм-однодневок»; значительную долю теневого сектора экономики; вывоз капитала за рубеж; низкую налоговую культуру населения и его недоверие государству; недостаточ-

¹ © Коркина Г. М., Смирнова О. П. Текст. 2019.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Моделирование неопределенности в развитии сетевых сопряженных производствах в целях обеспечения экономической безопасности» № 18-010-01021.

² Закон о налоговых органах Российской Федерации. 1992–2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161248.

ную налоговую, административную и уголовную ответственность за нарушение налогового законодательства¹.

Для существования сильного государства, обеспечения его суверенитета, независимости, обороноспособности, решения социальных и экономических задач по развитию общества необходима эффективная налоговая система с налаженным механизмом налогового контроля.

Согласно статье 32 Налогового кодекса РФ «налоговым контролем признается деятельность должностных лиц налоговых органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах².

Налоговый контроль является одним из направлений государственного финансового контроля. Порядок его осуществления регулируется положениями главы 14 Налогового кодекса РФ.

Система налогового контроля нацелена на реализацию нескольких задач:

— нормативное регулирование и содействие качественному ведению налогоплательщиками бухгалтерского и налогового учета, представляемые ими документы являются предметом налогового контроля³;

— обеспечение полноты и своевременности выполнения налогоплательщиками налоговых обязательств перед бюджетами всех уровней;

— выполнение и пресечение налоговых правонарушений. возможности пополнения бюджета во многом зависит от оперативного и адекватного реагирования сотрудников налоговой службы на нарушения в области налогового законодательства.

Важным элементом механизма налогового контроля являются налоговые риски. Являясь сложной категорией рисков, они присущи обеим сторонам налоговых правонарушений: и налогоплательщиком и государству. Риски налогоплательщиков связаны в основном с финансовыми потерями в виде сумм доначисленных налогов, пени, штрафов и упущенной выгоды. Существует также вероятность привлечения руководителей и собственников предприятий к административной и уголовной ответственности. Риски государства, возникают, прежде всего, при принятии решений в сфере налогообложения. Кроме того, возможны неблагоприятные последствия в виде снижения доверия контрагентов из-за повышенного внимания к предприятию налоговых органов.

Объективную основу возникновения рисков составляет диалектическое противоречие между основными функциями системы налогообложения: фискальной и регулирующей. Фискальная осуществляется за счет меро-

¹ Налоговый кодекс РФ. Ч. I. от 31.07.1998 № 146-ФЗ; (ред. от 15.02.2016 N 32-ФЗ, от 05.04.2016 N 101-ФЗ, от 05.04.2016 N 102-ФЗ, от 26.04.2016 N 110-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

² О внесении изменений в Методические указания о порядке проведения оценки качества проверок налоговых органов: Письмо Федеральной налоговой службы от 23 октября 2007 г. №ШС-6-12/816.

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

приятий налогового контроля и санкций. Она обеспечивает собираемость налогов и создает препятствия для уклонения от их уплаты. Регулирующая направлена на развитие экономических процессов и реализуется через систему льгот и освобождений. Она имеет своей целью рост финансовых результатов бизнеса.

Между фискальной и регулирующей функциями в развитом государстве должно быть обеспечено относительное равновесие, что проявляется в формировании бюджета, не ущемляющего интересы налогоплательщиков. На практике добиться этого сложно, так – как стороны по – разному оценивают роль налогов: государство стремится к максимизации, а налогоплательщики к минимизации налоговых изъятий.

Известно, что российской налоговой системе присущ выраженный фискальный характер. Вопросы фискальной направленности налоговой системы поднимают Шакирова Р.К. [7], Воронцов О.Г. [1], Пилипенко О. И. [2], Скрябина А.А. и др. Фискальная политика не приводит к разрешению конфликта интересов сторон и не оказывает положительного влияния на повышение эффективности налогового контроля [2-5;7]. В этих условиях налогоплательщики продолжают считать налоговую нагрузку излишней и по возможности уклоняться от уплаты налогов.

Однако, имеет место устойчивая тенденция роста результативности налоговых проверок (таблица).

За последние 5 лет имеет место рост общего количества налоговых проверок, преимущественно за счет камеральных, более чем в 2 раза, что связано с увеличением числа предоставленных налоговых деклараций и сокращением круга юридических лиц, обладающих признаками действующих.

При этом число выездных налоговых проверок существенно сократилось в 2018 г. по сравнению с 2014 г. на 61,6 % у тех налогоплательщиков, которые считаются законопослушными, выездные налоговые проверки проводятся теперь реже, чем с периодичностью один раз в три года согласно ст. 89 НК РФ: в этом нет необходимости. Данный факт позитивно воспринимается бизнес-сообществом.

Положительный эффект связан также с активным внедрением в систему налогового контроля цифровых технологий, которые позволяют дистанционно контролировать налогоплательщиков.

Так, несколько лет назад в стране внедрена электронная система сбора и обработки данных по исчислению налога на добавленную стоимость. Налогоплательщики предоставляют в налоговую службу не только налоговые декларации по НДС, но и все входящие и исходящие счета-фактуры, что позволяет проверять правильность расчетов по одному из самых сложных и весомых с точки зрения пополнения бюджета налогов без выезда на предприятие.

Создается цифровая технологическая платформа, которая объединяет информационные ресурсы ФНС и других субъектов налогового контроля – МВД, таможенных и следственных органов, а также Росреестра, Росфинмо-

Таблица

Динамика результатов налоговых проверок, проведенных ФНС в 2014–2018 гг.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	Темп роста%
Количество проведенных налоговых проверок ед., %	32905553 100,00	31962975 100,00	40003998 100,00	55 879 061 100,00	67 902 934 100,00	206,30
В том числе:						
камеральных ед., %	32869796 99,89	31932313 99,91	39977955 99,93	55859670 99,80	67 889 196 99,98	206,50
из них выявивших нарушения, ед.	1963317	1948611	2254430	3 014 277	3 531 037	179,8
выездных проверок, ед., %	35757 0,11	30662 0,09	26043 0,07%	19 391 0,03	13 738 0,02	38,07
из них выявивших нарушения ед.	35314	30346	25796	19 134	13 444	38,00
Доля результативных проверок в общем объеме проведенных камеральных проверок, %:						
по камеральным	6,0	6,1	5,6	5,3	5,2	86,60
по выездным	98,80	99,90	99,10	98,60	97,80	98,90
Дополнительно начислено платежей по результатам проверок, всего: тыс. руб., %	337717674 100,00	342946320 100,00	451805265 100,00	371 422 658 100,00	361858704 100,00	107,40
В том числе:						
по камеральным, тыс. руб., %	48443932 14,30	75083462 21,90	99748333 22,10	61 559 605 16,57	55 659 611 15,38	114,80
по выездным проверкам, тыс. руб., %	289273742 85,70	267862858 78,10	352056932 77,90	309 863 053 83,43	306199093 84,62	105,80
Доначислено налоговых платежей в расчете на одну результативную проверку, тыс. руб.:						
по камеральным:	24,67	38,53	44,25	20,42	15,76	63,60
по выездным:	8191,50	8827,00	13647,70	16194,40	22775,90	278

Источник: таблица составлена авторами по данным ФНС РФ.

ниторинга, банков и других организаций, что позволяет работать с огромной базой данных.

Удельный вес результативных налоговых проверок, как камеральных, так и выездных, за анализируемый период изменился незначительно. Од-

нако, если рассматривать структуру дополнительных начислений, то приоритет принадлежит выездным проверкам, на которые приходится в среднем около 80 % доначислений, так как они являются более глубокими и основательными по сравнению с камеральными проверками.

В целом имеет место тенденция роста дополнительно начисленных платежей в 2018 г. по сравнению с 2014 на 7,4 %. По камеральным проверкам прирост составил 14,89 %, по выездным – 5,85 %.

Динамика доначислений на одну результативную камеральную проверку неоднородна: в 2014 – 2016 гг. наблюдался устойчивый рост, который сменился снижением в 2017 – 18 гг. В целом за 5 лет снижение на 36,4%.

Наблюдается рост доначислений налоговых платежей в расчете на одну проверку: по камеральным на 14,89 %; по выездным на 5,85 %. По выездным результативным проверкам доначисления стабильно росли на протяжении всего анализируемого периода и рост составил 27,8 %. Сократив количество выездных проверок, налоговая служба значительно повысила их эффективность.

Таким образом, имеет место положительная тенденция определённого совершенствования работы налоговых органов.

Однако принцип осмотрительности не позволяет нам с уверенностью утверждать, что в системе налогового контроля произошли необратимые изменения качественного характера. Следовательно, осуществляемый сегодня курс налогового администрирования нельзя в полной мере оценивать, как эффективный.

Актуальными направлениями развития современного налогового контроля являются следующее:

— дальнейшее совершенствование налогового законодательства с целью создания стабильной, системно проработанной нормативно – правовой базы и соответствующей ей инфраструктуры, обеспечивающей предупреждение возникающих налоговых угроз или снижение уровня их воздействия; уменьшение теневой зоны экономики, обусловленной недостатками в законодательстве, а также надежную защиту законных интересов налогоплательщиков. Проведение постоянного мониторинга законодательства. Основной задачей законотворческой деятельности государства по – прежнему остается гармонизация интересов налогоплательщиков и налоговых органов.

— применение эффективной системы отбора налогоплательщиков для проведения контрольных мероприятий, способов и методов проведения налоговых проверок, дающих возможность в условиях ограниченных кадровых и материальных ресурсов достичь максимальной результативности.

Выездные налоговые проверки являются наиболее эффективным контрольным мероприятием, количество которых, как было рассмотрено выше, сократилось за последние 5 лет на 61,6%. Одним из основных факторов результативности проверок выступает предпроверочный анализ, определяющий выбор налогоплательщика в качестве объекта проверки, оцен-

ку имеющейся о ней информации, выявление проблемных точек, рисков и разработку оптимальной стратегии выездной проверки.

Отбор налогоплательщиков производится на основе критериев, изложенных в Концепции системы планирования выездных налоговых проверок, которая утверждена более 10 лет назад. Как и любой нормативный документ, она требует совершенствования с учетом многолетнего опыта применения. Кроме того, нам представляется целесообразным предложение аналитиков [26] об использовании рейтинговой оценки налогоплательщиков в дополнение к имеющимся критериям отбора. Рейтинговая оценка позволит проводить более обоснованный выбор объектов для выездного контроля.

— активное внедрение новейших цифровых технологий, способных ускорить процесс сбора и обработки информации о деятельности налогоплательщиков, которые позволяют быстрее распознавать субъекты, находящиеся в зоне риска налоговых правонарушений. Продолжать работу по созданию единой информационной системы, объединяющей информационные ресурсы государственных органов и коммерческих банков; по обновлению программного обеспечения, которое представляет возможность дистанционно проверять определенные показатели деятельности без выезда к налогоплательщику, что сокращает расходы на проведение налогового контроля.

— совершенствование кадрового потенциала налоговой службы, использование современных форм и методов контроля, цифровых технологий, усложнение аналитических процедур требует наличия квалифицированных кадров, способных качественно выполнять свои должностные обязанности. Возможности пополнения бюджетов всех уровней во многом зависят от оперативного и адекватного реагирования сотрудников налоговой службы на нарушения в области налогового законодательства. Возникает необходимость в соответствующей системе отбора, повышения квалификации и оценке эффективности работы персонала. Известно, что разработана и проходит апробацию балльно–рейтинговая система, которая имеет своей целью определение уровня профессионализма кадрового состава. Как свидетельствует практика, для налаживания такой системы требуются многолетние усилия. Важно, чтобы процедуры включали не только формальные, но и содержательные критерии оценки эффективности работы сотрудников налоговой службы.

Таким образом, современные условия требуют постоянного развития нормативной базы, форм и методов работы в системе налогового контроля. Рассматриваемые меры позволят повысить эффективность контрольной деятельности, что позитивно повлияет на обеспечение пополнения доходной части бюджета и укрепление экономической безопасности страны.

Список использованной литературы

1. *Воронцов О. Г.* Налоговый (фискальный) федерализм: понятие и роль в построении налоговой системы // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2015. – № 3-2(53). – С. 44.

2. *Пилипенко О.И.* Антикризисная фискальная политика государства в контексте позитивной экономической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономика». – 2012. – № 3. – С. 5-16.

3. *Рудакова О.Ю., Горбанова А.И.* Повышение результативности налогового контроля // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. – 2018. – № 9. – С. 102-107.

4. *Селиванов А.С.* Налоговый контроль как вид государственного финансового контроля // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 276–279.

5. *Скрябина А.А.* Современные направления налоговой политики в Российской Федерации // Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления. – 2018. – №1. – С. 115.

6. *Хекало О.Ю.* Динамика налоговых поступлений в бюджет РФ / О. Ю. Хекало, А.А. Мацакова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2017. – № 9. – С. 200.

7. *Шакирова Р.К.* Становление и развитие фискального федерализма в России // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9-7. – С. 129.

д.э.н. Лапаева М. Г., д.э.н. Лапаев С. П.
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В статье проводится анализ социально-экономического развития Оренбургской области, выделяются условия, тенденции, диспропорции, конкурентные преимущества и проблемы. Разработаны предложения по направлениям дальнейшего развития региона и осуществления технологического рывка на основе использования его конкурентных преимуществ и совершенствования управления.

Ключевые слова: регион, тенденции развития, диспропорции, конкурентные преимущества, технологический рывок, направления развития

В современный период эффективное социально-экономическое развитие страны возможно только на основе ускорения роста экономики российских регионов. Поэтому анализ проблем и тенденций развития конкретного региона и разработка рекомендаций по интенсификации использования региональных факторов и условий представляет собой актуальную задачу экономической науки. Цель исследования этих проблем заключается в том, чтобы обратить внимание регионального сообщества и особенно региональной элиты на те возможности и потенциал, которые имеются в регионе, но пока недостаточно эффективно используются. В процессе исследования проблем социально-экономического развития использовались методы сравнительного, логического и статистического анализа. Социально-экономическое развитие России осуществляется в условиях действия различных вызовов, связанных с необходимостью модернизации экономики, постиндустриальной трансформации, обострением экологических проблем, усилением миграционной подвижности населения и др. Эти проблемы требуют их решения также и на региональном уровне. На развитие регионов страны оказывают влияние внутренние условия, включающие распределение населения по его территории, природные ресурсы, экономический потенциал, возможности межрегионального, международного и приграничного сотрудничества. К внешним условиям пространственного развития территории относятся сложившаяся система международных связей, состояние национальной и мировой экономики.

Пространство Оренбургской области составляет 124 тыс. кв. км. На этой территории проживает 1977,7 тыс. человек, располагаются 41355 предприятий и организаций, 9 городов². Область занимает приграничное положение, её граница с Республикой Казахстан составляет почти 1800 км. Со времён Петра I территорию области называют «воротами в Азию». Тер-

¹ © Лапаева М. Г., Лапаев С. П. Текст. 2019.

² Статистический ежегодник Оренбургской области. 2018: Стат. сб. / Оренбургстат, Оренбург, 2018. – С.493-495; 292-294; 61-71.

риториальное пространство Оренбургской области – важнейшее условие и фактор ее социально-экономического развития в настоящее время и в долгосрочной перспективе. Регион обладает значительным человеческим потенциалом, достаточно образованным населением. В Оренбурге действуют 4 федеральных высших учебных заведения и филиалы российских ВУЗов, несколько научно-исследовательских институтов федерального значения в области нефти, газа, сельскохозяйственного производства. Всё это позволяет обеспечить кадрами реализацию стратегии инновационного развития региона.

Важно подчеркнуть, что Оренбургская область обладает большими запасами разнообразных природных ресурсов, включая землю, которые необходимы для развития различных видов экономической деятельности. Благоприятное геоэкономическое положение Оренбуржья позволяет использовать потенциал приграничного торгово-экономического сотрудничества с Казахстаном, Республиками Средней Азии и Китаем. Таким образом, уровень накопленного в регионе экономического потенциала, его геоэкономическое положение, обеспеченность трудовыми и природными ресурсами, различными видами инфраструктуры (производственной, социальной, транспортной и т.д.) составляют основополагающие условия для пространственного развития её территории. Человеческий капитал, природные, земельные ресурсы, производственный потенциал, наличие основных видов инфраструктуры составляют конкурентные преимущества Оренбургской области.

Пространственное развитие Оренбургской области характеризуется территориальной структурой экономики региона, соотношением её отдельных частей. На территории региона сформировались 3 внутриобластных экономических района – Бузулукско-Бугурусланский, или Западный; Оренбургский, или Центральный; Орский, или Восточный. Особенностью пространственного развития Оренбургской области за последние годы является сжатие её экономического пространства, повышение плотности экономической деятельности в городах и её снижение в сельских районах. Регион приобрёл ярко выраженную специализацию на продукции топливно-энергетического и сырьевого комплекса, а также отличается существенной долей в производстве сельскохозяйственной продукции. При этом в целом промышленность характеризуется снижающимися темпами функционирования, особенно обрабатывающая. Из городов наблюдается экономический рост только в Оренбурге. Остальные города являются моногородами, они зависят от темпов развития градообразующих предприятий, находящихся, в основном, в тяжёлом экономическом положении (особенно в восточной части области).

Основная проблема экономического развития региона – структурные диспропорции: перекося в развитии добывающих и обрабатывающих производств, десинхронизация темпов развития сельского хозяйства с остальными отраслями экономики, опережающий рост цен на услуги, перераспределение региональной прибыли в сферу добывающих отраслей

промышленности и услуг, диспропорции в уровне оплаты труда и уровне потребления разных слоёв населения и др. [2, 50-57; 3, 42-47]. Следствием этого является низкая эффективность хозяйствования. В регионе удельный вес убыточных предприятий составляет 40,1% и наблюдается их увеличение с 2010 г. В то же время в среднем по России удельный вес убыточных предприятий составляет 26,3%, в Приволжском федеральном округе – 25,9%. Рентабельность проданных товаров снижается с каждым годом. Уровень износа основных фондов растёт и составил в 2017 г. 57,1%. Инновационная активность предприятий не повышается, а снижается (в 2017 г. – 6,4%, в 2010 – 10,8%). Объём инновационных товаров, работ и услуг составляет всего лишь 3,2% (в среднем по России – 7,2%). За 2010-2017 гг. значительно снизились темпы инвестиций в основной капитал. Следует обратить внимание на рост миграции населения. За 2001-2018 гг. население области сократилось на 226 тыс. человек. Естественная убыль населения в 2016 г. составила 1,7 на 1000 человек (по РФ – 0,9), то есть почти в 2 раза выше, чем в среднем по России. Растёт миграция населения из области, с 2017 года по 60 тыс. человек ежегодно¹. Особенно большой отток наблюдается из сельских регионов, а также из восточных. Существует и внутрирегиональная миграция: население сельских районов переезжает в города в поисках рабочих мест. Итогом неблагоприятного состояния экономики является снижение темпов роста валового регионального продукта.

Президент нашей страны В.В. Путин обозначил в качестве приоритетной задачи осуществление технологического рывка [4, 5-28]. Рывку в будущее посвящены исследования ведущих российских экономистов [1, 10-85]. Для выполнения этой задачи необходима концентрация инвестиционных и инновационных ресурсов, интеллектуальных усилий регионального сообщества. Важно, чтобы наша региональная элита осознала ответственность за выполнение этих задач и стала инициатором и проводником модернизации экономики. В Оренбургской области в качестве опорных отраслей могут служить сельское хозяйство, отрасли топливно-энергетического комплекса, металлургия и пищевая промышленность. Сельское хозяйство – это традиционная для Оренбуржья сфера экономической деятельности, в которой регион добивался значительных успехов. В советский период область дважды награждалась высшими наградами государства за достижения в сельском хозяйстве. Сегодня эти результаты советского периода пока не достигнуты. Так что, есть к чему стремиться, используя интенсификацию производства, инвестиции, новые организационные формы производства и совершенствование управления. Отрасли топливно-энергетического комплекса и металлургия получили развитие в советский период. Их развитие основано на использовании полезных ископаемых. В современный период рост этих отраслей может осуществляться на основе использовании инноваций и углубления переработки сырья. Возрождение машиностроительных предприятий возможно на основе неиндустриализации.

¹ Статистический ежегодник Оренбургской области. 2018: Стат. сб. / Оренбургстат, Оренбург, 2018. – С.493-495; 292-294; 61-71.

Это потребует значительных инвестиций и организации потребительского спроса, например, со стороны отраслей топливно-энергетического комплекса, который пока предпочитает закупать оборудование за рубежом. Более короткий путь возрождения машиностроения области, на наш взгляд, заключается в интеграции с более мощными предприятиями соседних областей – Самарской, Челябинской и Свердловской. Следует также подумать и о размещении на территории области предприятий наукоёмких отраслей, особенно в моногородах. Здесь важно добиться включения области в федеральные программы развития, а также привлечения инвесторов, как российских, так и иностранных. Хотелось бы, чтобы ресурсы регионального топливно-энергетического комплекса более широко использовались в развитии экономики региона.

В Оренбуржье необходима реализация и инфраструктурных проектов в области энергетики, транспорта, информационных технологий, дорожного строительства, медицины и образования, что позволит развивать межрегиональные, международные связи и интеграцию. Перспективным направлением является использование транзитного потенциала Оренбургской области для развития торгово-экономического сотрудничества России и области с Казахстаном, Республиками Средней Азии и Китаем.

Для совершения технологического рывка необходимы высококвалифицированные кадры. Их подготовку должен осуществить Оренбургский государственный университет и другие высшие и средние учебные заведения области. Эта задача может быть выполнена при условии модернизации университетов и школ, усилении их интеграции с научно-исследовательскими институтами и производственными предприятиями, формировании инновационного мышления у всего населения региона. В перспективе предлагается создать в Оренбурге Международный Евразийский университет, как важнейший научный и образовательный центр стран Евразийского экономического союза.

Успешная реализация этих масштабных задач зависит от качества регионального управления. В настоящее время в Оренбургской области избран новый губернатор – Д.В. Паслер. Оренбуржцы оказали ему доверие, надеясь, что новый лидер поведёт регион к осуществлению технологического рывка, опираясь на сформированную им компетентную команду молодых энтузиастов, любящих уральский край, желающих отдать свои способности, талант, интеллект на благо развития и процветания Оренбургской земли, как это делали доблестные основатели Оренбургской губернии, поколения предпринимателей, учёных, рядовых оренбуржцев, которые вдохнули жизнь в «дикую степь», построили города и заводы, провели дороги, посадили сады. Современному поколению оренбуржцев выпала доля – модернизировать край, сделать его промышленность наукоёмкой, сельское хозяйство – высокопроизводительным, население – счастливым. Нет более достойного занятия для молодёжи, как упорный труд для процветания родной земли.

Таким образом, нами обозначены основные проблемы, которые воздействуют на развитие региона: структурные диспропорции, снижающиеся темпы развития промышленности, десинхронизация темпы развития сельского хозяйства с остальными отраслями экономики, рост цен на услуги и др. В то же время область обладает значительными конкурентными преимуществами в виде человеческого капитала, природных и земельных ресурсов, производственного потенциала и инфраструктуры. По нашему мнению, в решении этих проблем ведущая роль принадлежит региональной элите – управленческой, политической, научной, бизнес-элите. Для решения проблем необходима реализация следующих мер: для осуществления технологического рывка использовать в качестве опорных отраслей сельское хозяйство, топливно-энергетический и сырьевой комплекс, осуществить модернизацию машиностроения и создать комплекс предприятий по производству наукоемкой продукции. Для этого необходимо разработать стратегию осуществления технологического рывка региона, предусмотреть подготовку квалифицированных кадров на базе Оренбургского государственного университета, в качестве инвестиционных ресурсов использовать ресурсы промышленных предприятий, финансово-кредитной системы и населения.

Проблема социально-экономического развития Оренбургской области является актуальной, а направления их решения – дискуссионными. В связи с этим эта тема требует дальнейшего исследования, а предложения, сделанные в этом исследовании, не являются бесспорными и окончательными. Но некоторые из них могут быть использованы для научных и практических целей.

Список использованной литературы

1. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мировом хозяйственном укладах. – М., 2018. – 768 с.
2. Лапаева М. Г. Контуры технологического рывка России и Оренбургской области / М. Г. Лапаева, О. Ф. Лапаева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 50-57.
3. Лапаева М. Г. Современные реалии и исторические традиции формирования бизнес-сообщества Оренбуржья // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 2. – С. 42-47.
4. Медведев Д. А. Россия-2024. Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 5-28.

асп. Наместникова Л. С.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

им. М. И. Платова

г. Новочеркасск

ВЛИЯНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

В статье представлены основные направления совершенствования и модернизации рекреационного потенциала в отрасли туризма и гостеприимства. На основании проведенного анализа сформированы преимущественные показатели построения предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Ключевые слова: рекреационный потенциал, туризм, предпринимательство, Дальний Восток, гостеприимство, сфера услуг

Туристско-рекреационная сфера в большинстве регионов РФ рассматривается в качестве приоритетной с позиции долгосрочного развития, однако перспективные возможности развития региона требуют проведения серьезной аналитической и оценочной работы. В целом, совершенствованию предпринимательской деятельности в сфере туризма и гостеприимства способствует применение организационно-экономического регулирования с помощью управленческих, финансово-экономических, социально-политических, экономико-технологических, организационных и законодательных рычагов.

В последнее время, отмечается увеличение притока туристов как во всем мире, так и в России. Рост туристской активности среди населения связан прежде всего с повышением уровня качества жизни населения, а также минимизацией классового расслоения народа в развитых странах. Немаловажную роль играет развитие транспортных коммуникаций и информационно-коммуникационных технологий. Данные причины активности туристов носят социально-политический и экономико-технологический характер.

Стоит заметить, что несмотря на появление множества современных видов туризма (джайлоо-туризм, гастрономический туризм, шопинг-туризм, индустриальный туризм, агро-туризм и другие) большинство туристских потоков отдадут предпочтение традиционным видам туристской деятельности (культурно-познавательный туризм, спортивный туризм, пляжный туризм, религиозный туризм, лечебно-оздоровительный туризм). На рисунке 1 представлен график, отражающий спрос туристских потоков с 2000 по 2017 гг.

Представленная структура подтверждает, что современные виды туристской деятельности уступают по популярности традиционным видам туризма и гостеприимства. Соответственно, территории, обладающие туристской привлекательностью, способные обеспечить традиционный тури-

¹ © Наместникова Л. С. Текст. 2019

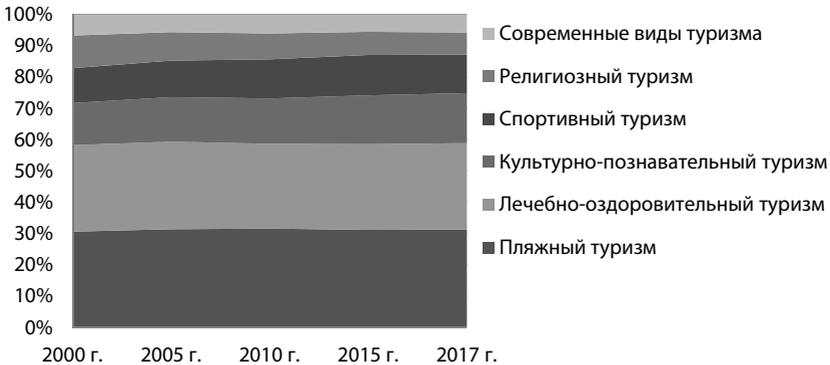

Рис. 1. Структура спроса на услуги предпринимательской деятельности в сфере туризма и гостеприимства [11]

стский продукт (транспорт, размещение, питание, культурно-познавательные программы), сохраняют потенциал своего развития и экономического роста. Способность интенсивно развиваться, рационально использовать имеющиеся в регионе туристские резервы достигается за счет оптимального применения рекреационного потенциала.

В научной литературе методические аспекты понятия «рекреационный потенциал» являются во многом не раскрытыми и не до конца исследованными. Существует несколько определений данного понятия, изложенных в различных научных трудах. Многие ученые-исследователи [3,7, 2, 6] рассматривают понятие «рекреационный потенциал» относительно туристски привлекательных территорий, как социально-биологический феномен, предполагающий наличие у той или иной территории наличие специфических ресурсов, обеспечивающих потребности туристов в активном и пассивном отдыхе.

Следующая группа ученых [1, 4, 8], понятие «рекреационный потенциал» выделяет как совокупность ресурсов, используемых для усиления туристской активности, а также внутренних и внешних туристских потоков в экономически перспективный регион в индустрии туризма и гостеприимства.

Рассмотрение исследуемого понятия в социокультурном аспекте развития региона представлены в работах [5, 10]. Здесь «рекреационный потенциал» рассматривается как комплекс или пакет предложений для приезжающих туристов, включающий в себя полный спектр реализуемых на данной территории услуг и/или продуктов, нацеленных на восстановление здоровья и трудоспособности, релаксации, отдыха. Рекреационный потенциал, также может быть представлен как совокупность нескольких видов рекреаций (спортивная, религиозная, культурно-просветительная, лечебно-оздоровительная, досуговая), входящих в основу формирования туристского продукта, а также репутации регионов с туристской направленностью экономической деятельности.

Таким образом, понятие «рекреационный потенциал» можно рассматривать как совокупность некоторых видов резервов (природных, культурных, социальных) или условий, образующих ресурсный базис индустрии туризма и гостеприимства, обеспечивающий максимально возможный приток туристов в регион, нацеленных на удовлетворение потребностей в спортивном, культурно-познавательном, лечебно-оздоровительном, религиозном отдыхе. Исходя из вышеизложенного, очевидно, что развитие рекреационного потенциала исследуемой территории или какого-либо региона возможно лишь при инвестиционной привлекательности, транспортной доступности, развитой инфраструктуры, благоприятной экологической и социальной среды.

Таким образом, сформированные направления развития рекреационного потенциала при постоянном взаимодействии способны обеспечить привлекательность территории или какого-либо региона для туристских потоков. Однако, для достижения высокого экономического эффекта необходим постоянный контроль состояния рекреационного потенциала предпринимательских структур региона, который позволит своевременно выявить диспропорции и принять необходимые меры, направленные на устранение проблем, а также на восполнение потерянных ресурсов, оптимального использования рекреационного потенциала предпринимательских структур перспективного региона в области туризма и гостеприимства.

Для одновременной реализации обоих направлений необходимо создать специальные (свободные) экономические зоны, с целью обеспечения устойчивого развития туристско-рекреационного потенциала предпринимательских структур. Данные зоны представляют собой обособленные территории с особым режимом и юридическим статусом по отношению к остальной территории страны. Как правило этот статус выражается в льготных налоговых условиях для национальных предпринимателей, однако это может быть и упрощенная процедура создания и оформления документов фирмы, преференции для бизнеса.

В Федеральном законе от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» понятие «особая экономическая зона» понимается как часть территории, определенная Правительством РФ и на которой действует особый режим предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны».

Однако, существующий набор специальных экономических зон, недостаточный для развития Дальнего Востока, развитие которого является приоритетным на весь XXI век. Именно с таким заявлением в сторону Федерального Собрания обратился В.В. Путин еще в декабре 2013 года. Тогда же было высказано решение о создании специально для отдаленных регионов «территории опережающего развития»¹.

¹ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Статья 2. Основные понятия, используемые в настоя-

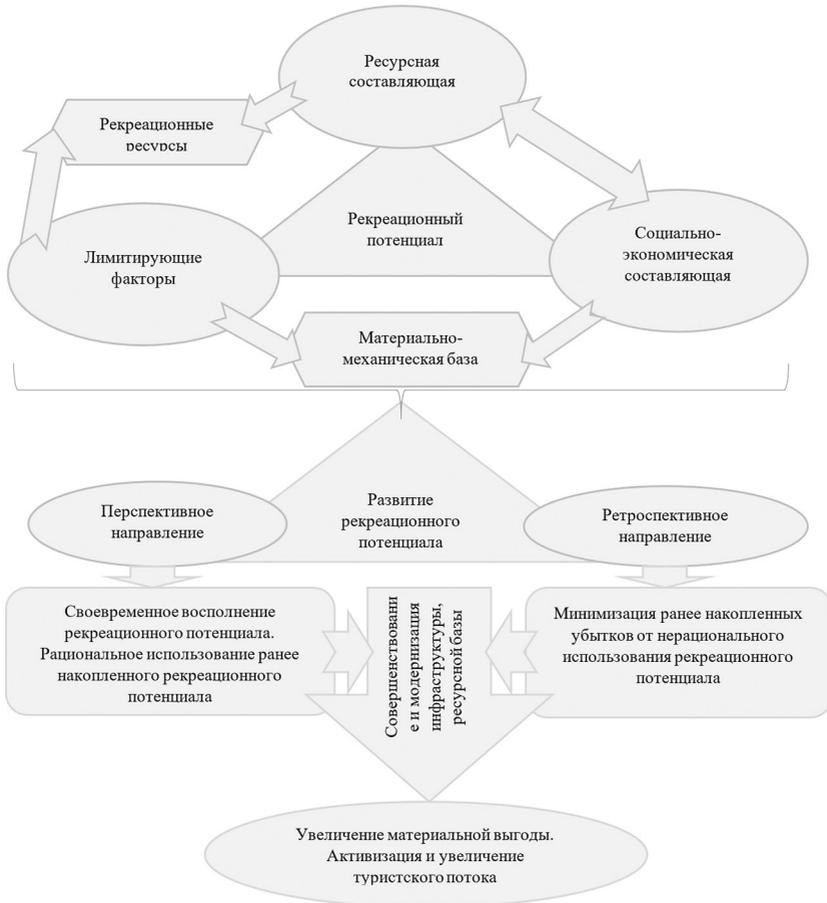

Рис. 2. Основные направления совершенствования рекреационного потенциала в отрасли туризма и гостеприимства [7]

Согласно Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 N 473-ФЗ понятие «территория опережающего социально-экономического развития (ТОР)–это часть территории, определенная Правительством РФ (включая, ЗАТО) и на которой действует особый режим предпринимательской деятельности, нацеленная на улучшение инвестиционного состояния региона, как следствие быстрого экономического развития и повышение уровня жизни для местного населения». Благодаря поддержке Минвостокразвития РФ, направленной на реализацию ТОР только в Дальневосточном федеральном округе, созданы конкурентные преимущества для пред-

 щем Федеральном законе.

Преимущественные показатели построения предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР)

Меры государственной поддержки	
налоговые:	
на прибыль	0-5% на первые 5 лет; 10-18% в последующие годы
на имущество	0-2,2%, точное значение устанавливается региональным Правительством
земельный	0-1,5%, точное значение устанавливается ОМС
взносы во внебюджетные фонды	7,6% на первые 10 лет
НДС	отсутствует
таможенные пошлины	отсутствуют
Инфраструктура:	
создание	за счет бюджетных средств всех уровней и внебюджетных источников
развитие	за счет резидентов. При выигрыше тендера – за счет регионального бюджета
Иные меры государственной поддержки:	
1. Уменьшение срока проведения плановых проверок	
2. Проведение государственной экологической экспертизы до 45 дней	
3. Отсутствие квот на привлечение иностранцев в бизнес	
4. Упрощенный порядок подготовки и утверждения документации по планировке территории	
5. Приоритетный режим подключения к объектам инфраструктуры	

принимателей, реализующих свою деятельность в отдаленных регионах России, а также для привлечения новых инвесторов в эти регионы. Основные преимущества ТОР для резидентов представлены в таблице.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о целом ряде преимуществ. В первую очередь это особый статус для резидентов ТОР, позволяющий значительно снизить налоговые траты (более 45%) в сравнении с действующей системой налогообложения. Следующим преимуществом является сокращение времени на подготовку и оформление необходимой для функционирования предприятия документации за счет упрощения процедуры ее согласования и утверждения. Значительным преимуществом также является создание инфраструктуры за счет средств государственного бюджета, тем самым, увеличивая показатели эффективности бизнеса в разы.

Одним из приоритетных видов экономической деятельности учитывающийся при функционировании ТОР является предпринимательская деятельность в индустрии туризма, причем на Дальнем Востоке только один регион осуществляет предпринимательскую деятельность в этой области – Камчатский край. Так Камчатская ТОР занимает площадь 1276 га, основной специализацией является туристско-рекреационная сфера, развитие

транспортных коммуникаций, а также сельскохозяйственное производство. В ТОП «Камчатка» числятся 14 инвесторов, реализующих свою деятельность на 8 площадках. Заявленные инвестиции составляют 28 млрд. рублей, из них на развитие инфраструктуры 8,4 млрд. рублей. Также планируется создание более 8000 рабочих мест и увеличение туристского потока в край в 12-14 раз (до 800 тыс. туристов).

В Камчатском крае спрос со стороны отечественных туристов вырос более чем на 23%, что подтверждает авиакомпания «Витязь-Аэро», осуществляющая свою деятельность в крае и владеющая 99% рынка авиаперелетов. Со стороны иностранных туристов наибольшая заинтересованность наблюдается в зимний период, как правило, это горнолыжное направление. Самым большим барьером для посещения Камчатки туристами является неразвитость транспортной инфраструктуры. Так, например, международный аэропорт федерального значения в г. Елизово не способен принимать одновременно несколько авиарейсов, из-за низкой пропускной способности. Решение данной проблемы является приоритетным, и в рамках территории опережающего социально-экономического развития планируется строительство нового терминала, стоимостью 2,3 млрд. рублей.

Стоит также отметить, что основные природные достопримечательности края расположены в отдаленных его уголках и, зачастую, не имеют наземной транспортной доступности, а путешествие на вертолете имеет весьма высокую стоимость (1 час полета стоит около 160 тысяч рублей). Во-первых, такая стоимость обусловлена высокой ценой на топливо, удаленностью краевых районов друг от друга, дорогостоящим обслуживанием техники. И, во-вторых, отсутствием конкуренции, как было замечено выше 99% рынка принадлежат одной фирме, являющейся с июля 2016 года резидентом территорий опережающего социально-экономического развития «Камчатка».

Следующим резидентом является санаторий «Жемчужина Камчатки», включающий в себя гостиничные, спортивные, медицинские корпуса, нацеленный на предоставление лечебно-оздоровительного отдыха туристам за счет использования лечебных термальных источников края (стоимость проекта составляет более 1,5 млрд. рублей). «Морской Сервис-Бункер» - это еще один резидент территорий опережающего социально-экономического развития «Камчатка». Проект предусматривает строительство комплекса по хранению нефтепродуктов, стоимость – 290 млн. рублей. Также резидентом является компания, реализующая проект по строительству тепличного комплекса ООО «Зеленая ферма». Особенностью данного проекта является использование природного газа, при том, что Камчатский край является не газифицированным. Поэтому в комплексе с другими проектами, предусматривающими использование природного газа, будет газифицирован отдельный участок (стоимость 2,5 млрд. рублей). В настоящее время, доля привозной агропродукции на территорию края составляет 85%, из них 70% привозится из Китая, поэтому развитие сельскохозяйственной отрасли оказывает положительное влияние на развитие смежных отраслей, в

том числе и на индустрию туризма и гостеприимства. Существует еще ряд компаний, реализующие проекты в различных областях экономики в рамках территорий опережающего развития «Камчатка». Основными направлениями деятельности являются портово-промышленное и туристско-рекреационное.

Стоит заметить, что создание территорий опережающего социально-экономического развития влечет ряд проблем, требующих законодательного урегулирования:

— большой интерес у иностранных фирм, как правило, китайских, сингапурских, японских. Однако в ближайшей перспективе значимая часть реализуемых программ носит локальный характер и не имеет экспортной направленности. Особое внимание уделяется резидентам, ориентированным на создание конкурентоспособной продукции, отвечающей международным стандартам и нормам;

— согласно ст.9 ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» земельные участки, расположенные на территории ТОР, принадлежат государству и передаются управляющим компаниям в долгосрочную аренду, однако не разработаны правила и нормы, сохраняющие права инвесторов, владеющих земельными участками внутри ТОР. При этом существующий управленческий риск ухудшения условий реализации деятельности резидентов на территории ТОР объясняется тем, что акционерное общество «Корпорация развития Дальнего Востока» (государственная компания), может передавать право на принятие управленческих решений в образующиеся дочерние фирмы (частные компании) как отечественные, так и иностранные;

— выбор экономической деятельности ТОР. Согласно постановлениям Правительства РФ, территории, обладающие особым режимом реализации предпринимательской деятельности, включают в себя более 60 видов экономической деятельности. Однако, при формировании ТОР, компании не ставят в приоритет основные виды экономической деятельности, направленные на развитие региона, а пользуясь предоставленными налоговыми льготами развивают второстепенные отрасли предпринимательства в субъекте РФ, тем самым снижая налоговые поступления в региональный бюджет.

В целом, создание территорий опережающего социально-экономического развития позволяет увеличить привлекательность развития бизнеса на отдаленных территориях России для инвесторов, а законодательное урегулирование проблем позволит повысить эффективность функционирования предпринимательских структур, как следствие, увеличить финансовый поток в региональные бюджеты Дальневосточного федерального округа, и, в частности, Камчатского края.

Список использованной литературы

1. Казаков Н.П. Экологическое предпринимательство в рекреационной сфере: базовые понятия и принципы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2011. — № 4, т. 6.

2. Коновалова Н. В., Смиренникова Е. В. Оценка туристического потенциала территории с применением геоинформационных методов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. — №1. — С. 13-19. — (Естественные науки).

3. Корба О. А. Рекреационный потенциал как основа устойчивого территориального развития // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2014. — № 1 (138). — С. 86-95. — (Серия 5: Экономика).

4. Кострюкова О. Н. Стратегический потенциал развития туристско-рекреационной сферы региона: проблемы и направления изучения // Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. — 2011. — N 3 (39). — (Проблемы современной экономики).

5. Лобанов А. С. Развитие рынка туристических услуг байкальского региона: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. - Улан-Удэ, 2013.

6. Оборин С. Системная методология как один из подходов изучения рекреационного природопользования // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — № 6-3. — С. 12-20.

7. Путинцева Н. О стратегии повышения эффективности использования рекреационного потенциала региона // Интер-Экспо Сибирь. 2006. №6.

8. Рябошапко В. П., Некрасова М. Л., Леденев О. В., Коркина Д. В. Рекреационный потенциал регионов юга России // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. — 2011. — №3. — С. 104-106. — (Естественные и точные науки).

9. Яковенко М. О дефинициях теории рекреационного природопользования // Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 64. — С. 22-27.

10. Fitzsimmons J., Fitzsimmons M. J. New Service Development: Creating Memorable Experiences. – Sages, 2000.

11. Statistics and Tourism Satellite Account // United Nations World Tourism Organization [Electronic resource]. URL: <http://statistics.unwto.org/> free.

д.э.н. Пестунов М. А., Пестунова С. М., к.т.н. Полетакин А. И.
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

ИНОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА¹

Рассматриваются региональная инновационно-технологическая политика, и зависимость устойчивости региона в зависимости от результатов инновационной деятельности. Установлено что в современных условиях результаты интеллектуальной деятельности в хозяйственной сфере, и в научной сфере играют определяющую роль в формировании конкурентных преимуществ региона и во многом определяются разработкой институциональной инфраструктуры в области инновационной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, инновационная политика региона, конкурентоспособность на основе знаний

Челябинская область оценивается экспертами как один из самых благоприятных регионов России. При достаточности ресурсов Челябинская область способна проводить самостоятельную инновационно-технологическую политику и творчески подходить к инициативам федерального центра.

В структуре промышленности Челябинской области резко выделяется черная металлургия, машиностроение и металлообработки, цветная металлургия, которые дают почти 50 % всей промышленной продукции Челябинской области. Существенный вклад вносит атомная промышленность.

Большое количество промышленных предприятий Челябинской области существенно влияет на экологию.

В связи с этим актуальным становится новая политическая повестка, касающаяся пространственного развития и одновременно технологического рывка. Должно возрасти внимание к разработке региональной политики. На региональном уровне должна возрасти совокупность мер и инструментов, иницилирующих собственную разработку инновационно-технологической политики.

Региональная инновационно-технологическая политика, должна быть направлена на достижении следующих целей:

1. Определение приоритетов технологического развития региона на основе имеющихся природных ресурсов в регионе, наличия промышленной инфраструктуры и компетенций. Эти направления могут не совпадать с общефедеральными тенденциями.

2. Создание условий заинтересованности с основными собственниками и топ менеджерами с системой выработанных инструментов и рекомендаций проводимой инновационно-технологической политики.

3. Обеспечение формирования связей между всеми элементами региональной инновационной системы для стимулирования разработки и трансфера новых технологий.

¹ © Пестунов М. А., Пестунова С. М., Полетакин А. И. Текст. 2019

Другими словами, в регионе должна развиваться «умная специализация», основанная на собственной нише инновационного и технологического развития. Что хорошо для Пласта не годится для Аши, что выгодно Соновскому району не подходит Нязепетровску. В области должна появиться «умная специализация», Нужен согласованный поиск региональными акторами собственной ниши развития с опорой на имеющиеся природные ресурсы района и научно-технологические компетенции,

Как правило, регионы имеют небольшие собственные финансовые ресурсы на поддержку науки и инноваций, а ведущие университеты и научные институты находятся в ведении федеральных органов власти. Зачастую регионам навязываются проекты, инициированные в Москве. Таким новым проектом становится например - «Цифровая экономика», в рамках которой реализуется проект «умный город».

Научная политика, как правило, более ресурсоемка, чем инновационная, Результатом научных исследований являются новые основополагающие знания, основных законов природы, теории, принципы, которые не предполагаются для непосредственного промышленного использования. Но результаты науки лежат в основе новых технологий.

Прямолинейное суждение, что наука создает технологию, упрощенно, а точнее ошибочно.

Наука не приносит доходов, но оказывает влияние на темпы создания новых технологий.

На наш взгляд целесообразно небольшие средства в регионе связывать со сферой науки. Необходимо выбрать основное направление поддержки исследований. Поддержку должны получать инновационно-технологические исследования. Нужно в первую очередь оказывать поддержку предприятиям, разрабатывающим новые продукты, новые технологические процессы и новые материалы. Эти разработки должны поддерживаться на основе хоздоговоров университетскими исследованиями.

Регионам с незначительными финансовыми ресурсами может быть «по средствам», только инновационная политика, особенно если она сконцентрирована на максимально возможном задействовании природных, инфраструктурных и человеческих ресурсов региона. Результатом инновационно-технологической политики станет разработка продуктов, технологических, организационных и управленческих решений, основанных на изобретениях, обеспечивающих повышение конкурентоспособности предприятий региона. (При этом спецификация исключительных прав остается за регионом.)

Регион, имея сводные прогнозы социально-экономического развития области, на основе финансово-экономического анализа деятельности промышленных предприятий области может творчески развивать инициативы федерального центра, сфокусировав свои ресурсы на технологической политике, основанной на управлении знаниями. При этом следует иметь ввиду что в существующей экономической ситуации прогнозы по валовому продукту на федеральном уровне уточняются ежеквартально, а иногда

и чаще. А на регионы эта практика пока не распространяется. Здесь больше принято «оптимистичное прогнозирование» — формальная подготовка двух схематичных вариантов прогноза: первый — очень хороший («инновационный», или «оптимистичный») и второй — просто хороший («умеренный», или «базовый»).

Такие прогнозы часто формально привязываются к определённым сценариям развития без детального обоснования качественных перемен и появления новых факторов роста. Они при своей очевидной нереалистичности и противоречии даже динамике России лишь искажают существующие перспективы развития. Такие прогнозы становятся базой для столь же неадекватных решений. Качество всех перспективных решений на искажённой прогнозной базе начинает серьёзно страдать, что предопределяет соответствующее отношение к последующим планам и проектам.

Подобная динамика ВРП без качественных институциональных и структурных перемен однозначно соответствует сценариям экономического чуда — неожиданному росту в результате влияния новых неизвестных факторов, что возможно только в исключительных условиях.

Для более эффективной политики инновационного развития и повышения точности прогноза следует максимально учитывать вовлеченность знаний в том числе и в виде исключительных прав в экономической оборот.

На современном этапе развития знания все чаще и чаще находятся в центре создания благосостояния. Институциональная парадигма интеллектуальной собственности (ИС) является одним из важнейших механизмов преобразования знаний в бизнес-активы. Права на ОИС создают безопасную среду для знаний как осведомленность, проверенный практикой результат). Инвестиций в инновации и обеспечивают правовые рамки для оборачиваемости интеллектуальных активов.

При составлении региональных прогнозов немаловажно знать, как в какой форме и в результате каких действий возникают знания.

Фундаментальные научные исследования дают новые основополагающие знания, основных законов природы, которые не предполагаются для непосредственного промышленного использования.

Прикладные научные исследования - используют достижения фундаментальной науки для решения практических задач.

Результатом прикладных исследования является создание и совершенствование новых технологий.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИ-ОКР) (R&D) это — соединение науки с производством реализуются в прогнозах развития территорий.

Возникает некоторая путаница. Например, культивируется тезис: «Наука стала производительной силой». Это не так. Наука не очень полезна людям, которым не хватает научной подготовки. Наука (научные знания) не изменяет МИР.

Технология представляет собой приложение знаний к полезным целям. Критерием успешной технологии – коммерческая полезность (стоимость). Технология полезна людям, даже если они не знают, как это работает. Технология обычно строится на основе предыдущей технологии путем добавления к ней новой технологии или новых научных знаний. Например, электрическая пишущая машинка – компьютер.

Существует общее предубеждение, что технология создается из науки и это поддерживается примерами. (Открытие пенициллина – технология антибиотиков, теория относительности – атомная бомба, открытие природы ДНК – новые лекарства, биотехнологии).

На самом деле большинство технологий созданы изобретателями путем перебора бесконечно большого числа вариантов или методом проб и ошибок.

Следует в то же время отметить, иногда технология продвигает науку. Например, линзы, телескоп привели к открытиям в астрономии.

Технология металлургии появилась значительно раньше науки металлургии. Технологии изменяют мир.

Организованное преобразование науки в технологию важная задача.

Это преобразование осуществляется учеными и инженерами, изобретателями в процессе «исследований и разработок». R&D = НИОКР

Образно говоря Наука (научные знания) – «река» глубина которой определяет какие «корабли» по ней поплывут. Наука интернациональна. Знания не устаревают и не приносят доход.

Технология это - «корабли» Антропогеновая деятельность. Знания в этом случае относятся к конкретным собственникам. Приносят доход.

Генезис научных знаний. - новое научное знание – информация - спецификация прав объекты исключительных прав, авторские права.

– новое антропогеновое знание (технология) - спецификация прав (объекты промышленной собственности – ОПС – изобретения) – нематериальный актив (НМА) – конкурентоспособность

В основе «организации» антропогеновых знаний (изобретений) лежит – Международная классификация изобретений (МПК). С учетом того, что есть:

1. Знания не отделимые от человека – квалификация (ЗУН)
2. Знания отделимые от человека - объекты интеллектуальной собственности (ОИС).
3. Знания неотделимые от предприятия (Goodwill).

В целом такая классификация научных знаний и знаний технологического характера обеспечивает сохранность и преемственность знаний, повышает КПД управленческих решений, направленных на обеспечение живучести (конкурентоспособности) предприятия. Решения принимаются на достигнутом уровне технологического развития, с учетом выявленных тенденций в мире, в стране, в отрасли.

Планомерное организационное развитие региона на основе управления знаниями (интеллектуальной собственностью, инновационной дея-

тельностью) должно осуществляться на основе инновационной политики, предполагающей совокупность целей, принципов, правил, задач, реализация которых позволяет достичь желаемого результата. Это своего рода идеология (концепция) организационных или управленческих преобразований.

Разработчики инновационной политики региона должны достичь следующие цели.

1. Объединить усилия всех работающих в регионе (акционеров, менеджеров, членов трудовых коллективов) на обеспечение конкурентоспособности выпускаемой продукции и последующих поколений продукции.

2. На основе роста и развития организаций региона достижение лучших финансовых результатов и увеличения их капитализации.

Центральным разделом инновационной политики региона является управление знаниями (интеллектуальной собственностью, инновационной деятельностью) Это управленческое решение: направлено на выбор одного, наиболее предпочтительного варианта действий из множества альтернатив. Остальные разделы содержат структурированную по классам МПК информацию с привлечением уместной информации по всем интересующим стратегическим направлениям, которая определяет одновременно условия выбора стратегических задач развития региона, а также условия и правила их реализации.

Стратегия на разных этапах трансформируется в зависимости от «рутинных» проблем:

— в операционном аспекте усилия направлены на создание и реализацию системы менеджмента качества, системы «Бережливое производство», «принятие продукции с первого предъявления», ФСА, и др.;

— в стратегическом аспекте усилия направлены на обеспечение конкурентоспособности в перспективном плане. Реализуются патентно-конъюнктурные исследования, – ТРИЗ, АИПС и другие методы активизации творческого мышления. (изучается зарубежный опыт, SWOT-анализ, PEST-анализ, ХОСИН КАНРИ и др.)

Управление знаниями как «проект» осуществляется путём регулярно рассматривания хода работ на рабочих совещаниях у губернатора. Для координации и регулирования работы исполнителей проекта может применяться система «Контроль исполнительской дисциплины»

Главным содержательным документом «Инновационная политика» - управление знаниями является положение о временных рабочих группах (ВРГ), содержащее следующие основные разделы:

порядок создания группы и назначения её руководителя; рекомендуемый состав участников; полномочия членов группы и её руководителя; определение целей и задач группы; регламент работы; выделяемые ресурсы; сроки работы; порядок сдачи результатов и система стимулирования участников. При этом деятельность ВРГ строится на принципах разработки и внедрения всех видов инноваций.

Оперативные цели и стратегической задач, а также способы их достижения должны соответствовать принятым в регионе нормативным документам.

Список использованной литературы

1. *Гордеев С. С.* Основы анализа региональной экономической динамики: визуализация и оценка в среде MS Office: учеб. пособие = An Analytical Framework of Regional Economic Dynamics: Visualization and Evaluation in MS Office / С. С. Гордеев, А. В. Кочеров. (Классическое университетское образование). – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. – 130 с.

2. *Пестунов М. А.* Управление интеллектуальной собственностью. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун та, 2006. – 409 с.

к.э.н. Полякова И. Л., к.э.н. Холодилина Ю. Е.
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫМИ СИСТЕМАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ¹

Статья посвящена вопросам управления туристско-рекреационными системами на региональном уровне; разработан алгоритм оценки эффективности управления туристско-рекреационной системой выделены основополагающие подходы формирования регионального. В статье представлены инструменты и подходы к управлению туристско-рекреационных систем.

Ключевые слова: региональный турпродукт; внутренний и въездной туризм; регион; региональный туризм; Оренбургская область, туристско-рекреационная система, управление, оценка эффективности управления

В современных экономических условиях перед регионами стоит задача в поиске и разработке альтернативных вариантов стратегического развития отдельных территорий. Одним из таких направлений является формирование и развитие региональных туристско-рекреационных систем.

Вопросы изучения и организационные аспекты развития туристско-рекреационных систем представлены в работах таких исследователей как Азар В.И., Биржаков М.Б., Гуляев В.Г, Преображенский В.Г., Веденин Ю.А, Мироненко Н.С, Твердохлебова И.Т, Николаенко И.Т., Мажар Л.Ю., Харвей Д, Хакен Г. и др.[4].

Николаенко Т.В. под туристско-рекреационной системой понимает форму организации рекреационной деятельности на определенной территории, в рамках которой достигается максимальная взаимосвязь, пространственная и функциональная координация различных подсистем, участвующих в реализации рекреационной функции данной территории [5].

Мажар Л.Ю. рассматривает собственную концепцию туристско-рекреационных систем (ТРС). В ее основе территориальные туристско-рекреационные системы (ТТРС), которые представляют собой взаимосвязь общественных геосистем, а также совокупность элементов сферы рекреации и туризма, которые объединены пространственными отношениями и связями [3].

Наиболее распространенными формами пространственной организации туристско-рекреационных систем являются кластер и комплекс, которые получили широкое применение на практике в как в РФ, так и в зарубежных странах [2].

В настоящее время в Российской Федерации фактически в каждом регионе ведется работа по формированию и развитию туристско-рекреационных кластеров (автотуристские кластеры «Беломорские петроглифы» в Карелии и «Ивано-Арахлейский автотуристский кластер» в Забайкальском крае, «Свияжск» и «Великий Булгар» в Татарстане, «Царь-Град» в Марий Эл,

¹ © Полякова И. Л., Холодилина Ю. Е. Текст. 2019.

«Финно-Угорский этнокультурный парк» в Коми, «Озерный кластер» в Новосибирской области, «Хибины» в Мурманской области, «Хрустальный город» в Брянской, «Русские усадьбы» в Тульской и др.).

Одним из актуальных вопросов развития туристско-рекреационных систем является оценка эффективности управления туристско-рекреационной системой на региональном уровне, которая позволит выявить степень влияния составляющих подсистем и тем самым обеспечит грамотное распределение ресурсов туризма на территории региона.

Система оценки эффективности управления туристско-рекреационных системами включает в себя следующие базовые направления:

— внешняя оценка (аудит), осуществляемая органами государственной власти, которые имеют соответствующие полномочия в силу сопричастности к формированию и развитию ТРС;

— внутренняя оценка (аудит), осуществляемая руководством ТРС с целью выявить возможные точки роста, а также для распознавания «узких мест» в системе управления;

— установление соответствия фактической деятельности туристско-рекреационной системы и принятых ранее к исполнению стандартов, регламентов, норм, технических условий и т.п., связанных с функционированием ТРС.

Таким образом, управление туристско-рекреационной системой необходимо рассматривать как набор институциональных механизмов (подходы и инструменты), которые обеспечивают увеличение спроса туристских услуг системы на туристическом рынке. Можно утверждать, что подходы и инструменты управления ТРС представляют собой «систему раннего предупреждения» возможного снижения эффективности деятельности туристско-рекреационной системы в целом [1]. Эффективная система управления ТРС позволяет обнаруживать и предотвращать случаи снижения экономической эффективности деятельности ТРС на более ранних стадиях, обеспечивая тем самым ощутимую экономию ресурсов.

На рисунке представлен алгоритм оценки эффективности управления туристско-рекреационной системой на региональном уровне, который позволяет изучить влияние составляющих подсистем на ТРС региона в целом, что способствует созданию условий для последующего управленческого воздействия.

Выбирая определенную модель управления ТРС на региональном уровне, необходимо использовать правильные инструменты и подходы, где в качестве основы будет получение прибыли от совместной деятельности.

В рамках совместной деятельности органов региональной власти и предприятий туристской индустрии, входящих в ТРС стоит выделить следующие инструменты (таблица 1).

Основными подходами к управлению ТРС являются интеграционный и маркетинговый. Так интеграционный подход направлен на углубление сотрудничества между субъектами управления (региональная администрация в сфере туризма, координационный совет, туристские предприятия),

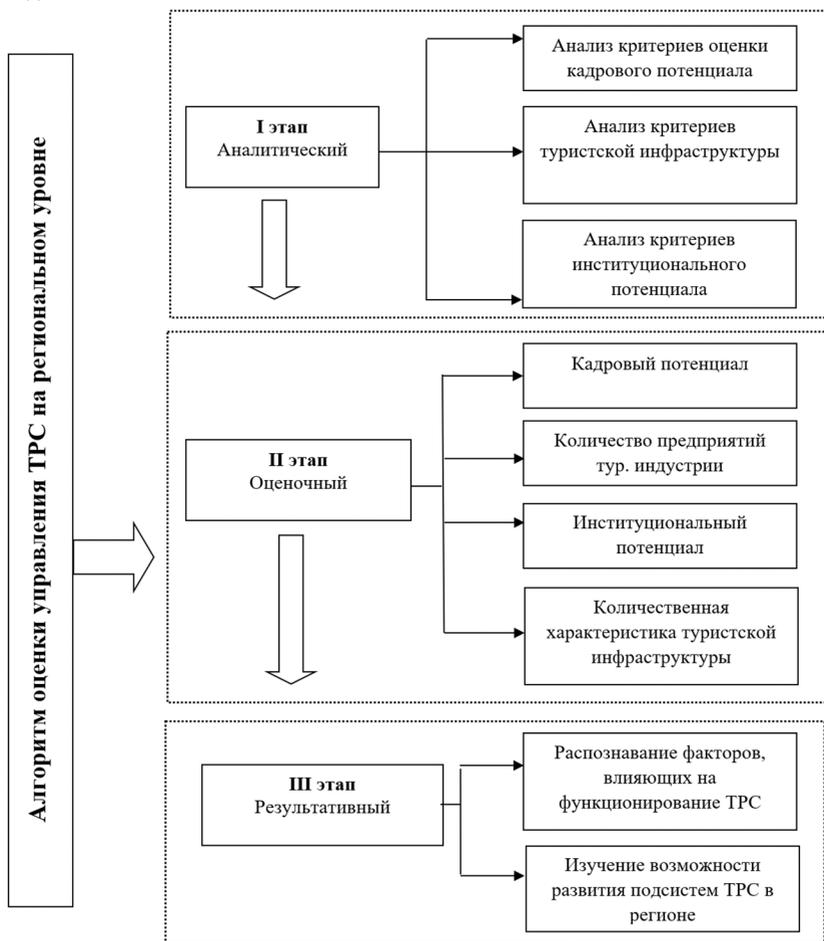

Рис. Алгоритм оценки эффективности управления туристско-рекреационной системой на региональном уровне

а также их компонентами (туристическая инфраструктура, туристические ресурсы). Маркетинговый подход представляет собой управление ориентацией управляющих подсистем при оказании туристских услуг на конечного потребителя, посредством повышения качества туристских услуг в ТРС.

Таким образом, основным условием для создания эффективной системы управления развитием туристско-рекреационных систем выступает разработка совокупности взаимосвязанных принципов управления, которые отвечают системной природе объекта управления. Для того, чтобы реализовать рассмотренную стратегию планирования развития туризма в

Таблица 1

Инструменты управления ТРС

Группы инструментов	Характеристика
Организационно-экономические	– мониторинг инвестиционных предложений в сфере туризма; – обновление, укрепление и модернизация материально-технической базы (обеспечивающей инфраструктуры) сферы туризма
Организационно-управленческие	– организация мониторинга потребности в профессиональных кадрах для сферы туризма; – организация работы координационного совета ТРС; – отработка и реализация механизмов сотрудничества в поиске и привлечении инвесторов
Маркетинговые	– участие в специализированных международных, российских и региональных выставках-ярмарках, презентациях, инвестиционных и экономических форумах; – организация и проведение комплексной маркетинговой политики (реклама, продвижение, стимулирование, сбыт); – подготовка, издание и распространение печатных рекламно-информационных материалов о туризме и ТРС региона
Нормативно-правовые	– разработка и принятие нормативных и правовых актов, предусматривающих развитие и государственную поддержку туристской сферы; – создание оптимальных правовых условий для формирования туристско-рекреационных систем
Инвестиционные	– создание туристско-рекреационных систем различной направленности (специализации); – создание базы инвестиционных предложений (проектов) в сфере туризма; – сопровождение (администрирование) инвестиционных проектов в сфере туризма; – отработка и реализация механизмов сотрудничества в поиске и привлечении инвесторов
Кадровые	– организация повышения квалификации руководителей и специалистов учреждений сферы туризма; – организация и проведение конкурсов профессионального мастерства работников сферы сервиса и туризма

регионе и продвижении регионального продукта на рынке туристских услуг необходимо осуществлять контроль за деятельностью подсистем, входящих на всех этапах управления в туристско-рекреационную систему.

Список использованной литературы

1. Вишневецкая Е. В., Климова Т. Б., Точко Е. В. Интерактивность в развитии глобальных и региональных туристско-рекреационных систем // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Управление в XXI веке». – 2016. – С. 290-294.

2. Ермакова Ж. А., Холодидина Ю. Е. Пространственная организация туристской деятельности на основе кластерного подхода // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 8 (183). – С. 47-53.

3. *Мажар Л. Ю.* Развитие туризма в регионах России // Л. Ю. Мажар, С. А. Щербакова // Университетский вестник. Специальный выпуск: География. – Смоленск: Универсум, 2004. – № 7. – С. 99-101.

4. *Митрофанова А. В.* Региональный туристский кластер как форма пространственной организации туризма (на примере Калининградской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Калининград, 2010. – 24 с.

5. *Шагжиев К. Ш., Бабиков В. А., Жигмитова С. Б.* Основы системного подхода к формированию территориальных туристско-рекреационных систем (на примере Республика Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. – 2017. – № 1. – С. 57-68.

**к.э.н. Рыкова И. А., к.э.н. Уварова Е. Е.,
ст. преподаватель Шпортова Т. В.**

*Орловский государственный университет экономики и торговли
г. Орел*

КРАУДТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ КРАУДЛЕНДИНГА¹

На мировом и отечественном финансовом рынке весьма динамичными темпами развивается отрасль так называемого альтернативного финансирования. Речь идет об инструментах краудфандинга, краудлендинга, краудинвестинга, ICO, которые расширяют границы возможностей как для заемщиков, так и для инвесторов. Наиболее продуктивными в целях реализации региональной инвестиционной политики могут оказаться технологии краудлендинга, которые позволяют объединить разрозненные капиталы массовых инвесторов для финансирования привлекательных инвестиционных проектов. Инвестиционные платформы краудлендинга в коллаборации с региональными инвестиционными порталами могут обеспечить максимальную лояльность инвесторов и эффективность привлечения ресурсов заемщиками.

Ключевые слова: альтернативное финансирование, краудфандинг, краудлендинг, инвестиционная платформа, региональная инвестиционная политика, инвестиционный портал

Привлечение инвестиций в самом широком смысле – от небольшого стартапа до масштабных национальных проектов является актуальной задачей на любом этапе развития экономической системы. В современных условиях, несмотря на стремительное продвижение высокотехнологичных инструментов в финансовой сфере, связанных, прежде всего, с цифровизацией и появлением альтернативных форм расчетов, инвестиций и, наконец, самих денег, проблема поиска источников финансирования по-прежнему остается, пожалуй, основной для всех участников рынка.

На региональном уровне эти вопросы стоят особенно остро, поскольку формирование благоприятного инвестиционного климата и выстраивание последовательной политики по обеспечению инвестиционной привлекательности региона – это системная и долговременная задача, требующая оптимального сочетания коммерческих и социальных интересов территории. В этом ключе в отличие от бизнеса региональные органы управления при реализации своей инвестиционной политики не могут руководствоваться исключительно целью максимизации доходов бюджета, поскольку социальная стабильность и общественное одобрение любых инициатив власти в значительной мере являются залогом устойчивого роста и процветания региона, комфортного, в первую очередь для проживания.

Данный тезис обуславливает особую форму взаимосвязи потребителей инвестиционных ресурсов, будь то частный бизнес или органы власти и

¹ © Рыкова И. А., Уварова Е. Е., Шпортова Т. В. Текст. 2019.

управления, и поставщиков капитала в лице массового инвестора в контексте реализации региональной инвестиционной политики. Речь идет о том, что такому инвестору должны быть абсолютно понятны направления инвестирования собственных средств, что предполагает прозрачность и доступность той или иной инвестиционной идеи.

Объединение интересов массовых инвесторов, а по сути, «толпы» (от английского – crowd) вокруг того или иного инвестпроекта получило развитие в так называемых краудтехнологиях (краудфандинг, краудинвестинг, краудлендинг).

Под краудтехнологиями в целом понимаются технологии коллективного финансирования, когда осуществляется объединение разрозненных средств широкого круга вкладчиков для реализации того или иного проекта. Эти технологии получили название «новых денег» или альтернативных источников финансирования, хотя, по сути, прообраз подобных инструментов зародился еще в 17-18 вв. Одна из первых моделей краудфандинга применялась для финансирования издания книг. Известным историческим фактом является и то, что возведение постаментов под знаменитую американскую Статую Свободы в Нью-Йорке в 1885 году было осуществлено за счет взносов простых американцев, многие из которых не достигали и 1 доллара.

Современное развитие идеи краудфандинга получили благодаря развитию Интернета и высоких технологий в виде так называемых платформенных решений, когда аккумулятивное инвестирование капитала происходит на специализированных интернет-ресурсах – краудфандинговых платформах.

Существуют разновидности краудфандинговых технологий, такие как краудлендинг и краудинвестинг.

В случае краудлендинга вкладчики рассчитывают на возврат вложенных средств по истечении установленного срока и на вознаграждение в виде некоего процента.

В случае краудинвестинга инвесторы в качестве вознаграждения получают долю в капитале того проекта, в который они вложились.

В последние годы мировая индустрия краудфандинга растет весьма впечатляющими темпами (рис.), и, по прогнозам Forbes, общий объем краудфандинга к 2025 году преодолет планку в 300 млрд долл.

Что касается России, то, по оценкам Центрального Банка, общий объем рынка краудфинансирования в 2018 году превысил 15,2 млрд руб., что на 35% больше, чем в 2017 году (11,2 млрд. рублей), почти в 2,5 раза больше, чем в 2016 году (6,2 млрд. рублей), и в 10 раз больше, чем в 2015 году (1,5 млрд. рублей).

Основными предпосылками роста отрасли краудфандинга как в мире, так и в России, являются:

– стремительное развитие цифровых технологий в финансовом секторе, дающее очевидные преимущества в осуществлении транзакций в сравнении с классическими финансовыми институтами (повышение до-

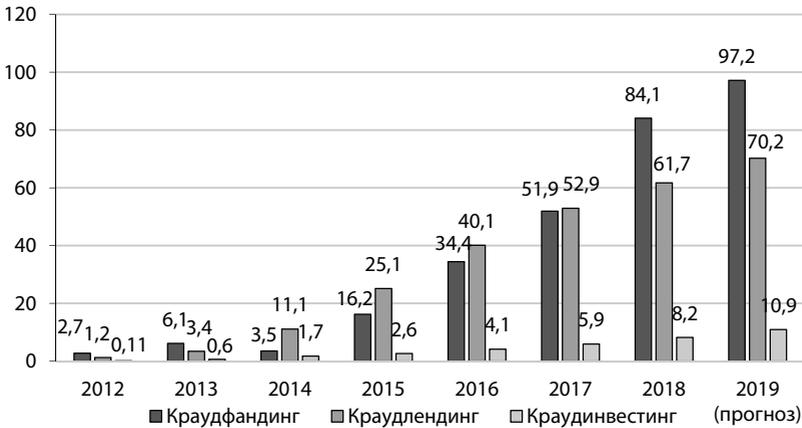

Рис. Динамика развития мировой крауд-индустрии, млрд. долл. [3, с. 29-32]

ступности, эффективности и безопасности оказываемых услуг, сокращение издержек, повышение качества, скорости и надежности операций);

— увеличение спроса, с одной стороны, на альтернативное финансирование для бизнеса, особенно для малого и среднего, и с другой, на альтернативное инвестирование со стороны вкладчиков.

Краудтехнологии и так называемые альтернативные источники финансирования все больше доказывают свою эффективность и способны благотворно влиять на развитие экономики. Это обусловлено тем, что инструменты краудфандинга позволяют в кратчайшие сроки запустить высокотехнологичные инновационные проекты, которые, в известной мере, отличаются высоким уровнем риска, а значит достаточно сомнительны для консервативных финансовых институтов. Широкое внедрение подобных проектов способствует оптимизации структуры экономики как на региональном, так и на национальном уровне. Кроме того, общепризнанно, что развитие малого и среднего бизнеса ведет к увеличению числа рабочих мест, росту налоговых поступлений, повышению конкурентоспособности того или иного региона и страны в целом.

Именно на региональном уровне развитие краудтехнологий нам представляется наиболее перспективным. Это связано с тем, что регионы испытывают постоянную потребность в инвестициях для реализации своих социально-экономических задач, а потенциальные инвесторы, как известно, весьма чувствительны к состоянию инвестиционного климата и привлечение крупных капиталов для большинства территорий оказывается достаточно сложной задачей.

Инструменты же альтернативного финансирования позволяют задействовать не только институциональных инвесторов и профессиональных бизнес-ангелов, но и в большей степени рядовых розничных инвесторов, не имеющих специальных знаний и опыта работы на финансовом рынке.

Именно неквалифицированные инвесторы, объединяя свои ограниченные сбережения в крупные пулы инвестиций, играют ведущую роль на рынке крауд-финансирования.

Однако таким инвесторам присущ высокий консерватизм и осторожность в выборе направлений размещения своих средств, и зачастую они принимают решения спонтанно, на основе интуиции и личных предпочтений, порождая так называемую «мудрость толпы». В то же время применительно к конкретному региону тот или иной инвестиционный проект может оказаться более предпочтительным в силу сложившейся репутации компании и понятности ее бизнеса. Иными словами, потенциально высокие риски и недоверие местных инвесторов могут быть нивелированы открытостью фирмы, доступностью информации о результатах ее деятельности, и, наконец, отзывами самих работников.

В этой связи наиболее продуктивным инструментом альтернативного финансирования на региональном уровне может быть, по нашему мнению, такая разновидность крауд-фондирования как краудлендинг. Несмотря на совсем небольшую историю своего развития, начиная с 2005 года, сегодня объем краудлендинговых сделок составляет более $\frac{3}{4}$ всего мирового краудсектора.

Краудлендинг еще называют P2B-кредитованием или person to business, то есть от человека в бизнес, напрямую, исключая посредников в виде банков и прочих финансовых агентов. По сути, это выдача гражданами займов непосредственно бизнесу с использованием интернет-площадки как связующего звена. Таким образом, инвесторы-физические лица получают более высокий процент на вложенные средства, чем, например, ставки по депозитам, а предприниматели получают быстрый и облегченный доступ к заемным средствам.

Поскольку ситуации, когда в бизнесе срочно нужны деньги, возникают довольно часто (это и необходимость покрытия «кассовых разрывов», и потребность срочно финансировать выгодный заказ, тендер или проект и т. д.), а выводить оборотные средства из текущей деятельности сложно, очень эффективным способом может стать кредитование за счет инвесторов на интернет-площадке краудлендинга. На местном же уровне нет необходимости вести рекламную кампанию и презентовать бизнес, поскольку на это работает сарафанное радио (с использованием современных социальных сетей) и тот самый «эффект толпы», формирующий лояльность потенциальных кредиторов.

Однако технологии краудлендинга могут быть актуальны не только для действующего и успешного бизнеса. За счет упрощения процесса совершения сделок и проведения их через автоматизированные платформы необходимые ресурсы могут быстро получить и стартапы, которые только открылись, либо в силу своего небольшого масштаба, отсутствия кредитной истории, специфики деятельности и особенностей отчетности лишены доступа к банковским кредитам.

В России рынок краудлендинга находится в стадии зарождения, но постепенно на нем появляются интернет-площадки, которые позволяют малому и среднему бизнесу найти инвесторов и кредиторов, минуя посредников в лице банков. Одними из первых были Вдолг.ру, Fingoogo.ru и Bezbanka.ru., которые были организованы на базе коллекторского бизнеса и микрофинансовых организаций. Сегодня на этот сегмент выходят и крупные финансовые группы, такие как Альфа-групп (сервис «Поток»), инвестиционная компания Финам (инвестиционный продукт «Авто» и «Недвижимость») [2]. О создании собственной инвестиционной платформы заявили и Сбербанк.

Благоприятные перспективы продвижения краудлендинговых технологий нам видятся на базе сформированных инвестиционных порталов регионов – проекта, запущенного в нашей стране еще в 2013 году и преследующего основную цель предоставления актуальной и достоверной информации об условиях ведения бизнеса и инвестиционных возможностях всех регионов России. Можно сказать, что в целом ряде регионов это – вполне эффективный многофункциональный информационно-аналитический инструмент коммуникации бизнеса и региональных органов власти. Формирование же собственных краудлендинговых площадок в регионах могло бы обеспечить коллаборацию интересов инвесторов, заемщиков и местных властей.

Несмотря на то, что инвестиционные Интернет-площадки выступают лишь платформой объединяющей игроков рынка и не гарантируют исполнение обязательств перед вкладчиками, партнёрство на базе региональных инвестиционных порталов могло бы решить, прежде всего, вопросы, связанные с предоставлением исчерпывающей информации о том или ином заемщике, что является, решающим фактором в принятии инвестиционных решений.

Сегодня с принятием Закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ, который вступает в силу с 1 января 2020 года, создаются благоприятные условия для развития всей крауд-индустрии в нашей стране [1].

В свою очередь, активное внедрение краудлендинговых площадок на региональном уровне, по нашему мнению, будет обеспечивать совершенствование процессов информационного обмена, минимизацию случаев мошенничеств со стороны неблагонадежных контрагентов, оптимизацию работы по взысканию просроченной задолженности, снижение издержек всех игроков рынка, повышение доверия клиентов. В конечном итоге это будет способствовать инвестиционным интересам территорий и повышению их инвестиционной привлекательности.

Список использованной литературы

1. *Косминский К.* Появление регулирования стимулирует развитие краудинвестиций [Электронный ресурс]. URL: [https://www.finversia.ru/interview/kirill-](https://www.finversia.ru/interview/kirill)

kosminskii-poyavlenie-regulirovaniya-stimuliruet-razvitie-kraudinvestitsii-54873 (дата обращения: 3.09.2019).

2. Краудфандинг: российские площадки [Электронный ресурс]. URL: <https://iworknet.ru/kraudfanding-rossijskie-ploshhadki/> (дата обращения: 31.08.2019).

3. Новые инструменты привлечения финансирования для развития технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России: Аналитический доклад. Апрель 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-crowd.ru/wp-content/uploads/2019/03/Doklad-novye-dengi.pdf> (дата обращения: 29.08.2019).

4. *Ткаченко О.* Краудинвестинг: зарубежный опыт и отечественное инвестирование [Электронный ресурс]. URL: <https://investlb.com/ru/kraudinvesting-zarubezhnyj-opyt-i-otechestvennoe-investirovanie/> (дата обращения: 1.09.2019).

Севостьянова О. Г., д.э.н. Нюренбергер Л. Б.
*Новосибирский институт экономики и управления
г. Новосибирск*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО И ТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РФ¹

В статье проведен анализ и систематизация основных подходов к определению дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм», предложен авторский подход к формированию стратегии развития предприятий сферы лечебно-оздоровительного и туристического комплекса. В результате исследования основных проблем развития лечебно-оздоровительного и туристического комплекса региона, предложена матрица выбора конкурентных стратегий для предприятий сферы оздоровительного туризма. Разработана концептуальная модель основных этапов стратегического планирования развития лечебно-оздоровительного и туристско-комплексов в регионе, которое определяется исходя из имеющихся внутренних и внешних условий, а также потенциальных возможностей развития региона.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительный и туристский комплекс, конкурентоспособность туристско-рекреационного потенциала региона

В современном мире в условиях ускорения научно-технического прогресса, процессов урбанизации, часто мы сталкиваемся со снижением функциональных способностей организма человека, что приводит к ухудшению его здоровья, накапливается стресс, физическая и умственная усталость. Вместе с тем наблюдается мировая тенденция к повышению значения здорового образа жизни. Эта ситуация способствует ускорению развития лечебно-оздоровительного и туристского комплекса во всем мире, в том числе в России.

В течение последних 15 лет наблюдается тенденция увеличения лечебно-оздоровительных поездок ежегодно на 10%. При этом важно отметить, что воздействие негативных факторов, таких как недостаточно развитая инфраструктура лечебно-оздоровительного и туристского комплекса в России; отсутствие сопутствующей инфраструктуры организаций общественного питания, индустрии развлечений, неудовлетворительное состояние объектов культурно-исторического наследия сдерживает дальнейшее развитие лечебно-оздоровительного туризма в России [5].

Проблемы эффективности управления и конкурентоспособности предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса рассматривали множество исследователей. При этом, актуальные задачи по предотвращению дальнейшего ухудшения состояния лечебно-оздоровительного комплекса России, максимального удовлетворения новых потребностей туристов, эффективного использования разнообразных лечебных природно-климатических ресурсов требуют решения [2].

¹ © Севостьянова О. Г., Нюренбергер Л. Б. Текст. 2019.

Основные подходы к определению дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм»

Автор определения	Содержание определения дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм»
Всемирная туристская организация	Осуществляется с целью поправки здоровья и предполагает пребывание в санаторно-курортных и медицинских учреждениях
Европейская курортная ассоциация	Предполагает активный отдых, что способствует укреплению здоровья и физического развития человека и связан с выбытием лица за пределы постоянного места жительства
Европейская ассоциация научных экспертов в области туризма	Сочетание отдыха, развлечений и индивидуальных программ здоровья, направленных на заботу о клиенте
Германский ученый Х. Наршtedт	Посещение бальнеологических и других курортов туристами при смене постоянного места жительства и предоставление им оздоровительных программ, как правило, путем оплаты в частном порядке
Российские ученые Богданов Е.И., Никитина О.А., Гацебиллер А.П.	Новый раздел курортологии, который рассматривает организацию работы санаторно-курортной отрасли с точки зрения технологии путешествия [1]

Целью исследования является разработка теоретико-методического обеспечения конкурентоспособности предприятий лечебно-оздоровительных комплексов в российских регионах, обладающих лечебными природно-климатическими ресурсами. Данная цель определила необходимость постановки и решения следующих основных задач:

- 1) уточнение понятийного аппарата сферы лечебно-оздоровительных услуг;
- 2) разработка методического подхода к формированию конкурентных стратегий предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса;
- 3) формирование концептуальной модели обеспечения конкурентоспособности предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса.

Сегодня исследователи не могут прийти к единому мнению по вопросам терминологии понятийного аппарата лечебно-оздоровительного туризма.

Основные подходы к определению дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм» предложены в таблице.

В результате анализа всевозможных разновидностей лечебно-оздоровительного туризма и различных подходов к определению дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм», нами предлагается понимать перемещение резидентов и нерезидентов в пределах государственных границ и за пределы государственных границ на срок не менее 20 час. и не более 6 мес. в целях отдыха, рекреации (восстановления), оздоровления.

Стратегические цели	<i>Стратегические преимущества</i>		
	<i>Широкий охват</i>	<i>Стратегия дифференцированного роста</i>	<i>Стратегия минимизации затрат</i>
	<i>Целевой сегмент</i>	<i>Стратегия клиентоориентированности</i>	<i>Пациентная (нишевая) стратегия</i>
	<i>Уникальность</i>	<i>Низкие издержки</i>	

Рис. 1. Матрица выбора конкурентных стратегий предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса

В основе стратегического плана развития регионального туристского комплекса предлагаются следующие стратегии [7].

1. Стратегия минимизации затрат рекомендуется предприятиям, имеющим широкую аудиторию потенциальных потребителей.

2. Стратегия дифференцированного роста - приводит в действие такие механизмы, как позиционирование, брендинг, цена, узкая специализация и инновации, и другие инструменты, учитывающие сильные и слабые стороны конкурентов.

3. Стратегия клиентоориентированности предполагает построение продуктивного диалога с потенциальными потребителями и разработку комплекса мероприятий по взаимодействию с ними.

4. Пациентная (нишевая) стратегия подходит для узкоспециализированных фирм и позволяет уйти от прямой конкуренции с конкурентами, борьба с которыми в предоставлении обычных лечебно-оздоровительных услуг не приведет к успеху [3].

На территории России имеются множество курортов: климатических, бальнеологических (с использованием природных минеральных вод) и грязевых. Вместе с тем дальнейшее развитие лечебно-оздоровительного комплекса сдерживается под воздействием ряда факторов, таких как: отсутствие государственной программы развития лечебно-оздоровительных комплексов; отсутствие квалифицированного персонала; сокращение бюджета Фонда социального страхования; высокая стоимость проездных билетов до места получения лечебно-оздоровительных услуг; рост издержек на коммунальные и налоговые платежи для лечебно-оздоровительных учреждений [4].

На основании проведенных исследований можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. В России есть все условия для развития разнообразных видов лечебно-оздоровительных курортов (климатических, бальнеологических и грязевых). В тоже время дальнейшему развитию лечебно-оздоровительного туризма препятствует ряд внешних и внутренних факторов, таких как: отсутствие государственной поддержки развития лечебно-оздоровительной сферы; кадровый дефицит; отсутствие единой системы управления российским лечебно-оздоровительным комплексом и единого реестра лечебно-оздоровительных учреждений; отсутствие действенной системы информирования населения о возможностях российских курортов и

Рис. 2. Концептуальная модель обеспечения конкурентоспособности предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса

лечебно-оздоровительных комплексов; неэффективное использование природно-климатических ресурсов России для развития лечебно-оздоровительного туризма, что негативно отражается на социальном лечебно-оздоровительном туризме.

2. На основе анализа сущности и основных принципов стратегического планирования и управления в туризме была разработана матрица выбора

конкурентных стратегий предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса региона

3. Исходя из сущности и основных принципов стратегического планирования и управления в туризме предполагается разработка и принятие целого ряда последовательных стратегических решений [7], этапы разработки которых представлены на рис. 2.

Разработанная концептуальная модель основных этапов стратегического планирования развития лечебно-оздоровительного и туристского комплекса в регионе позволяет определить порядок разработки конкурентной стратегии и оценки конкурентоспособности предприятий лечебно-оздоровительного и туристского комплекса по отдельным составляющим, в основу которого положен организационно-экономический механизм обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий, позволяющий преобразовывать стратегические цели в конечный результат, определены принципы и методы, стратегический потенциал (культурно-исторический, природный, финансово-инвестиционный, трудовой, инфраструктура), установлена взаимосвязь организационно-экономическими функциями управления конкурентоспособностью лечебно-оздоровительного и туристского комплекса с социально-экономическим планом развития региона.

Список использованной литературы

1. Богданов Е. И., Никитина О. А., Гаценбиллер А. П. Хозяйственный механизм санаторно-курортного комплекса. – СПб.: Изд-во СПбГАСЭ, 2004. – 243 с.

2. Ветитнев А. М., Торгашева А. А. Характеристика основных показателей состояния лечебно-оздоровительного туризма в Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2014. – № 4.

3. Волков В. В. Анализ методов исследования конкурентоспособности санаторно-курортных организаций // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 3 (10). – Часть 1.

4. Лучина Н. А., Аршинова А. Н. Преимущества и угрозы развития массового туризма в условиях глобализации // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях; под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Баевой. – 2018. - С. 493-498.

5. Нюренбергер Л. Б., Селиванов В. В., Севрюков И. Ю., Леушина О. В. Туризм как приоритетная отрасль социально-экономического развития Крыма // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 11 (100). – С. 411-415.

6. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности предприятия сферы услуг розничной торговли // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2018. – Т. 73. – № 6. – С. 81-91.

7. Севостьянова О. Г. Особенности анализа стратегического курса торгового предприятия и формирования конкурентной стратегии // XIII

Осенняя конференция молодых ученых в Новосибирском Академгородке «Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика»: сб. статей науч.- практ. конф. молодых ученых, 9-11 октября 2017 / под ред. О. В. Тарасовой, А. А. Горюшкина. – Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 343-351.

к. э. н Троян И. А.
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Игнатенко Д. А.
обучающийся группы Э-м-о-184
Институт экономики и управления
г. Симферополь

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОВОГО РЫНКА FOODNET В РОССИИ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА»¹

Исследование посвящено актуальным вопросам исследования нового рынка FoodNet в Российской Федерации. Была обоснована существенная роль развития новых рынков в рамках Национальной технологической инициативы, в том числе на базе сопряжения с проектами мирового и регионального уровней (ЕС). Выявлены сегменты и приоритетные направления развития ключевых сегментов FoodNet в России.

Ключевые слова: Национальная технологическая инициатива, новый рынок, FoodNet

Национальная технологическая инициатива (далее – НТИ) – это программа создания принципиально новых рынков и создания условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. Задача по созданию НТИ поставлена Президентом РФ 4 декабря 2014 г. в Послании к Федеральному собранию. Из послания Федеральному собранию: «На основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами Россия столкнется через 10 – 15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, качество жизни людей, развитие отраслей нового технологического уклада» [5].

Впоследствии был предпринят ряд мер, и доклад об осуществлении этой идеи был подготовлен для Президента в середине 2015 г., и в апреле 2016 г. была сделана официальная резолюция правительства: «Правительство Российской Федерации, постановление от 18 апреля 2016 г. №312, Москва, «О реализации национальной технологической инициативы» [5]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что были две основные причины для создания НТИ. Первая – это желание избежать так называемого «ресурсного проклятия» или чрезмерная зависимость от эксплуатации природных ресурсов для экономического роста и национального богатства, что часто рассматривается как причина нестабильности из-за волатильности цен на ресурсы. Другая причина это желание воспользоваться быстро меняющимися технологиями для производства новых товаров и услуг как для экономического роста, так и для целей национальной безопасности.

Целью исследования является определение перспектив развития нового рынка FoodNet в России в рамках программы «Национальная технологическая инициатива». Агро-Еда является ключевой отраслью для обществ

¹ © Троян И. А., Игнатенко Д. А. Текст. 2019.

во всем мире. Качество и безопасность пищевых продуктов являются решающей проблемой. Для достижения этой цели необходимо иметь эффективную сеть, ориентированную на долгосрочные цели и поддерживаемую хорошей логистической системой.

Создатели программы считают, что Россия сможет получить инструмент формирования «рынков будущего», а российские компании – «национальные чемпионы» получают на них значимую долю. Матрица НТИ объединяет в себе такие элементы как: рынки, технологии, инфраструктуры и институты. В настоящее время НТИ включает в себя развитие 9 рынков: EnergyNet, FoodNet, SafeNet, HealthNet, AeroNet, MariNet, AutoNet, FinNet, NeuroNet. НТИ нацелена на формирование России как мирового лидера по технологиям, «умным» сервисам и продуктам к 2035 г. Этот год описывается как «горизонт планирования», т. е. «крайняя точка», на которую рассчитаны прогнозы проектов. Российские компании, которые создают такие сервисы и продукты, займут в будущем значительные доли мирового рынка, которые в зависимости от сегмента будут достигать от 5% до 15%.

Проект «Еда в эко сети» (FoodNet) - интернационализационная и глобально конкурентоспособная европейская система Small&Medium Size Enterprises (далее – SMEs) в секторе пищевой и экологической логистики, софинансированная программой COSME Европейского Союза в рамках выхода на международный уровень. На сегодняшний день существуют различные проблемы по цепочке поставок пищевой промышленности. SMEs (малые и средние предприятия) – это программа, направленная на поддержание конкурентоспособности бизнеса и эко-логистики и поддержки SMEs в глобальном соревновании [4].

Наряду с сотрудничеством внутри кластеров будут также инициированы некоторые кооперативные связи между кластерами для повышения конкурентного преимущества европейских SMEs на мировом рынке. Поэтому проект будет учитывать текущие потребности в области кооперации и активизации «зеленого» поведения в цепочке поставок пищевых кластеров и других промышленных кластеров в следующих секторах: пищевой сектор (био, эко), сектор логистики, сектор ICT и энергетический сектор, сотрудничающие / связанные с кластерами, региональные органы власти и отраслевые организации (например: группы производителей продуктов питания, кластеры, институты бизнес-среды).

Рынок FoodNet можно разделить на два направления: B2C – сектор рынка который является типом коммерческой сделки, в котором предприятия продают товары или услуги потребителям. B2B – сектор рынка, который фокусируется на продаже продуктов и услуг другим компаниям.

Основные направления проекта включают:

1. Кооперация между SMEs в кластере рынка еды (повысить их способность быть более конкурентоспособными на рынке, включая рынки развивающихся стран).
2. Сотрудничество между кластерами для улучшения бизнес-процессов и изучения новых бизнес-моделей с междисциплинарным подходом.

3. Эко-менеджмент. Сеть также будет направлена на снижение негативного воздействия на окружающую среду. Это станет возможным благодаря обмену знаниями (улучшение умственных навыков) и технологическому потенциалу SMEs из кластеров;

4. Стремление к совершенству благодаря знаниям - знакомство с новыми партнерами на рынке. Ценность знаний возрастает не только путем получения знаний о том, как управлять процессами и сотрудничать, но также путем «ноу-хау», переданного развивающимся странам.

Конкретные цели проекта FoodNet:

1. Подготовить план коммуникации и продвижения в поддержку развития совместного бренда и международного признания;

2. Обеспечить возможности обмена знаниями между членами кластера путем организации различных встреч и проведения информационных кампаний;

3. Провести углубленный анализ секторов продовольствия и эко-логистики и его вклад в цели ЕС;

4. Определить тематические области, потенциальные совместные отрасли, заинтересованных сторон в отношении взаимодополняемости, совместимости и заинтересованности в сотрудничестве с ЕС и всем миром;

5. Усилить взаимодействие кластеров и бизнес-сетей через границы и наладить партнерство между заинтересованными группами;

6. Подготовить соглашение о партнерстве в отношении характеристик «Европейских стратегических кластерных партнерств –GoingInternational» и определить общее видение, ресурсы / доступные интересы, общие действия, варианты финансирования;

7. Разработать совместное «европейское» стратегическое видение и план интернационализации, включая план использования синергизма с межрегиональными мероприятиями, маркетинг и план присоединения к брэндингу;

8. Создать возможности участия для стран третьего мира;

9. Подготовить план реализации с обзором совместных мероприятий, которые должны быть разработаны с подробным планом реализации, в котором будут указаны различные роли и этапы. Ключевые сегменты рынка FoodNet следующие: индивидуально персонализированное питание, точное земледелие, органическое земледелие, современная селекция, альтернативные источники сырья.

Как следует из подготовленной «дорожной карты» к 2035 г. российские компании должны занять более 5% мирового рынка в пяти приоритетных сегментах. К ним отнесены «умное» сельское хозяйство, ускоренная селекция, доступная органика, а также «новые источники сырья» и персонализированное питание. При выполнении всех условий к 2035 году специалисты оценивают рынок FoodNet в 4,5 трлн долларов.

Таким образом, Национальная технологическая инициатива – это комплекс мер, направленных на формирование условий для глобального технологического лидерства РФ на новых рынках, которые будут определять

развитие мировой и российской экономики через 13–20 лет. Ключевыми инструментами в реализации НТИ должны стать «дорожные карты», которые сейчас разрабатываются проектными группами, состоящими из ученых, предпринимателей, экспертных и профессиональных сообществ [1]. Появится более 500 тысяч рабочих мест. При позитивном сценарии развития FoodNet российские компании могут занять более 7–8% мирового рынка.

Список использованной литературы

1. Агентство стратегических инициатив(АСИ)/ 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/nti>.
2. Ежедневная деловая газета РБК №149. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/09/08/59afd0429a79473485bdb58c>.
3. Зиновьева О. FoodNet – рынок персонализированного питания [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/32253174-Foodnet-fudnet-rynok-personalizirovannogo-pitaniya.html>.
4. FoodNet – Food in Eco World [Electronic resource]. URL: <http://foodnet-project.eu>.
5. Jeff Schubert. Russia's “National Technology Initiative” or “Waiting for the High-Tech Tooth-Fairy”! 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russianeconomicreform.ru/wp-content/uploads/2017/01/NTI-ENGLISH-VERSION.pdf>.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ТЕХНОЛОГИЙ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

В статье рассматриваются вопросы информатизации на уровне региона и муниципалитета. Выявлены проблемы информатизации в Калужской области. Изучены причины недостаточного уровня информатизации региона. Предложены пути решения этих проблем с учетом опыта зарубежных стран с высоким уровнем информатизации.

Ключевые слова: информатизация, индекс развития, рейтинги, IT-технологии, веб-присутствие, телекоммуникации.

В настоящее время мы живем в мире информационных и компьютерных технологий. С каждым годом растет число пользователей интернета. И несмотря на то, что ведущие в этой сфере государства в значительной степени опережают уровень информатизации в России, в нашей стране все более активно идут процессы информатизации.

На сегодняшний день процесс перевода страны на более высокую ступень информационного обеспечения является одним из актуальных. Именно от этого будет зависеть развитие экономики, а также интеллектуального потенциала страны [3].

Уровень информатизации страны определяется с помощью информационных рейтингов. Наиболее значимыми на данный момент являются рейтинги Организации объединенных наций (ООН), Международного союза электросвязи (МСЭ), Всемирного экономического форума и другие [3].

Рейтинг развития электронного правительства (E-government development rank). Данный рейтинг разрабатывается один раз в два года и определяет уровень развития электронного правительства. Рейтинг определяется в 193 странах. Электронные услуги и сервисы, предоставляемые органами власти; информационно-коммуникационная инфраструктура; развитие человеческого потенциала являются основными аспектами рейтинга. Россия в данном рейтинге поднялась сразу на 32 позиции – с 59 на 27 место. Такая динамика роста индексов России стала возможной благодаря развитию сектора ИКТ и инфраструктуры электронного правительства, что включает в себя: модернизацию правительственного сайта, активное представление интересов Российской Федерации в рамках взаимодействия с международными организациями.

Средний результат России можно объяснить тем, что по первому подиндексу в России многие органы государственной власти, а также региональные и муниципальные образования имеют веб сайты начального уровня,

¹ © Чугреев А. С. Текст. 2019.

т.е. содержат базовую справочную информацию о государственном органе. Тогда как в странах с высоким индексом используются веб-сайты продвинутого, интерактивного, сетевого транзакционного уровня [2].

Индекс развития ИКТ (ICT Development Index – IDI).

Комплексный, универсальный и общепризнанный показатель, характеризующий достижения страны с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данный рейтинг ежегодно (начиная с 2009 года) рассчитывается Международным союзом электросвязи. Индекс основан на трех подиндексах – доступа, использования и навыков. Для расчета Индекса используется 11 показателей, характеризующих проникновение фиксированной телефонной связи, мобильной сотовой связи и интернета (в том числе широкополосного), доступ к компьютерам и интернету домохозяйств, уровень грамотности взрослого населения и вовлеченность в образование молодежи. Основная задача индекса состоит в возможности определения тех показателей, значения которых необходимо улучшить для сокращения «цифрового разрыва» с наиболее развитыми странами [2].

Проанализировав основные рейтинги информатизации можно сделать следующие выводы, касающиеся России. Наглядно просматривается рост уровня информатизации и повышение международных информационных рейтингов России. К сожалению, процесс роста не слишком высокий.

Выделим основные сдерживающие группы факторов.

Материально-техническая проблема является одной из самых существенных. Недостаток финансирования приводит к нарушению в развитии функциональных возможностей информатизации региона. В Калужской области в 2017 году было выделено порядка 423 млн. рублей, что на 42,8% больше показателя 2016 года, а в 2018 году планируется выделить около 739,7 млн. руб. Данные средства будут способствовать повышению информационного рейтинга региона.

Психологическая проблема связана с трудностью перераспределения сознания и внимания на освоение новых видов информационной техники, сложности перехода на использование новых интернет-технологий.

Экономические проблемы во всем мире возникают при переходе к новым формам экономики, т.е. экономике «информационного» общества.

В развитие инфосферы невозможно без создания специальных механизмов и структур, обеспечивающих ее теоретическое и практическое развитие. Недостаточность подобных структур и механизмов создают организационные проблемы [1].

Для повышения индекса информатизации Калужской области как субъекта РФ, прежде всего, необходима действие нормативно-правовой базы, которая будет контролировать следующие виды деятельности:

1. организация описания состава и структуры различных блоков информации и информационных потоков, что включает в себя разнообразные информационные системы и сервисы, а также технические и программные средства обеспечения информатизации;

2. принятие структурного плана информатизации органов исполнительной власти, что включает в себя все этапы развития региональных информационных систем, от разработки и внедрения до обеспечения их функционирования и дальнейшего развития;

3. достоверность и доступность к основным информационным потокам;

4. ответственность муниципальных и региональных органов за обеспечение безаварийного функционирования всех направлений информатизации;

5. формирование системы анализа, степени эффективности информационных систем, как на уровне муниципалитета, так и региона.

В Калужской области реализуются проекты по развитию региональной системы межведомственного электронного взаимодействия (РСМЭВ). Первый такой проект был принят в 2013 году, затем он был доработан на долгосрочную перспективу до 2020 года. В рамках проекта проводилась работа, направленная на разработку новых электронных сервисов, на популяризацию уже действующих сервисов. Помимо этого, Калужская область принимала участие в тестировании 18 Р-сведений в продуктивном контуре СМЭВ. Благодаря чему можно направлять электронные ответы на запросы федеральных органов власти. Данный проект находится под личным контролем губернатора Калужской области. Регион занял лидирующие позиции в рейтинге Минкомсвязи России по количеству межведомственных запросов к федеральным органам власти.

В 2015 году в регионе была продолжена работа по переводу региональных и муниципальных услуг в электронные сервисы. Теперь на едином портале госуслуг пользователям стало доступно более 50 различных услуг, в том числе столь востребованные, как, услуги в сфере записи актов гражданского состояния [1].

В регионе 127 населенных пунктов подключено к сети Интернет по ВОЛС. Количество рабочих мест, подключенных к СМЭВ, составляет более 600, а количество межведомственных запросов к федеральным органам власти с начала 2016 года, по данным Минкомсвязи – около 450 тыс. Количество зарегистрированных пользователей ЕПГУ составляет около 60 тыс.

В 2018 году на финансирование мероприятий по информатизации в бюджете Калужской области запланировано 739,7 млн. руб. (увеличился на 74,7% по сравнению с предыдущим годом). Структура расходов не изменилась и представлена на рисунке.

В структуре финансирования по направлению «связь и инфраструктура» расходы на услуги фиксированной связи увеличатся с 70,5 млн руб. (16,6%) до 78,1 млн руб. (10,5%). Планируется увеличение финансирования, выделяемого на приобретение и техническое обслуживание центров обработки данных, серверов, сетей и компьютерного оборудования с 193,5 млн руб. (45,7%) до 292 млн руб. (39,4%). Также увеличатся расходы на услуги мобильной связи с 22,2 млн руб. в 2017 году до 30,9 млн руб. в 2018 году, что составляет 5,2% и 4,1% от годового бюджета соответственно. Менее 1% рас-

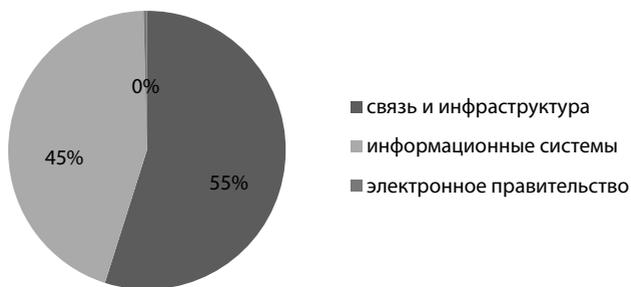

Рис. Планируемая структура расходов по информатизации бюджета Калужской области на 2018 год

ходов на информатизацию предусмотрено на обеспечение услуг доступа к сети Интернет [1; 3].

В структуре финансирования по направлению «развитие информационных систем» предусмотрено увеличение расходов на развитие и модернизацию информационных систем с 10,1 млн руб. (2,4%) до 70,2 млн руб. (9,5%). Расходы на эксплуатацию будут увеличены с 28,5 млн руб. (6,7%) до 153,6 млн руб. (20,7%). Также предусмотрено увеличение финансирования на создание информационных систем с 86,7 млн руб. до 106,6 млн руб., что в процентном соотношении составляет 20,4% и 14,4% соответственно от общего бюджета на информатизацию [3].

По направлению «электронное правительство» в 2017-2018 годах запланировано финансирование только на «перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид и их оптимизацию» – 8 млн руб.

В России действует система, предусмотренных законодательством мер по повышению информатизации, общества среди них «Стратегия развития информационного общества», федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О персональных данных», Федеральная целевая программа «Цифровая экономика», государственная программа «Информационное общество и повышение качества государственных и муниципальных услуг в Калужской области» [1].

Комплекс вышеперечисленных мер будет способствовать повышению уровня информатизации региона.

Список использованной литературы

1. Государственная программа «Информационное общество и повышение качества государственных и муниципальных услуг в Калужской области»: постановление Правительства Калужской области от 20 декабря 2013 № 710 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446244869>.

2. Официальный сайт международного союза электросвязи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/ru/> (дата обращения 06.09.2019).

3. Официальный сайт центра экспертизы координации и информатизации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.цэки.пф/analytics/37> (дата обращения 07.09.2019).

к.э.н. Шерин В. А.
Ульяновский государственный университет
г. Ульяновск

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

Представлены результаты реализации Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2020 года, принятой правительством области в 2008 году, на начало 2019 года. Особый интерес представляет попытка подтверждения правильности принятия в качестве основы при разработке Стратегии теорий полюсов роста и теории кластеров. Результаты реализации Стратегии за период 2008-2018 гг. вызывают определенные сомнения относительно правильности выбора ее теоретических оснований.

Ключевые слова: теория, полюс, кластер, стратегия, показатели, местоположение

Опыт организационного и методического обеспечения стратегии социально-экономического развития Ульяновской области на период до 2020 года (далее Стратегия) был представлен в публикации [7]. Как отмечалось в указанной публикации, в качестве одного из главных ориентиров Стратегии, в разработке которой автор в качестве министра экономики Правительства области принимал непосредственное участие, было принято создание новых центров экономического роста на основе конкурентных преимуществ. Создание таких центров в процессах реструктуризации и эффективной организации экономического пространства является основой теорий полюсов роста. Систематизированный обзор работ, посвященных этим теориям, содержится в монографии А.Г. Гранберга [1]. Он отмечал: «Теоретические положения о полюсах развития используются во многих странах при разработке стратегий пространственного экономического развития. При этом идеи поляризованного развития существенно по-разному приспособляются для хозяйственно освоенных регионов и новых регионов хозяйственного освоения» [1, с. 87]. В рамках настоящей статьи речь идет о поляризованном развитии хозяйственно освоенного ульяновского региона.

В последние годы в теории региональной экономики определенное признание получила теория кластеров, которая в своей концептуальной основе имеет много общего с теориями полюсов роста. Одним из наиболее известных авторов работ, содержащих, помимо результатов собственных теоретических разработок, широкий обзор публикаций по теории и практической деятельности кластеров в различных странах, является М. Портер [4].

Рассмотрению последствий принятия в Стратегии в качестве ориентиров социально-экономического развития области теорий полюсов роста и

¹ © Шерин В. А. Текст. 2019.

теории кластеров в ульяновском регионе за период 2008-2018 гг. в контексте основных направлений этой Стратегии посвящена настоящая статья.

Лидеры созданной в Институте системного анализа Российской академии наук (ИСА РАН) научной школы системных исследований процессов и явлений территориального (пространственного) развития В.Н. Лексин и А.Н. Швецов подчеркивают: «Распространенное мнение, согласно коему правильная стратегия, высокое качество плановых документов суть не только необходимое, но и достаточное условие успеха, - иллюзия: согласно авторитетным экспертным оценкам, успешно осуществляется только каждая десятая из вполне добротных стратегических плановых разработок. Поэтому к претворению стратегии в жизнь следует относиться как к наиболее важному этапу, определяющему конечные оценки эффективности деятельности по стратегическому управлению территориальным развитием» [2, с. 924-925]. Здесь уместно сослаться и на классическое определение, приводимое М. Месконом, М. Альбертом и Ф. Хедоури: «Оценка стратегии – сравнение реальных показателей эффективности с целями. Этот процесс используется в качестве механизма обратной связи для корректировки стратегии. Оценка будет эффективной, только если она проводится систематично и постоянно» [3, с. 279].

Наиболее значимые теоретические исследования механизма реализации и содержания задач мониторинга реализации стратегии социально-экономического развития региона в современной России представлены в монографии Института экономики УрО РАН [5]. Авторы утверждают: «Принципиально важным для реализации стратегии социально-экономического развития региона является организация регулярного мониторинга. Исследование методологических основ социально-экономического мониторинга позволяет утверждать, что система мониторинга реализации стратегии представляет собой специально организованную и постоянно действующую систему наблюдения, сбора информации, анализа, контроля и оценки результатов социально-экономического развития региона» [5 с. 329]. В приводимой в указанной публикации таблице 5.3 в блоке «Мониторинг регионального развития» представлены, в частности, задачи оценки уровня жизни населения региона и анализа уровня экономического развития региона, информационной базой решения которых является статистика важнейших обобщающих (интегральных) показателей [5, с. 331]. Похожего рода подход в мониторинге реализации Стратегии ульяновского региона использован и в настоящей статье.

В Ульяновской области в соответствии с идеей полюсов роста, выдвинутой Ф. Перру, в периоде 2008-2018 гг. авиастроительная отрасль, как это и было предусмотрено Стратегией, утвердилась в качестве лидирующей отрасли, претендующий на роль основного полюса роста. В настоящее время «Авиастар-СП» серийно выпускает грузовые транспортные самолеты Ил-76МД-90А, самолеты семейства Ту-204СМ, модернизирует самолеты АН-124-100 «Руслан», выполняет специальные работы по оборудованию других типов воздушных судов.

В соответствии с еще одной теорией роста Ж. Бувдия полюсом роста, наряду с совокупностью предприятий лидирующих отраслей, может быть и территория (населенный пункт), выполняющий в экономике региона функцию источника инноваций и прогресса. Такой территорией в соответствии со Стратегией явилась портовая особая экономическая зона (ПОЭЗ) в Чердаклинском районе области.

ПОЭЗ создана в 2009 г. на срок до 2059 г. Количество резидентов на 1.08.2019 – 25 (в т. ч. 5 иностранных). Объем заявленных инвестиций – 81,8 млрд. руб. Объем осуществленных инвестиций – 2,2 млрд. руб. Количество созданных рабочих мест – 396 ед. Объем полученных налоговых льгот – 61,64 млн. руб. Деятельность ОЭЗ обеспечивает Правительство Ульяновской области.

Принципиально важное теоретическое значение для разработки Стратегии имели работы П. Потье об осях развития как составной части теорий полюсов роста. В полной мере в качестве оси развития в Стратегии выступает организация на территории Ульяновской области транспортного участка общей протяженностью около 50 км, соединяющего участок территории предусмотренных Стратегией индустриального парка «Заволжье» и участок территории ядерно-инновационного кластера в г. Димитровграде.

Индустриальный парк «Заволжье» представляет собой земельный участок площадью 623 га, непосредственно граничащий с территорией Заволжского района города Ульяновска. На территории индустриального парка проложены: автомобильные дороги с асфальтобетонным покрытием; электрические, тепловые, газоснабжения, водоснабжения, водоотведения сети с выходом на очистные сооружения. Мощности сетевых сооружений обеспечивают текущие и перспективные потребности в энергоресурсах резидентов индустриального парка.

Компании «SABMiller» (завод по производству пива), «Mars» (завод по производству кормов для домашних животных), «ТАКАТАPetriAG» (завод по производству автомобильных систем безопасности) уже приступили к производственной деятельности. В стадии активного строительства находятся производственные площади ещё ряда компаний, среди них: «Филко-Волга» (производство строительных модульных элементов зданий); «Гильдемастер» (производство станков и оборудования); «Хемпель» (производство лакокрасочной продукции); «Шеффлер Групп» (создание производства автомобильных и промышленных компонентов); «Пилкингтон» (производство флоат-стекла) и другие. Развитие индустриального парка «Заволжье» продолжается.

Ядерно-инновационный кластер в г. Димитровграде создается с целью формирования комплексной инфраструктуры, направленной на коммерциализацию и создание инновационных проектов в сфере ядерных технологий. Ядром кластера является ОАО «Государственный научный центр Научно-исследовательский институт атомных реакторов» (ГНЦ НИИАР).

На текущий момент корректно поставить вопрос об эффективности реализации принятых в Стратегии ориентиров на теории регионального раз-

Местоположение Ульяновской области среди субъектов РФ в год принятия Стратегии, 2018 год и в периоде 2008-2018 гг.

Показатели для оценки местоположения	Годы		Среднее местоположение в 2008-2018 гг.
	2008	2018	
1. Индекс промышленного производства (местоположение по % к предыдущему году)	64	54	44
2. Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (местоположение по % к предыдущему году)	30	21	38
3. Индекс физического объема оборота розничной торговли (местоположение по % к предыдущему году)	79	73	56
4. Инвестиции в основной капитал (местоположение по % к предыдущему году)	28	59	32
5. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (местоположение по % к предыдущему году)	24	69	44
6. Индекс потребительских цен (местоположение по % декабря предыдущего года)	47	52	50
7. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата (местоположение по % к предыдущему году)	46	59	33
8. Реальные денежные доходы населения (местоположение по % к предыдущему году)	67	70	46
9. Общая численность безработных (местоположение по общей численности по данным обследований населения по проблемам занятости в % к экономически активному населению)	50	11	30
10. Естественный прирост (убыль) на 1000 человек населения (местоположение по абсолютному размеру)	59	61	61
Среднее местоположение Ульяновской области по годам (гр. 2-3) и в периоде (гр. 4)	49	53	43

вития в периоде 2008-2018 г.г. Официальные статистические данные в этом периоде ежегодно публиковались в «Российской газете».

Методика оценки эффективности принятых в Стратегии ориентиров на основе оценки местоположения Ульяновского региона подробно изложена в монографии [6].

Таблица содержит сведения только по двум годам – базовому 2008 г. и последнему отчетному 2018 г., а также в целом за период 2008-2018 гг. Автор производил расчеты местоположения области ежегодно, начиная с 2008 г. Представляется, что эти сведения позволяют в целом судить об эффективности принятых в 2008 г. стратегических решениях.

Данные итоговой строки представленной выше таблицы свидетельствуют об определенном улучшении местоположения области на фоне иных субъектов РФ в рассматриваемом периоде – среднее местоположение в периоде на 6 пунктов выше, чем в 2008 году.

Из таблицы следует, что динамика данных по показателям носит различный характер в рассматриваемом периоде. Существенное улучшение, при сравнении среднего местоположения в периоде по сравнению с базовым 2008 г., безусловно, достигнуто по показателям: «Индекс промышленного производства» - рост на 20 пунктов; «Индекс физического объема оборота розничной торговли» - на 23 пункта; «Общая численность безработных» - на 20 пунктов; «Реальные денежные доходы населения» - на 21 пункт; «Реальная среднемесячная начисленная заработная плата» - на 13 пунктов.

В то же время, по отдельным показателям имеет место ухудшение местоположения: «Индекс потребительских цен» - ухудшение на 3 пункта; «Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» - на 8 пунктов; «Инвестиции в основной капитал» на 4 пункта; «Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий» - на 20 пунктов; «Естественный прирост (убыль) на 1000 человек населения» - на 2 пункта.

Эти отличия динамики еще предстоит оценить в ходе дальнейших исследований.

В целом, картина динамики социально-экономических показателей ульяновского региона вселяет определенный оптимизм в увязке достигнутых регионом показателей и стратегической основы развития региона в виде представленных выше теорий регионального развития.

Список использованной литературы

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
2. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 1024 с.
3. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – 3-е изд.; пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2009. – 672 с.
4. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 608 с.
5. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2 т. /Рос. акад. наук, Урал. отд-ние; под общ. ред. А.И. Татаркина. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»; Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – Т. 2: Проблемы ресурсного обеспечения саморазвития территориальных социально-экономических систем. – 387 с.
6. Шерин В. А. Основы стратегического развития экономики региона (на примере Ульяновской области). – М.: Институт исследования товародвижения и конъюнктуры товарного рынка, 2014. – 128 с.
7. Шерин В. А. Соответствие стратегии развития региона теориям региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 34(217). – С. 7-10.

д.э.н. Шеховцева Л. С.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА: СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ И УПРАВЛЕНИЕ¹

Обосновывается становление парадигмы системного развития региона, основанной на следующих принципах: устойчивости и сбалансированности развития всех элементов региональной системы, координации управления и самоорганизации делового и гражданского сообществ, комплексности территориального и отраслевого подходов, сопряжения стратегических и тактических решений, междисциплинарности разработок, синергетики оценок эффективности. Структуризация региональной экономики рассматривается как один из инструментов системного управления развитием региона. Разработаны основы методологии структуризации региональной экономики по элементам региональной системы, формам собственности, организационным основам деятельности, уровням принятия решений, уровням экономического анализа. Определены особенности мезоэкономики. Приводятся направления использования структурных характеристик региональной экономики.

Ключевые слова: региональная экономика, системное развитие, управление, структуризация, методология, парадигма

Становление новой экономики и нового миропорядка определяют изменение модели управления социально-экономическим развитием региона. Под регионом понимается субъект федеративного государства. Это сложная по функциям и структуре социально-экономическая система, исследование и управление которой требует комплексного, многомерного, междисциплинарного подхода. Рассмотрение региона как социально-экономической системы требует учета его места в национальной системе и особенностей, связанных с необходимостью воспроизводства всех элементов (экономических, социальных, управленческих, инфраструктурных, экологических и других) в условиях технологической революции. Под влиянием цифровых технологий происходит изменение всех средств производства и управления.

Региональная система входит в иерархию управления (федеральный, региональный, муниципальный уровни), способствует горизонтальным связям между регионами, муниципалитетами и компаниями (организациями). Развитие всех элементов региональной системы определяет необходимость использования модели системного (комплексного) развития региона и соответственно системной модели управления социально-экономическим развитием.

Реализация этой модели осуществляется на основе сочетания многообразных факторов (территориальных, отраслевых, природно-географических, культурно-этнических, социальных, экономических и других), а так-

¹ © Шеховцева Л. С. Текст. 2019.

же интересов (целей) субъектов развития (населения, делового сообщества, органов управления).

Системная модель управления строится на следующих принципах:

- сбалансированности многовекторного развития в условиях противоречивости и обратных связей этого процесса;
- сочетания государственного и муниципального управления с самоорганизацией делового сообщества и гражданского общества;
- комплексности территориального и отраслевого подходов;
- сопряжения стратегических и тактических (текущих) решений;
- использования междисциплинарных решений и разработок;
- применение синергетических оценок эффективности проектов.

Одним из инструментов системного управления развитием региона является структуризация региональной системы, включая экономическую подсистему. Системообразующими факторами с точки зрения социально-экономических процессов, на наш взгляд, являются следующие факторы:

- состав основных элементов региональной системы;
- формы собственности;
- организационные основы деятельности;
- уровни принятия решений;
- уровни экономического анализа региональной системы.

Состав элементов региональной системы можно представить по различным основаниям: объектам, процессам, средам, проектам. Авторская разработка структуры региональной системы представлена в монографии [8] на основе системной концепции Г.Б. Клейнера [2] и развита в последующих работах [9]. По объектам региональную систему можно структурировать следующим образом: население, деловое сообщество, органы управления, институты, инфраструктура, экология, безопасность. Этим элементам соответствуют функциональные подсистемы: социальная, экономическая, управленческая, институциональная, инфраструктурная, экологическая, безопасности.

По процессам региональную систему можно представить как комплекс инвестиционных, инновационных, бюджетных, финансовых, миграционных и других процессов. В средовом аспекте регион формирует пространственное развитие, социальный, деловой, инвестиционный и др. виды климата. Как проектная система регион участвует в разработке и реализации национальных, федеральных, региональных и других проектов в разных сферах деятельности.

Следующим важным фактором структуризации является форма собственности. По этому фактору в соответствии с Гражданским кодексом в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст.212). Государственная собственность подразделяется на федеральную и региональную. В статистике применяется и более подробная дифференциация форм собственности, выделяются: государственная, муниципальная, частная, собственность общественных и

религиозных организаций, смешанная российская, иностранная, совместная российская и иностранная формы¹. Формы собственности определяют источники финансирования: корпоративный, бюджетный, частный индивидуальный, смешанные (например, государственно-частное партнерство).

Организация деятельности общества основана на форме взаимодействия участников: административное (государственное) управление, муниципальное управление, самоорганизация делового сообщества и гражданского общества.

По уровню принятия управленческих решений структурируют наднациональный, национальный, федеральный, региональный, муниципальный, организационный.

Региональная экономическая система анализируется традиционно на двух уровнях: макроэкономическом и микроэкономическом, поскольку она включена в национальную и глобальную экономику. В настоящее время сюда включается и мезоэкономика как уровень самоорганизации и саморазвития экономической системы [4]. Методологическое выделение мезоуровня как среднего звена в иерархии уровней экономической системы обогащается представлениями о поле формирования и действия экономических институтов, о нелинейном и динамическом поведении сложной системы, эволюции ее структуры [1].

В настоящее время идет процесс осмысления феномена мезоэкономики [7]. На наш взгляд, мезоэкономика касается, во-первых, самоорганизации и саморазвития предпринимательского коммерческого сообщества наделенных собственностью субъектов (исключаются государственные и муниципальные предприятия, не наделенные собственностью, а также государственные корпорации как некоммерческие организации), во-вторых, горизонтальных связей (межрегиональных, межмуниципальных, межкорпоративных).

Структура региональной экономики, на наш взгляд, не тождественна мезоэкономике и не тождественна региональной мезоэкономике. Как региональная социально-экономическая подсистема (система) региональная экономика шире региональной мезоэкономики. Она дополнительно включает:

- 1) организации, создаваемые административным путем (основанные на властном подчинении, например, государственные и муниципальные унитарные предприятия);
- 2) некоммерческие организации, не имеющие приоритетной целью получение прибыли, но выполняющие функции, необходимые государству с разными источниками финансирования (бюджетными, корпоративными, ГЧП, общественными);

¹ Указ президента Российской Федерации от 7 мая 2018г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 9 мая 2018 г. С. 4-5.

3) организации социального предпринимательства в сферах здравоохранения, образования, экологии и других.

Поскольку многоукладная и сложная региональная экономика охватывает разные сферы и виды деятельности, структуризация имеет многомерный и многоуровневый характер. Помимо рассмотренных системообразующих факторов структуризация осуществляется и по другим основаниям: секторам, отраслям, территориям, видам деятельности, подсистемам и их составляющим.

Внешняя структуризация связана с типологией регионов по разным признакам, в том числе на основе механизмов (моделей) развития, применяемых федеральным центром для государственной поддержки и достижения целей (ОЭЗ, ТОР, ТОСЭР и др.), на основе структурных параметров экспорта (доля сырьевого и несырьевого экспорта, доля экспорта готовой продукции с высокой добавленной стоимостью и другие).

На основе мониторинга динамики структуры региональной экономики создаются условия для сбалансированного развития социально-экономической системы региона с учетом ее сложности. Наличие информации о структурных изменениях позволяет принимать обоснованные управленческие решения долгосрочного и текущего характера. Например, анализ структуры численности занятых в экономике региона по формам собственности отражает структурные изменения в экономической подсистеме [3], позволяет решать проблемы безработицы, повышает устойчивость региона, способствует достижению национальных целей, таких как «Рост реальных доходов населения», «Снижение в два раза уровня бедности», выполнению национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости населения»¹. Исследование макроэкономических условий и экономической динамики российских регионов показывает влияние структурных факторов на возникновение экономических кризисов, а также пути восстановления экономического роста [5,6].

Таким образом, структуризация региональной экономики создает возможности системного развития и управления в регионе.

Список использованной литературы

1. *Дерябина М. А.* Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 4. – С. 9-18.
2. *Клейнер Г. Б.* Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. – Т.6. – № 3. – С. 27-50.
3. *Кузнецова М. Н.* Безработица в Архангельской области: причины и пути снижения // Регион: экономика и социология. – 2019. – №1. – С. 71-97.
4. *Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б. Клейнера.* – М.: Наука, 2011. – 805 с.

¹ Статистический ежегодник Оренбургской области. 2018: стат. сб. / Оренбургстат. – Оренбург, 2018. – С. 10.

5. *Минакир П. А.* Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. – 2018. – № 1. – С. 7-15.

6. *Михеева Н. Н.* Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // *Регион: экономика и социология*. – 2019. – № 2. – С. 56-79.

7. *Нешиной А. С., Иванов М. Ю.* Феномен мезоуровня в экономическом анализе: теория и практика (по материалам симпозиума в Институте экономики РАН) // *Вестник Института экономики РАН*. – 2018. – № 4. – С. 90-96.

8. *Шеховцева Л. С.* Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание. – Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2005. – 354 с.

9. *Шеховцева Л. С.* Системный подход к модернизации и инновационному развитию региона: стратегические цели // *Балтийский регион*. – 2011. – № 3. – С. 98-107.

Юренский Д. А.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

роль туристских кластеров в социально-экономическом развитии регионов России¹

Активное участие в развитии региональной экономики экономических субъектов, обладающих значительным инвестиционным потенциалом и мощными механизмами экономической власти, формирует новые возможности повышения конкурентоспособности региона на основе сетевого взаимодействия. В фокусе представленного исследования – обоснование роли туристских кластеров в социально-экономическом развитии российских регионов. В статье уточнено содержание понятия «туристский кластер». Туристский кластер представляется источником синергетического роста региональной экономики путем интеграции организационных, финансовых и прочих ресурсов государственного и частного секторов.

Ключевые слова: туристский кластер, региональная сетевая структура, туризм, регион, туристская дестинация

С начала нынешнего столетия в современной экономике сетевые организационные структуры стали перспективной сферой деятельности для тех, кто понимает и осознает все выгоды от партнерства, возникшие как гибкий ответ на достаточно завышенные требования эпохи глобализации.

Актуальность темы исследования определяется тем, что региональные сетевые структуры не получили должного распространения в российской практике, хотя они являются эффективным инструментом повышения эффективности деятельности предпринимательских структур.

Одной из форм сетевого взаимодействия предпринимательских структур и инструментом управления региональным развитием является кластер.

В отечественной и зарубежной теории и практике последних лет весомое значение придается кластерному подходу применительно к туристской сфере. В данном контексте кластер признается одним из наиболее эффективных средств долгосрочного развития туризма в регионах России и призван способствовать повышению конкурентоспособности и устойчивому развитию территорий. Однако на данный момент по вопросу четкой и однозначной трактовки термина «туристский кластер», как и «кластера» в целом, мнения экспертов и исследователей расходятся.

В некоторых трактовках представлен более широкий перечень свойств и элементов для идентификации туристского кластера [5], другие являются более сжатыми и лаконичными [2]. Некоторые авторы отождествляют понятия туристский кластер и туристско-рекреационный кластер [2], другие исследователи разделяет эти понятия, как, к примеру, в подходе, которого придерживаются Пидгурская Н.Н. [3] и Гуриева Л.К. [1].

¹ © Юренский Д. А. Текст. 2019.

На законодательном уровне формализованное понятие туристского кластера впервые вводится в Концепции ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)»¹ как сосредоточение на определенной территории предприятий и организаций, интегрированных в одну логистическую схему и занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами.

Однако, несмотря на существующие различия в дефинициях, представляется возможным выделение комплекса содержащихся в них общих черт, присущих туристскому кластеру:

1. Географическая локализация (концентрация).
2. Туристский кластер включает в себя совокупность предприятий, компаний, организаций туристской индустрии в целом, а также других, вспомогательных (смежных) отраслей.
3. Все элементы туристского кластера находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.
4. Туристский кластер становится конкурентоспособным и динамично развивается благодаря синергетическому эффекту.
5. Туристский кластер представляет собой средство повышения конкурентоспособности каждой компании-участника и, тем самым, обеспечивает развитие региона и рост его социально-экономических показателей (занятость населения, налоговые поступления).

На основании выделенных общих черт, нами может быть предложена следующая трактовка понятия «туристский кластер». Туристский кластер – это совокупность в рамках определенных географических границ предприятий сферы туризма; туристских ресурсов; организаций и фирм сопутствующих сфер деятельности, между которыми существует устойчивая взаимосвязь, направленная на эффективную реализацию туристских возможностей территории и закономерное социально-экономическое развитие региона, а также повышение экономической устойчивости и конкурентоспособности отдельных предприятий и кластера в целом за счет системного эффекта.

Что касается модели туристского кластера, то в первую очередь необходимо рассмотреть вариант структуры кластера Майкла Портера, который предложил модель взаимодействия элементов кластера, известную как «Porter`s diamond model» [4].

Главной особенностью данной модели является то, что для достижения конкурентоспособности необходимо взаимодействие всех 4 детерминантов: факторные условия, условия спроса, смежные отрасли и стратегия и структура фирм.

Каждый детерминант также представляет собой набор инструментов, оказывающих воздействие на другие элементы детерминанта, таким образом, что степень их взаимодействия определяет региональную конкурентоспособность и позволяет достичь устойчивого развития региона.

¹ Составлено автором на основе [7].

Стоит отметить, что нет принципиальных различий между определенными кластера общего характера и туристского кластера. В то время как исследования концепции туристского кластера немногочисленны, большой интерес проявляет концептуальная модель туристского кластера, представленная авторами Ж. Феррейра и К. Эстевао [7]. По нашему мнению, его модель заполняет пробел в исследованиях и может использоваться в регионах (рисунок 1).

Модель отображает интерактивную систему туризма, которая находится в динамическом равновесии и зависит от гармонии трех основных компонентов: туристского продукта, который состоит из ресурсов и туристских достопримечательностей; туристское направление и туристский кластер. Там, где первые два компонента соответствующей системы работают эффективно, туристский кластер также работает продуктивно. В данной модели главной особенностью является взаимодействие компонентов для обеспечения конкурентоспособности.

На наш взгляд, исследователь Феррейра наиболее полно учитывает факторы и их взаимодействие в модели туристского кластера. Учитывая международный опыт формирования и развития кластеров, данный подход может быть использован для разработки модели туристского кластера в российских регионах. Многие регионы России привлекательны в качестве центров формирования региональных сетевых структур. Особенно это касается туристских регионов, ярким примером которых служит Краснодарский край Южного Федерального округа, где перспективной формой формирования региональных сетевых структур в сфере горнолыжной индустрии в г. Сочи является горнолыжный пул.

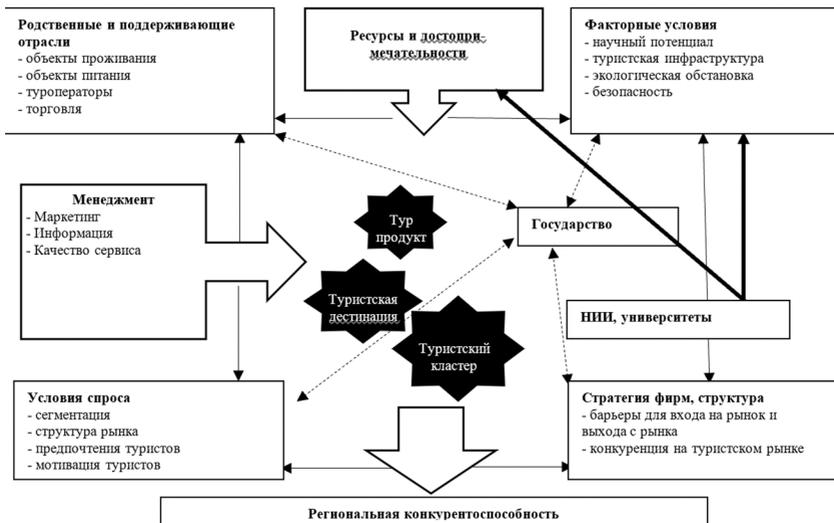

Рис. 1. Концептуальная модель региональной конкурентоспособности туристского кластера (составлено автором)

Рис. 2. Пример сетевой модели взаимодействия предприятий горнолыжного комплекса Южного федерального округа РФ (см. в: Министерство финансов РФ. Официальный сайт. Электрон. дан. М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://info.minfin.ru> (дата обращения: 01.09.2019))

На рисунке 2 представлен пример сетевой модели взаимодействия предприятий горнолыжного комплекса Южного федерального округа РФ.

Здесь наглядно отображена связь горнолыжных комплексов «Роза Хутор», «Лаура» и «Альпика-сервис» в связи с ГК «Горная карусель», осуществляющих внутри сети паритетное сотрудничество на неконкурентной основе и взаимодействующих с внешними институтами и организациями.

Последствием объединения в единую сетевую структуру горнолыжных курортов г. Сочи (горнолыжный пул) стала оптимизация ресурсов и расходов для всех входящих в пул курортов. В то же время развитие горнолыжных комплексов позитивно повлияло на социально-экономическое положение региона. Это целый комплекс услуг, способствующий развитию смежных отраслей экономики и регионального хозяйственного комплекса в целом.

При этом опираясь на концептуальную модель Ж. Феррейра и К. Эстевао, можно сделать вывод, что устойчивый рост конкурентоспособности и спроса на продукты горнолыжной индустрии в современных российских условиях возможны при ориентире на максимальное удовлетворение спроса, игнорировании внутрирегиональной конкурентной борьбы и объединении отдельных объектов горнолыжной индустрии в сетевую структуру, основанную на сотрудничестве и взаимодополнении.

Миссия туристского кластера заключается в содействии социально-экономическому развитию региона путем совершенствования деятельности, осуществляемой в сфере туризма. Это возможно путем применения принципов устойчивого развития на всех уровнях функционирования класте-

ра, поскольку он объединяет основные туристские предприятия и другие организации, работающие в тесной связи с туристским сектором. Данный подход позволяет объединить усилия по созданию баланса между экологическими, социальными и экономическими аспектами регионального развития.

Основная цель туристских кластеров – наладить партнерские отношения между местными деловыми, образовательными и исследовательскими подразделениями, местными властями, и представители местных органов власти. Все участники, в том числе представители частного и государственного секторов, работают вместе для наиболее эффективного использования туристского потенциала регионального направления.

Основной задачей создания туристских кластеров должно быть содействие реализации предложенных принципов и их продвижение для усиления регионального развития и создания потенциальной основы устойчивого развития.

При этом для комплексного управления туристской дестинацией в условиях неполноты статистической информации и необходимости использования в туристских индексах разнородных данных, требующих специально разработанного математического аппарата нормирования и дополнительных затрат на организацию сбора информации, целесообразно применять выработанные в рыночной практике экспресс-статистические методы скоринга.

Таким образом, увеличение влияния туристской индустрии на природно-рекреационный и социо-культурный комплексы дестинации вызывает потребность в разработке моделей эффективного межведомственного взаимодействия государственного регулятора рынка на базе использования принципов устойчивого туризма.

Становится очевидно, что туризм является эффективным катализатором социально-экономического развития, оказывая стимулирующее влияние на все смежные отрасли, экономику страны и региона, в котором он развивается, а кластер в данном контексте можно считать примером модели эффективного управления туристским комплексом региона.

Список использованной литературы

1. *Гуриева Л. К., Созиева З. И.* Туристический кластер региона: проблемы и перспективы создания // Региональная экономика. Теория и практика. – 2009. – № 22(115). – С. 72-80.

2. *Лыскова О. В.* Саратовский туристско-рекреационный кластер: предпосылки создания и развития. Ч. 1 / О. В. Лыскова, Е. В. Лукьяненко // Материалы Российской научно-практической конференции «Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа». – Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2009.

3. *Пидгурская Н. Н.* Кластерный подход к регулированию туризма в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иркутск, 2006.

4. *Портер М.Э.* Конкуренция: учеб. пособие; пер с англ. – М.: Вильямс, 2000.

5. *Саак А.Э.* Современные направления формирования туристской политики муниципального образования/ А. Э. Саак, Е. В. Жертовская // Туризм: право и экономика. – 2011. – № 2(37). – С. 24-29.

6. *Шерешева М.Ю.* Формы сетевого взаимодействия компаний. Курс лекций: учеб. пособие / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 339 с.

7. *Ferreira J., Estevao C.* Regional Competitiveness of Tourism Cluster: A Conceptual Model Proposal // MPRA Paper. — № 14853, posted 25. — 2009. — April.

**Социально-экономическое развитие
региональных систем:
тенденции и перспективы**

Антонов Д. А.
Департамент по труду и занятости населения Свердловской области
г. Екатеринбург

к.э.н. Тонких Н. В., Семерикова Д. А.
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург

ИССЛЕДОВАНИЕ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИН, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ТРЕХ ЛЕТ: КЕЙС СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В статье раскрываются некоторые результаты социологического опроса женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, проживающих на территории Свердловской области. Цель опроса – получение эмпирической информации о факторах влияния, барьерах, уровне потребности и готовности к участию в программах профессионального обучения в сегменте женщин, воспитывающих малолетних детей. Фокус представленных материалов направлен на оценку потребности в организации присмотра за детьми в период обучения женщин. Исследование проведено в рамках национального проекта «Демография» согласно плановым мероприятиям регионального проекта Свердловской области «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет на территории Свердловской области».

Ключевые слова: профессиональное развитие женщин, профессиональное обучение женщин, содействие занятости женщин, содействие профессиональному обучению женщин, совмещение материнства и занятости

Сбалансированное сочетание профессиональной деятельности с материнством является актуальной проблемой для женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей. Воспитание детей в рамках теории баланса труда и родительства, институциональной теории, теории человеческого капитала и других социально-экономических концепций часто рассматривается как серьёзный барьер для развития образовательного уровня и профессиональной карьеры у женщин [9]. Труды отечественных ученых и практиков подтверждают актуальность проблемы оптимального сочетания занятости женщин и выполнения ими родительских обязанностей [5-7]. Артемьева О.В. и Калугин Е.Е. утверждают, что главная причина женской безработицы состоит в отсутствии необходимых профессиональных компетенций [2]. Исследователи уверены, что организация профессионального обучения женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком в возрасте до трёх лет, позволит решить эту проблему. В статье Поповой И. П. отмечается, что именно уровень образования влияет на профессиональное продвижение, уровень материального благосостояния и семейного благополучия [8].

¹ © Антонов Д. А., Тонких Н. В., Семерикова Д. А. Текст. 2019.

Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации, до 2025 г., главными задачами содействия занятости женщин с детьми являются организация гибких форм занятости, программ профессиональной подготовки и переподготовки.¹ С 2012 года реализуются мероприятия по организации профессионального обучения (переобучения) женщин в период отпуска по уходу за ребёнком до достижения им трёх лет.²

В настоящее время задача содействия занятости и профессиональному развитию женщин, имеющих детей в возрасте до трех имеет статус национального приоритета в рамках проекта «Демография»³, идет активная межведомственная проработка и реализация мероприятий на региональном уровне. Отметим, что Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области уже накоплен достаточно позитивный опыт организации программ профессионального обучения для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком [1,3]. Однако согласимся с авторитетным мнением ведущих ученых о недостаточности для научно-методического сопровождения современных проектов содействия занятости стандартной статистики по рынку труда и образованию, обобщаемой и публикуемой Росстатом и Министерством науки и образования РФ [4].

Цель регионального исследования: получение эмпирической информации и оценка уровня потребности в организации присмотра за детьми в период профессионального обучения (переобучения) женщин, занимающихся воспитанием детей в возрасте трех лет, на территории Свердловской области.

Эмпирическая база исследования сформирована в результате социологического опроса женщин на территории Свердловской области, имеющих детей в возрасте до трех лет. Опрос проводился специалистами государственных казенных учреждений службы занятости населения Свердловской области в период с апреля по май 2019 года. Объем реализованной выборки составил 639 чел. Респонденты: женщины, воспитывающие детей в возрасте до трех лет, проживающие на территории Свердловской области. Выборка — квотная; по параметрам возраста и численности женщин в разрезе городских и сельских населенных пунктов Свердловской области.

Как показывает исследование, почти 60% женщин, принявших участие в опросе и воспитывающих детей в возрасте до трёх лет, имеют потребность в профессиональном обучении. Почти каждая шестая женщина отмечает потребность в прохождении обучения для восстановления утраченных компетенций или получения новой для себя профессии, квалификации. Из

¹ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). - [Электронный ресурс]. - URL: <http://base.garant.ru/191961>.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). - [Электронный ресурс]. - URL: <http://base.garant.ru/70170932>.

³ Паспорт национального проекта «Демография». - [Электронный ресурс]. - URL: <http://government.ru/info/35559>.

числа женщин, заинтересованных в профессиональном обучении, 79,2% были готовы приступить к обучению в ближайшее время.

Женщинам, которые желают повысить или приобрести другую квалификацию, но в настоящий момент (в течение полугода/года) не имеют возможности начать учиться, был задан уточняющий вопрос с целью выявления причин-барьеров. Выявлено, что главное препятствие получения профессионального образования для данной категории женщин состоит в сложности организации присмотра за малолетними детьми. 54,6% опрошенных отметили барьер «не с кем оставить ребёнка», на втором месте (17,1%) барьер «нет на это времени».

В анкете были предложены вопросы, ответы на которые подтвердили гипотезу актуальности организации присмотра за детьми в образовательных учреждениях для респондентов. Так, результаты опроса показали, что количество женщин-матерей малолетних детей, обучающихся на краткосрочных курсах/программах, скорее всего, вырастет, если в образовательных учреждениях во время занятий появится возможность оставить ребёнка в детской комнате под присмотром воспитателя (на 2–4 часа) (рис. 1).

Каждая третья женщина (30,2%) доверила бы своего ребёнка бы своего ребенка воспитателю детской комнаты при учебном заведении, 38,0% респондентов, скорее всего — тоже. В целом более половины женщин имеющих детей в возрасте до трёх лет, участвующих в опросе (68,2 %) готовы отдавать своих детей под присмотр воспитателей. Выявлена корреляция между возрастом ребёнка и готовностью женщин доверить своих детей воспитателю детской комнаты. Чем старше возраст ребенка, тем выше готовность женщин воспользоваться услугами воспитателей в детских комнатах при учебных учреждениях. 64,3% женщин, воспитывающих детей в возрасте до полутора лет, готовы отправить своего ребенка во время своего профессионального обучения в детскую комнату при учебном заведении. В группе женщин, имеющих детей в возрасте от 1,6 лет до трёх лет данный показатель уже составил 72,1%. Эмпирически подтверждена связь между уровнем доверия женщин к воспитателям детских комнат при учебных заведениях и типом населенного пункта - места их проживания (город – село). Высокий уровень доверия к воспитателям детских комнат отмеча-

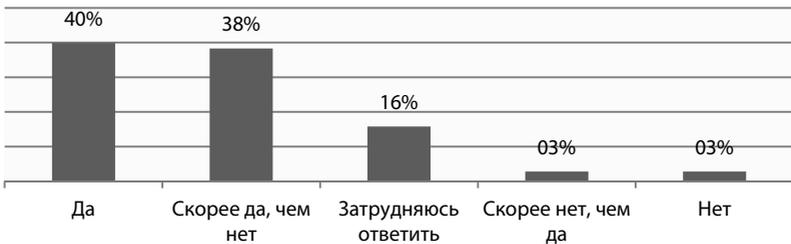

Рис. 1. Структура ответов на вопрос: «Как Вы считаете, увеличится ли количество мамочек, обучающихся на краткосрочных курсах/программах, если в образовательных учреждениях появится возможность оставить ребенка в детской комнате под присмотром воспитателя на время занятий (2–4 часа)?», в %

Рис. 2. Готовность женщин отдать своего ребенка в возрасте до трех лет в детскую комнату при образовательном учреждении в зависимости от места жительства, %

ется среди жительниц крупных и средних городов. Среди респондентов, проживающих в малых городах, поселках городского типа и сельских населенных пунктах готовность матерей отдать своих детей в детские комнаты в разы ниже (рис. 2).

Таким образом, результаты исследования выявили наличие потребности женщин, воспитывающих детей младше трех лет, в организации присмотра за детьми в организациях профессионального образования во время их обучения. Уровень потребности нельзя назвать критичным для региона. Вместе с тем, организация профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, выступит драйвером развития непрерывного образования и обучения, фактором спроса на все многообразие образовательных программ по обучению взрослого населения, включая их содержание, формы и технологии реализации. Диверсификация образовательных услуг под потребности женщин, стремящихся нарастить свой профессиональный потенциал и иметь эффективную занятость на региональном рынке труда – перспективное направление развития государственного и частного сектора профессионального образования.

Список использованной литературы

1. Антонов Д. А., Шилина Л. В. Профессиональное обучение (переобучение) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком в возрасте до трёх лет, как фактор профессионального развития и карьеры (на примере деятельности органов службы занятости населения Свердловской области) // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сб. докладов по материалам Одиннадцатой Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под ред. В. А. Гуртова. – Екатеринбург, 2014. – С. 10-18.

2. *Артемяева О. В., Калугин В. Е.* О создании условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее: материалы Международной научно-практической конференции. – Изд.-во «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ)», 2015. – С. 175-179.

3. *Герасимова М. Г., Шилина Л. В.* Развитие трудового потенциала работниц с детьми до трёх лет после профессионального обучения (переобучения) по направлению службы занятости (опыт Свердловской области) // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. статей IX Уральского демографического форума. – Екатеринбург, 2018. – С. 297-304.

4. *Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л., Ощепков А. Ю.* и др. Российский работник: образование, профессия, квалификация. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 574 с.

5. *Кузнецов М. Ю., Ананченкова П. И.* Образовательная поддержка женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком // Труд и социальные отношения. – 2017. – № 2. – С. 104-115.

6. *Лукьянец С. В.* Профессиональное обучение женщин в период отпуска по уходу за ребёнком при содействии службы занятости населения // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 3. – С. 8-10.

7. *Михайлов А. А., Завьялова О. А.* Непрерывное обучение в цифровую эпоху: особенности дистанционной профессиональной переподготовки женщин // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018-2030): материалы Всероссийской конференции с международным участием. – 2018. – С. 127-131.

8. *Попова И. П.* Образование в жизненных стратегиях женщин с детьми // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 1. – С. 51-61.

9. *Цыганкова Г. С., Задорожная Л. И.* Региональные инструменты создания условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России : сб. докладов по материалам Одиннадцатой Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под редакцией В. А. Гуртова. – 2014. – С. 222-229.

д.э.н., профессор Артемова О. В.,
д.э.н., доцент Логачева Н. М.,
к.э.н., доцент Савченко А. Н.

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН,
г. Челябинск

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Качество жизни людей во многом определяется состоянием социальной сферы в регионах, где они проживают. Значительная дифференциация регионов РФ по социально-экономическому развитию приводит к неравному доступу населения к социальным услугам. Развитие региональной социальной сферы, расширение доступа и улучшение качества услуг связаны с возможностью использования новых технологий в рамках цифровизации; наличием социальных потребностей как в традиционной, так и в электронной формах; запросами населения на цифровые способы удовлетворения этих потребностей. Регионы, использующие возможности цифровизации, в том числе в социальной сфере, смогут получить экономический и социальный эффект от «цифры» и реализовать его на благо своих жителей.

Ключевые слова: цифровизация социальных услуг, социальная сфера, социальная инфраструктура, регионы РФ

Регионы в экономическом пространстве России значительно различаются по социально-экономическому развитию, что приводит к неравным возможностям населения в потреблении, в том числе социальных услуг. Уровень и качество жизни населения регионов существенно различаются. Сгладить социально-экономическое неравенство на территории разных регионов возможно как традиционными способами, повышая эффективность экономики в целом и социальной сферы, в частности; так и за счет новых технологий и драйверов экономики. Речь идет о таких технологиях, как ИКТ и таких драйверах, как цифровизация.

Цифровизация – актуальное поле для исследований, которые активизировались вслед за распространением «цифры» в промышленности (концепция «Индустрия 4.0»), а затем в более широком контексте, как использование ее на благо всех людей (концепция «Общество 5.0»). Важно, что цифровизация – направление, позволяющее сглаживать социально-экономическую дифференциацию территорий за счет предоставления (наряду с традиционными) дистанционных услуг в электронной форме, а значит повышать качество жизни населения. Цифровые потребности жителей регионов возрастают, активно формируются запросы на предоставление социальных услуг в электронной форме.

Проявляя научный интерес к данной теме, авторами сформулирована цель исследования: определить концептуальные подходы и направления развития социальной сферы в условиях цифровизации применительно к

¹ © Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Текст. 2019.

регионам Уральского федерального округа (УрФО). Для этого необходимо: проанализировать положение регионов по социально-экономическому развитию и степени их цифровизации; оценить готовность населения регионов к потреблению социальных услуг в электронной форме; сформулировать основные направления развития социальной сферы в новых условиях.

Исследования авторов продолжают и дополняют различные аспекты изучения технологической трансформации общества и экономики на современном этапе, фундаментальные основы которых заложены отечественными учеными: Н.Д. Кондратьевым, Д.С. Львовым, С.Ю. Глазьевым. В настоящее время исследованием цифровизации, влияющей на качество жизни населения, и сопровождающие этот процесс угрозы и риски занимаются В.Г. Халин, Г.В. Чернова [8]; социальные перспективы цифровизации освещены в трудах М.А. Юдиной [9]; развитие государственных электронных услуг анализируется в работах И.А. Земсковой [4], вопросы использования населением и домохозяйствами новых технологий, а также цифрового неравенства отражены в публикациях Т.В. Ершовой [3].

Подходы авторов к изучению предложенной темы определялись тем, что объект исследования – социальная сфера регионов рассматривалась в контексте влияния на нее процессов цифровизации, что обусловило необходимость изучения соответствующих научных публикаций, использование таких методов исследования, как сравнительный и рейтинговый анализ регионов, экспертные оценки, выявление факторов, способствующих и препятствующих процессам цифровизации социальной сферы.

Информационную базу для исследования составили официальные статистические данные Росстата, исследования по цифровизации Центра Сколково, данные рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, определенные РИА Рейтингом, результаты собственных исследований.

Развитие социальной инфраструктуры в регионах РФ необходимое условие для повышения качества жизни и развития человеческого потенциала его жителей. Эти взаимосвязи не вызывают сомнений и были обоснованы авторами в монографии «Социальная инфраструктура регионов РФ: проблемы и перспективы развития» [5, с. 153-157].

Региональные власти стремятся развивать социальную инфраструктуру, ориентируясь на возможности региона и стратегию его развития. Однако высокий уровень дифференциации социально-экономического развития регионов РФ, их разные финансовые возможности, не позволяет решать данный вопрос одинаково успешно всем регионам (таблица 1). В качестве примера в таблице представлены регионы УрФО.

Данные таблицы показывают высокие рейтинги регионов УрФО в 2017-2018 гг. (за исключением Курганской области). В первую десятку рейтинга социально-экономического положения субъектов УрФО вошли четыре региона из шести, один – в двадцатку. Единственный регион округа, который существенно отстает в рейтинге – Курганская область, которая по итогам

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ (данные по УрФО)*

Субъекты УрФО	2017		2018	
	Место среди субъектов РФ	Интегральный рейтинг по итогам 2017 года, баллы	Место среди субъектов РФ	Интегральный рейтинг по итогам 2017 года, баллы
Курганская область	72	24,190	76	23,948
Свердловская область	6	64,200	7	67,910
Тюменская область (без округов)	10	58,836	8	64,934
ХМАО	5	74,284	3	78,398
ЯНАО	7	63,851	6	69,388
Челябинская область	17	53,536	15	57,264

* Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2018 года / РИА Рейтинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html>.

2018 года заняла 76 место. Более того, это единственный регион УрФО, в котором снизилось не только его место в рейтинге, но и значение интегрального показателя по сравнению с предыдущим годом. Остальные регионы округа в 2018 году показали рост интегрального рейтинга (причем, ХМАО, Тюменская область и ЯНАО занимают три первых места среди всех регионов РФ по росту интегрального рейтинга).

Рейтинг регионов свидетельствует о значительном разрыве социально-экономического положения субъектов-лидеров и аутсайдеров по УрФО. При этом на современном этапе развития экономики и социума регионы сталкиваются с необходимостью не просто повышать уровень социально-экономического развития, но делать это в условиях цифровизации, существенно влияющей на формирование новых потребностей населения и способов их удовлетворения. Этот запрос общества может реализоваться путем развития социальной инфраструктуры на основе прорывных технологий.

В рамках авторского подхода развитие социальной инфраструктуры региона трактуется как процесс целенаправленного изменения отраслевой и/или объектной структуры в направлении реализации ее основных характеристик: оптимизация территориальной локализации, улучшение отраслевой и объектной структуры, удовлетворенность потребителей социальными услугами[5].

В настоящий период только наличие определенного количества инфраструктуры не отвечает требованиям потребителей и новой стадии технико-технологического развития страны. Цифровизация проникает во все социально-экономические сферы, предъявляет требования к согласованности «количества/качества» социальной инфраструктуры, в том числе в

Таблица 2

Индекс цифровизации субъектов РФ (данные по УрФО)*

Субъекты УрФО	2017		2018	
	Место среди субъектов РФ	Значение индекса по итогам 2017 года, баллы	Место среди субъектов РФ	Значение индекса по итогам 2018 года, баллы
Курганская область	80	26,87	74	44,94
Свердловская область	31	53,27	31	65,66
Тюменская область (без округов)	7	65,44	5	76,19
ХМАО	3	67,88	6	75,81
ЯНАО	5	66,03	7	74,48
Челябинская область	19	59,81	12	72,98

* Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов РФ через призму открытых источников. Авторская методология с учетом российской специфики и лучших практик / Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московского школы управления СКОЛКОВО [Электронный ресурс]. – URL: <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779-2019-04>

отраслевом разрезе (образование, здравоохранение и другое), к повышению доступности социальных услуг всех видов.

Принимая решение о направлении и стратегии развития социальной инфраструктуры в регионах, необходимо учитывать тот факт, что повышение доступности части услуг теперь не так жестко связано количественно и территориально с конкретными объектами инфраструктуры. В этом контексте актуализируется вопрос о степени цифровизации региональной экономики в целом и ее социальной сферы, как производителя социальных услуг, с одной стороны, и готовности населения удовлетворять свои социальные потребности не только в традиционной, но и в цифровой форме, с другой. Оценим уровень цифровизации регионов РФ, используя индекс «Цифровая Россия» (таблица 2).

Субъекты УрФО – лидеры по социально-экономическому развитию (ХМАО, ЯНАО, Тюменская область) по индексу цифровизации входят в ТОП-10, а один регион (Челябинская область) – в двадцатку. При это в Свердловской области, несмотря на рост индекса, место в рейтинге осталось неизменным. Курганская область, как и по индексу социально-экономического положения субъектов РФ, имеет достаточно низкий уровень индекса и, соответственно, занимает позицию аутсайдера. Вместе с тем, стоит отметить, что региону удалось существенно увеличить значение индекса цифровизации (рост индекса составил 67,28%), но этого недостаточно для того, чтобы говорить о высоком уровне цифровизации.

Итак, сравнительный анализ показал, что прослеживается связь между положением (рейтингом) регионов по социально-экономическому развитию и степенью их цифровизации: Тюменская область, а также ХМАО и

Использование персональных компьютеров и сети интернет в домашних хозяйствах*

Субъекты УрФО	Удельный вес домохозяйств, имевших											
	персональный компьютер				доступ к сети Интернет				широкополосный доступ к сети Интернет			
	2014	2015	2016	2017	2014	2015	2016	2017	2014	2015	2016	2017
Курганская область	60,5	63,7	63,1	62,0	60,3	61,0	67,0	67,0	54,4	53,4	54,4	62,3
Свердловская область	75,4	69,5	75,7	69,0	74,6	69,0	77,3	71,6	67,8	63,8	73,1	70,5
Тюменская область (без округов)	69,8	69,9	76,6	76,3	70,8	67,4	74,0	76,1	68,0	66,0	72,6	74,7
ХМАО	88,2	84,6	84,5	89,5	86,3	83,3	84,4	90,5	84,2	83,1	80,5	87,0
ЯНАО	93,2	91,2	89,8	94,7	91,4	91,7	91,5	95,3	87,0	82,9	86,1	93,3
Челябинская область	67,2	68,6	71,8	72,9	67,0	66,6	73,0	74,3	64,0	63,0	71,5	72,1

* По данным выборочного обследования населения по вопросам использования ИКТ; в процентах от общего числа домохозяйств соответствующего субъекта Российской Федерации; источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 888- 889; Индикаторы цифровой экономики: 2018 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – С. 223-240.

ЯНАО вошли в ТОП-10 в обоих случаях (эффект взаимного усиления), Челябинская область – в двадцатке по двум критериям, но с лучшей позицией по цифровизации (эффект усиления цифровизации), Свердловская область демонстрирует отставание рейтинга по цифровизации относительно положения по социально-экономическому развитию (эффект отставания цифровизации). Курганская область – аутсайдер по обеим позициям (эффект взаимного ослабления).

Актуальный в данный момент запрос населения на дистанционность услуг, сокращение времени для их получения, а также готовность потреблять их как в традиционной, так и электронной форме, обосновываются все большим проникновением и внедрением в повседневную жизнь людей информационно-коммуникационных технологий.

О технической готовности воспользоваться социальными услугами в электронном виде можно судить по оснащенности потребителей персональными компьютерами (ПК) и доступу к интернету (таблица 3).

Данные таблицы показывают, что самые высокие показатели по наличию ПК и доступу к сети Интернет демонстрирует Ямало-Ненецкий автономный округ, имея при этом существенный отрыв от остальных регионов УрФО. Лучшие показатели в УрФО по данным параметрам вновь у ЯНАО, ХМАО и Тюменской области, а самые низкие – в Курганской области. В це-

лом в округе ситуация на уровне среднероссийских показателей, при этом наличие ПК и доступ к сети Интернет в 2017 году был несколько ниже уровня средних по РФ (74 и 76,3 в РФ, против 73,8 и 75,6 в УрФО), а по доступу к широкополосному интернету УрФО опережает средний показатель по РФ (73,6 против 72,6 по РФ).

Такие цифры подтверждают, что большая часть населения, имея в наличии технику, может получать социальные услуги в электронной форме. Учитывая, что динамика демонстрирует рост значений всех показателей, следует прогнозировать повышательный тренд спроса на услуги, которые можно получать дистанционно. Причем у регионов – лидеров по УрФО вероятность благоприятного тренда гораздо больше.

В связи с этим задачи внедрения цифровых технологий в социальную сферу следующие.

1. Развитие информационно-коммуникационных технологий и их внедрение для повышения доступности качественных социальных услуг (например, медицинских [1, с. 290-298; 6, с. 137-140]).

2. Создание технологических платформ, агрегирующих и предоставляющих информацию и сами социальные услуги (например, для развития дистанционного обучения [2, с. 32-36]).

3. Совершенствование механизмов предоставления и получения социальных услуг в электронной форме, позволяющих сохранить (или повысить) их качество.

По нашему мнению, одной из важных возможностей цифровизации социальной сферы является сглаживание дифференциации регионов РФ по уровню развития социальной инфраструктуры и доступности социальных услуг, предоставляемых ею. Ключевая роль в этом процессе принадлежит государству, что отражено в стратегических документах: Программе «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации². Кроме того, важным является цифровая деятельность государства, основанная на ИКТ, цель которого – сделать более доступным для граждан электронные услуги, при этом стать более эффективным в управлении и более подотчетным обществу [4, 9].

Однако, ориентируясь на цели развития социальной сферы в регионах РФ в контексте ее цифровизации, следует акцентировать внимание на проблемы, которые препятствуют этому процессу. По мнению авторов, среди проблем, ограничивающих цифровизацию социальной сферы и инфраструктуры, наиболее значимыми являются:

— институциональные (несовершенство нормативно-правовой базы, трудности взаимодействия между органами власти и организациями в рамках этого процесса);

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». 2017. 28 июля. №1632-р.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212.

— психологические (степень готовности и наличия цифровых компетенций населения к цифровизации, технологический разрыв между различными поколениями, как работников, так и потребителей услуг др.);

— организационно-технические (сложность внедрения и восприятия интерфейсов, нежелание и неготовность использовать цифровые сервисы, устаревшая архитектура сетей в организациях социальной сферы и др.);

— бюджетно-финансовые (дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и бюджетным возможностям).

В регионе, как целостной системе, все социально-экономические процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены, и определяются факторами фундаментального характера. Сегодня главными из них являются процессы технологической трансформации (цифровизации) экономики и общества. В этом контексте авторами обоснована необходимость рассматривать развитие социальной сферы, учитывая социально-экономическое положение региона, перспективы его развития, с одной стороны, и степень цифровизации экономики и возможности ее использования для увеличения доступности и качества социальных услуг для населения, с другой.

Список использованной литературы

1. *Васюта Е. А., Васюта Л. А.* Принципы и особенности формирования общественного здравоохранения как одного из направлений развития «умного города» в условиях цифровой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – М.: Издательство Аналитика Родис, 2019. – Т: 9. – № 1-1. – С. 290-298.

2. *Вязникова Н. В.* Интернет вещей в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://xn---btb1bbcge2a.xn--p1ai/blog/2019-01-12-1310>.

3. *Ершова Т. В.* Использование ИКТ домохозяйствами и населением России: результаты исследований и актуальных рейтингов // Прикладная информатика. – 2011. – № 5. – С. 152-156.

4. *Земскова И. А.* Трансформация качества государственных услуг под влиянием цифровизации государственных органов // Вестник СГСЭУ. – 2018. – № 3 (72). – С. 23-28.

5. *Логачева Н. М.* Социальная инфраструктура регионов РФ: проблемы и перспективы развития. – Екатеринбург: Издательство Уральского института экономики, управления и права, 2014. – 324 с.

6. *Скрыль Т. В., Парамонов А. С.* Цифровая трансформация сферы здравоохранения: российская и зарубежная специфика // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3(20). – С.137-140.

7. *Студеникин Н. В.* Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 32-36.

8. *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.

9. Юдина М. А. Социальные перспективы проекта цифровая экономика РФ 2017-2030 гг. // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 1 (207). – С. 60-65.

д.э.н. Белкин В. Н., д.э.н., Белкина Н. А., к.э.н. Антонова О. А.
Челябинский филиал Института экономики УрО РАН
г. Челябинск

ИНДЕКСЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА¹

Настоящее исследование посвящено двум основополагающим характеристикам качества жизни населения: благополучию и благосостоянию и их измерению. В исследовании предпринята попытка дать определение понятиям «благополучие» и «благосостояние» и определить их значение для населения г. Челябинска и Челябинской области.

Ключевые слова: население, качество жизни, благополучие, благосостояние, индекс

В последнее время все больше ученых приходят к выводу о том, что пришло время перенести акцент измерения качества жизни с экономического производства [1] на благополучие людей, их человеческое счастье и развитие. Исследования показывают, что качество жизни населения мало зависит от экономического роста и потребления. Так, например, в США за последние 50 лет ВВП увеличился в три раза, однако удовлетворенность населения жизнью осталась без изменений [3], а уровни депрессии и тревоги населения резко возросли [4].

Благополучие населения может выступать мерой развития различных сфер жизни общества и быть критерием эффективности государственной политики по развитию общества [1]. Однозначного определения благополучия, на данный момент времени, в науке пока не сложилось. Цель исследования заключается в определении благополучия и благосостояния населения г. Челябинска и Челябинской области. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: дать определение понятиям «благополучие», «благосостояние»; определить показатели индексов, наиболее отражающие уровень благополучия и благосостояния населения; определить насколько население довольно своим благополучием и благосостоянием. Методологией исследования послужила теория качества жизни населения.

По нашему мнению, благополучие человека зависит от того как он себя ощущает в возможности выбора, в отношениях между людьми, которые складываются в разных сферах его деятельности. Благополучие выступает неким социальным мерилом, учитывающим отношения, складывающиеся между людьми в семье, с друзьями, соседями, в трудовом коллективе и т.п. К индексам благополучия в отечественной и международной практике относят: индекс лучшей жизни, индекс счастья и т.п.

Начиная с 2011 года для сравнения благополучия населения рассчитывается индекс лучшей жизни. По методике ОЭСР индекс рассчитывается в соответствии с составляющими благосостояния (жилищные условия, доходы, работа) и благополучия (общество, образование, экология, гражданские права, здоровье, удовлетворенность, безопасность и баланс работа/отдых).

¹ © Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Текст. 2019.

На данный момент времени региональный индекс лучшей жизни населения в РФ не рассчитывается. Для удобства поиска лучшей жизни населения РФ был предложен интернет-портал «Домофонд»¹, в котором представлен рейтинг городов с показателями близкими к индексу лучшей жизни. Специалисты портала Domofond.ru провели опрос среди жителей г. Челябинска в 2017 г. В опросе приняло участие 3932 респондента, по результатам опроса был составлен рейтинг городских районов Челябинска. По пятибалльной шкале жители оценивали насколько они довольны экологией, чистотой, услугами ЖКХ, соседями, транспортом и другими сферами жизни. Средний балл по всем десяти параметрам составил 3,3. В топ пять по самым низким оценкам вошли «экология» (2,3 балла), «стоимость жизни» (2,4 балла), «ЖКХ» (2,5 балла), «чистота» (2,6 балла), «транспорт» (2,8 балла).

В общем рейтинге 250 крупнейших городов России г. Челябинск занял 206 место по индексу лучшей жизни.

Всемирный индекс счастья представляет собой комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. Основные компоненты индекса:

1. «Ожидаемая продолжительность жизни». Продолжительность жизни населения зависит от многих личностных характеристик, внешних факторов, условий проживания, как правило, взаимосвязанных между собой, таких как: пол, здоровье, жилье, качество трудовой жизни, человеческие отношения, социальная инфраструктура, экология и т.п. Если продолжительность жизни людей увеличивается, то это можно также трактовать и как то, что люди довольны и счастливы своей жизнью.

2. «Опыт благополучия». Опыт благополучия людей может быть связан как с материальной обеспеченностью, так и с душевными и физическими ощущениями здоровья, любви, гармоничных отношений с окружающими.

3. «Экологический след». По мере роста загрязнения окружающей среды, изменение климата, роста потребления население все больше становится обеспокоенно обеспечением благоприятной окружающей среды. В социальном благополучии и спокойствии людей экологическая ситуация становится важным аспектом в определении уровня счастья.

Экономические показатели в методологии расчета индекса не используются.

В 2012 г. было проведено исследование по определению «Индекса счастья российских городов». Целью исследования было составить условный индекс счастья для того, чтобы понять, где в России проживают наиболее счастливые люди.² Результаты опроса показали, что уровень материального благосостояния является важным, но, вместе с тем, не решающим факто-

¹ Домофонд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domofond.ru/city-ratings/chelyabinsk-c2358>.

² Регионы Online. В опросе приняло участие 26 900 человек из 100 крупнейших российских городов, которые отвечали на вопросы, представленные в таблице 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927>.

ром, влияющим на счастье россиян. Люди считают важными показателями счастья экологическое состояние окружающей среды, уровень безопасности и ощущение перемен к лучшему в том месте, где проживает человек. Как выяснилось, самые счастливые россияне живут отнюдь не в Москве и других городах - миллионниках. Первые строчки рейтинга заняли города Грозный, Тюмень, Казань, Сургут, Краснодар, Сочи, Нижневартовск, Новороссийск и Белгород. Москва оказалась лишь на 52 месте, Санкт-Петербург – на 16, Екатеринбург – на 49, Новосибирск – на 13. Среди 100 городов население г. Челябинска имеет Индекс счастья 36. В опросе также приняли участие жители Челябинской области из г. Златоуста и г. Магнитогорска (таблица 1).

Другой составляющей качества жизни населения является благосостояние. По нашему мнению, благосостояние определяется необходимым людям количеством имеющихся у них экономических благ. В отечественной литературе предпринимались попытки построения обобщающих рейтингов российских регионов на основе индексов человеческого развития и качества жизни в регионах. Самым известным международным индексом является индекс развития человеческого потенциала ООН (Human Development Index (HDI)) (ИРЧП).

В России региональный индекс развития человеческого потенциала рассчитывается с 1998 г., и по его значению можно говорить о значительных региональных различиях в уровне благосостояния населения страны. По расчету регионального ИРЧП Н.Ф. Менова индекс Челябинской области составил в 2001 г. 0,730, среди субъектов входящих в УрФО (6 субъектов) и занимал 5 место. По данным Докладов о человеческом развитии в Российской Федерации в таблице 2 представлен рейтинг ИРЧП Челябинской области в 2001 г. [2], 2009 г. [2], с 2011 по 2015 гг., среди субъектов РФ.

Из таблицы 2 видно, что душевой ВВП в ИРЧП Челябинской области не стабилен, особенно это касается 2011 г., 2012 г. и 2013 гг. Есть снижение данного показателя в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 307 долл. ППС. Также обращает на себя внимание рост ИРЧП Челябинской области с 2009 по 2015 гг., вместе с тем мы наблюдаем тенденцию снижения места в рейтинге среди субъектов РФ с 19 места в 2009 г. до 33-35 в 2013 г., что говорит об ухудшении положения населения по сравнению с другими регионами РФ. Индекс развития человеческого потенциала дает представление о социальном и экономическом положении населения Челябинской области.

Проблема улучшения качества жизни в стране в целом и регионах РФ является важнейшей стратегической задачей на современном этапе общественного развития. Особенную актуальность приобретает сглаживание региональных различий, связанных с неравенством в доходах и покупательной способности населения, различным уровнем доступа к медицинскому обслуживанию, образованию, спорту, культурным ценностям и другим благам цивилизации, что способствует, с одной стороны, росту общественного расслоения и росту социальной напряженности, а с другой стороны, межрегиональным миграционным потокам, в результате которых экономика и

Таблица 1

Индекс счастья российских городов, в том числе городов Челябинской области, 2012 г. (составлено авторами)

№	Город	Численность населения, тыс. чел. (2010 г.)	Довольны ли вы своим материальным положением, в %	Довольны ли вы экологией города, в %	Вы чувствуете себя в безопасности в своем городе, в %	Довольны ли вы динамикой развития вашего города? в %	Довольны ли вы уровнем городского благоустройства, в %	Вы чувствуете себя счастливым в вашем городе? в %	Индекс счастья российских городов
71	Златоуст	189,4	17	34	57	21	26	66	37
79	Челябинск	1130,1	37	15	28	35	33	66	36
86	Магнитогорск	408,4	31	8	23	28	47	67	34

Таблица 2

Индекс развития человеческого потенциала Челябинской области в 2001 г., 2009 г., 2011-2015 г. и место в рейтинге среди субъектов РФ (составлено авторами)

Год	Душевой ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	ОПЖ, лет	Индекс долготлетия	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	Индекс образования	ИРЧП	Место в рейтинге ИРЧП ЧО среди субъектов РФ
2001	4838	0,647	64,7	0,652	98,3	70,9	0,983	0,730	5
2009	15098	0,837	68,26	0,721	99,1	0,778	0,920	0,826	19
2011 ¹	17419	0,861	68,79	0,753	99,7	0,765	0,920	0,845	27
2012 ²	18087	0,868	68,97	0,733	99,7	0,820	0,938	0,846	31
2013 ³	17616	0,863	69,52	0,742	99,7	0,826	0,940	0,848	33-35
2014 ⁴	19876	0,883	69,7	0,745	99,7	0,822	0,939	0,856	30-33
2015 ⁵	19569	0,881	69,9	0,748	99,7	0,848	0,947	0,859	32-34

^{*1} Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под редакцией А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. – 146 с.: табл., рис., вставки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unfpr.ru/documents/hhdr2011rus.pdf>.

^{*2} Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4758.pdf>.

^{*3} Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7198.pdf>.

^{*4} Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>.

^{*5} Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. 292 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf>.

**Рейтинг Челябинской области по качеству жизни населения среди субъектов РФ,
за 2015-2017 гг.¹ (составлено авторами)**

Год	Рейтинг Челябинской области среди субъектов РФ (рейтинговый балл Мин. 1/Макс. 100)	Позиции в рейтинге ЧО среди субъектов РФ, место	
		Позиция рейтинга в 2015г. - 15	Позиция в рейтинге в 2014 г. - 13
2015*	52,69	Позиция рейтинга в 2016 г. - 19 место	Позиция рейтинга в 2015 г. - 15 место
2016**	50,68	Позиция рейтинга в 2017 г. - 21 место	Позиция рейтинга в 2016 г. - 19 место

¹ При составлении Рейтинга регионов по качеству жизни – 2016, использовались последние доступные на момент составления рейтинга данные – частично показатели по итогам 2015 года и частично – по итогам 2016 года [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf.

* РиаРейтинг: Россия сегодня. Рейтинг российских регионов по качеству жизни-2015 [Электронный ресурс]. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.html.

** РиаРейтинг: Россия сегодня. Рейтинг регионов по качеству жизни-2016. Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20170220/630056099.html>.

*** РиаРейтинг: Россия сегодня. Рейтинг регионов по качеству жизни-2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html>.

без того слабых регионов, теряет базу для реализации потенциала. Эти различия отражаются в рейтинге субъектов РФ по качеству жизни населения.

Рейтинг Челябинской области по качеству жизни населения среди субъектов РФ за 2015-2017 гг., представлен в таблице 4, он имеет тенденцию к снижению.

Таким образом, сравнение результатов полученных с помощью индексов благополучия и индексов благосостояния показывают, что г. Челябинск среди 250 городов РФ по индексу лучшей жизни занял 206 место, по индексу счастья г. Челябинск находится на 36 месте среди 100 городов РФ, по индексу развития человеческого потенциала Челябинская область в рейтинге субъектов РФ занимает место в четвертой десятке, по качеству жизни в целом 21 место. Несмотря на то, что показатели индексов достаточно разрозненны и их сложно привести их к единому знаменателю, тем не менее, можно сказать, что население г. Челябинска по благополучию среди городов РФ занимает место ниже среднего, а по благосостоянию население Челябинской области среди субъектов РФ занимает среднее место. Для повышения качества жизни населения, прежде всего, необходима сбалансированная политика на федеральном, региональном и местных уровнях законодательной, исполнительной, судебной властей государства. Прежде всего, важно изучать мнение населения, знать их нужды и потребности. Взаимодействие всех заинтересованных субъектов позволит повысить качество жизни населения: благополучие и благосостояние.

Список использованной литературы

1. *Кислицына О. А.* Измерение качества жизни благополучие: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 62 с.
2. *Менов Н. Ф.* Оценка развития человеческого потенциала в Тюменской области и других регионах Уральского федерального округа [Электронный ресурс]. URL: http://jc.surgu.ru/attachments/article/134/2003_2_2-men.pdf.
3. *Diener E., Seligman M.* 2004. Beyond money: Toward an economy of well-being // *Psychological Science in the Public Interest*. – 2004. – Vol. 5(1).
4. *Seligman M.* Flourish. Random House Australia, 2011.

Ерошенко Е. П.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

В статье рассматриваются подходы к оценке развития молодежного предпринимательства на основании трудов российских и иностранных ученых, исследовательских групп и рейтинговых агентств. Сформированные выводы применимы для деятельности в области разовой оценки и мониторинга развития молодежного предпринимательства, в том числе в рамках региональной экономической системы.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, предпринимательская экосистема

Молодежное предпринимательство является областью пристального внимания со стороны власти, корпораций, общественных объединений и международных организаций. Интерес к этому феномену определен высоким потенциалом и способностью к изменениям молодого поколения, а также необходимостью модернизации и развития экономических систем. В 2015 году исследователи BNP Paribas опросили 2594 молодых предпринимателя по всему миру. И выяснилось, что свой первый бизнес молодые люди открывают в среднем в возрасте 27,7 лет, а к 35 года успевают создать уже 7,7 компаний. Средняя численность персонала в каждой из таких компаний доходит 122 человек.

Однако, исходя из глобального исследования GEM², предпринимательские намерения в Российской Федерации находятся на уровне 5,1%. Это означает, что лишь 5,1% граждан Российской Федерации заявили о желании открыть свой бизнес в течение ближайших 3 лет. Для сравнения во многих странах этот показатель более 20%, а в некоторых приближается к 80%. В тоже время, наибольшая предпринимательская активность в 2018 году наблюдалась в возрастной группе 25-34 года. Это говорит о том, что получая первый профессиональный опыт, многие молодые люди готовы реализовать свои предпринимательские проекты.

Вышеприведенные цифры статистических материалов являются результатом проводимых исследований аналитических агентств и научных групп как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Систематизация имеющегося опыта проведения подобной оценки, определение теоретических подходов на которых она основывается являются задачами проводимым автором исследования. При этом, целью настояще-

¹ © Ерошенко Е. П. Текст. 2019.

² Верховская О.Р., Богатырева К.А., Кнатъко Д.М., Дорохина М.В., Шмелева Э.В. Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчет. Доступен: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_cor1_rgb.pdf (дата обращения 14.09.2019).

го исследования является определение и анализ существующего методического обеспечения оценки развития молодежного предпринимательства, в том числе в рамках региональной экономической системы.

На основании проведенного автором работы документального и компаративного анализа, а также систематизации полученной информации идентифицировано 3 основных подхода к оценке развития молодежного предпринимательства.

Первый из них основан на оценке предпринимательской культуры. По мнению разработчиков этого подхода уровень предпринимательской культуры возможно определить на основании ценностных нефинансовых ориентиров молодых предпринимателей (самореализация, независимость, свобода и т.п.), доли ориентированных на предпринимательство молодых людей, активности по участию молодежи в предпринимательских проектах и готовность создать свой бизнес в течение ближайшего времени [4, с. 207-216]. Предпринимательскую культуру в ряде исследовательских работ также называют предпринимательский дух, который в будущем может трансформироваться в создание бизнеса [4, с 448-464]. Общее для всех сторонников подхода является то, что предпринимательство напрямую связано с личностью, которая решается на развитие собственного предпринимательского проекта. В этом случае большое значение имеет готовность индивида к предпринимательству, образование, навыки и квалификация.

Другой подход к оценке развития молодежного предпринимательства формируется в рамках объективной оценки через систему государственной статистики и оценку реализуемых национальных проектов и программ [1]. Так, несмотря на размытые рамки термина молодежное предпринимательство и отсутствие постоянно действующего мониторинга этого вида предпринимательства в системе государственной статистики Российской Федерации, отдельные группы исследователей предпринимают попытки оценки действующих проектов (федеральной программы «Ты – предприниматель», в рамках деятельности отдельных органов самоуправления), сравнивая эффективность образовательных и «популяризационных» мероприятий с адресной финансовой поддержкой молодым предпринимателям. Ряд зарубежных исследователей склоняются к более существенной роли образовательного контента в становлении молодых предпринимателей [7]. Причем как в рамках университетской среды, так и в рамках школьного образовательного контента. При этом, измерение молодежного предпринимательства производится на основе оценки образовательной системы в этой области деятельности. Основные элементы для оценки части подобного образовательного рынка являются осведомленность об образовательной возможности, идентификация областей для повышения образования и наличия публичных программ и документов¹. Еще в начале 2000 годов насчитывалось более сотни организация в США, осуществляв-

¹ Kauffman Center for Entrepreneurial Leadership Clearinghouse on Entrepreneurship Education (CELCEE) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.celcee.edu>. (дата обращения: 04.09.2019).

ших подготовку молодых предпринимателей, данные о деятельности этих организаций легли в основу оценки образовательной системы для молодых предпринимателей [6].

На развитие предпринимательства в университетской среде также оказывают влияние и модели коммерциализации технологий, научного результата и инновационной деятельности в целом. Оценка инновационной деятельности производится на основе признанных методик, в том числе и рамках существования рейтинга: UBI Global: Top Business Incubation Ranking, Association of University Technology Managers. Рейтинг основан на комплексных методиках, включающих в себя десятки ключевых показателей (KPI), которые делятся на группы, связанные с региональным развитием или развитием конкретного университета. Среди групп для измерения: ценность для экосистем региона - университета (экономический эффект функционирования, улучшение качества рабочей силы), ценность для пользователей активности (доступ к финансированию, нетворкинг), продвижение и позиционирование системы (измерение результатов, публичность отчетности и т.п.)¹. Комплексный экосистемный подход к измерению инновационной деятельности схож по своим принципам с концепцией «open innovation» [5], подробно изученной Генри Чесбро. Концепция основана на особом внимании не только к внутренней среде компании, как источника технологического развития, но и пристальному интересу к внешней для организации среде (известный принцип «тоннеля», демонстрирующий разницу между «открытыми» и «закрытыми» инновациями).

Распространённым является интерференция имеющихся подходов, которая формируется в рамках работы исследовательских групп в результате разработки методик рейтинговой оценки международных исследований развития предпринимательства. Так, к примеру, аудиторско-консалтинговая компания Ernst&Young проводит систематических мониторинг развития молодежного предпринимательства. Среди задач, реализуемых экспертами в рамках исследования: определение стимулов и ограничений для занятия собственным делом, идентификация механизмов для увеличения интенсивности развития предпринимательских проектов, определение общей готовности молодежи заниматься предпринимательской деятельностью. Изучения вышеперечисленной проблематики происходит одновременно в нескольких странах и континентах².

¹ D. Bhalti. Top University business incubator. Global Benchmark 15/16 // UBI Global – Stockholm – 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anuiesrco.org.mx/sites/default/files/images/pdfredvinculacion/documentos/top-university-business-incubators-ubi-global.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).

² Глобальное исследование занятости и молодежного предпринимательства. Ernst&Young. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iblfrussia.org/upload/iblock/109/WEOY2015_JobSurvey_RUS.pdf (дата обращения: 23.06.2018).

Отдельный фокус изучения предпринимательского духа обращен на студентов университетов в рамках исследования GUESS¹. Анализ молодых предпринимателей осуществляется на основании оценки личных мотивов, а также внешней среды: семья, социально-культурный контекст, университетская среда. Динамический анализ исследуемого объекта позволил определить перспективу создания предпринимательских проектов студентами и реализацию инициатив в текущий момент. Исследование изучает эмоциональный настрой обучающихся в университете, роль университета в формировании предпринимательских компетенций, общественное мнение к предпринимательству с точки зрения студента. Однако исследование не изучает влияние внешних для университета партнеров на развитие предпринимательских навыков у студентов.

Среди внешних партнеров могут выступать: бизнес, органы власти, научное сообщество и общественные организации. Проведенное ранее авторами работы исследование системы университетского партнерства как фактора развития молодежного предпринимательства актуализирует необходимость взаимодействия университета и партнеров с целью: вовлечения партнеров в предпринимательские проекты студентов, увеличение количества образовательных курсов и дисциплин от партнеров, наставничество от состоявшихся предпринимателей [3]. Партнеры университета способны дополнить среду, наполняя ее необходимым для развития предпринимательских компетенций контентом.

Изменение парадигмы отношений университетов со своими партнерами определили основу для формирования современных методик оценки развития молодежного предпринимательства, как на основе взаимодействия с внешней средой (партнерское взаимодействие), так и на основе собственных (внутренних) возможностей для развития университетов. Для анализа сложившейся практики в области оценки развития молодежного предпринимательства в университетах были проанализированы соответствующие методики в рамках функционирования международных рейтингов университетов: Times Higher Education, QS World University Rankings, ThomsonReutersTop 100: The world's most innovative universities.

Перечисленные методики, рейтинги, подходы и аналитические материалы обращают различное внимание на изучение именно молодежного предпринимательства. Например, в рамках рейтинга Times Higher Education оценивается показатель «дохода от взаимодействия с индустрией» (Industry Income). Для оценки развития предпринимательства показатель имеет косвенное отношение, однако демонстрирует в том числе эффективность трансферта технологий, создаваемых с привлечением студентов в университете. Другой пример, это рейтинг предприниматель-

¹ Глобальное исследование предпринимательского духа обучающихся в университете. Национальный отчет / Г.В. Широкова, К.А. Богатырева, Т.В. Беляева, Т.В. Цуканова, А.К. Ласковая; Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://gsom.spbu.ru/files/folder_11/guesss_2016_rus_final_v1.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

ской активности университетов, подготовленный аналитическим центром Эксперт в 2018 году, в котором анализируются стартапы, организованные выпускниками учреждений, инвестиции в эти стартапы и их информационная активность. В связи с этим, наравне с анализом ситуации в области развития молодежного предпринимательства как такового, важным является также оценка показателей, характеризующих внешнюю среду и создаваемые условия: региональную социально-экономическую систему, деятельность крупных корпораций и региональных объединений и т. п. Показатели, характеризующие внутреннюю (развитие молодежного предпринимательства в регионе, университете или в отдельном хозяйствующем субъекте и т.п.) и внешнюю (национальные программы и стратегии, деятельность международных организаций и межгосударственных объединений и т.п.) среду анализируемого предмета, формируются на основе объективной статистической информации и весовой оценки этих показателей экспертами в рамках исследования. При этом, состав показателей является комплексным и может содержать характеристики в рамках трех рассмотренных подходов: характеристики социально-культурной среды, оказывающей влияние на предпринимательство, объективные официальные статистические данные и характеристики инновационной деятельности в рамках осуществляемого исследования или оценки.

Результаты анализа существующего методического обеспечения оценки развития молодежного предпринимательства могут быть использованы для формирования последующих методик оценки развития предпринимательства научными коллективами в рамках проводимых исследовательских работ. Особую применимость формируемые выводы имеют в рамках деятельности регионов, где университеты (как центры концентрации молодежи) выполняют системообразующую функцию в части развития научно-образовательной деятельности и играют существенную роль в общем развитии региона.

Список использованной литературы

1. Газетов А. Н. Стимулирование развития молодежного (начинающего) предпринимательства в системе поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2018. — № 12 (264) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stimulirovanie-razvitiya-molodezhnogo-nachinayushchego-predprinimatelstva-v-sisteme-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v> (дата обращения: 05.09.2019).

2. Гребенкин А. В., Иванова А. В. Актуальные вопросы оценки предпринимательской культуры студенческой молодежи // Креативная экономика. — 2015. — № 2 (98) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.creativeconomy.ru/journals/index.php/ce/article/view/120/> (дата обращения 14.09.2019)

3. Дорошенко С. В., Ерошенко Е. П. Система университетского партнерства как фактор развития молодежного предпринимательства // Экономические

и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018 – Т. 11. – № 6. – С. 244-258.

4. *Brenkert G. G.* Innovation, rule breaking and the ethics of entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*. – 2009. – No. 24. – P. 448–464.

5. *Chesbrough H. W.* Open Innovation. The New Imperative for creating and profiting from technology // Harvard Business School Press. Boston. – 2003.

6. *Daniel T. A., Kent C. A.* An Assessment of Youth Entrepreneurship Programs in the United States // *Journal of Private Enterprise*. – 2005. – Vol. 20. – No. 2.

7. *Rushing F. W., Kent C. A.* The Status of Entrepreneurship Education in Elementary and Secondary Schools in the United States. In *Effective Strategies in Economics and Business Education* // The Economics and Business Education Association. – London, 2000.

к.э.н. Илюхин А. А.

Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА¹

Исследованы процессы миграционного движения населения Свердловской области. Используются экономико-статистические инструменты: исследование аналитических показателей динамических рядов, анализ среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума и по средним значениям миграционного прироста (убытка) населения. Получены результаты миграционного движения населения по всем муниципальным образованиям области, выделены самые показательные по приросту и оттоку населения. Сделаны выводы о причинах выявленной демографической ситуации.

Ключевые слова: региональная экономика, анализ миграции, миграционное движение населения, причины миграции

Социально-экономическое развитие региональных систем зависит от обеспеченности факторами воспроизводства. Безусловно, определяющими факторами являются совокупность природно-климатических и трудовых ресурсов, это основа экономического роста. Следовательно, мониторинг движения населения и качества трудовых ресурсов необходимо осуществлять постоянно [1; 2; 4].

Исследуя новые экономические реалии в рамках региона, известные отечественные и зарубежные экономисты: Анимица Е.Г., Бушланов М.В., King R., Labrianidis L. и др., справедливо полагают, что эти процессы базируются на естественных факторах движения населения [3] и миграционных процессах [1; 5-9].

Гипотезой нашего исследования послужило предположение наличия зависимости социально-экономических показателей территории, от демографических показателей, в частности от миграционного движения населения [4].

Целью данного этапа исследования является изучение процессов миграционного прироста (оттока) населения крупного промышленного региона, Свердловской области.

Методика мониторинга движения населения Свердловской области основана на статистических инструментах: исследование аналитических показателей динамических рядов, анализ среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума, по средним значениям миграционного прироста (убытка) населения [4].

¹ © Илюхин А.А. Текст. 2019.

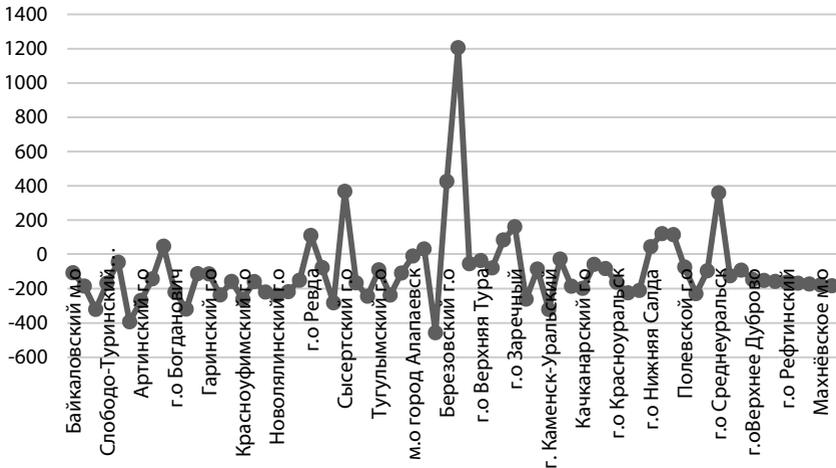

Рис. Диаграмма среднего миграционного прироста по городским округам и муниципальным районам Свердловской области за 2012-2018 гг. (см.: Рассчитано автором на основе данных официальной статистики. См.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBlnet.cgi>)

Наибольший интерес представляют результаты расчётов среднего миграционного прироста по 69 городским округам Свердловской области за 2012-2018 гг. (рис):

Для того, чтобы выявить причины миграционного прироста населения или его оттока были проанализированы социально-экономические условия по всем городским округам и муниципальным районам, из числа которых отобраны 10 наиболее показательных городских округов с наибольшим зафиксированным миграционным приростом населения и 10 аутсайдеров с наибольшим оттоком населения (таблица):

Анализ лидеров по показателю миграционного прироста населения показал, что в целом их объединяют следующие закономерности, которые влияют на социальную привлекательность:

- территория имеет удобное географическое положение, имеется развитая система транспортных магистралей, которые обеспечивают развитие новых предприятий производственного направления и стабильный уровень функционирования существующих.

- имеется широкий спектр возможностей по поиску работы.

- близость к Екатеринбургу - потенциал для создания логистических центров.

- имеется развитая сеть учреждений образования, культуры, здравоохранения и спорта, сферы услуг.

- отмечается присутствие крупных сельхозпроизводителей, есть потенциал для развития туризма.

Лидеры и аутсайдеры по среднему значению миграционного прироста по городским округам Свердловской области*

Городской округ	Миграционный прирост, чел. (среднее значение)
Лидеры	
г. Екатеринбург	6207
г. Верхняя Пышма	1205,5
Березовский	425,75
Сысертский	367,75
Среднеуральск	358,75
Заречный	161,5
г. Нижний Тагил	120,75
Первоуральск	115,5
Ревда	110,5
Дегтярск	84
Аутсайдеры	
Асбестовский	-457
Артемовский	-393,5
Нижнесергинский муниципальный район	-321,25
г. Каменск-Уральский	-320,75
Верхнесалдинский	-319,25
Сосьвинский	-282,5
Ивдельский	-261,25
Красноуфимский	-261
Талицкий	-244,5
Муниципальное образование Алапаевское	-243,75

* Составлено автором.

— высокая инвестиционная привлекательность, активный потребительский рынок, развитая сеть финансовых институтов, успешная практика реализации политики по достижению социального благополучия и благоустройству города, относительно высокий уровень доходов населения, потенциал развития строительной индустрии, активное внедрение передовых технологий.

— наличие промышленного комплекса, составляющего основу экономического потенциала городского округа, развитая коммуникативная инфраструктура, стабильный уровень жизни населения (увеличение среднемесячной заработной платы).

— безопасность проживания, тенденции к снижению числа зарегистрированных преступлений, как в общем, так и по отдельным категориям преступлений.

— возможность развития малого бизнеса; рост объемов производства за счет внедрения инновационных технологий, реконструкции существующих производств; увеличение количества и качества социальных услуг, предоставляемых населению, а также развитие рынка информационных услуг.

Анализ округов аутсайдеров по показателю миграционного убытка населения позволяет сделать следующие выводы:

— падают доходы бюджета, не хватает собственных ресурсов для развития экономики; происходит сокращение рабочих мест (снижение численности занятых в экономике). Данные округа характеризуется снижением объемов инвестиций в основной капитал, низким уровнем предпринимательской способности, а также низкой привлекательностью для молодежи (молодые люди уезжают для обучения в другие регионы), нехваткой квалифицированных специалистов. Все эти факторы являются причиной нежелания оставаться на данной территории.

— поскольку основу экономики городского округа составляют предприятия промышленного производства, то экономическая ситуация на этих территориях ухудшилась. В том числе из-за введенных со стороны США санкций снизились индекс деловой активности и темпы роста промышленного производства, начала расти безработица.

— при общем сокращении численности населения растет доля населения старше трудоспособного возраста, которая влияет на показатель смертности.

— эти районы характеризуется неразвитостью малого и среднего предпринимательства, строительной индустрии, напряженностью на рынке труда, минимальными возможностями для профессиональной реализации жителей округа.

— отток населения в более привлекательные муниципальные образования Свердловской области, удаленность от регионального центра и других крупных городов, а также слабо развитая или изношенная социально-инженерная инфраструктура, в том числе из-за низкого уровня доходов.

— практически не строится новое жильё, новым жильём обеспечивают только семьи, проживающие в ветхих и аварийных жилых домах. При этом семьи, которые стоят в очереди на получение жилья, не имеют материальных возможностей для приобретения его в собственность, при росте цен на жилье.

— по географическому положению отдельные территории являются труднодоступными, отмечается отток трудоспособного населения и неравномерность уровня заработной платы по отраслям и видам деятельности.

— отмечается крайне низкий уровень жизни населения, недостаточный объем привлечения федеральных и областных ресурсов, высокий уровень неформальной занятости населения.

Проведённое исследование позволяет заключить следующее: экономическая политика государственно-властных структур включает возможные меры по устранению негативных последствий демографического провала,

социально-экономических диспропорций, санкционного давления, стимулируя рождаемость материнским капиталом федерально-региональной направленности, индексацией всех социальных выплат, снижением ключевой ставки для понижения ипотечного бремени. Однако, как показало исследование, миграционное движение населения имеет однонаправленный вектор центростремительного свойства – в крупные территориальные центры с высокой степенью технологичности. На наш взгляд, эта ситуация требует более глубокого изучения и является предметом дальнейших исследований.

Список использованной литературы

1. Бушланов М. В., Анимица Е. Г. Методические аспекты улучшения состояния экономической безопасности региона через фактор привлечения и использования иностранной рабочей силы // Экономика, право и образование в условиях риска и неопределенности: тенденции и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, 2016. – С. 27-33.
2. Илюхин А. А., Илюхина С. В. Социальная инфраструктура и внутренняя трудовая миграция // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 3(93).
3. Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990-2010 гг.: ключевые факторы различий // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2013. – Т. 11. – С. 95-114.
4. Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Демографический ландшафт региона: факторы, динамика, тенденции, прогнозы // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 4(72).
5. Corwin K. S., Collins A. R. Infrastructure and Economic Development: What is Their Relationship in West Virginia? // West Virginia Agricultural and Forestry Experiment Station Bulletin. – 1998. – №719.
6. Edward L. Glaeser The Economic Approach to Cities // SSRN Electronic Journal. – 2008. – Iss.: Preliminary Draft. – P. 1–40.
7. Gignac G. E. Higher-order models versus direct hierarchical models: g as superordinate or breadth factor? // Psychology Science Quarterly. – 2008. – Т. 50. – No. 1. – С. 21–43.
8. King R. Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect Population, Space and Place // Re-Making Migration Theory: Transitions, Intersections and Cross-Fertilisations. – March/April 2012. – Iss. 2. – Vol. 18. – P. 134– 153.
9. Labriani L., Nikos Vogiatzis N. Highly Skilled Migration: What Differentiates the 'Brains' Who Are Drained from Those Who Return in the Case of Greece? // Population, Space and Place. – September/October 2013. –Vol. 19. – Iss. 5. – P. 472–486.

к.э.н. Илюхина С. В.

Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Проведены анализ и прогнозирование тенденций динамики численности экономически активного населения крупного промышленного региона – Свердловской области. Используются экономико-статистические инструменты: исследование аналитических показателей динамических рядов, анализ среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума и по средним значениям движения экономически активного населения. Получены результаты оценки и прогноз динамики численности экономически активного населения по отраслям экономики области. Сделаны выводы о тенденциях развития и необходимых мерах по компенсации отрицательных тенденций движения экономически активного населения области.

Ключевые слова: региональная экономика, экономически активное население, прогноз численности занятого населения, причины сокращения экономически активного населения

Новые социально-экономические процессы и тенденции развития социума порождают качественно новые явления не только в мировой экономике. Экономика регионов, особенно развитых и развивающихся существенно меняется под воздействием технологического прогресса, при этом возникают явления, причиной которых является взаимодействие новых реалий в политике, социуме, культуре и других сферах общественного сознания. Можно говорить о синергетических эффектах в экономике и социальной сфере. Новые экономические и социальные феномены требуют более глубоких исследований, так как порождают новое качество экономического роста и при этом множат глобальные риски и влияют на безопасность социума [8].

Перечисленные процессы и явления в современной экономике активно исследуются отечественными и зарубежными учёными, возникли понятия: «новая реальность», «новая нормальность», «неоэкономика», «неоиндустриализация», «глобальные вызовы», происходит осмысление новых категорий (В.А. Черешнев, А.И. Татаркин, Ю.Г. Лаврикова, Е.Г. Анимица, Я.П. Силин, М. Аоки) [3; 6; 7; 9; 12]. Предпринимаются попытки их интеграции в экономическую политику государства. При этом ряд авторов (Е.Г. Анимица, Я.П. Силин) исследует влияние неэкономических и неосоциальных процессов на экономику крупного промышленного региона, каковыми является Урал и Свердловская область.

Социально-экономической основой всех хозяйственных процессов и явлений, в том числе и новых, является человек. Поэтому большинство

¹ © Илюхина С. В. Текст. 2019.

отечественных и зарубежных исследователей закономерностей развития демографических процессов: Мкртчян Н.В., Рязанцев С. В., Labrianidis L., Olsson U., Sauer K. и др., уделяют особое внимание, социальной базе всех инноваций, анализируя тенденции и процессы движения населения и трудовых ресурсов. [2; 4; 5; 11-15].

Экономически активное население – обеспечивает предложение рабочей силы на рынке труда для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг. Проблемой рынка труда Свердловской области является сокращение трудовых ресурсов, в Свердловской области наблюдается тенденция сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, что и ведет к уменьшению численности экономически активного населения.

Целью данного исследования является анализ и прогнозирование тенденций динамики численности экономически активного населения крупного промышленного региона, Свердловской области. Методика мониторинга движения населения Свердловской области основана на статистических инструментах: исследование аналитических показателей динамических рядов, анализ среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума, по средним значениям экономически активного населения [8].

Количество и качество рабочей силы как экономического ресурса непосредственно влияет на производственную деятельность региона, его валовую добавленную стоимость или обобщенно – валовой региональный продукт (ВРП). Относительным выражением изменения которого являются индекс физического объема ВРП, при исключении влияния изменившихся цен показывающий его динамику. В среднем индекс физического объема ВРП Свердловской области за период 2010-2018 гг. составил 102,38%. Максимальный цепной прирост показателя произошел в 2016г. по сравнению с 2015г., составив при этом 4.73%. Значительный прирост наблюдается в 2017 (4.6 %). Минимальный прирост зафиксирован в 2013г. - 4.76 %. В 2016г. по сравнению с 2011г. индекс физического объема ВРП Свердловской области уменьшился на 7 %.¹ Выявленные тенденции требуют поиска дополнительных факторов экономического роста в регионе, прежде всего связанных с повышением эффективности использования труда.

Анализ динамики численности экономически активного населения Свердловской области за период 2005-2018гг. по видам экономической деятельности, расчетные показатели вариации среднегодовой численности занятых в экономике за этот период позволили разработать прогноз экономически активного населения по отраслям экономики на 2020 г.²

Анализ временных рядов позволил сделать следующие выводы: при общей тенденции уменьшения большинства показателей, прогноз, сде-

¹ Рассчитано автором на основе данных официальной статистики. См.: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/grp.

² Рассчитано автором на основе данных официальной статистики. См.: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/employment/.

ланный методом среднего абсолютного прироста, показывает, что численность всего экономически активного населения (ЭАН) в Свердловской области к 2020 г. по сравнению с 2015 г. снизится на 7,9%.

В сфере добычи полезных ископаемых произойдет снижение ЭАН на 8,1%, в том числе и потому что происходит истощение материально-сырьевой базы. Показатели объемов добычи с 2005 по 2011 гг. росли - с 5,3 т до 10,16 т соответственно, а с 2012 года по 2015 гг. наблюдалось падение - с 9,88 т до 7,88 т. Также финансирование данной сферы пошло на спад: с 544 млн. до 476,3 млн. руб. соответственно. Об этом говорится в материалах Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).¹

В сфере обрабатывающих производств может понизиться численность ЭАН на 9,4%, в том числе и потому, что существует корреляция со сферой добычи полезных ископаемых (т.е. в сфере добычи полезных ископаемых произошёл спад, соответственно в сфере обрабатывающих производств тоже, т.к. попросту не хватает ресурсов). Прослеживается тенденция замедления темпов роста. Также существует несоответствие системы подготовки профессиональных кадров потребностям промышленного сектора. Дефицит необходимого количества работников требуемых профессий и квалификации испытывают практически все промышленные предприятия.

В сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды сокращение на 3,81%, что может быть связано при прочих равных с автоматизацией процессов. В сфере строительства на также сокращение на 4,86%, что может быть связано с незарегистрированной официально рабочей силы, прибывающей из стран Ближнего Зарубежья.

При сохраняющейся тенденции численность экономически активного населения Свердловской области в сфере оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг к 2020 г. по сравнению с 2015 убывает на 14,87% и 15,64% соответственно. Это связано с тем, развитие торговли часто имеет недостатки качества обслуживания покупателей, а ориентировано на увеличение добавленной стоимости за счет агрессивных маркетинговых технологий. Серьезной проблемой остается низкая квалификация торгового персонала, медленный переход на новые стандарты обслуживания. Однако обнадеживающим является фактор развития интернет магазинов и онлайн торговли на территории региона.

Период проведения ЧМ по футболу в г. Екатеринбурге потребовал привлечения большого числа работников в сектор гостиниц и ресторанов, но к 2020 г. скорее всего этот показатель уменьшится на 15,31%. Снижение ЭАН к 2020г. в сфере транспорта и связи на 2,71% связано с тем, что при возрастающей ежегодно потребности экономики в автомобильных перевозках, автомобильные дороги из-за недостаточного финансирования становятся

¹ См. <https://fedstat.ru/organizations/>.

одним из факторов, сдерживающим темпы экономического роста в Свердловской области.

Однако при общей тенденции сокращения прогнозируется прирост ЭАН по некоторым видам экономической деятельности: в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, к 2020 г. по сравнению с 2015 г. увеличится на 3%. Это может быть связано с увеличением среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников; с увеличением выпуска продукции сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (окончательные данные). С 2005 по 2011 г. выпуск увеличился с 84343,4 млн. руб. до 294 235,6 млн. руб. Или причиной послужило слияние статистической отчетности с сектором рыболовства и рыбоводства.

Как видим снижение численности рабочей силы заметно влияет на структуру занятых в экономике. В новых экономических реалиях: глобализации хозяйственных процессов; международной интеграция экономических агентов; возникающих новых хозяйственных центров, ухода от однополярного мира; глобальных изменений природно-климатических условий; истощения природно-сырьевой базы; революционных технологических инноваций; цифровизации социума, особенно его хозяйственной составляющей; изменений в структуре валового национального продукта, повышения доли отраслей, производящих услуги [1], от органов власти требуются дополнительные меры по изучению и компенсации тенденций изменения структуры занятых в экономике. Необходимо разделение объективных тенденций и процессов, обусловленных социальным и технологическим прогрессом и субъективных, вызванных структурными и инвестиционным перекосами в региональной экономической политике.

Список использованной литературы

1. *Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Актуальность анализа факторов экономического роста на основе таблиц «затраты – выпуск» // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 569-578.

2. *Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Секторальная структура экономики и моделирование показателей развития крупного промышленного региона // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2018. – Т. 210. – № 2. – С. 317–331.

3. Качество жизни и экономическая безопасность России / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. – 1184 с.

4. *Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990-2010 гг.: ключевые факторы различий. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2013. – Т. 11. – С. 95-114.

5. *Рязанцев С. В.* Трудовая иммиграция в России. Старые проблемы и новые подходы к решению // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – Вып. 1. – (5. Экономика). – С. 3–14.

6. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 714-725. – doi 10.17059/2016-3-9.

7. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2016. – № 3 (65). – С. 14-25.

8. Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Демографический ландшафт региона: факторы, динамика, тенденции, прогнозы // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 4(72).

9. Aoki M. *Towards a Comparative Institutional Analysis*. – Boston, 2001.

10. King R. *Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect Population, Space and Place // Re-Making Migration Theory: Transitions, Intersections and Cross-Fertilisations*. – March/April 2012. – Iss. 2. – Vol. 18. – P. 134– 153.

11. Labrianidis L., Nikos Vogiatzis N. Highly Skilled Migration: What Differentiates the ‘Brains’ Who Are Drained from Those Who Return in the Case of Greece? // *Population, Space and Place*. – September/October 2013. – Iss. 5. – Vol. 19. – P. 472–486.

12. Lavrikova Y., Akberdina V., Mezentseva E. Strategic guidelines of a megalopolis’s development: new industrialization and ecological tension // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science 2. Ser. “International Conference on Sustainable Cities”. – 2017. – C. 012011.

13. Olsson U. Maximum likelihood estimation of the polychoric correlation coefficient // *Psychometrika*. – 1979. – No 44. – P. 443–460.

14. Sauer K. *Morphology of Landscape // University of California*. – Publications in Geography. – 1925. – Vol. II. – № 2. – P. 19–53.

15. Stephen G. *Migration, Crisis, and the Global Labour Market // Globalizations*. – 2011. – Vol. 8,3. – P. 311–324.

к.ф.н. Калужский М. Л.

Омский государственный технический университет,

г. Омск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАЗВИТИИ ВНЕШТАТНОЙ ЗАНЯТОСТИ¹

Статья о тенденциях и закономерностях институционального развития внештатной занятости. Обоснован вывод о том, что источником внештатной занятости служит стремление к экономии на всех видах издержек (от производственных до транзакционных). Предложена классификация форм внештатной занятости на основе концепции «логистики третьей стороны» (TPL), раскрывающей институциональные особенности ее ключевых форм. Особое внимание уделено анализу институциональных особенностей внештатной занятости и последствиям регулирующего воздействия государства на рынок труда.

Ключевые слова: аутстаффинг, заемный труд, логистика третьей стороны, провайдинг, рынок труда, аутсорсинг персонала, внештатная занятость, регулирование рынка труда, лизинг персонала, временная занятость, институциональный цикл, институциональная политика

Спектр исходных форм внештатной занятости достаточно широк: работа по договорам подряда и возмездного оказания услуг, по срочным договорам, а также заемный труд. [4, с. 3-4]. Объединяет их отсутствие посредников между участниками трудовых сделок и прямые договоры работодателей (заказчиков) с работниками (исполнителями). Однако, затем, по мере повышения уровня институционализации форм занятости, происходит передача функций, полномочий и ответственности от работодателя к посредникам.

Они поступательно превращаются из помощников по уходу от налогов в провайдеров логистических услуг, принимающих на себя одну из четырех важнейших функций любого предприятия – производственную, торговую, платежную или распределительную. Институциональная составляющая посреднической деятельности укладывается в универсальную модель трехсторонней логистики TPL (от англ. Third Party Logistic – логистика третьей стороны). (См. таблицу).

Таблица

Иерархия институциональных форм внештатной занятости

Уровень логистики	Институциональные особенности
-------------------	-------------------------------

¹ © Калужский М. Л. Текст. 2019.

TPL-1. Разовый договор	разовое трудовое (коммерческое) соглашение работника и работодателя (заказчика)
TPL-2. Заемный труд	привлечение посредника для освобождения работодателя от ответственности перед работниками
TPL-3. Лизинг персонала	организация труда работников посредником, выступающим в качестве работодателя
TPL-4. Кадровый аутсорсинг	делегирование посреднику полномочий и ответственности за выполнение отдельных работ
TPL-5. Логистический провайдинг	выполнение посредником отдельных работ на постоянной основе по фиксированным тарифам

Источник: составлено автором.

Вектор институционального развития внештатной занятости имеет направление, совпадающее с направлением вектора развития сетевой экономики. Аналогичные процессы, связанные с виртуализацией бизнеса, наблюдаются в товародвижении, торговле, организации производства и развитии платежных систем. Эволюционирование внештатной занятости обусловлено наличием новых рыночных возможностей и институционализацией конкурентной среды.

Уровень TPL-1: Разовый договор

Уровень предполагает прямые отношения между работодателем (заказчиком) и работником (исполнителем) на разовой основе. К прямым формам внештатной занятости прежде всего следует отнести то, что МОТ именуует «зависимой samozанятостью», когда формально независимые работники предоставляют услуги или выполняют работы в рамках гражданских или коммерческих договоров, находясь в фактической зависимости от своих клиентов и (или) получая прямые указания от них в процессе труда.¹ По другому их можно назвать «неформальной занятостью». Как правило, такие формы занятости имеет цели, связанные с подменой трудовых отношений отношениями купли-продажи результатов труда и ухода от социальных налогов. В отдельных случаях это сопряжено также с бесправным положением работников (например, нелегальных гастарбайтеров).

Экономия на социальных отчислениях выступает в качестве институционального основания прямых форм внештатной занятости. Она обеспечивает повышенную конкурентоспособность таких отношений в сравнении с легализованными формами традиционной занятости. Полученная от снижения издержек дополнительная прибыль (доход) может перераспределяется между участниками сделок, либо присваивается работодателем, если работник от него зависит. Вне этой экономии прямые формы внештатной занятости теряют всякий экономический смысл, поскольку индивидуальные издержки их участников вне правового поля резко возрастают.

Уровень TPL-2: Заемный труд

¹ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2016. – P. 9.

Уровень предполагает привлечение посредника для решения определенной задачи в ходе юридического оформления трудовых отношений. В качестве наглядного примера можно привести т.н. «заемный труд» (иначе – аренда персонала), когда работодатель привлекает посредника (кадровое агентство) для выполнения каких-либо работ. При этом он не вступает в трудовые отношения с привлеченным персоналом, оплачивая результат заемного труда. [2, с. 117-118]

Международная практика свидетельствует о том, что заемный труд, появившийся в конце 1960-х гг. в США, сегодня широко распространен в ведущих странах мира, где его доля на рынке труда составляет 1-5% с четкой выраженной тенденцией к росту. [2, с. 125; 4, с. 22] Легитимность заемного труда закреплена Конвенцией № 181 Международной организации труда и рекомендацией № 188 о частных агентствах занятости.

С 1 января 2016 г. ст. 56.1 Трудового Кодекса в России заемный труд формально был запрещен. Однако запрет заемного труда также не привел к его фактическому исчезновению. [2, с. 124] Произошло размежевание заемного труда на нелегальный труд по прямым контрактам и значительно более институционально продвинутый лизинг персонала. Законодательный запрет лишь сузил сферу применения чистого заемного труда, спровоцировав распространение на рынке более сложных форм посредничества.

Уровень TPL-3: Лизинг персонала

Уровень предполагает превращение посредника в полноценного участника трудовых отношений, третью сторону при заключении трудового контракта. Типичным примером такого рода посредничества может служить т.н. «лизинг персонала» (от англ. personal-leasing), хотя понятие «лизинг» здесь не вполне уместно.¹ В целом под «лизингом персонала» понимаются все правоотношения, возникающие при заключении посредником трудовых контрактов с работниками с последующим перенаправлением их к заказчику для выполнения каких-либо работ. [3, с. 17]

Здесь возможны два варианта организации работ. Во-первых, это подбор временного персонала (англ. temporary staffing) для выполнения непродолжительных работ длительностью от одного дня до нескольких месяцев. Речь здесь может идти о привлечении внештатного персонала для замещения временно отсутствующих работников, участия в реализации каких-либо мероприятий и т.д. Во-вторых, это выведение персонала за штат (англ. outstaffing) для переоформления в штат посредника уже работающего персонала заказчика. Аутстаффинг сегодня наиболее востребованная на рынке труда форма лизинга персонала. Так, на долю временной занятости и аутстаффинга приходится около 40% общего объема услуг, предоставляемых на российском рынке труда кадровыми агентствами [1, с. 331].

Уровень TPL-4: Кадровый аутсорсинг

¹ Лизинг (от англ. leasing) подразумевает аренду имущества с правом выкупа. В «лизинге персонала» о выкупе (т.е. трудоустройстве) арендуемых работников речь, как правило, не идет.

Уровень предполагает интеграцию посредника в технологическую цепочку заказчика с принятием ответственности за результаты труда и полномочий по его организации (аутсорсинг). [6, с. 58-59] Если прежде на нижних институциональных уровнях внештатной занятости в экономические отношения вступали заказчик и работники, то теперь их участниками становятся заказчики и посредники, выступающие в роли исполнителей. Они больше не являются агентами работодателей на рынке труда, принимая на себя выполнение отдельных работ и реализацию отдельных функций заказчика «под ключ».

Прежде всего это относится к аутсорсингу персонала (от англ. *outsourcing* – внешний источник). В аутсорсинге заказчик делегирует выполнение внутренних функций внешней компании, оплачивая результат труда (услугу или работу), а не процесс труда арендуемого персонала. Аутсорсинг не подпадает под запрет заемного труда, поскольку для работников в качестве работодателя выступает аутсорсинговая компания, которая принимает на себя всю полноту ответственности в соответствии с трудовым законодательством.

Аутсорсинговые компании позволяют заказчикам экономить на социальных отчислениях за счет интенсификации труда работников и взаимозаменяемости персонала. Аутсорсинг плохо подходит для выполнения уникальных операций, работ или услуг, поскольку рассчитан на массовое выполнение универсальных функций. На аутсорсинг обычно передаются обслуживающие функции, не связанные с реализацией конкурентных преимуществ. К ним можно отнести ведение бухгалтерского учета, обслуживание компьютеров, уборку помещений и т.д.

Важным признаком целесообразности выведения отдельных функций на аутсорсинг является неполная загрузка работников в течение рабочего дня. Чем меньше фактическая загрузка персонала, тем выше экономическая эффективность аутсорсинга. Переход на аутсорсинг здесь не имеет альтернативы, поскольку в его основе лежит экономическая целесообразность. В противном случае работодателю придется смириться с необходимостью содержания частично занятых работников.

В целом аутсорсинг предполагает два варианта обслуживания заказчиков. Простейший вариант представляет собой концентрацию персонала, возможностей и заказов посредником, извлекающим прибыль за счет централизованного обслуживания. Более сложный вариант подразумевает удаленное обслуживание клиентов на базе автоматизированных облачных сервисов, позволяющих многократно снизить издержки исполнителя, расширить географию охвата рынка и унифицировать предоставляемые услуги.

Институциональный переход к сетевому оказанию услуг открывает перед посредниками новые горизонты институционального развития. Однако он же и предопределяет тенденцию к дезинтеграции и виртуализации участников рынка, когда трудовые ресурсы интернационализируются и их место нахождения утрачивает решающее значение. В результате трудовые

ресурсы выходят из-под прямого контроля регулятора. Внештатная занятость на предприятии трансформируется в проектную занятость для стратегически важного персонала и отчуждение рабочих мест для всех остальных его категорий.

Уровень TPL-5: Логистический провайдинг

Уровень предполагает замещение аутсорсеров логистическими провайдерами (от англ. provider – поставщик услуг), являющимися равноправными участниками рынка, оказывающими стандартизированные услуги по фиксированным тарифам на основании публичной оферты. Этот процесс сопровождается значительным сокращением внештатной занятости, поскольку логистический провайдинг окончательно освобождает заказчиков от необходимости манипулирования численностью персонала. Работодатель получает возможность сосредоточиться на стратегически важных функциях, передав остальные функции (изготовление продукции, бухучет, организацию продаж и т.д.) специализированным провайдерам.

Наиболее чистой формой такой модели экономической деятельности является «виртуальное предприятие (корпорация)», состоящая из сети независимых элементов (партнеров), ориентированных на «возможности рынка и/или потребности клиентов». [6, с. 92] Виртуальному предприятию не требуется постоянный персонал. Ему нужны участники команды и внешние исполнители (провайдеры) сопутствующих функций.¹ Особую актуальность здесь приобретают специализированные провайдеры логистических услуг, образующие на рынке децентрализованные маркетинговые сети.

Институциональные изменения в организации труда привели к тому, что сетевые формы занятости все больше и больше определяют развитие трудовых отношений. Внештатная занятость постепенно утрачивает свое значение в качестве инструмента снижения издержек, поскольку провайдинг позволяет решить эту задачу иным способом – через интенсификацию труда персонала провайдеров. Следствием этого является институциональные изменения в структуре трудовых отношений, когда прямая (штатная) занятость доминирует для наемных работников, проектная занятость – для организаторов товародвижения, а самозанятость – для лиц, привлекаемых для выполнения отдельных работ (технологов, дизайнеров и т.п.).

Список использованной литературы

1. Булатова Г. А., Кожевина О. В., Сиротенко М. В. Использование инструментов аутстаффинга при решении институциональных и социальных проблем регулирования заемного труда в регионах России // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 9 (часть 2). – С. 330-333.

¹ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2016. – P. 164.

2. *Закалюжная Н. В.* Заемный труд и неустойчивая занятость: российский и зарубежный опыт // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2015. – № 4. – С. 116-128.

3. *Карлова А. В.* Заемный труд и формы его функционирования // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление.* – 2015. – № 2. – С. 16-20.

4. *Козина И. М.* Заемный труд: социальные аспекты // *Социологические исследования.* – 2008. – № 11. – С. 3-12.

5. *Уорнер М., Витцель М.* Виртуальные организации Новая форма ведения бизнеса в XXI веке. – М.: *Добрая книга*, 2005. – 296 с.

6. *Хейвуд Дж. Б.* Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ. – М.: *Вильямс*, 2002. – 176 с.

к.э.н. Ковальчук Л. Б.

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета
г. Чита

ОЦЕНКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Представлены результаты сравнительного анализа показателей социального развития Республики Бурятия с аналогичными показателями Дальневосточного федерального округа. С позиций достигнутого уровня социального развития дана оценка положения Бурятии в составе указанного макрорегиона. Показано, что относительно низкий уровень социального развития нового субъекта усиливает неравномерность в развитии социальной сферы макрорегиона. Обосновывается необходимость оценки допустимых параметров неравномерности и механизмов выравнивания в целях разработки и реализации стратегии приоритетного развития Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: неравномерность, дифференциация, конвергенция, дивергенция, выравнивание

Дальневосточный регион входит в число территорий приоритетного развития. Для поддержания приоритетности Дальневосточного региона Президентом, Правительством РФ, отраслевыми министерствами и ведомствами предпринимаются значительные усилия, однако успеха достичь пока не удается. Пространство Дальневосточного региона достаточно сильно дифференцировано по уровню социально-экономического развития. Значительная дифференциация обуславливает проблематичность разработки и реализации единой для всех субъектов стратегии, обеспечивающей достижение целей приоритетного развития территории [1. С. 50].

В ноябре 2018 года состав Дальневосточного округа был расширен за счёт включения новых субъектов: Забайкальского края и Республики Бурятии. Возникает вопрос относительно изменения параметров дифференциации субъектов, возможности формирования дивергентных трендов и перспектив развития данного макрорегиона. Учитывая, что приоритетность развития Дальневосточного федерального округа обеспечивается, в том числе, и решением задач социального развития, оценка состояния и степени дифференциации социального развития субъектов ДФО, в условиях включения новых членов, представляется весьма актуальной.

В фокусе настоящего исследования представлены показатели социальной сферы Республики Бурятии в сравнении с соответствующими показателями в Дальневосточном регионе и России в целом.

Начальным пунктом исследования является анализ демографической ситуации. Демографическая ситуация в Республике Бурятии на фоне среднероссийских тенденций и ситуации в Дальневосточном федеральном округе представляется позитивной: рождаемость в Республике Бурятии на

¹ © Ковальчук Л. Б. Текст. 2019.

3 % выше среднероссийских и на 2,2% выше, чем в субъектах ДФО; смертность на 1, 7% ниже, чем в среднем по стране и на 1, 4% ниже, чем в субъектах ДФО; коэффициент естественного прироста в Республике Бурятия, в отличие от соответствующих показателей в субъектах ДФО и целом по стране, имеет положительное значение (3,8 ч. на 1000 человек населения)¹.

В целом динамика численности населения в Республике Бурятия положительная с незначительным среднегодовым приростом на уровне 0, 04 %. Величина среднегодового прироста свидетельствует о влиянии на динамику численности населения миграционных процессов, увеличивающих отток населения из Республики в среднем на 14,6% в год. Большой отток населения, наиболее молодой и трудоспособной его части, обуславливает прогрессирующий процесс старения населения и увеличивает демографическую нагрузку на трудоспособное население, снижая трудовой потенциал Республики для реализации инвестиционных проектов, в рамках Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года.

Негативные миграционные процессы в Республике Бурятия, подкрепляются более низким, по сравнению со среднероссийскими и средними по ДФО, показателями развития системы здравоохранения: мощность учреждений здравоохранения в Республике Бурятия на 8, 7% ниже, чем в регионах ДФО, а нагрузка на работников сферы здравоохранения более, чем на 18% выше. Состояние и уровень развития системы здравоохранения в Республике обусловили более высокий уровень младенческой смертности (в 1,1 раза выше, чем в целом по стране и Дальневосточному региону), более высокий, по сравнению с субъектами ДФО, уровень заболеваемости по основным классам болезней (эндокринной системы на 32, 1%, кровообращения на 7, 1%, органов пищеварения на 7,3%), а также более низкую (70 лет) по сравнению со среднероссийской (72 года) продолжительность жизни. Таким образом, медико-демографические факторы в Республике Бурятии оказывают негативное влияние на качество человеческого потенциала, снижают возможности его наращивания, обуславливая, таким образом, заметное «отставание» по характеристикам человеческого потенциала нового субъекта в составе ДФО.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), использующийся для интегральной оценки состояния человеческого потенциала, показывает, что Республика Бурятия среди 11 субъектов ДФО занимает 9 место, опережая по этому показателю только недавно включённый в ДФО Забайкальский край и Еврейскую Автономную область.

Наибольшее влияние на ИРЧП оказывают показатели уровня жизни. По уровню среднедушевых доходов Республика Бурятия занимает 46 место в России и 10 место среди субъектов Дальневосточного федерального округа, оставляя за собой лишь Забайкальский край. Среднедушевые доходы в Республике более, чем на 32% ниже средних по ДФО и на 20% ниже среднероссийских.

¹ См. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

Более 18% населения Республики Бурятия имеют доходы, ниже прожиточного минимума, что на 5% больше, чем в среднем по стране. Следует отметить, что несмотря на относительное снижение уровня бедности, динамика показателя в регионе неустойчивая. Среднегодовые темпы снижения низкие, составляют 0, 5%.

На фоне вялотекущего процесса сокращения бедности, активно развивается процесс увеличения доходного неравенства. Как показывает анализ распределения общего объёма денежных доходов по 20-процентным группам, 5,6% населения Республики относятся к группе с наименьшими доходами, а 46% - к группе с наибольшими доходами. Отмечается увеличение доходного неравенства и в социальной сфере Республики Бурятия. Сравнительный анализ доходов работников социальной сферы и науки в Республике Бурятия с соответствующими показателями в целом по стране выявляет значительное отставание. Так, среднемесячная заработная плата работников дошкольных учреждений в Республике Бурятия ниже среднероссийского уровня на 3%, учителей на 12,4%, работников сферы здравоохранения на 14,4%, работников культуры на 21,7, научных работников на 26,7%.

При сравнении со средней заработной платой в субъектах ДФО отставание выглядит ещё более значительным: в сфере дошкольного и общего образования на 30 и 35% соответственно, в сфере здравоохранения на 31%, в сфере культуры – на 41%. Научные работники в Республике Бурятия, по сравнению с субъектами Дальневосточного федерального округа, получают заработную плату на 28,3% ниже¹.

В целом, сравнительный анализ показал, что в Республике Бурятия наблюдается заметное доходное неравенство, относительно низкий уровень жизни, с ненадежным прогнозом изменения его динамики и повышения темпов роста. В составе ДФО субъект с таким статусом попадает в группу наименее развитых, расширяя, таким образом, пояс бедности и социального неблагополучия в макрорегионе.

По показателям занятости Республика Бурятия занимает 80 место среди субъектов федерации. При этом в сравнении с субъектам ДФО, уровень занятости в Республике более чем на 10% ниже, а уровень безработицы почти в 2 раза выше. Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, рассчитанный как отношение численности безработных и потенциальной рабочей силы к сумме занятых, безработных и потенциальной рабочей силы (в процентах), в Республике Бурятия в 2018 году достиг уровня 15, 1% (максимальный, 27, 1%, в Республике Ингушетия, 2018). Указанный показатель в 2 раза выше среднего по ДФО и отражает неблагополучие на рынке труда: несоответствие оборота рабочей силы обороту рабочих мест. Состояние рынка труда во многом обусловлено профессиональной и образовательной структурой занятости.

Исследование динамики изменения профессиональной структуры занятости выявило стабильное снижение численности занятых в сельском

¹ См. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

хозяйстве, в сфере добычи полезных ископаемых, транспорта и связи, в сфере образования. Нестабильностью характеризовалась занятость в обрабатывающих отраслях. Незначительный рост (2,2 %) отмечается в строительстве. Наибольшей привлекательностью в период с 2005 по 2018 гг. отличалась сфера оптовой и розничной торговли. Относительный прирост занятых в этой сфере составил 52%.

Следует отметить, что профессиональная структура занятости не соответствует общероссийской, в которой значительную долю (14, 2%) занимает сфера обрабатывающих отраслей, строительство (8,6%), оптовая и розничная торговля (18,9%).

Исследование профессионально-образовательной структуры занятости в Республике Бурятия показывает, что в периоде исследования профессиональный уровень занятых заметно повысился. Так, относительный прирост занятых с высшим образованием составил в периоде исследования 23%. Доля занятых, имеющих среднее специальное образование, увеличилась в 2,25 раза. Доля занятых, не имеющих профессионального образования, уменьшилась до уровня 0,4%¹.

Выявленные тенденции роста уровня образования в сфере занятости не коррелируют с динамикой роста безработицы. Так, уровень безработных с высшим образованием с 2005 по 2018 гг. увеличился с 10, 2 до 20,7%. Доля безработных со средним профессиональным образованием в этом же периоде увеличилась с 17,7% до 43,1%. При этом доля безработных, не имеющих профессионального образования, снизилась с 38% до 18,7%. Выявленные тенденции позволяют сделать вывод о том, что в Республике Бурятии рынок вакансий для занятых с высшим и средним профессиональным образованием, а, соответственно, с более высоким уровнем заработной платы, сжимается. При этом растёт рынок вакансий, не требующих длительного профессионального обучения и высокого уровня квалификации: горничные, повара, продавцы, рабочие низшей квалификации.

Сравнительный анализ состояния и уровня развития социальной сферы Республики Бурятия показывает, что в составе субъектов ДФО Республика Бурятия вместе с Забайкальским краем и Еврейской Автономной областью образует группу субъектов с низким уровнем социального развития, расширяя, таким образом, зону социального неблагополучия в макрорегионе. Достигнутый уровень социальных показателей в указанных субъектах повышают степень дифференциации социального развития в макрорегионе, усиливая его неравномерность.

Отметим, что неравномерность является свойством любого пространства и признаком его развития [2, С7-25, 3. С12-39]. Однако, гетерогенная структура социальной сферы региона обуславливает необходимость более или менее сбалансированного развития отдельных её компонентов, в противном случае возникают флуктуации, способные не только затормозить развитие, но и вызвать опасные катаклизмы и тяжёлые последствия для развития региональной социально-экономической системы.

¹ См. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.

В Дальневосточном регионе, который традиционно характеризовался достаточно высоким уровнем дифференциации субъектов, расположенных в северной и южной частях, неравномерность в развитии социальной сферы проявлялась в здравоохранении, образовании, уровне жизни и, соответственно, в уровне развития человеческого потенциала. При этом значения коэффициентов вариации, отражающие разброс показателей развития социальной сферы, удерживались в допустимых пределах (Квар. < 33%).

Включение новых субъектов привело к росту значений коэффициентов вариации отдельных социальных показателей. Так, с учётом показателя уровня жизни новых субъектов, разброс среди субъектов ДФО по этому критерию увеличился до 38, 7%, а с учетом коэффициента миграционного прироста, до уровня 115%.

Существенное увеличение неравномерности в развитии социальной сферы субъектов макрорегиона с включением новых членов, обуславливает необходимость разработки и применения механизмов выравнивания, определения параметров необходимого выравнивания. Представляется, что без решения этих задач, сложных в научном и практическом аспектах, разработка и реализация Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 года невозможна.

Список использованной литературы

1. Минакир П. А., Михеева Н. Н. Перспективы развития Дальнего Востока и Забайкалья: региональные программы // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 3.
2. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // ЭНСР. — 2010. — № 3 — (50). — С.7-25.
3. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. — 2014. — № 1. — С. 12-39.

д.э.н. Козлова О. А.,
Институт экономики УрО РАН
к.э.н. Бедрина Е. Б.,
Уральский государственный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Институт экономики УрО РАН
к.э.н. Голубина В. В.,
Уральский государственный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА¹

В настоящее время одним из демографических вызовов в России является сокращение численности лиц репродуктивных возрастов. В связи с чем актуализируются вопросы здоровья молодежи и их образа жизни. Авторы исследования стоят на позициях гендерной теории, считая, что гендерная принадлежность оказывает важное влияние на положение человека в обществе и его доступ к ресурсам. В исследовании предлагается гендерный подход к вопросам оценки выбора образа жизни студенческой молодежи. В основе исследования лежат данные социологического опроса молодежи, проведенного среди студентов вузов г. Екатеринбурга в 2018 г. Статья может быть интересна лицам, занимающимся вопросами молодежной политики и профилактики здоровья населения.

Ключевые слова: молодежь, здоровье, здоровый образ жизни, гендерные особенности, гендерная дискриминация

В настоящее время в большинстве регионах России происходит процесс старение населения, главным образом, за счет сокращения доли лиц младших возрастов. В соответствии с данными Росстата, только за последние 10 лет с 2008 по 2018 гг. численность лиц, находящихся в возрасте от 15 до 29 лет сократилась более, чем на 26%. Еще одной негативной тенденцией, усугубляющей данный процесс, является ухудшение здоровья, в том числе, репродуктивного, и рост заболеваемости молодого населения, вызванных процессами урбанизации, ухудшением окружающей среды, снижением качества воды и продуктов питания, ограничением двигательной активности в результате особенностей современной структуры профессиональной занятости и развития технологий, а также в связи с перераспределением личного времени в пользу карьерного роста. В соответствии с демографическим прогнозом к 2025 г. в России произойдет резкое сокращение численности молодежи в самых продуктивных ее возрастах: 23–30 лет².

¹ © Козлова О. А., Бедрина Е. Б., Голубина В. В. Текст. 2019.

² Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала» / Министерство науки и образования РФ. – М., 2013. – С. 14.

Выходом из создавшегося положения является пропаганда и стимулирование здорового образа жизни среди молодого поколения. В Докладе «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала» сказано, что повышение человеческого капитала предъявляет серьезные требования к здоровью молодого поколения и его сохранение невозможно без формирования культуры здорового образа жизни¹. Адресность данному направлению может предать учет гендерных особенностей в развитии физической культуры и предпочтений.

Важность использования гендерного подхода к оценке здорового образа жизни молодежи обусловлена разницей мужчин и женщин в физическом, социальном, культурном и психологическом аспектах. Даже в современном обществе их роли и положение, как в общественной, так и в семейной жизни, могут иметь сильные различия, что накладывает отпечаток на формирование системы ценностей. К примеру, как показало социологическое исследование «Здоровый город», которое провел ВЦИОМ в августе 2018 г. в г. Москва, большинство населения осознает важность здорового образа жизни, однако при его выборе преследует различные цели. В частности, если для мужчин здоровый образ жизни – это, прежде всего, хорошее самочувствие и бодрость, а также физическая сила и выносливость, то для женщин – это красота и привлекательность (данную позицию выбрали 31 % женщин, в то время, как мужчин в 3 раза меньше)².

Учет гендерных особенностей необходим также потому, что в соответствии с теорией, в силу различия социальных ролей мужчин и женщин, существует гендерная несправедливость в доступе к ресурсам и власти, что выражается в социальном неравенстве мужчин и женщин, в том числе, относительно их здоровья [4, с. 22]. К примеру, в выборе здорового образа жизни важное значение имеет уровень образования и дохода. В России традиционно уровень образования у женщин выше, чем у мужчин, и имеет тенденцию к умеренному росту, но средний уровень заработной платы значительно ниже, причем на этот разрыв накладывают свой отпечаток и региональные особенности.

Более низкий уровень оплаты труда у женщин в сравнении с мужчинами объясняется, с одной стороны, статистической дискриминацией³, с другой стороны, тем, что женщины обычно находят работу в отраслях с относительно низкой оплатой труда, поэтому, если они хотят повысить свой уровень дохода, им приходится брать дополнительную работу или иметь

¹ Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала» / Министерство науки и образования РФ. – М. 2013. – С. 3.

² Здоровый город. Анализ социального запроса москвичей на инфраструктуру для укрепления здоровья. Аналитический отчет /ВЦИОМ. – М., 2018. – С. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/ZDOROVYI_GOROD_Sociologija.pdf.

³ Статистическая дискриминация – это приписывание отдельному индивиду черт, свойственных для группы в целом.

вторую занятость [5]. В связи с чем, вести или поддерживать здоровый образ жизни, им, как правило, значительно сложнее нежели мужчинам.

Однако, в физическом плане, как утверждают медицинские наблюдения, женщины имеют более высокие адаптационные возможности, они более стрессоустойчивы [7]. Им в большей мере свойственно самосохранительное поведение. Неся большую по сравнению с мужчинами, социальную ответственность, связанную с воспитанием детей, поддержкой близких и сохранением семейного очага, женщины оказываются более прагматичными в отношении своего здоровья, чем мужчины, они больше следят за собой, придерживаются различного рода диет, активно отслеживают информацию, связанную с медициной и здоровым образом жизни [2]. Как пишут Н.И. Паутова и И.С. Паутов, «женщины внимательнее относятся к состоянию своего здоровья, чаще обращаются к врачам, больше денег тратят на лекарства» [6, с. 75].

В тоже время мужчины в меньшей мере следят за своим здоровьем, при этом, «адаптационные возможности мужского организма сравнительно невелики и истощаются быстрее» [1, с. 36]. Мужчины чаще женщин получают различного рода травмы и страдают алкогольными психозами. В целом, можно утверждать, что структура заболеваемости также носит гендерный характер.

По данным С.С. Гордеевой женщины тратят на все виды домашнего труда в неделю 30,3 часа, в то время, как мужчины – 14 часов. Однако, располагая меньшими, чем мужчины бюджетом времени и уровнем дохода, женщины ведут более здоровый образ жизни и реже злоупотребляют вредными привычками, в то время, как «мужчины чаще злоупотребляют алкоголем и курением» [6, с. 75]. В частности, социологическое исследование «Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика», проведенное Социологическим центром РАГС в 2010 г. показало, что девушки в возрасте от 18 до 24 лет практически не употребляют крепкие спиртные напитки (никогда не употребляют – 68,1%) и намного реже молодых людей употребляют другие алкогольные напитки. Кроме того, девушки стараются курить меньше, и по возможности минимизировать вред своему организму [3, с. 108].

Однако, необходимость сочетания выполнения функций по дому и общественной занятости, а также распространенность вторичной занятости среди женщин, ведут к снижению их физической активности, и как следствие, набору лишнего веса. В соответствии с данными С.С. Гордеевой, женщины реже занимаются спортом и посещают фитнес [2].

Особенности самосохранительного поведения мужчин и женщин сказываются на их продолжительности жизни. По данным Росстата, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России в 2018 г. составила для мужчин 67,75 лет и для женщин 77,82 года.

Таким образом, можно отметить, что проблема ухудшения здоровья молодого поколения является одним из вызовов демографической поли-

тики в современной России, проведение которой должно учитывать гендерные особенности.

Актуальность предопределила выбор темы исследования, целью которого является оценка гендерных особенностей выбора здорового образа жизни студенческой молодежи для разработки рекомендаций соответствующим органам, занимающимся проведением молодежной политики. Эмпирические данные собраны путем социологического исследования. Площадкой для его проведения послужили Вузы г. Екатеринбурга. Социологический опрос был проведен в 2018 г. В социологическом опросе приняли участие 537 человек, из них лица в возрасте 15–24 года составили 88%. Структура выбранной специализации опрошенных в целом соответствует структуре распределения учебных мест Вузов г. Екатеринбурга, среди опрошенных встречаются лица, как гуманитарного, так и технического профиля образования. Среди респондентов 33% составили молодые люди и 67% девушки.

Исследование показало, что молодежь, в отличие от более взрослого населения, в меньшей мере обращает внимание на свои проблемы со здоровьем, а также является наиболее здоровой частью общества. Косвенным доказательством данному явлению может служить то, что оценка значимости Хи-квадрата не выявило какой-либо значимой связи между полом респондентом и их оценкой собственного здоровья; выбором в случае необходимости обращения к традиционным и нетрадиционным формам лечения; обращением к врачу и самостоятельным лечением.

Было выявлено наличие взаимосвязи между полом респондентов и их физической активностью. В частности, молодые люди, в отличие от девушек, значительно чаще занимались спортом, среди них больше число имели спортивные разряды (26,6% и 9,8% соответственно). О регулярном занятии физкультурой, фитнесом сообщили 29,9% молодых людей и 21% девушек. Большинство девушки (58,3%) занимались физкультурой, фитнесом, делали зарядку время от времени. Не занимались спортом, физкультурой и фитнесом и не делали зарядку 7,3% молодых людей и 9% девушек. Однако выявленная взаимосвязь между полом респондентов и их физической активностью оказалась слабой (коэффициент Крамера 0,198).

Девушки оказались значительно в большей степени, чем молодые люди чувствительны к стрессам. В частности, на стрессы на работе, дома и на месте учебы в качестве фактора, отрицательно влияющего на здоровье их и их близких, указали 84,6% девушек и 70,6% молодых людей.

Исследование не выявило наличия значительных гендерных различий в особенностях проведения свободного времени. В частности, как девушки, так и молодые люди, отметили, что проводят свободное время в клубах, кафе, боулинге, торговых центрах, ходят в туристические походы с друзьями. А вот выбираться на природу, на дачу, в сад в свободное время предпочитают 56% девушек и 43,5% молодых людей.

Курение табака, курительных смесей, электронных сигарет, потребление спиртных напитков, энергетиков и наркотических веществ считает

вредными для здоровья приблизительно одинаковое количество молодых людей и девушек.

Молодые люди активнее используют компьютер для развлечения (просмотра фильмов, игры и пр.), чем девушки (62,7% против 51,3%).

Интересная, престижная работа является наиболее важной жизненной целью у 70,6% молодых людей и 81,5% девушек. Создание собственного бизнеса является наиболее важной жизненной целью респондент у 49,7% молодых людей и только у 25,6% девушек. А вот создание семьи является наиболее важной жизненной целью у 79,6% девушек и только у 55,4% молодых людей.

Важность регулярного прохождения профилактических медицинских осмотров для сохранения своего здоровья и окружающих людей отметили 26,9 % девушек и только 11,3% молодых людей.

Таким образом, наше исследование еще раз подчеркнуло важность использования гендерного подхода к изучению вопросов здоровья населения. Оно показало, что в молодом возрасте гендерные различия в здоровье и выборе образа жизни имеют место, но они менее заметны, чем у лиц более старших возрастов. Исходя из результатов исследования может вызывать озабоченность более низкая физическая активность девушек, в сравнение с молодыми людьми. По мнению авторов, важно также обратить внимание на целеустремленность девушек на карьерный рост с одновременным желанием создания семьи, что при отсутствии инфраструктурных и бытовых условий, может рассматриваться, как некое противоречие. В связи с чем, органам, осуществляющих молодежную политику следует обратить внимание на данный запрос и создать соответствующие условия. Исследование показало, что у молодых женщин ниже стрессоустойчивость, чем у молодых мужчин, хотя медицинские исследования (например, [7]), как раз утверждают обратное. Очевидно, данный факт может быть объяснен возрастом респондентов и более высокой ответственностью девушек в вопросах получения образования в современных конкурентных условиях, и, по мнению авторов, никак не противоречит существующим представлениям.

Благодарности

Выражаем благодарность О.В. Плотниковой, Н.П. Неклюдовой за помощь в проведении социологического исследования.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список использованной литературы

1. Галимов Ш. Н., Галимова Э. Ф. Вымирающий пол – иллюзия или реальность? // Управление здравоохранением. – 2005. – № 1-2. – С. 35-41.
2. Гордеева С. С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 2. – С. 113-120.

3. *Завьялов Е. А.* Проблемы формирования здорового образа жизни в среде молодежи // Системная психология и социология. – 2015. – № 1 (13). – С. 104-110.

4. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н.М. Римашевской. – М.: Агенство «Социальный проект», 2007. – 240 с.

5. *Панов А. М.* Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 235-247.

6. *Паутова Н. И., Паутов И. С.* Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности // Женщины в российском. – 2015. – № 2. – С. 64-79.

7. *Судьин С. А.* Гендерный аспект социологии медицины и здоровья // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 4 (65). – С. 24-31.

д.э.н. Кулькова И. А.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Статья посвящена вопросам региональной дифференциации демографических процессов в 2018 году. Выявлены субъекты РФ с наибольшим и наименьшим естественным приростом населения за 2018 год в расчете на 1000 человек населения, проведено сравнение показателей рождаемости и смертности в них. Рассчитано распределение женщин по числу рожденных детей по данным проведенной Росстатом Пробной переписи населения 2018 года, выявлены районы с наивысшим и наименьшим уровнем рождаемости. Предложены меры по увеличению числа рождений.

Ключевые слова: региональные особенности, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, число рождений

Наличие дефицита кадров явилось одной из причин повышения пенсионного возраста в России. Среди причин нехватки квалифицированных работников ученые и политики называют и неблагоприятные процессы миграции, когда из страны уезжают наиболее высококвалифицированные человеческие ресурсы [4], а приезжают в страну мигранты с более низким уровнем квалификации. Что касается кризисных периодов, то численность даже неквалифицированных мигрантов заметно снижается [3]. Другой причиной называют неудовлетворительное качество подготовки специалистов учебными заведениями среднего и высшего профессионального образования. Однако, основной причиной кадрового голода является сокращение рождаемости, начавшееся в 90-х годах прошлого века. Причинами сокращения рождаемости тогда послужили и «эхо войны» [2], и политический и экономический кризис. Сегодня это нерожденное поколение должно было быть и самым активным 25-30-летним человеческим ресурсом, и родителями новых поколений.

Экономический кризис 90-х преодолен, но в демографических процессах проблема, возникшая 20-30 лет назад, дает волновые отголоски три или даже более поколения, поэтому в настоящее время вопросы рождаемости снова на пике актуальности.

Целью данной статьи является анализ процессов рождаемости и естественного прироста (убыли) в России в региональном аспекте; автора интересовала региональная дифференциация естественного движения населения в текущий момент и возможные причины региональных различий.

Региональные особенности демографических процессов регулярно становятся предметом научного исследования, например, последние годы изучалась демографическая ситуация в Дальневосточном федеральном окру-

¹ © Кулькова И. А. Текст. 2019.

ге [6], Пермском крае [7], Рязанской [9], Белгородской [8] областях и других регионах.

Как известно, демографические процессы характеризуются рядом показателей: численность рожденных, умерших, естественный прирост/убыть, коэффициенты рождаемости, брачности, разводимости, половозрастные коэффициенты и другие [8; 1]. Под естественным движением населения понимается изменение численного количества народонаселения в результате таких процессов, как рождаемость и смертность [5].

Таблица 1
Субъекты РФ с наибольшим и наименьшим естественным приростом населения за 2018 год, на 1000 человек населения*

Субъект РФ	естественный прирост	родившихся	умерших
Чеченская Республика	16,3	20,7	4,4
Республика Ингушетия	13,2	16,3	3,1
Республика Тыва	11,4	20,2	8,8
Республика Дагестан	10,8	15,6	4,8
Ямало-Ненецкий авт.округ	8,7	13,4	4,7
Ханты-Мансийский авт.округ - Югра	7,3	13,6	6,3
Республика Саха (Якутия)	5,9	13,7	7,8
Республика Алтай	5,2	15,3	10,1
Ненецкий авт.округ	5,1	14,1	9,0
Кабардино-Балкарская Респ.	4,4	12,6	8,2
Республика Бурятия	3,4	14,1	10,7
Респ. Северная Осетия- Алания	2,9	13,1	10,2
Тюменская область без округов	2,8	13,7	10,9
...			
Российская Федерация	-1,6	10,9	12,5
...			
Брянская область	-6,0	9,2	15,2
Рязанская область	-6,2	9,2	15,4
Курская область	-6,2	9,2	15,4
Владимирская область	-6,7	9,3	16,0
Орловская область	-6,8	9,0	15,8
Новгородская область	-7,0	9,7	16,7
Ивановская область	-7,1	9,0	16,1
Смоленская область	-7,2	8,3	15,5
Тверская область	-7,7	9,1	16,8
Тамбовская область	-7,5	8,1	15,6
Псковская область	-7,9	9,3	17,2
Тульская область	-7,9	8,3	16,2

* Составлено автором на основе ранжирования показателей о рождаемости в 2018 году по данным Росстата. URL: <http://gks.ru>.

Поскольку показатель естественного прироста/убыли населения является результирующим, мы проанализировали данный показатель за 2018 год. В таблице 1 проранжированы субъекты Российской Федерации с наибольшим и наименьшим естественным приростом населения за год, в расчете на 1000 человек населения для сопоставимости показателей. Данные взяты с официального сайта Росстата.

Как мы можем увидеть из данных таблицы наибольший естественный прирост получен в тех субъектах, где наблюдается не только значительно более высокий уровень рождаемости по сравнению со среднероссийскими показателями, но и значительно более низкие показатели смертности. Так, если в Чеченской республике и Республике Тыва рождаемость выше среднероссийского показателя в 2 раза, в Ингушетии и Дагестане – в 1,6 раза, в Ненецком автономном округе и Республике Бурятия – в 1,4 раза, то показатели смертности в регионах-лидерах по демографическому приросту населения ниже среднероссийских: в Республике Ингушетия – в 4 раза, в Чеченской Республике – в 2,8 раза, в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Дагестан – в 2,7 раза, в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра – в 2 раза.

В то время как в регионах с самой высокой убылью населения, наоборот, рождаемость ниже среднероссийской в среднем на 20%, а смертность выше в 1,3 раза. Примечательна география регионов с самой высокой убылью населения – почти все они располагаются в Центральном федеральном округе, и Новгородская и Псковская области – в Северо-Западном федеральном округе. Такое географическое распределение может быть связано с тем, что молодежь из данных регионов активно уезжает в Москву и Санкт-Петербург, где повышают уровень рождаемости, сохраняя простое воспроизводство населения в обеих столицах. В указанных регионах происходит активное старение населения, и как следствие более высокий уровень смертности населения по сравнению со среднероссийским.

Следует отметить, что среднероссийский показатель рождаемости также не обеспечивает простого воспроизводства населения, для которого, как известно необходим коэффициент рождаемости в 2,1 на одну женщину фертильного возраста. Однако, такой средний уровень рождаемости возможно обеспечить только, если достаточно большая часть женщин будет рожать по 3 ребенка или выше.

Данные Пробной переписи населения 2018 года показывают, что в целом по регионам России только 13,4% женщин родили 3-х и более детей, что является недостаточным для простого воспроизводства населения (табл. 2).

Из рассчитанных данных таблицы 2 видим, что пятая часть женщин детей не имеет вообще, естественно, часть из них еще молоды и репродуктивное поведение у них еще впереди, треть женщин имеет одного ребенка, и почти столько же – двух.

В таблице также рассчитаны доли для района с наивысшим уровнем рождаемости, где проводился опрос, и района с наименьшим уровнем рож-

Распределение женщин по числу рожденных детей, %^{*}

Число рожденных детей	Всего по районам проведения Пробной переписи населения 2018 года	Муниципальный район «Хангаласский улус» Республики Саха (Якутия)	Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Княжево
0	20,3	17,1	33,1
1	31,3	18,5	38,3
2	35,1	30,6	23,9
3	9,5	20,3	3,9
4	2,4	8,4	0,6
5	0,9	3,0	0,2
6	0,3	1,0	0,0
7 и более	0,3	1,1	0,0

^{*} Рассчитано и составлено автором на основе результатов Пробной переписи населения 2018 года. Официальный сайт Росстата: <http://gks.ru>.

даемости. И мы видим, что в Внутригородском муниципальном образовании Санкт-Петербурга муниципальном округе Княжево доля женщин, родивших 3-х и более детей составляет 4,7%, всего 7 женщин родили 6 детей, и всего 9 – 7 и более, что в долях показало 0,0%.

Таким образом, В условиях сокращения женщин репродуктивного возраста вследствие резкого снижения рождаемости в 90-х годах, сохранение численности населения страны возможно только путем увеличения репродуктивного коэффициента, т.е. числа рождений в расчете на одну женщину. В этих условиях необходимо увеличивать поддержку государства именно женщинам и семьям с тремя и более детьми. Размер материнского капитала должен возрастать ощутимо (вероятно, в два раза) при рождении третьего ребенка, по сравнению с размером капитала при рождении второго ребенка. Дальнейшее увеличение материнского капитала при рождении четвертого и последующих детей нецелесообразно, поскольку будет стимулировать рождаемость в социально-неблагополучных семьях.

Список использованной литературы

1. Афиногенова И. Н., Пиндюрина Е. А. Демографическая ситуация в России // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 71-74.
2. Вишневский А. Демографический след войны // Демоскоп Weekly. – 2016. – № 689-690 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/tema01.php>.
3. Воронина Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 158-183.

4. *Ворошень О. Г.* Особенности миграционных установок молодых ученых академического сектора науки // Социологический альманах. – 2018. – № 1. – С. 377-385.

5. *Кулинич К. А.* Прогнозирование демографической ситуации в РФ на 2025 год // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). – Казань, 2017. – С. 112-114.

6. *Мотрич Е. Л.* Современные особенности воспроизводства населения в Дальневосточном федеральном округе // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 54-72.

7. *Олина А. А., Садыкова Г. К., Метелева Т. А.* Анализ демографических процессов в Пермском крае // Пермский медицинский журнал. – 2018. – Т. XXXV. – № 3. – С. 67-73.

8. *Реутова М. Н.* Факторы естественного прироста населения Белгородской области: социологический анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 14 (85). – С. 77-86.

9. *Ружинская Л. А.* Демографическое развитие Рязанской области: оценка и перспективы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2016. – № 1 (50). – С. 106-119.

к.э.н. Макарова М. Н.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ¹

В статье рассматриваются вопросы формирования и накопления капитала здоровья населения. Определены объективные (средовые) и субъективные (поведенческие) факторы долгосрочного инвестирования в здоровье. Проведена оценка парциального вклада средовых факторов в формирование капитала здоровья населения, а также рассмотрены инновационные практики индивидуального накопления здоровья на основе использования цифровых технологий и новых паттернов поведения.

Ключевые слова: капитал здоровья, поведение, средовые факторы, социальные инновации, цифровизация

Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте является одним из 17 приоритетов мирового развития, сформулированных ООН². Такая постановка вопроса открывает новые возможности, чтобы обеспечить всем людям, а не только самым богатым, доступ к самым высоким стандартам в области здравоохранения и медицинского обслуживания. Международными организациями предпринимаются значительные усилия по увеличению продолжительности жизни и борьбе с распространенными причинами смертности. Эти же цели нашли свое отражение в государственной политике России в составе национальных приоритетов, сформулированных в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»³. В связи с этим актуальным является изучение тенденций в сфере накопления капитала здоровья населения, определение ключевых факторов и инновационных практик, способствующих достижению поставленных задач.

Начиная с Г. Беккера, уровень здоровья населения рассматривался в составе человеческого капитала. Однако в 1970-х гг. Э. Громссман обосновал, что капитал здоровья и человеческий капитал нужно рассматривать раздельно, и предложил понимать его как актив, позволяющий его обладателю как можно дольше использовать по назначению свой человеческий капитал [4].

Вместе с тем, выводя капитал здоровья в самостоятельный объект исследования, Громссман придерживался неоклассического подхода, т.е. исхо-

¹ © Макарова М.Н. Текст. 2019.

² Повестка дня в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения 09.09.19).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 15.05.2019).

дил из положения о рациональности принятия инвестиционного решения. Однако, как отмечает И.В. Розмаинский, индивидуальный рациональный выбор в сфере накопления капитала здоровья как долгосрочного инвестиционного проекта затруднен и в большей степени определяется факторами, влияющими на человеческое поведение в условиях неопределенности будущего и сложности получения информации [3]. К ним относятся:

- уверенность индивида по поводу того, что его инвестиции в здоровье окупятся в отдаленном будущем;
- ориентация на поведение других индивидов в сфере охраны здоровья;
- подчинение требованиям со стороны неформальных и (частично) формальных институтов, которые могут способствовать или препятствовать накоплению капитала здоровья;
- следование привычкам, положительно или отрицательно влияющим на индивидуальный капитал здоровья.

Как видно из приведенного перечня, факторы, оказывающие существенное влияние на накопление капитала здоровья, носят поведенческий характер.

Вместе с тем, как определяет Всемирная организация здравоохранения, существенное влияние на накопление капитала здоровья оказывают не только субъективные (поведенческие) факторы, но и объективные: биологические свойства организма (18-22%); развитие системы здравоохранения (8-10%); качество окружающей среды (18-20%); образ жизни и социально-экономические условия (49-53%) [1].

На основе статистических данных о социально-экономическом развитии регионов России за 2004-2017 гг. с помощью методов машинного обучения нами разработан методический инструментарий оценки парциального вклада социальных и экономических факторов в показатели смертности населения трудоспособного возраста как показателя здоровья населения (прокси-переменная).

Согласно данным Росстата, в целом с 2004 г. качество жизни населения улучшается, несмотря на то, что отдельные социально-экономические показатели имеют неравномерную и неустойчивую динамику в результате изменений экономической ситуации в мире. Одновременно наблюдается значительное снижение смертности трудоспособного населения как в целом по стране, так и в каждом ее регионе.

На рисунке приведены результаты оценки парциального вклада социальных и экономических факторов в формирование капитала здоровья населения России в течение 14 лет.

В целом наибольшее влияние на формирование здоровья населения оказывает здравоохранение (58% от общего воздействия средовых факторов на здоровье населения). Кроме того, именно доступ к медицинской помощи ведет к снижению смертности трудоспособного населения (вклад показателей «количество коек» – 45,6%, «пропускная способность амбулатор-

Рис. Парциальный вклад социально-экономических факторов в формирование капитала здоровья населения, %. Рассчитано по: [4]

но-поликлинических учреждений» – 6,5%). При этом с течением времени значение этого фактора снижается (с 61% в 2004 г. до 21% в 2017 г.).

Условия труда и охрана труда занимают второе место и составляют 18% общего воздействия факторов среды на здоровье населения, в том числе 10,3% влияния оказывают тяжелые и опасные условия труда. Более того, с течением времени влияние данного фактора усиливается: если в начале анализируемого периода оно составляло 17%, то к концу достигло 59%.

Качество жизни и образ жизни также являются важным фактором здоровья населения, их совокупное влияние составляет 13% при подавляющем значении средних доходов (6,4%). Уровень безопасности слабо связан с показателями смертности (всего 6,9%), но предполагается, что он влияет на показатели заболеваемости и благосостояния населения, также формируя капитал здоровья. Наконец, социальные расходы региональных бюджетов обеспечивают лишь 4% влияния факторов среды обитания на здоровье населения. Однако социальные расходы бюджета тесно связаны с развитием здравоохранения и качества жизни, поэтому мы не должны пренебрегать этим аспектом воздействия.

Исходя из полученных оценок, мы вынуждены констатировать, что на индивидуальном уровне повлиять на формирование капитала здоровья в части объективных факторов среды достаточно сложно. Однако, как отмечалось выше, велика роль поведенческого фактора для сохранения и улучшения здоровья каждого человека, а быстрая цифровизация всех сфер жизни общества создает предпосылки для активных индивидуальных стратегий формирования личного капитала здоровья на основе новых паттернов поведения и инновационных социальных практик, снижающих неопределенность и неуверенность индивида по поводу долговременных инвестиций в здоровье.

Согласно докладу Европейской комиссии, к социальным инновациям в сфере здоровья можно отнести геймификацию, т.е. применение элементов игрового дизайна и принципов игры в неигровых контекстах, в т.ч. для

подбора и оценки физических упражнений. Современные молодые люди все больше и больше играют в виртуальные игры и поэтому привыкли обучаться таким образом, геймификация использует новые условия, требующие меньше времени для одного вопроса. Так, например, в США разработана специальная игра, которая мотивирует детей больше двигаться: они могут загрузить свои данные о деятельности на веб-сайт и посмотреть, сколько очков они получают и выполнили ли они задачи или заработали штраф. [5, р. 260].

Забота о собственном здоровье и развитие технологий способствовали созданию специальных датчиков и соответствующего им программного обеспечения для смартфонов, которые позволяют осуществлять постоянный мониторинг функций человеческого тела. Количество подобных инструментов постоянно растет, и все больше и больше людей носят браслеты, часы и другие устройства, которые могут доставлять данные в онлайн-режиме, так что информация постоянно доступна. Некоторые устройства были разработаны только для медицинских целей, другие предназначены для занятий спортом или ведения здорового образа жизни. Все это стимулирует пользователей лучше понимать себя, собирая данные о каждом аспекте своей повседневной жизни: потребление пищи, качество воздуха, уровень кислорода в крови, физическая активность и т.д. Люди имеют возможность тщательно анализировать данные, распознавать тенденции и потенциально изменять свое поведение. [5, р. 266-267].

Таким образом, формирование капитала здоровья населения зависит как от деятельности государства по регулированию объективных социально-экономических факторов, так и от индивидуальных стратегий инвестирования в здоровье с использованием инновационных практик в данной сфере.

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список использованной литературы

1. Асланов Д. И. Факторы и условия, определяющие формирование здоровья человека // Управленец. – 2011. – № 3-4. – С. 68-71.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2006-2017 гг.
3. Розмаинский И. В. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (Опыт посткейнсианского анализа) // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113-131.
4. Grossman M. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // Journal of Political Economy. – 1972. – Vol. 80. – No 2. – P. 223-255.
5. 100 Radical Innovation Breakthroughs for the future. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – 338 p.

к.э.н. Никулина Ю. Н.
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ: ФОРМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ¹

Статья посвящена исследованию форм и методов обеспечения занятости молодежи в рамках реализации региональной политики в данной сфере. Автором систематизированы направления содействия занятости молодежи с учетом субъектов, координирующих их реализацию в отношении конкретных возрастных групп молодежи. Проведен анализ региональных программ и мероприятий, осуществляемых в области профориентации, обеспечения занятости и профессионального развития молодого поколения. В заключении сделаны выводы, что основным методом реализации политики обеспечения занятости молодежи на региональном уровне является программно-целевой метод.

Ключевые слова: региональная экономика, занятость, молодежь, профориентация, стажировки, трудоустройство

В рамках реализации государственной кадровой политики молодежь выступает в качестве главного ресурса развития страны, в связи с чем должны быть созданы условия и возможности самореализации для молодого поколения как на уровне отдельного региона, так и в целом в РФ.

В целях решения задач обеспечения занятости и профессионального развития молодежи реализуется федеральный проект «Социальные лифты для каждого», направленный на создание реального и эффективно действующего механизма поддержки усилий молодых людей к достижению личного успеха, рассчитанный на улучшение экономической и социальной атмосферы в стране. Одним из инструментов реализации этого механизма на практике выступает региональная политика обеспечения занятости молодежи [1, с. 47]. Меры содействия занятости молодежи на региональном уровне направлены, как правило, на три возрастные группы: молодежь в возрасте от 15 до 19 лет, молодежь 20-24 лет и молодежь 25-29 лет. Основные направления работы в области обеспечения занятости молодого поколения в рамках реализации региональной политики представлены на рисунке.

Профориентация выступает инструментом для самой молодой группы в возрасте от 15 до 19 лет, вступающей в трудоспособный возраст с целью оказания помощи молодежи в выборе профессии, специальности. Координирующими органами выступают образовательные учреждения и органы власти субъектов РФ в лице региональных Министерств образования, оказывая профессиональную ориентацию, формируя оптимальную инфраструктуру для трудоустройства, согласовывая учебные программы с требованиями работодателей и т.д. [2, с.110].

¹ © Никулина Ю.Н. Текст. 2019.

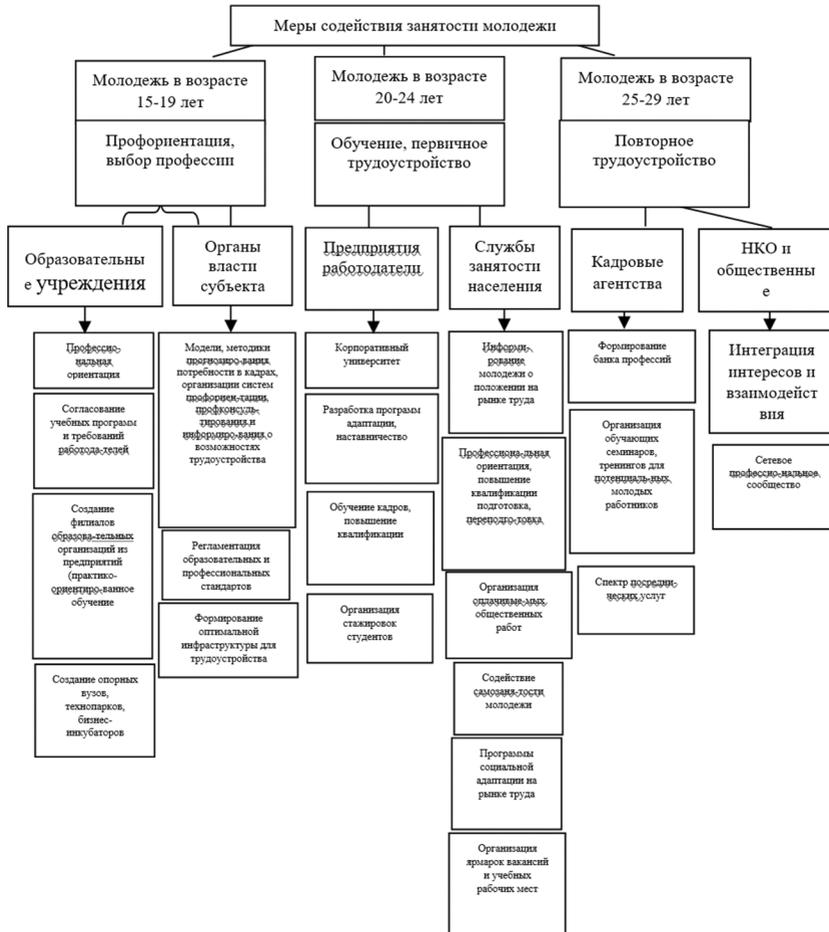

Рис. Направления содействия занятости молодежи в рамках реализации региональной политики

Основным инструментом для молодежи в возрасте от 20 до 24 лет в области содействия занятости выступает обучение и первичное трудоустройство. Органами, регулирующими вопросы занятости, являются предприятия-работодатели и службы занятости населения. Для молодежи в возрасте от 25 до 29 лет, испытывающих потребность в повторном трудоустройстве, кадровыми агентствами и некоммерческими социально-ориентированными организациями предусмотрен ряд инструментов по вопросу содействия занятости: формирование банка профессий; организация обучающих семинаров, тренингов; интеграция интересов и взаимодействия образования и бизнеса и др.

Для реализации приоритетных направлений в области обеспечения занятости молодежи предусмотрены региональные проекты, имеющие как содержательную, так и адресную направленность. При этом формы и инструменты обеспечения занятости в отдельных регионах имеют как общие черты, так и свои особенности. Проведем оценку реализации программ содействия занятости молодежи на примере ряда регионов.

Одной из наиболее популярных и удобных форм содействия профориентации и занятости молодежи в Пермском крае являются ярмарки вакансий и учебных мест. Самая крупная ярмарка учебных мест – «Образование и карьера», проводимая в крае ежегодно. Кроме того, успешно реализуется программа летней занятости молодежи, что является возможностью для молодых людей для возраста от 14 до 24 лет приобрести трудовой опыт, познакомиться с новыми людьми и получить оплату за свой труд. Организатором данной программы выступает МАУ «Дворец молодежи г. Перми» [3, с. 58].

В республике Башкортостан с 2015 года реализуются специальные программы, направленные на предоставление субсидий для открытия собственного дела непосредственно для молодежи. Более 1500 человек за три года получили такие субсидии и создали дополнительно 864 рабочих места. Кроме того, на территории республики для совместного регулирования вопросов занятости молодежи и разработки задач и мер эффективного трудоустройства безработной молодежи со стороны работодателей и центра занятости ежегодно организуются круглые столы и панельные дискуссии.

Правительство Пензенской области совместно с центрами занятости ежегодно открывает новые программы, помогающие вчерашним выпускникам устроиться по специальности. В числе основных направлений реализации региональной политики в области обеспечения занятости следующие:

- создание условий для профессиональной деятельности за счет стимулирования использования трудового потенциала молодежи (гибкий график, частичная занятость и т.п.);
- организация стажировок на предприятиях молодых специалистов для последующего трудоустройства на постоянную работу;
- ориентация школьников, повышение их мотивации к трудовой деятельности по профессиям и специальностям, востребованным на рынке труда, а также к занятию предпринимательской деятельностью.

В Саратовской области с целью повышения уровня трудоустройства молодежи ежегодно проводятся межведомственная профориентационная акция «Фестиваль профессий», проект в детских оздоровительных лагерях «Марафон профессий», а также ярмарки вакансий, семинары, встречи с работодателями, тренинги и пр.

С целью решения задач, связанных с обеспечением занятости молодежи, в частности трудоустройства выпускников, в Оренбургской области проводится комплексная работа. Первостепенное значение в решении вопросов обеспечения занятости молодежи играет Министерство труда и за-

нятости населения Оренбургской области. Службы занятости населения региона осуществляют обязательное информирование граждан и работодателей о положении на рынке труда. Проводятся ярмарки вакансий и учебных рабочих мест, заседания клуба «Кадры и рынок», брифинги, конференции, встречи с работодателями, представителями органов местного самоуправления, выпускниками [4, с. 2667].

В 2018 году в рамках муниципальной программы реализации молодежной политики в городе Оренбурге «Молодой Оренбург» на 2018-2020 годы были реализованы в полном объеме мероприятия по следующим направлениям:

- проведена ярмарка вакансий учебных мест, в которой приняло участие 38 учебных заведений и 3500 абитуриентов (из них: студенты из 11 средних специальных образовательных организаций; 40 школ, лицеев и гимназий города Оренбурга);

- разработаны и опубликованы методические рекомендации сборники для абитуриентов по вопросам профориентации;

- обеспечена работа штабов по трудоустройству несовершеннолетних в летний период; на протяжении всего года велась работа по профориентации молодых людей, обучающихся в учебных заведениях города Оренбурга.

В целях поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы» на территории региона ежегодно проводится форум «PRO-бизнес» для молодых и начинающих предпринимателей. Успешные предприниматели Оренбуржья делятся полезными инсайтами и секретами своего успеха. Миссия Форума - создать сообщество вдохновленных, успешных, целеустремленных предпринимателей из совершенно разных сфер деятельности. Представители Господдержки бизнеса предоставляют ценную информацию для начинающих и действующих предпринимателей города Оренбурга и области.

Подводя итог, стоит отметить, что нами были рассмотрены региональные программы содействия занятости населения в субъектах РФ. Основными формами обеспечения занятости молодежи, используемые в отдельных субъектах РФ являются – российские студенческие отряды, организация общественных работ, стажировок и профориентации молодежи, а также проведение ярмарок вакансий [5, с.95].

В практике регионов РФ накоплен определенный опыт формирования программ обеспечения занятости молодежи. Основными направлениями региональных программ содействия занятости молодежи являются:

- подготовка и трудоустройство высококвалифицированных молодых специалистов;

- профориентация и психологическая поддержка;

- организация временного трудоустройства молодёжи;

- поддержка самозанятости и предпринимательской деятельности.

Таким образом региональная политика обеспечения занятости и трудоустройства молодежи реализуется посредством нормативно-правовых

актов, включая законодательство субъектов РФ и соответствующие программы. Основным методом реализации политики обеспечения занятости молодежи на региональных уровнях является программно-целевой метод.

Список использованной литературы

1. Андреев А. И., Ильин И. В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: Стратегические ориентиры развития // *Almamater, Вестник высшей школы*. – 2016. – № 5. – С. 46-53

2. Модернизация системы управления персоналом и развитие экономики региона / Ж. А. Ермакова [и др.]; Оренбург. гос. ун-т. – М. : Креативная экономика, 2019. – ISBN 978-5-91292-272-5. – 366 с.

3. Донченко А. И. Механизмы совершенствования государственной политики содействия занятости молодежи // *Социальная политика и социальное партнерство*. – 2017. – № 7. – С. 56-59.

4. Карпова Г. В., Никулина Ю. Н., Матюшко А. В. Анализ реализации региональных программ в области кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами // *Российское предпринимательство*. – 2015. – № 16 (том 16). – С. 2663-2680.

5. Региональный рынок труда: приоритеты, проблемы и пути решения / Л. М. Низова, А. С. Никитина // *Кадровик*. – 2017. – № 1. – С. 94-102.

д. филос. н. Павлов Б. С.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВАЯ ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДЕЖИ НА УРАЛЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛЫ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА)¹

Прогрессивное поступательное развитие общества, воспроизводство сменяющих друг друга поколений людей было и остаётся неразрывно связано и обусловлено постоянным развитием, наращиванием производительной силы совокупного субъекта истории. Молодежная интерпретация социокультурного наследия и адаптация к окружающей действительности во многом определяют направления и успехи общественного развития.

Стремление и достижение состояния социального благополучия для современной российской молодежи, по мнению автора, связано, в первую очередь, с соответствующими условиями и организацией процесса онтогенетической профессионально-трудовой социализации молодёжи (детей, подростков, молодых людей) в условиях и средствами региона.

Ключевые слова: социальное благополучие, молодежь, родительская семья, профессиональная социализация, детский труд, жизненные планы, счастье, Урал

Прохождение каждым индивидом своего жизненного пути, его перманентная социокультурная деятельность, социальное мироощущение, как правило, традиционно связываются с сопутствующим стремлением личности «к сытой, безбедной жизни» «к благополучию, благосостоянию», «к счастью в жизни» или, короче, – просто, «к счастью». При всей, кажущейся «понятности» и «правомочности» этого, казалось бы, «естественного» стремления мыслящего человеческого существа, остаётся проблематичным само понимание феномена «человеческое счастье». Что это за явление? Как его «увидеть», «отразить», «почувствовать», «потрогать»? Прежде всего, заглянем в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. «Счастье» он трактует как «Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его. Жить в счастии, во времени, благоденствовать. Счастье в нас, а не вокруг да около. Домашнее счастье, совет да любовь. Лады, в семье, большое счастье! Даст Бог здоровья, даст и счастья...» [3].

В контексте проблематики статьи, в этом многоаспектном определении понятия «счастье» особое внимание читателя следует обратить на желаемую качественную характеристику восприятия своего бытия человеком: «жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство»,

¹ © Павлов Б. С. Текст. 2019.

Для экономистов и социологов, изучающих те или иные аспекты благосостояния населения, отражающего успешность/неуспешность реализации социальной политики, не может не представлять особого интереса анализ взаимосвязи и взаимосоотношения феноменов «счастье» - «благополучие», «удовлетворённость», их «разночтения» в общественном и бытовом сознании. Сложность адекватного отражения внутреннего социально-психологического состояния личности во многом определяется смысловой ограниченностью устоявшихся в словарном запасе большинства россиян разговорно-бытовыми слоганов по поводу «счастливого» случая, удачливой сделки, благоприятного события и т.д.

Социальные диагнозы «счастливый/несчастливый» «удовлетворённый/неудовлетворённый», «благополучный/неблагополучный» должны отражать не только (и, не просто) характеристику определённого конкретного объективного положения или субъективного состояния человека, а призваны выражать представление о том, какой должна быть жизнь человека, что именно является для него благополучием, обеспеченностью, блаженством, преуспеванием. Поэтому необходимо осознавать, что понятие С. имеет нормативно-ценностный характер. Как правило, в зависимости от того, как истолковывается назначение и смысл человеческой жизни, понимается и её содержание, включая составляющие его компоненты.

В Новое время толкование феномена «счастья» постепенно связывается с субъективными и рационалистическими детерминантами. Человек, отмечал Ф. Энгельс, чтобы чувствовать себя счастливым, «должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, индивида другого пола, книги, развлечения, споры, деятельность, предметы потребления и труда» [6, т. 21, с. 297].

При исследовании сущности феномена «счастье» выделяется, прежде всего, его дуалистический характер. Он проявляется, с одной стороны, в отношениях «материального и духовного», с другой, - «объективного и субъективного». Первый аспект дуализма обусловлен набором факторов экономического и неэкономического характера, детерминирующих у индивида чувства удовлетворённости своих потребностей, благоприятным и удачным решением своих проблем. Второй аспект связан с самоактивностью человека, стремящегося «к счастью», к наиболее полному удовлетворению своих материальных и духовных потребностей. Последнее, в свою очередь, определяется особенностями ментальности субъекта «поиска счастья», «охотника за благополучием, быстрым обогащением» характером национальных традиций, и их социально-экономической и нравственно-этнической коррекцией в разных странах, больших и малых социальных группах.

Нравственно-этический аспект изучения феномена «счастья» особенно актуализируется с выделением в экономических исследованиях нового направления «экономическая теория счастья», которая, по мнению В.С. Бочко, позволяет сочетать «экономические отношения с нравственно-этической мотивацией поведения людей». При этом правомерно утверждается, что «благополучие и счастье людей может быть достигнуто только на ос-

нове совместных социально ориентированных и скоординированных действий всех членов сообщества» [2, с. 3; 4].

В зарубежных и отечественных научных исследованиях социальное благополучие рассматривается в ряде следующих аспектов:

- воплощение нравственных добродетелей, духовной гармонии, счастья, блаженства
- стратегическая цель политики государства;
- материальный достаток, благосостояние, богатство;
- позитивное эмоциональное состояние;
- физическое, психическое и социальное здоровье;
- гармоничные отношения человека и окружающей природной среды;
- идеальное социальное устройство;
- результат согласованного социального поведения и эффективного межличностного взаимодействия [5].

В отечественной социологии утвердилось положение, что вполне репрезентативными индикаторами оценок жизненного успеха выступают социокультурные ценности, которые детерминируют активность целенаправленной деятельности индивида, социальной группы, социума в целом. Наши многолетние и многочисленные исследования на Урале показывают, что в тройку первых, наиболее предпочтительных (желаемых) взаимосвязанных жизненных ценностей входят: «крепкое здоровье-безопасность», «хорошая семья-дети» и «благополучие-любимый труд» [8]. Достижение именно этих ценностей определяет, в первую очередь, жизненное самочувствие человека, его благополучие, оптимистическое отношение к окружающему миру.

Важно и другое обстоятельство. Эти, казалось бы, естественные и достижимые цели для большинства наших современных молодых россиян (в нашем случае – молодых уральцев) оказываются во многом призрачными, иллюзорными, сопровождающимися «непреодолимыми объективными» препятствиями и барьерами... Речь идёт, прежде всего, о причинах деформации профессиональных судеб значительной части молодых людей, об ощутимой дестабилизации института молодой родительской семьи, о девиантных проявлениях в повседневной молодёжной субкультуре, о рисках молодых людей в преодолении возникающих препон в жизненном самоопределении и его важнейшей составляющей – процессе профессионально трудовой социализации. Фатальны ли эти отклонения и деформации? Какова природа возникающих барьеров в процессе профессиональной и семейной социализации молодёжи? Кто виноват в «возведении» этих преград и провоцировании рисков? И, наконец, что с этим делать?

Ниже в статье – о некоторых аспектах этой проблемы. При этом мы. используем результаты некоторых наших социологических опросов, проведённых (под руководством и с личным участием автора статьи) в 2008-2018 гг. в Институте экономики УрО РАН, В частности, это проекты:

- 2014 г. — по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и

б) 510 подростков - г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов - «Урал-Школа-2014».

— 2016 г. в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «Техн»; педагогических (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – «Пед» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «Гум» - 400 чел. Общая для опроса - «Урал-ВУЗ-2016».

— 2017 г. было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузах на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ - г. Челябинск) - 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ - г. Екатеринбург) - 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) - 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) - 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) - 400 чел - «Урал-ВУЗ-2017».

Процесс онтогенетической профессионально-трудовой социализации молодых людей Можно условно разделить на три сравнительно самостоятельных, но взаимосвязанных аспекта: а) трудовое воспитание и первичная профессиональная ориентация в родительской семье и в общеобразовательной школе – условно: «Семья-Школа»; б) профессиональная учёба в ВУЗе – «ВУЗ»; в) адаптация к профессиональной деятельности в реальном секторе экономики – «ЗАВОД». В данной статье мы остановимся на некоторых проблемах профессионально-трудового взросления детей (подростков) в родительских семьях.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, - писал К.Д. Ушинский, - должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни» [10, с. 295]. Вряд ли и сегодня кто-либо из здравомыслящих отважится оппонировать этой традиционной народной мудрости, сформулированной замечательным русским педагогом около полутора веков тому назад.

¹ В статье затрагиваются лишь проблемы высшего профессионального образования молодёжи.

Своеобразным стержнем, «движителем» трудовой деятельности индивида является его личностное качество – трудолюбие¹. Важно осознавать, что это качество личности не передаётся путём наследования генов от родителей, а, в подавляющем большинстве случаев, формируется целенаправленными усилиями родителей или окружающих людей сопровождающих процесс взросления детей (воспитатели, наставники и др.). Важным традиционным средством трудового воспитания детей в семье традиционно выступал и выступает повседневный посильный домашний труд (по самообслуживанию и обслуживанию других членов родительской семьи).

Как показал опрос «Урал-Школа-2014», городские уральские подростки «особо не перерабатывают» в домашнем хозяйстве своих родителей. На вопрос анкеты «Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

работы, в квартире, в доме, где живём постоянно:

- мою, чищу посуду, кухонную утварь	- 65 / 66
- мою пол, делаю влажную уборку	- 46 / 46
- готовлю еду (первое, второе блюдо)	-32 / 32
- регулярно хожу за продуктами в магазин	- 49 / 51
- ухаживаю за младшими сёстрами и братьями	- 32 / 33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой, дедушкой)	- 22 / 19
- ухаживаю за домашней «живностью» (кошкой, собакой и др.)	- 59 / 55

Можно говорить о наличии своеобразного «городского синдрома» с менее ощутимыми для человека негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идет о соблазнах тунеядства, провоцируемого реальными возможностями прожить в городе (прежде всего, в крупном), месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь), не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике – своеобразных «цивильных» митрофанушек и обломовых, не умеющих забить гвоздь в стену.

Мы твёрдо убеждены, что по мере онтогенетического развития необходимо увеличение реальной социально-экономической отдачи детей (подростков, студентов) обществу, в частности, родительской семье. Этот со-

¹ Трудолюбие - склонность, любовь к труду; синонимы: прилежание, прилежность, старание, старательность, усердность, усидчивость; антонимы: лень (Толковый словарь русского языка Ушакова Д.Н. М.: ОГИЗ. 1935-1940).

циально-природный процесс трудового взросления, естественно, должен идти не вразрез с индивидуальными и семейными интересами, а скорее, с приоритетом последних.

Каково влияние уральских родительских семей на профессиональную ориентацию и, соответственно, на жизненное самоопределение своих взрослеющих детей? Вполне понятно, что наиболее существенные коррективы в формирование жизненных планов школьной молодёжи вносят их родители, родственники и гораздо реже учителя, преподаватели учебных заведений. Так в исследовании «Урал-ВУЗ-2016» на вопрос анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере повлиял на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе на Вас лично?» из 13-ти субъектов влияния подавляющее большинство респондентов из 7-ми уральских вузов выбрали пять (% от общего числа опрошенных – 1600 чел.):

Субъект влияния	%	«Разброс» ответов по вузам, %
Мама	61	от 55 (УрФУ) до 73 (ЧГПУ)
Отец	45	от 43 (ТюмГУ) до 52 (ЧГПУ)
Бабушка, дедушка	13	от 11 (ЮУрГУ) до 19 УрГПУ
Учитель, учителя в школе	17	от 13 (УрГУПС) до 26 УрГПУ
Преподаватели в ВУЗе	7	от 2 (ТюмГУ) до 10 (ЧелГУ)
Никто не влияет, каждый выбирает по себе	19	от 14 (ЧГПУ) до 26 (УрГПУ)

В силу ряда объективных исторических социально-экономических процессов (в сфере разделения труда, смены форм собственности, трансформации семейно-брачных отношений и др.) существенно изменился традиционный механизм воспроизводства института профессий. Временной период с середины XIX - начало XXI вв. в России может быть охарактеризован как период постепенной аномии функции семьи, связанной с производством и воспроизводством профессионального потенциала семейной группы путём естественной межпоколенческой преемственности. Переход к капиталистическим формам организации производства «автоматически» ослаблял роль и заинтересованность родительской семьи (группы родственников) в традиционной (отца к сыну) профессиональной социализации своего потомства. [5].

И, последнее, в качестве конкретных предложений автора раздела. Дальнейшая оптимизации процесса воспроизводства тех или иных производственно-территориальных групп молодых специалистов (тех же инженерных кадров в промышленности Урала) в числе других традиционных направлений, форм, условий и средств решения аналогичных (по предмету и сложности) социально-экономических проблем, предлагаются ТРИ НОВЫЕ (авторские) [9]:

1. Развитие широкого движения «МАТРИМОНИАЛЬНОГО ВОЛОНТЁРСТВА» - неофициального («неоплачиваемого») социально-педагогическое сотрудничества родительских семей с официальными институтами социализации молодёжи на всех этапах онтогенетического развития детей, под-

ростков, молодых людей, которое может классифицироваться КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ в сфере первичной и вторичной социализации молодого поколения россиян (в нашем случае – уральцев).

2. Создание условий для формирования и развития устойчивых и перманентных «ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОРИДОРОВ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ», предполагающий целенаправленное и заинтересованное (мотивированное) «сопровождение» процесса профессиональной социализации молодых людей по мере их онтогенетического взросления в рамках 4-х основных институциональных образований: «РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ ⇒ ШКОЛЫ ⇒ ВУЗа ⇒ ЗАВОДа». Подобное «сопровождение» будет способствовать, в частности, адресному воспроизводству структуры кадров региона в профессиональном и производственно-поселенческом разрезах, создавая реальные условия для удовлетворения текущих и перспективных потребностей подготовки кадров в регионе. Этот процесс может носить как индивидуальный, так и групповой характер. Развитие подобной «коридорной инфраструктуры» как элемента особой образовательной политики в регионе, будет способствовать минимизации профессионально-производственной «безадресной» подготовки молодых специалистов, игнорирующих рабочие места по специальности диплома, полученного в ВУЗе. В первую очередь, такая политика необходима для профессий, обеспечивающих нормальное расширенное воспроизводство населения (врачи, учителя) и промышленно-производственный потенциал региона (инженеры). В числе последних, - инженеры, обеспечивающие развитие цифровой экономики уральского регионе (РФ в целом).

3. Целенаправленная активизация социально-педагогического ДВИЖЕНИЯ по развитию на крупных, ведущих предприятиях промышленного комплекса РФ феномена профессионально-производственной династичности в семьях инженерно-технических работников, подкреплённого соответствующими материально-экономическими стимулами и условиями

Дальнейшее повышение дееспособности человека во всех сферах его жизнедеятельности продолжает оставаться одной из актуальнейших задач современного этапа развития человеческого сообщества, в том числе, естественно, российского общества. В реализации этой задачи общество имело в прошлом и будет иметь в будущем значительные резервы. Как отмечал в своё время академик Н.П. Дубинин, «люди еще не научились, в полную меру, использовать все возможности, которые заложены в биологии человека, для развития его интеллекта, способностей и склонностей» [4, с. 135].

Список использованной литературы

1. Антипина О. Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. – 2012. – № 2. – С. 94–107.
2. Бочко В. С. Теория экономического счастья человека: необходимость формирования и направления поиска // Журнал экономической теории. – 2012. – № 4. – С. 7–18.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovslov.ru/tolk/sqastyte.html> (дата обращения: 11.9.19).

4. Дубинин Н. П. Что такое человек. – М.: Мысль, 1983. – 334 с.

5. Коган Л. Н., Павлов Б. С., Поляничко В. П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21.

7. Мерзлякова И. В. Теоретико-методологические основы социологического анализа социального благополучия населения: автореф. дис. ... к-та социол. наук. – Барнаул, 2006.

8. Павлов Б. С., Анисимов С. А. Экономическое поведение молодёжи на Урале: социально-психологический анализ. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.

9. Павлов Б. С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968-2018 гг.) / Российское общество социологов, Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

10. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Просвещение, 1968. – 557 с.

к.э.н. Пастухова Е. Я.
магистрант Шульгин М. А.
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МАСШТАБОВ БЕДНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ¹

Бедность – одна из важнейших проблем современной России. Цель исследования – изучение динамики масштабов бедности, оценка взаимосвязи уровня бедности и социально-экономических, демографических факторов развития сибирских регионов. Выявлена существенная дифференциация масштабов абсолютной бедности в Сибирском федеральном округе. Значимое влияние на рост масштабов бедности оказывают: уровень безработицы, высокая доля населения младше трудоспособного возраста, высокая доля сельских жителей в структуре населения региона. Факторы, работающие на снижение уровня бедности: высокий уровень занятости, достаточно высокие показатели валового регионального продукта и среднедушевого дохода.

Ключевые слова: абсолютная бедность, уровень безработицы, уровень занятости, демографические факторы, регион

Проблема бедности чрезвычайно актуальна для современного российского общества. Почти все экономические кризисы, происходившие в России, оказывали существенное влияние на снижение реальных доходов населения и повышения масштабов бедности. Это влияние усугублялось ростом межрегиональной дифференциации по уровню социально-экономического развития. Существующие диспропорции, в том числе по основным характеристикам бедности, обусловлены территориальными, демографическими, экономическими условиями, сложившимися в субъектах федерации.

Цель исследования состоит в изучении динамики масштабов бедности, оценке взаимосвязи уровня бедности и социально-экономических, демографических факторов развития регионов Сибирского федерального округа (СФО). Процесс реализации цели предполагает решение следующих задач. Во-первых, проанализировать динамику масштабов бедности в территориях СФО за 2010 – 2017 гг. Во-вторых, рассмотреть уровень дифференциации бедности по сибирским регионам. В-третьих, на основе корреляционного анализа выявить демографические и социально-экономические факторы, работающие на рост (снижение) масштабов бедности в регионах СФО.

Социально-экономическая литература, посвященная изучению различных аспектов бедности, имеет достаточно обширную историю. Этой проблеме уделяли значительное внимание многие зарубежные исследователи: Ч. Бут, Ф. Ле Пле, С. Раунтри, П. Таунсенд и др. [3]. В отечественной литературе изучению характера, разновидностей бедности, особенностей ее вос-

¹ © Пастухова Е. Я., Шульгин М. А. Текст. 2019.

производства посвящены работы Быковой С., Гордона Л., Овчаровой Л., Сычевой В., Ярошенко С. [4]. Региональные особенности российской бедности рассматриваются в публикациях Бобкова В.Н., Гулюгиной А.А., Чесалкиной Е.Ю. [1], Карабчук Т.С., Пашиновой Т.Р., Соболевой Н.Э. [2], Римашевской Н.М., Миграновой Л.А. [5] и др.

Зарубежные и отечественные исследователи выделяют три основных подхода к определению и измерению бедности: абсолютный, относительный, субъективный. Согласно абсолютному подходу, бедность – это невозможность удовлетворять базовые потребности человека, семьи в пище, жилище, одежде, тепле. В соответствии с относительным подходом, к числу бедных относят людей, которые не могут поддерживать общепринятые в обществе стандарты благосостояния. Субъективная бедность фиксирует эмпирическую реальность, отраженную во мнениях людей по поводу их материального благосостояния.

Методологической основой нашего исследования является концепция абсолютной бедности, в соответствии с которой Федеральная служба государственной статистики определяет масштабы бедности в среднем по РФ и по регионам. К числу абсолютно бедных относят людей, домохозяйства с доходами ниже величины официально установленного регионального прожиточного минимума.

Информационной базой исследования стали данные Росстата, представленные в сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Труд и занятость в России», «Социальное положение и уровень жизни населения России». В качестве экспертов для отбора статистических показателей выступали преподаватели Кемеровского государственного университета и сотрудники Кемеровостата. Отобранные показатели были сгруппированы в следующие блоки.

– масштабы абсолютной бедности: доля людей в общей численности населения соответствующего региона с доходами ниже величины прожиточного минимума;

– социально-экономические факторы: валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения, уровень занятости населения в возрасте 15-72 лет, среднедушевые денежные доходы населения (СДД), уровень безработицы по методологии МОТ;

– демографические факторы: доля населения младше трудоспособного возраста; доля людей старше трудоспособного возраста в общей численности населения соответствующих регионов; доля сельских жителей в общей численности населения территории.

На протяжении всего исследуемого периода с 2010 по 2017 гг. динамика масштабов абсолютной бедности в регионах СФО была достаточно неустойчива. Относительно низкие показатели доли малоимущего населения (термин государственной статистики) были в 2010-2013 гг. Эти годы характеризуются ростом реальных доходов населения, которые составляли от 2,1% до 5,2% в год в среднем по СФО. Более высокими темпами увеличи-

валась реальная заработная плата в среднем от 3,6% до 8,2% в год по СФО. Динамика реального размера пенсий – от 3,2% до 4,1% в год.

Финансово-экономический кризис 2013-2014 г. оказал негативное влияние на все показатели доходов (заработная плата, пенсии, доходы от предпринимательской деятельности, среднедушевые доходы) и как, следствие, рост масштабов абсолютной бедности в среднем по РФ и по сибирским регионам. Увеличение доли малоимущего населения продолжалось и в последующие годы. В 2017 г. по сравнению с 2014 г. наиболее интенсивно масштабы бедности возросли в республиках Алтай и Тыва (на 25% и 17%, соответственно), в Забайкальском крае – на 18%, в Омской области – на 16%. По всем остальным территориям СФО рост составил от 4% (Томская область) до 10-11% (Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская области).

Динамика масштабов бедности в сибирских регионах наглядно иллюстрирует существенную региональную дифференциацию в численности малоимущего населения по СФО. На протяжении всего исследуемого периода экстремально высокие показатели бедности фиксировались в республике Тыва – 40,5% в 2017 г. В этом же году аналогичный показатель в Горном Алтае составил 25,8%, в республике Хакасии, Алтайском, Красноярском краях, Иркутской, Томской областях – по 17-18%. В 2017 г. среди сибирских территорий самая благополучная ситуация по уровню бедности зафиксирована в Омской области – 13,9%. Дифференциация между самым «бедным» сибирским регионом (республика Тыва) и Омской областью составляет 2,9 раза. Столь существенные различия объясняются уровнем социально-экономического развития территории, демографической структурой населения, показателями занятости.

Последняя задача исследования была посвящена оценке взаимосвязи демографических, социально-экономических факторов и масштабов абсолютной бедности. Статистические показатели, характеризующие влияние соответствующих факторов, это величина ВРП на душу населения, уровень занятости населения, уровень безработицы по методологии МОТ, величина среднедушевого денежного дохода, доля населения младше трудоспособного возраста, доля населения старше трудоспособного возраста, доля сельских жителей в общей численности населения региона. Для оценки взаимосвязи рассчитывался коэффициент корреляции Пирсона, позволяющий определить наличие (отсутствие) связи между двумя показателями, а также оценить ее тесноту и статистическую значимость.

По результатам анализа наиболее значимое влияние на рост масштабов бедности в регионах СФО оказывают безработица и высокая доля населения младше трудоспособного возраста. Эти факторы особенно актуальны для республик Тыва и Алтай. Негативное влияние этих детерминант усугубляется относительно низким уровнем занятости населения, низкими показателями среднедушевых доходов и ВРП в данных республиках.

Проживание в сельской местности оказывает умеренное влияние на риск попадания домохозяйства в число бедных. Негативное влияние этого

Корреляции, связывающие масштабы абсолютной бедности с социально-экономическими, демографическими факторами

Факторы влияния на бедность	Масштабы абсолютной бедности
Социально-экономические факторы	
ВРП на душу населения	-,504
Уровень безработицы по методологии МОТ	,936
Уровень занятости населения в возрасте 15-72 лет	-,904
Среднедушевой денежный доход	-,801
Демографические факторы	
Доля населения младше трудоспособного возраста	0,961
Доля сельского населения в численности населения региона	0,557
Доля населения старше трудоспособного возраста	Слабая связь

Примечание. Pearsons (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 20$.

Расчеты произведены авторами на основе данных Росстата.

фактора достаточно активно проявляется в республиках Алтай (71% - доля сельского населения), Тыва (46%, соответственно), Хакасия (31%), Алтайском крае (44%).

Позитивная динамика ВРП, среднедушевого дохода, повышение уровня занятости населения работают на снижение масштабов бедности. Почти все социально-экономические факторы (за исключением уровня безработицы), анализируемые в статье, препятствуют попаданию людей в категорию малоимущих. Действие этих факторов значимо для Красноярского края, Новосибирской, Томской, Омской областях. В этих регионах достаточно низкие масштабы абсолютной бедности и уровень безработицы, высокие показатели занятости и среднедушевых доходов.

Региональная дифференциация масштабов бедности в регионах СФО существенна. Экстремально высокий уровень бедности в республике Тыва. Достаточно благополучная ситуация по числу абсолютно бедных в Омской и Новосибирской областях. По данным за 2017 г. различия в масштабах абсолютной бедности между республикой Тывой и Омской областью составляют 2,9 раза.

Межрегиональная дифференциация сибирских территорий по масштабам бедности обусловлена влиянием уровня безработицы и занятости лиц от 15 до 72 лет, величиной ВРП на душу населения и размером СДД. Высокая доля населения младше трудоспособного возраста и достаточно высокий удельный вес селян работают на рост масштабов абсолютной бедности.

Результаты исследования региональной дифференциации бедности позволяют корректировать направления социально-экономической политики, направленной на снижения численности малоимущих граждан, оказания им соответствующей помощи и повышения уровня занятости экономически активного населения.

Список использованной литературы

1. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Чесалкина Е. Ю. Региональное неравенство качества и уровня жизни населения России (2009) // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – № 4 (158). – С. 16-54.
2. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ? // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – Т. 22. – № 1. – С. 155-175.
3. Литинская Е. Ю., Матюшина Ю. Б. Генезис основных теорий бедности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2016. – № 3. – С. 74-77.
4. Пастухова Е. Я. Депривационный подход к анализу потребительских характеристик бедности в регионе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 41-43.
5. Римашевская Н. М., Мигранова Л. А. Влияние финансового кризиса на уровень жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. – 2010. – № 5 (147). – С. 71-85.

к.э.н., доцент Преснякова Е. В.
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СООТВЕТСТВИЯ ИМЕЮЩИХСЯ РАБОЧИХ МЕСТ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМУ УРОВНЮ В РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ¹

Выявлены специфические особенности и недостатки статистического учета высокопроизводительных рабочих мест в Беларуси, затрудняющие анализ их количества, динамики и распределения на территории страны. Предложен методический подход к оценке соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню. Проведена апробация методического подхода на примере видов экономической деятельности, относящихся к средне- и высокотехнологическому сектору, в регионах Беларуси. Определены регионы с более низким уровнем соответствия рабочих мест высокопроизводительному уровню по сравнению со среднереспубликанским. Подтверждена положительная зависимость между наличием высокопроизводительных рабочих мест и валовым региональным продуктом. Отражены инструменты и меры государственной политики по стимулированию создания высокопроизводительных рабочих мест в регионах Беларуси.

Ключевые слова: производительность труда; высокопроизводительное рабочее место; высокотехнологичный сектор; промышленность.

В соответствии с Докладом о мировом развитии Всемирного банка, посвященном созданию рабочих мест (World Development Report 2013: Jobs), экономический рост может быть следствием создания рабочих мест, а не только их причиной, и напрямую зависит от того, сколько и каких рабочих мест создается. Повышение производительности происходит при создании высокопроизводительных рабочих мест и снижении количества низкопродуктивных. Одновременно данный процесс сопровождается перераспределением трудовых ресурсов в региональном разрезе [6].

Президент Республики Беларусь в докладе на пятом Всебелорусском народном собрании, определяя стратегию дальнейшего развития страны, отметил: «Совершенствование структуры экономики неизбежно ведет к высвобождению избыточной численности работников. Чтобы не допустить резкого скачка безработицы, надо принять упреждающие меры... Улучшить работу служб занятости, наладить переподготовку специалистов, упростить условия перетока рабочей силы между регионами и отраслями. И главное – новые рабочие места, высокопроизводительные. Их за пятилетие предстоит создать более 250 тысяч».

Целью данного исследования является развитие методического подхода к оценке соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню в регионах Беларуси, выявление на этой основе регионов с низкой производительностью труда и недостаточным количеством высоко-

¹ © Преснякова Е. В. Текст. 2019.

копроизводительных рабочих мест и выработка комплексных мер по раскрытию кадрового и промышленного потенциала данных регионов.

Согласно Постановлению Национального статистического комитета Республики Беларусь 19.08.2013 №163 к высокопроизводительному относится рабочее место работника, принятого на дополнительно введенное рабочее место, у которого размер заработной платы, начисленной за первый полностью отработанный месяц отчетного периода, превысил пороговое значение заработной платы по основному виду экономической деятельности организации¹.

В Беларуси в открытых статистических публикациях представлены сведения лишь о численности работников, принятых на дополнительно введенные рабочие места, без учета высокопроизводительных. В связи с этим сделать подробный анализ о наличии, создании и распределении высокопроизводительных рабочих мест по регионам Беларуси не представляется возможным. Вместе с тем, информация о фактическом и пороговом значении номинальной начисленной заработной платы в регионах Беларуси в разрезе видов экономической деятельности позволяет оценить соответствие имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню.

Как известно, высокопроизводительные рабочие места оснащены современным оборудованием и позволяют достигать высокоэффективного в экономическом плане производства [1, 2, 3, 4]. В первую очередь данное направление осваивают высокотехнологичные отрасли экономики. В связи с этим производить оценку целесообразнее всего по средне- и высокотехнологичным отраслям обрабатывающей промышленности. Для проведения такой оценки предлагается рассчитывать соотношение фактической номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников в регионах Беларуси и ее порогового значения.

$$Cngamw_{ij} = \frac{NGAMW_{ij}}{TNGAMW_{ij}}, \quad (1)$$

где $Cngamw_{ij}$ (Coefficient nominal gross average monthly wages) – коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, раз; $NGAMW$ (Nominal gross average monthly wages) – фактическая номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; $TNGAMW$ (Threshold nominal gross average monthly wages) – пороговое значение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников для отнесения рабочего места к высокопроизводительному; i – вид экономической деятельности; j – регион.

Как показали практические расчеты, наибольшая производительность труда в средне- и высокотехнологичном секторе наблюдается в Минской области (коэффициент равен 0,66), что обусловлено размещением крупных

¹ О внесении дополнений в постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 163 [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2018 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

производств химических продуктов и машиностроительных предприятий (производство машин и оборудования). В числе наиболее отстающих по производительности труда регионов Беларуси: Гродненская (коэффициент равен 0,45), Брестская (0,47) и Могилевская области (0,47) (табл.).

В разрезе видов экономической деятельности наиболее производительные рабочие места организаций:

— производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов размещены в Могилевской области;

Таблица

Оценка соответствия имеющихся рабочих мест в средне- и высокотехнологичном секторе промышленности высокопроизводительному уровню в регионах Беларуси

Вид экономической деятельности	Коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, раз							
	Республика Беларусь	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,56	0,49	0,44	0,39	0,46	0,62	0,53	0,87
производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,60	0,45	0,43	0,37	0,59	0,68	0,59	0,45
производство химических продуктов	0,57	0,32	0,51	0,40	0,45	0,50	0,80	0,34
производство электрооборудования	0,56	0,59	0,52	0,47	0,44	0,60	0,54	0,44
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,58	0,48	0,46	0,48	0,42	0,63	0,73	0,52
производство транспортных средств и оборудования	0,57	0,46	0,47	0,59	0,43	0,64	0,58	0,45
производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,61	0,30	0,63	0,73	0,31	0,42	0,36	0,30
производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	0,52	0,47	0,48	0,49	0,47	0,62	0,53	0,54
металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,56	0,40	0,42	0,65	0,45	0,59	0,60	0,41

Источник: рассчитано авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

- производства вычислительной, электронной и оптической аппаратуры, производства электрооборудования, производства машин и оборудования, не включенных в другие группировки, производства транспортных средств и оборудования, производства резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов – в г. Минске;
- производства химических продуктов – в Минской области;
- производства кокса и продуктов нефтепереработки, металлургического производства, производства готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования – в Гомельской области.

Коэффициент корреляции между коэффициентом соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню и валовым региональным продуктом шести областей и г. Минска достаточно высок и в 2018 г. достиг 0,7153. Таким образом, проведенные нами расчеты подтверждают прямую зависимость между ростом валового регионального продукта, развитием средне- и высокотехнологичного сектора экономики и высоким уровнем производительности труда на рабочих местах.

Согласно положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы государственная политика направлена на обеспечение эффективной занятости населения, повышение конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда и ее территориальной мобильности. Предусматривается обеспечение перехода от политики сохранения рабочих мест к политике получения максимального эффекта от одного рабочего места. Особое внимание уделяется формированию правовых условий для привлечения инвестиций в модернизацию производств и создание новых рабочих мест. Ежегодно планируется трудоустроить на вновь созданные рабочие места не менее 50 тыс. человек. Основная роль в этом отводится малому и среднему бизнесу, который получит дополнительную государственную поддержку.

Новые рабочие места в Беларуси планируется создавать с учетом перспектив и направлений структурной перестройки производства и для обеспечения занятости работников, высвобождаемых в ходе сокращения неэффективных рабочих мест. Реализация мер по повышению трудовой мобильности рабочей силы должна способствовать перераспределению кадров в регионы с дефицитом трудовых ресурсов. В этих целях планируется совершенствовать информационно-аналитическую базу вакансий в глобальной сети Интернет. Предусмотрено оказание финансовой поддержки безработным и членам их семей, переселяющимся на новое место жительства и работы¹.

Согласно Плану индустриализации отстающих регионов, разработанному во исполнение поручения совета Министров Республики Беларусь, до 2020 года в отстающих районах Витебской, Гомельской, Гродненской и Минской областей намечается реализация 6 инновационных проектов

¹ Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2020–2016 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – 1/16792.

по освоению совершенно новых для регионов направлений с высокой добавленной стоимостью в химическом и металлургическом производстве, цифровых технологиях с созданием около 4 тыс. новых рабочих мест. Для увеличения доли высокоэффективных производств в структуре промышленного производства отстающих районов предусматривается реализация инвестиционных проектов в фармацевтической и пищевой промышленности в Брестской и Могилевской области.

Согласно направлению 4.2 «Производительная занятость и доступные рабочие места» Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года главная цель государственной политики в социально-трудовой сфере – создание условий для производительной и достойно оплачиваемой занятости, повышение эффективности использования трудового потенциала и его конкурентоспособности. На первом этапе (2021–2025 годы) основные усилия будут направлены на трансформацию отраслевой структуры занятости путем создания новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики и сфере наукоемких услуг. Акцент будет сделан на создание высокопроизводительных рабочих мест в рамках реализации плана новой индустриализации регионов, освоения новых производств в Парке высоких технологий и Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень»¹. Особое внимание будет уделено устранению межрегиональных диспропорций на рынке труда, в том числе посредством реализации мер по перераспределению рабочей силы на основе повышения ее территориальной, трудовой и профессиональной мобильности, расширения масштабов трудовой миграции.

Список использованной литературы

1. Волкова Н. Н. Определение высокопроизводительных рабочих мест: сравнение методик / Н. Н. Волкова, Э. И. Романюк // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 5. – С. 89–97.
2. Козлова О. А. Повышение производительности труда в регионах Урала: инструменты и методы стимулирования / О. А. Козлова, С. Н. Смирных, Е. В. Потапцева // Управление экономическими системами. – 2018. – № 12 (118).
3. Кокоулина Е. Е. Как оценивают высокопроизводительные рабочие места в современной России // Проблемы учёта и финансов. – 2013. – № 3 (11). – С. 56–59.
4. Потапцева Е. В. Стимулирование создания высокопроизводительных рабочих мест в регионах (на примере Свердловской области) // Друкеровский вестник. – 2017. – № 1. – С. 217–234.
5. Преснякова Е. В. Инвестиционные факторы роста производительности труда в Беларуси // Наука и инновации. – Минск, 2014. – № 8 (138), август. – С. 37–40.

¹ Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 10.09.2019.

6. World Development Report 2013 : Jobs // The World Bank, Washington [Electronic resource]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11843>. – Date of access: 16.08.2019.

Секицки-Павленко О. О.
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

В данной статье рассматриваются наиболее популярные количественные демографические теории и концепции. Анализируются причины возникновения этих теорий и их трансформация. Подчеркивается взаимосвязь демографической составляющей и экономики. Анализируются преимущества и недостатки каждой из количественных демографических теорий.

Ключевые слова: демографические теории, увеличение численности населения, уменьшение численности населения, демографический переход, мальтузианство, экономическое развитие

Человеческие ресурсы считаются основным богатством общества, они представляют собой основу для достижения экономических, социальных, политических и других целей. Поэтому неудивительно, что именно население с его уникальной структурой, численностью и динамикой развития находится в центре внимания на региональном уровне. Регионы конкурируют друг с другом в области количества и качества населения. Производство и потребление товаров и услуг невозможно без наличия населения. Именно наличие определенного количества и качества человеческих ресурсов определяет меру и интенсивность регионального развития. Данные о численности населения, его составе, социальных, экономических и культурных характеристиках представляют собой базовый материал для принятия решений о будущем облике региона.

Первые попытки обосновать необходимость увеличения или уменьшения численности населения, и условий сопутствующих или препятствующих протеканию этих процессов, а также возможные результаты исходов принадлежат античным философам Платону и Аристотелю, которые считали недопустимым чрезмерное увеличение численности населения. Причём первый в качестве способа регулирования предлагал принудительное переселение определенной части жителей в колонии. Аристотель полагал, что малочисленность граждан представляет собой залог социальной стабильности, а увеличение населения приведет к росту преступности и небезопасности земель [6].

В эпоху позднего возрождения и в новое время первыми, кто поставил население в центр экономической теории, были меркантилисты (Томас Ман и Жан-Батист Кольбер). Будучи сторонниками роста численности населения они руководствовались простыми аргументами – чем больше людей, тем крепче нация, тем больше солдат и налогоплательщиков, что соответственно увеличивает богатство монархии и государства. Рост населения

¹ © Секицки-Павленко О. О. Текст. 2019.

также в их понимании означал увеличение производства товаров и широкие возможности их последующего экспорта [8].

Ещё больший акцент на увеличении численности населения по сравнению со сторонниками меркантилизма делают немецкие камералисты (Ганс Карл фон Карловиц, Иоганн Генрих Готтлиб фон Юсти и др.). Их взгляды основывались на «трех китах»: власть, фискальная политика и спрос. Чем больше людей – тем сильнее армия, больше налогоплательщиков, выше спрос. Теории камералистов нашли благодатную почву в экономической действительности Германии того времени. Последствия Тридцатилетней войны и последующий за ней экономический кризис, привели к глубокому экономическому, социальному и политическому расколу в государстве. Идеи камералистов по созданию собственных мануфактур, запрете на ввоз и вывоз отдельных товаров, введение высоких пошлин, контроль качества товаров и использование принудительного труда позволяли аккумулировать денежные ресурсы внутри государства и тем самым достигнуть самообеспечения региона [4].

Идеи равновесия между численностью населения и средствами существования ещё с античных времен приобретает экономический характер. Но если в античное время и эпоху Возрождения, можно говорить только о предпосылках для формирования демографических теорий, то в эпоху Просвещения и в Новое время складывается определенная система знаний о народонаселении, опираясь на которые формировались демографические теории в их сегодняшнем понимании.

Пожалуй, самой распространенной теорией, объясняющей развитие демографических процессов, является теория демографического перехода (зачастую в научной литературе можно встретить понятие демографической революции, которое используется в качестве синонима, однако эти понятия различны). Демографическим переходом называют процесс, в ходе которого на смену высокой рождаемости и смертности приходят низкая рождаемость и смертность. Теория демографического перехода базируется на взглядах М. Вебера (1864-1920) и Эмиля Дюркгейма (1858-1917), которые рассматривали различные аспекты концепции перехода от малоподвижного традиционного общества, к динамичному современному обществу с присущим ему индивидуализмом и стремлением к экономической эффективности и рациональности, пронизывающим все сферы жизни. Впервые эта идея была высказана К. Марксом (1818-1883) в его знаменитом труде «Капитал» (1867), где отмечалось, что изменения в режиме воспроизводства населения, тесно связаны со сдвигами в организации общества. Историки науки полагают, что база теории демографического перехода сформировалась на рубеже XIX и XX вв. Именно в это время произошло снижение рождаемости в Европе (в частности во Франции) и наряду с этим существенно снизилась смертность, что вызвало необходимость научного обоснования.

В 1890 г. французский демограф Арсен Дюмон, предположил, что снижение уровня рождаемости вызвано улучшением возможностей для соци-

альной мобильности и стремлением индивида к экономическому процветанию.

Значительный вклад в разработку теории демографического перехода внес американский ученый Фрэнк Ноустейн (1902 – 1983), который опубликовал ряд статей, содержащих формулировки основных положений теории демографического перехода. Отличительной чертой его работ является комплексное объяснение процессов снижения рождаемости и экономического развития с одной стороны и демографического поведения с другой стороны [3].

Последующее развитие теории демографического перехода приобрела благодаря трудам Дж. Колдуэла (в середине 1970). Свои взгляды ученый систематизировал в теории потоков благ (wealth flow theory), согласно которой причиной снижения рождаемости в развивающихся регионах является изменение направления потоков благ (денег, товаров, ресурсов). Таким образом, он отстаивал идею о том, что рождаемость начинает устойчиво снижаться, когда многодетная семья становится экономически невыгодной. На его труды часто ссылаются при объяснении человеческой модели homo economicus (человек экономический). Альтернативой этой модели выступает модель homo sociologicus (человек социальный), которая присутствует в ряде социальных теорий [2].

Следующий этап в развитии теории демографического перехода – это концепция второго демографического перехода. Ее основоположниками являются бельгийский демограф Рон Лестаг и нидерландский демограф Дирк Ван де Каа. Они предлагают объяснение изменений, которые начались в демографическом поведении населения Европы в 60-х гг. XX века. Выделяя в качестве главных изменений: позднее вступление в брак, рост числа незарегистрированных браков, рост внебрачной рождаемости, положительное сальдо миграции. Эти изменения авторы связывают с новым типом организации общества (эпохой postmodern), и как следствии этого масштабными сдвигами в системе ценностей. Второй демографический переход отличается от первого стремлением индивида к самовыражению, свободе выбора собственного жизненного стиля, эмансипацией. Этому способствует рост доходов, экономическая и политическая безопасность и т.д [1].

Кроме теории демографического перехода значительное место в истории демографической науки занимает учение Томаса Р. Мальтуса. Популяционная теория Мальтуса заключается в том, что, население имеет тенденцию к увеличению в геометрической прогрессии, а источники средств к существованию растут не более чем в арифметической прогрессии. Таким образом, существует несоответствие между желанием людей иметь детей и средствами к существованию. Мальтус считал, что гомеостатическое регулирование может обеспечиваться в будущем исключительно несчастьями (война, голод, эпидемии т.д.), но так как это варварский способ, то должна проводиться активная политика, которая должна включать пропаганду «нравственного обуздания» и «отказ от признания за бедными воображае-

мого права содержаться на общественный счет». Концепция Мальтуса оказала огромное влияние на политическую экономию конца 19 века [5]. Со временем данная теория претерпела значительные изменения, поэтому принято различать классическое мальтузианство и его модификации. Так или иначе, центральным тезисом мальтузианства и близких к нему теорий является утверждение о «тщетности» усилий по преумножению средств существования людей, так, как это ведет только к увеличению числа потребностей. Сторонники мальтузианства во второй половине XX века У. Фогт и Г. Бутуль, видят единственную возможность выхода из кризиса, в мерах по сокращению рождаемости.

Еще одной количественной демографической теорией является теория оптимума населения. Под ее знаком в Женеве в 1927 г. проходил I Международный демографический конгресс. Эта теория в свое время получила широкое признание руководящих кругов Лиги наций. В частности Имре Ференчи в труде «Оптимум населения» определяет оптимум, как ту численность населения, которая при современном уровне науки и техники обеспечивает наибольший доход на душу населения. Теория оптимума подобно мальтузианству исходит из того, что уровень жизни определяется соотношением между численностью населения и средствами существования. Но если у ранних авторов социальные отношения почти полностью игнорируются, то в более поздних трудах по теории оптимума содержатся попытки трактовки данной проблемы с позиции социальных отношений. Данная теория исходит из того, что до определенных пределов рост численности населения планеты – явление положительное и должно существовать на Земле такое число жителей, при котором бы были обеспечены наилучшие экономические условия. Но у этой теории есть существенный минус. По признанию самих авторов определение величины оптимума оказывается невозможным. Так, Ландри в 1937 году, признал, что определение величины оптимума может быть только субъективным, произвольным. Благодаря этому теория оптимума является только способом объявить ту или иную страну, регион и т.д. перенаселенным или недоселенной [6]. К данной теории примыкает теория оптимального роста численности населения Земли. По своей сути теория оптимума и теория оптимального роста населения, представляют скорее методологический аппарат, нежели теорию как таковую.

Резюмируя можно сказать, что количественные теории акцентируют внимание на численности населения как планеты в целом, так и её отдельных регионов, пытаются объяснить рост или убыль населения и предлагают определенный методологический аппарат, для решения демографических проблем.

На сегодняшний день в одних в одних регионах рост численности населения вызывает тревогу, в других регионах наоборот снижение рождаемости на фоне постарения населения приводит к депопуляции. В этой связи всё острее проявляется необходимость в регулировании демографических процессов. В свою очередь успешное проведение демографической поли-

тики невозможно без четкого исследовательского аппарата, ключевую роль в котором играет теоретическая база. Именно она определяет, в каком направлении будет развиваться тот или иной регион.

На протяжении всей истории становление и развитие демографических теорий и концепций представляло собой достаточно длительный процесс. Одни теории исчезали, появлялись другие. Иные возрождались после периодов забвения. Формирование, какой-либо демографической теории неразрывно связано с историческим этапом, мировоззрением, государственной политикой, экономикой и идеологией. При проведении государственной демографической политики особая роль должна отводиться региональной составляющей.

Список использованной литературы

1. *Ван де Каа Д.* О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции. – 2002. – № 10. – С. 90-96.
2. *Вишневский А. Г.* Демографическая модернизация России, 1900-2000. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
3. *Елисеева И. И., Васильева Э. К., Клупт М. А.* Демография и статистика населения. – М., 2017. – 405 с.
4. *Зубков К. И.* Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник – 2013. – № 3(40). – С. 20-29.
5. *Мальтус Т. Р.* Опыт закона о народонаселении (перевод Вернера И. А.). – М., 1895. – 250 с.
6. *Федорова Н. А., Каримова Л. К.* Историческая демография: теория и метод: учебно-методическое пособие. – Казань, 2012. – 264 с.
7. *Чистова Н. А.* Философские основания демографических проблем: исторический обзор // Молодой ученый. – 2019. – № 9 (247). – С. 238-241.
8. *Эрлихсон И. М.* Меркантилизм и проекты борьбы с безработицей в Англии второй половины XVII века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2009. – Т. 25. – С. 77-88 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/merkantilizm-i-proekty-borby-s-bezrabortitsey-v-anglii-vtoroy-poloviny-xvii-veka>.

д.э.н. Селютина Л. Г.
Петербургский государственный университет путей сообщения
им. Императора Александра I
Булгакова К. О.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЕМНЫХ ДОМОВ СОЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹

В статье приводится оценка практики создания первых наемных домов в Санкт-Петербурге, построенных за счет бюджетных средств. Обоснована целесообразность их строительства за счет аккумуляции инвестиционных ресурсов с помощью создания некоммерческих партнерств, участниками которых могут быть частные и некоммерческие организации. Предлагаются эффективные рычаги стимулирования частных инвесторов для строительства наемных домов социального типа региональными органами власти.

Ключевые слова: жилищное строительство, социальное жилье, наемный дом, некоммерческие организации, арендное жилье

Решение жилищного вопроса, сопровождающее всю историю человечества, остается одной из самых актуальных трудноразрешимых задач. Масштабность и направленность системы мер, охватывающих перспективные направления и первоочередные мероприятия по удовлетворению потребности в жилье, несомненно, зависят от поляризованности гражданского общества и правового государства в отношении ускоренного и социально справедливого решения данного вопроса, включая такой важный аспект рассматриваемой проблематики, как доступность ресурсов, выделяемых для достижения этих целей [3]. В современных условиях ограниченности ресурсов и особой значимости проблемы обеспечения потребности в жилье в целом немаловажное значение имеет вопрос создания рационального по типу домов и квартир жилищного фонда, способного гибко отвечать на изменяющиеся во времени потребности различных категорий граждан. Поэтому не только в России, но и в большинстве европейских стран возрастает внимание к оценке уровня развития рынка жилой недвижимости, вопросам городского планирования и практической реализации стратегии жилищной политики, обеспечивающей оптимальные структурные изменения в жилищной сфере, позволяющие удовлетворить потребности разных социально-демографических слоев населения [1, 9]. Очевидно, что в современных непростых макроэкономических условиях накопившиеся проблемы в жилищной сфере и поиск путей их решения остаются наиболее значимыми во всех регионах России, но особенно они являются актуальными для крупных городов страны [7], например, Санкт-Петербурга. На наш взгляд, эти проблемы актуальны и с точки зрения дальнейшего совершенствования жилищной политики, создания и реализации эффективных

¹ © Селютина Л. Г., Булгакова К. О. Текст. 2019.

и доступных механизмов обеспечения российских граждан доступным и комфортным жильем, выработки адекватных мер муниципальной административной и экономической поддержки развития квалифицированного рынка института наемного жилья и строительства наемных домов социального использования [2, 5]. Содействие государства и муниципалитета определенной категории гражданам в реализации их прав на жилье оправдано тем, что современный рынок недвижимости не может (не заинтересован) удовлетворить потребности социально слабых (малообеспеченных) слоев населения. Этому способствуют дефицит жилья и постоянное присутствие в обществе социально незащищенных слоев населения, нуждающихся в государственной защите при решении своего жилищного вопроса.

Для Российской Федерации, как для социально-ориентированного государства, в первую очередь, имеют важнейшее значение вопросы развития одного из ключевых секторов муниципальной экономики – фонда социального жилья для малообеспеченных и социально не защищенных граждан. Поскольку социальное жилье представляет собой недвижимость, право собственности на которую, остается у государства и муниципалитета (или некоммерческой организации), то оно, безусловно, предполагает активное участие этих органов власти в его формировании и развитии. Вместе с тем, чем раньше предприниматели, являясь потенциально важным элементом общественно-политической жизни России, осознают ценность своей социальной ответственности [8], и чем раньше гражданское общество сформирует свое отношение к жилой недвижимости как к объективно платному благу, тем быстрее и действеннее будет решена в стране проблема дефицита социального жилья. Следует отметить, что с учетом исследования структуры городского жилого фонда, в общем объеме которого преобладает доля арендного жилья, принадлежащего гражданам, по расчетам авторов данной работы, в Санкт-Петербурге объем спроса на рынке арендного жилья оценивается в размере до 800 000 потенциальных съемщиков жилья. В современных условиях развитие арендного жилищного фонда и института некоммерческого найма жилого помещения становится стратегически значимым условием развития города и может использоваться органами муниципального управления. За время существования института некоммерческого найма жилья на территории Санкт-Петербурга введены в эксплуатацию два наемных дома социального использования по улице Еремеева и Охотничьему переулку, а также готовят к сдаче еще один дом с общим количеством квартир 295. Плата за аренду жилых помещений в наемных домах зависит от решения местных органов власти и на сегодняшний день она установлена на 60 % ниже рыночной стоимости арендной платы. На январь 2019г. арендованы практически все квартиры в наемных домах, при этом спрос на жилье из жилищного фонда социального использования у нуждающихся граждан растет. Однако, для дальнейшей реализации проектов наемных государственных домов у города недостаточно средств. Наряду с проблемой социального жилья в Санкт-Петербурге, неотложными вопросами являются модернизация и капитальный

ремонт объектов городской инфраструктуры, что в ближайшее время отвлечет бюджетные средства. В связи с этим актуален поиск иных финансовых источников строительства социального жилья, в качестве которых могут выступать частные инвестиции, ипотечные средства, инвестиции паевых инвестиционных фондов, средства некоммерческих организаций и аккумулированные инвестиционные ресурсы [12].

В пилотный проект наемного дома в Санкт-Петербурге (многоквартирный дом по Коломяжскому проспекту, построенный в 2008г.) инвестировал средства (около 50 млн. долл.) финский фонд Iccapital Housing Fund, выкупив 276 жилых помещений. Для фонда выбор такого вида вложений стал надежным инструментом сохранения и приумножения денежных средств. В соответствии с расчетами специалистов, предполагается, что данный инвестиционный объект окупиться за 10-12 лет. Средняя цена предложения на арендную однокомнатную квартиру составляет 26 тыс. руб/мес., и вместе с тем спрос на съем жилья остается высоким. Тогда как средний размер платы за наем квартиры у города на начало 2019г. составляет 6700 руб. за однокомнатную квартиру. При этом к стоимости аренды необходимо еще добавить стоимость коммунальных услуг (в среднем 3500 руб/мес.). При таких ценах за аренду срок окупаемости проекта, согласно нашим расчетам составит 25 лет. Чтобы чистый дисконтированный доход стал положительным, необходимо принять ставку дисконтирования равную 3,4%, что невозможно при существующих темпах реальной инфляции.

С другой стороны, для государственных органов власти и некоммерческих организаций, такое значение показателя является приемлемым ввиду того, что в первую очередь решается социальная задача обеспечения нуждающихся граждан квартирами. Высокая стоимость земельных участков, а также сложность устройства инженерных сетей, объектов социальной инфраструктуры, также в несколько раз увеличивают стоимость строительства, и значительно усложняет строительный процесс [4].

На сегодняшний день, с учетом всех возможностей и преимуществ реализации проектов строительства доходных домов, множество крупных девелоперских компаний в России могут себе позволить возведение арендных домов. Учитывая ситуацию, когда немногие россияне могут приобрести жилье за счет собственных и заемных средств, следует отметить, что строительство доходных домов является актуальной перспективой для решения проблемы улучшения жилищных условий граждан с невысокими и средними доходами. В связи с этим, на первый план реализации жилищной политики выходит заинтересованность государства в создании и расширении цивилизованного рынка аренды жилой недвижимости [6]. При этом данный рыночный продукт, являясь источником дохода, предопределяет еще и социальную задачу некоммерческого найма жилья, для успешного решения которой, необходимо участие государственных и муниципальных органов в строительстве наемных домов социального типа, а также в создании фонда доходных домов. Вместе с тем для того, чтобы потенциальные инвесторы могли рассматривать рентабельность инвестиций

в строительство и эксплуатацию доходных домов в качестве альтернативы для вложения средств, она должна быть выше или на уровне доходности банковских вкладов [10]. В силу ограниченности ресурсов, выделяемых государством на реализацию инвестиционных программ в жилищной сфере, на наш взгляд, разумно использовать кумулятивную инвестиционную политику поддержания проектов по созданию фонда наемных домов социального типа в Санкт-Петербурге, ориентированную на привлечение государственных, некоммерческих структур и частного бизнеса, обеспечивающих содействие продвижению инвестиционных предложений. Такой подход к инвестированию средств возможен через некоммерческие партнерства, в которые могут входить некоммерческие организации, юридические и физические лица с высокой степенью социальной ответственности, и другие заинтересованные лица [11].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что по мере снятия остроты проблемы предоставления социального жилья, формирования значительного по объемам фонда, необходима разработка мер расширения круга лиц, задействованных в создании и управлении социальным жильем – частных коммерческих и некоммерческих организаций, формирующих частный жилищный фонд социального использования и осуществляющих функции по его управлению и предоставлению нуждающимся гражданам в соответствии с установленными стандартами. В рыночных условиях деятельность подобных некоммерческих партнерств представляется авторам более эффективной – для новых схем финансирования строительства социального жилья можно привлекать средства различных частных инвесторов, в то время как деятельность региональных органов власти ограничена жесткими бюджетными рамками. При помощи предлагаемых рычагов стимулирования и аккумуляции ресурсов частного бизнеса в сфере реализации инвестиционных программ социального жилищного строительства, можно развить новые возможности государственно-частного партнерства, повысить социальную ответственность бизнеса, а главное – решить проблему обеспечения граждан социальным жильем. На наш взгляд, такой подход будет способствовать развитию реального сектора экономики, притоку рабочих кадров в регион и повышению его инвестиционной привлекательности.

Развитие социального жилья в виде наемных домов позволит системным образом решить проблему удовлетворения жилищных потребностей нуждающихся граждан. Арендное жилье также позволит решить ряд актуальных для региона вопросов, таких как: повышение доступности жилья для групп населения с разным уровнем денежных доходов; снижение стохастичности распределения жителей по многоквартирным домам (благодаря возможности выбора жилья в собственность или снятие его в аренду); уравнивание прав собственников и нанимателей жилья с позиции удовлетворения жилищных благ граждан и снижение социальной напряженности в обществе; формирование эффективного регионального (муниципального) инструментария стимулирования привлечения и

последующего закрепления на территории трудовых ресурсов; повышение устойчивости и прозрачности рынка жилья, так как спрос на наемное (арендное) жилье формируется под воздействием потребительских факторов, а не спекулятивных; повышение привлекательности системы муниципально-арендного хозяйствования; обеспечение благоприятных условий сбалансированного развития территории региона (города).

На основании рассмотренного в исследовании передового опыта и сформировавшейся практики регулирования сферы найма (аренды) жилья в Санкт-Петербурге, по нашему мнению, можно заключить, что у города есть реальная и объективная возможность получить статус новатора в сфере рынка найма жилья, в том числе на некоммерческих условиях (в жилом фонде социального типа) и стать примером для других городов России. При этом главной задачей эффективного функционирования системы самоуправления городом является создание условий по развитию рынка наемных домов и обеспечению формирования рациональной структуры предложения городского жилья с учетом возможности реализации социальных перспектив удовлетворения жилищных потребностей различных категорий граждан.

Список использованной литературы

1. Бессонов М. С., Пайгусов А. А. и др. Социальное жилье – стратегическое направление развития строительства в регионах России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – № 6-1. – С. 142-144.
2. Булгакова К. О. Развитие некоммерческого жилищного фонда как способ формирования доступного и комфортного жилья в Санкт-Петербурге // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 1. – С.374-376.
3. Васильева Н. В. Развитие форм воспроизводства жилищного фонда: терминологический аспект проблемы // *Известия высших учебных заведений. Строительство*. – 2003. – №1. – С. 114-118.
4. Голикова Т. А. Управление инвестиционной деятельностью в регионе. – СПб.: СПбГИЭУ, 2006. – 91 с.
5. Евсеева Е. И. Социальное жилищное строительство в России: реалии и перспективы развития // *Научное обозрение*. – 2015. – № 21. – С. 218-220.
6. Казиева А. К., Ракова В. А. и др. Участие государства в решении жилищной проблемы граждан в современных условиях // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 12-4. – С. 823-827.
7. Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В. Диагностика креативных процессов в экономике российских регионов // *Креативная экономика*. – 2012. – № 9 (69). – С. 9-14.
8. Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В., Котлярова С. Н. Учет мультипликативного эффекта как обязательный элемент оценки последствий реализации социальных программ // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2015. – № 6 (42). – С. 123-138.

9. *Селютина Л. Г.* Анализ основных социально-экономических показателей потребности в жилье // Экономические проблемы развития строительства в регионе в современных условиях: сб. науч. трудов. – СПб., 2002. – С. 57-66.

10. *Селютина Л. Г.*, Методологические проблемы оптимизации структуры жилищного фонда и жилищного строительства в крупном городе в современных условиях, дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2002.

11. *Egorova M. A.* Modelling of investment processes in the sphere of social house building // Innovations in science and education. International Conference Proceedings. – Central Bohemia University, 2017. – P. 67-72.

12. *Frolova N. N.* Acceleration of regional housing development in Russia on the basis of industrial housing construction modernization // Construction the Formation of Living Environment. E3S Web of Conferences. – 2019.

д.э.н. Смирнова Т. Л.

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ БЕЗРАБОТИЦЫ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДА ЗАТО СЕВЕРСК¹

В статье рассмотрены ключевые институциональные факторы формирования структуры безработицы в моногороде. Выявлены базовые тенденции изменения образовательной, возрастной и гендерной структуры в 2005-2018 годы. Определена роль социальных программ корпоративного бизнеса, федеральных целевых программ и инструментов государственной политики инновационно-технологического развития территорий в снижении социальной напряженности ситуации на локальных рынках. Показана необходимость социального, технологического партнерства между государством и бизнесом в повышении качества и снижении дисбаланса структуры рабочих мест в территориальной системе.

Ключевые слова: безработица, моногород, социально-экономические процессы, территория, инновации, образование, ядерные технологии

Территориальный рынок рабочей силы является индикатором эффективности функционирования и сбалансированности системы профессионального образования в регионе, определяя институциональные предпосылки для развития венчурного и традиционного бизнеса. Моноотраслевая специализация малых и средних городов формирует высокие риски для развития профессионально-квалификационной, образовательной, гендерной структур локальных рынков, проявляющихся в высоком уровне женской безработицы и скрытой безработицы [1]. Медленно растущая емкость потребительского рынка, слабая инвестиционная активность бизнеса в рамках территориальной экономической системы, низкая вовлеченность малых и средних городов в интеграционные процессы формируют застойные процессы и несбалансированную структуру спроса, предложения профессиональных групп на рынке. На уровень безработицы территории влияет инвестиционная активность крупного бизнеса, инновационный потенциал организаций, бюджетные возможности региональных органов власти, налоговые предпочтения, информационно-технологическая и институциональная среда, открывая новые возможности для ведения малого бизнеса [2].

Анализ структуры и динамики безработицы в моногородах можно провести на примере ЗАТО Северск, территории опережающего социально-экономического развития с ядерными технологиями [3]. В ЗАТО Северск находится один город с численностью населения более 100 тыс. человек и пять рядом расположенных поселений. На сегодняшний день, ЗАТО Северск представляет собой территориально-производственный комплекс с моноотраслевой специализацией. Градообразующее предпри-

¹ © Смирнова Т. Л. Текст. 2019.

ятие АО «Сибирский химический комбинат» компании «ТВЭЛ» является структурным подразделением ГК «Росатом», участвует в программе «Комплексное развитие моногорода ЗАТО Северск» при финансовой поддержке «Фонда развития моногородов», который был создан в 2014 году. Особенностью структуры территориально-производственного комплекса ЗАТО Северск является секторная модель экономического развития, основу которой сформировали промышленные предприятия – 26% и 74% организации сферы услуг с преобладаем частной формы собственности (Томскстат).

В общем объеме инвестиций, привлекаемых в ЗАТО Северск, на долю ГК «Росатом» приходится более 65%, осуществляется финансирование мероприятий по проекту «Прорыв 2020», реализуется ФЦП «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности до 2030 года». В 2018 году структура корпоративного сектора экономики территории представлена видами экономической деятельности: строительство – 9%, операции с недвижимостью – 6%, транспортировка и хранение – 2% и другие. Основным сектором экономики территории является производство, выполняющим функции территориального мультипликатора развития и привлечения инвестиций. В другой сектор экономики территории входят обслуживающие, вспомогательные производства и сфера услуг, которые создают предпосылки для эффективного развития основного производства.

Модель занятости в ЗАТО Северск сформирована таким образом, что на градообразующем предприятии находится более 30 % рабочих мест территории, ориентированных в большей степени на мужские профессионально-квалификационные группы, с вредными и опасными условиями труда. Специфика социально-экономического развития территории заключается в дисбалансе развития социальной, торговой, транспортной, жилищной и информационной инфраструктуры. За 2005-2018 годы численность занятых в экономике ЗАТО Северск незначительно увеличилась с 56 до 58 тыс. человек, средняя продолжительность жизни населения выросла с 65 до 72 лет (Томскстат). Среднемесячная заработная плата за рассматриваемый период увеличилась в 4 раза с 10 до 44 тыс. рублей, что сопоставимо с динамикой роста средней заработной платы в стране (Росстат, Томскстат). За рассматриваемый период уровень зарегистрированной безработицы сократился почти в два раза с 2,4% до 1,3%, средний возраст безработных вырос с 35 до 36 лет, период поиска работы сократился с 9 до 8 месяцев (Томскстат). В структуре официально зарегистрированных безработных доля женщин составляла более 65%, что формирует гендерную специфику модели занятости в ЗАТО Северск. Доля молодежи в возрасте до 30 лет в структуре официально зарегистрированных безработных достаточно высока и составляет более 25%. Доля других возрастов в структуре официально зарегистрированных безработных выросла незначительно, доля безработных предпенсионного возраста в общей структуре безработицы снизилась. Такая ситуация сформирована системой стимулирования перевода безработных в категорию экономически неактивного населения, расширения маятниковой миграции и реализации корпоративной программы, сохранения

высвобождаемых работников с востребованными компетенциями, «Релокация и содействие в трудоустройстве» компании «ТВЭЛ» [3].

Проведенный анализ за 2005 – 2018 годы образовательной структуры официально зарегистрированных безработных ЗАТО Северск показал, что доля безработных, с высшим образованием, увеличилась, доля безработных со средним профессиональным образованием уменьшилась, а доля безработных с начальным профессиональным образованием сократилась. Такая ситуация на рынке рабочей силы характеризует формирующуюся модель занятости: с расширяющимся спросом на специалистов преимущественно со средним уровнем профессиональной квалификации и неквалифицированные группы работников.

Специалисты с высоким образовательным и квалификационным уровнем, при сложившейся модели развития территории, остаются востребованными в меньшей степени, чем формируется их предложение в условиях рынка. В большей степени страдают от безработицы работники, которые имеют низкий уровень территориальной, профессиональной, финансовой и социальной мобильности[4]. Работники, имеющие невысокую конкурентоспособность на рынке, как правило, не используют возможности обучения на краткосрочных курсах повышения квалификации из-за психологических, возрастных барьеров и сложности адаптации к новой социальной роли. Таким категориям безработных можно рекомендовать варианты дистанционного, параллельного обучения, многоуровневого обучения при гибкой модели занятости или временной занятости. Категорию застойной безработицы формируют специалисты, неэффективно выстраивающие свою стратегию поиска рабочего места и ведения переговоров с работодателем, особо нуждающиеся в психологической поддержке и профессионально-ориентационном консультировании. В 2005-2018 гг. изменился преобладающий способ поиска работы безработными: обращение в органы занятости населения постепенно заменялось обращением к друзьям и родственникам, что характеризует возрастающую роль коммуникационных неформальных практик как важного института формирования занятости территории.

В подготовке специалистов для ЗАТО Северск участвуют образовательные институты системы высшего и среднего профессионального образования, в том числе СТИ НИЯУ МИФИ, Северский промышленный колледж. Научно-образовательный комплекс Томской области также участвует в подготовке специалистов, используя новые образовательные и дистанционные информационные технологии, исследовательские лаборатории мирового уровня. На территории Томской области находятся шесть университетов, из которых три имеют инновационные модели образования (ТПУ, ТГУ, ТУСУР), получали финансирование по целевой программе «Инновационные университеты Томска». При сохраняющейся секторной модели занятости и технологически консервативной производственной структуре рабочих мест в территориальной экономике формируется избыточное предложение профессиональных групп с высшим образованием.

Анализ образовательной структуры безработицы в ЗАТО Северск за 2005-2018 годы показал, что высокий уровень подготовки профессионально-квалификационных групп работников не соответствует предлагаемой структуре низкоквалифицированных рабочих мест, с небольшим объемом социальных гарантий, что формирует диспропорции структуры занятости и формы застойной безработицы на территории. Тенденции изменения уровня безработицы специалистов со средним профессиональным и начальным профессиональным образованием имели сходный характер, как на территориальном и национальном уровнях. Сложившаяся территориальная структура рынка показывает, что создание нового качества рабочих мест в инновационно-технологичном секторе экономики отстает от темпов подготовки высококвалифицированных специалистов в регионе.

Список использованной литературы

1. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. Демографические проблемы рынка труда // Демоскоп. – 2017. – № 729-730 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0729/tema01.php> (дата обращения: 25.08.2019).
2. Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда?: препринт WP3/2009/06. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. – 80 с.
3. «Росатом» делится знаниями / отв. ред. В. А. Першуков, Д. С. Медовников. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – 152 с.
4. Смирнова Т. Л. Стратегия устойчивого развития промышленной политики и рынка рабочей силы в регионе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: социально-экономические науки. – 2011. – № 2. – С. 39-44.

д.э.н. Соловьев А. К.
Пенсионный фонд Российской Федерации
г. Москва

БЕДНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОКРАЩЕНИЯ¹

Пенсия является основным источником доходов пенсионеров, которые в зависимости от наличия и величины трудового стажа и заработка выплачиваются либо из системы обязательного пенсионного страхования (страховые и накопительные пенсии), либо из системы государственного пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: пенсия, пенсионеры, пенсионная реформа, обязательное пенсионное страхование

Борьба с бедностью пенсионеров – главная цель пенсионной реформы, основанной на страховых принципах рыночной экономики. Однако, достижение данной цели постоянно с той или иной степенью остроты вступает в противоречие с второй по значимости целью пенсионной реформы – долгосрочной финансовой устойчивостью, т.е. финансовой обеспеченностью выполнения государственных пенсионных обязательств. Кроме того, ситуация осложняется усилением влияния на развитие пенсионной системы рыночных глобальных и национальных рисков: макроэкономических и социально-трудовых (развитием рынка труда), поскольку страховые принципы формирования пенсионных прав основаны на учете в стоимости рабочей силы наряду с зарплатой также и пенсионных отчислений. Обе отмеченные цели характеризуют развитие основного компонента российской пенсионной системы – обязательного пенсионного страхования (ОПС). Для преодоления бедности пенсионеров – поставлен целевой ориентир пенсионной реформы – достижение к 2030 г. размера страховой пенсии 2,5-3,0 ПМП. Однако в прогнозируемых макроэкономических условиях при действующем пенсионном законодательстве средняя пенсия по старости составит к заданному сроку, по оценкам, не выше 1,7 ПМП. Для решения поставленной задачи после бюджетно-финансового кризиса 2014-2016 гг. необходимы дополнительные меры как параметрического, так и институционального характера, которые позволят улучшить материальное обеспечение пенсионеров. Из общей численности пенсионеров в стране (46,1 млн чел.) 43,5 млн чел. (94,3% пенсионеров или 29,6% населения России) получают страховую пенсию. В домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, пенсии составляют половину (49%) общего дохода семьи. Почти столь же высокий удельный вес другого источника – доходов от трудовой деятельности – 40% – связан с официальной и теневой занятостью значительной части пенсионеров. Остальные источники вносят незначительный вклад в бюджеты домохозяйств пенсионеров. Самый заметный из них – пособия и социальные выплаты – составляет 6%, другие виды материальной

¹ © Соловьев А. К. Текст. 2019.

поддержки нетрудоспособных граждан еще меньше. Бедность пожилых людей стала главным катализатором пенсионной реформы 2002 года. Но ранние этапы реформы не позволили существенно улучшить положение низкодоходных категорий пенсионеров. Так, общая численность малоимущего населения (с доходами ниже ПМПрФ) составляет в России 19,5 млн чел. (13,3% от численности населения), вернувшись к уровню 2008 года, а по сравнению с наиболее благополучными 2012-2013 гг. она увеличилась на 4 млн чел. Лица, достигшие пенсионного возраста, в численности малоимущего населения составляли соответственно 3,5% и 8,5%. Самый низкий удельный вес в численности малоимущих они составляли в 2013 г. - 2,7 и 7,4% (соответственно мужчины и женщины). К концу 2002 г. соотношение среднего размера трудовой пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца с ПМПрФ оставалось низким: 84% и 57% ПМП (соответственно). Лишь средний размер трудовых пенсий по старости незначительно превышал величину ПМПрФ в соотношении 115,3%.

По федеральным округам удельный вес получателей страховых пенсий по инвалидности с пенсией ниже ПМПрегиона, варьировал на 2015 г. между 35,2% (в Северо-Кавказском федеральном округе) и 63,0% (в Дальневосточном федеральном округе). Размах вариации уровня абсолютной бедности при данном способе ее расчета составлял 27,8 пп. В 2018 г. размах вариации увеличился до 28,3 пп. и возросли ее минимальное и максимальное значения: наименьший уровень абсолютной бедности пенсионеров по инвалидности среди федеральных округов по-прежнему имеет Северо-Кавказский федеральный округ - 36,1%, наибольший - Дальневосточный. Уровень абсолютной бедности, исчисленный по соотношению пенсии с ПМПрегиона, составил для получателей страховых пенсий по инвалидности - 52,4%, по случаю потери кормильца - 47,5%. Суммарная численность получателей страховых пенсий (по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца), у которых размер пенсий не достигает ПМПрегиона, на 2018 составляла 5,6 млн чел. Уровень абсолютной бедности по данному критерию равен 14,2%. По последнему из критериев - удельному весу численности получателей федеральных и региональных социальных доплат среди получателей соответствующих видов страховой пенсии - уровень абсолютной бедности на 2018 составил:

— по инвалидности - 16,5% (в том числе 9,3% - получатели ФСД, их 197,7 тыс. чел., и 7,2% - получатели РСД, их 151,34 тыс. чел.);

— по случаю потери кормильца - 44,4% (из них ФСД была установлена 493,1 тыс. чел. или 35,5%, РСД - 124,9 тыс. чел. или 8,9%).

Уровень доходов, обеспечиваемый системой обязательного пенсионного страхования, у большинства пенсионеров весьма существенно снижается по сравнению с периодом трудовой деятельности. Особенно велико снижение размеров пенсий по старости в расчете на год назначения пенсии - это подтверждают оба принятых для анализа критерия оценки уровня относительной бедности пенсионеров: солидарный и индивидуальный коэффициенты замещения ($K3_{\text{сол}}$ и $K3_{\text{инд}}$).

Первый (солидарный) рассчитывается как отношение среднего размера пенсии к среднемесячной заработной плате и позволяет сопоставить средние пенсии нынешних пенсионеров со средними зарплатами ныне работающего населения. Второй (индивидуальный) рассчитывается как отношение средней пенсии застрахованного лица, имеющего нормативный страховой стаж и среднюю зарплату, со средней зарплатой в экономике (т.е. фактически с собственной зарплатой этого застрахованного лица). Данная разновидность коэффициента замещения используется в качестве целевого ориентира для оценки успешности реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации [1, с.148]. Максимум солидарного коэффициента замещения для среднего размера трудовой пенсии (т.е. для совокупности получателей пенсий по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца из системы ОПС) был достигнут в 2010 г. Его величина составила 37,3% – для всех получателей и 30,7% (на 6,6 п. п. ниже) – для тех, кому трудовая пенсия была назначена в отчетном году. До этого года, несмотря на реализацию пенсионной реформы, солидарный коэффициент замещения сохранял выраженную тенденцию к снижению. Минимальный его уровень имел место в 2009 г. – 26,9% и 24%. Рост коэффициента замещения был обусловлен отмеченными выше мерами по валоризации пенсионных прав и опережающей индексации базовой части пенсии. Коэффициент замещения трудовых пенсий в 2010 г. достиг своего максимума: 42,8% для получателей трудовых пенсий всего и 35,3% для новых назначений. Этот год стал также годом максимальных значений солидарного коэффициента замещения по видам трудовых пенсий. Коэффициент замещения для среднего размера трудовой пенсии по старости составил 39%, по инвалидности – 24,3%, по случаю потери кормильца – 23,0%. Максимальное расхождение между средними размерами пенсий всех получателей и новыми назначениями традиционно имеет место для пенсий по старости, чуть меньшее – для пенсий по случаю потери кормильца. В 2010-2018 гг. оно варьируется для пенсий по старости в интервале 6,5-7,6 п. п., для пенсий по случаю потери кормильца – от 2,4 до 5,2 п. п. Для пенсий по инвалидности диапазон расхождения составляет от -0,8 до 0,3 п. п. Причина в том, что большинство пенсионеров по старости (в отличие от инвалидов) в течение нескольких лет после выхода на пенсию продолжают работать, тем самым зарабатывая дополнительные пенсионные права и увеличивая свой коэффициент замещения. Для выходящих на пенсию по старости такой прибавки к ней не наблюдается.

После налоговых реформ 2010 г. тенденция постепенного снижения солидарного коэффициента замещения возобновилась. Учитывая значительную дифференциацию субъектов Российской Федерации по уровню заработной платы, солидарный коэффициент замещения рассчитывается также в региональном разрезе как отношение среднего размера страховой пенсии в регионе к средней номинально начисленной заработной плате в этом регионе (таблица).

Распределение субъектов Российской Федерации в зависимости от размера солидарного коэффициента замещения страховых пенсий, исчисленного к средней номинально назначенной заработной плате в регионе

Вид пенсии	Количество субъектов РФ с коэффициентом замещения (по всем годам назначения):					Количество субъектов РФ с коэффициентом замещения (по новым назначениям):				
	до 30%	30% - 40%	выше 40%	из них: выше 60%	выше обще-российского	до 30%	30% - 40%	выше 40%	из них: выше 60%	выше обще-российского
<i>По старости</i>	6	16	63	0	74	16	45	24	0	74
Центральный ФО	1	1	16	0	16	2	10	6	0	16
Северо-Западный ФО	1	4	6	0	9	4	5	2	0	9
Южный ФО	0	0	8	0	8	0	7	1	0	8
Северо-Кавказский ФО	0	0	7	0	7	0	3	4	0	7
Приволжский ФО	0	0	14	0	14	0	7	7	0	14
Уральский ФО	1	1	4	0	4	2	2	2	0	4
Сибирский ФО	0	5	7	0	12	1	9	2	0	12
Дальневосточный ФО	3	5	1	0	4	7	2	0	0	4
<i>По инвалидности</i>	53	29	3	0	73	46	38	1	0	72
Центральный ФО	12	6	0	0	16	8	10	0	0	16
Северо-Западный ФО	9	2		0	8	7	4		0	7
Южный ФО	4	3	1	0	8	4	4	0	0	8
Северо-Кавказский ФО	1	4	2	0	7	2	4	1	0	7
Приволжский ФО	6	8	0	0	14	4	10	0	0	14
Уральский ФО	4	2	0	0	4	4	2	0	0	4
Сибирский ФО	8	4	0	0	12	8	4	0	0	12
Дальневосточный ФО	9	0	0	0	4	9	0	0	0	4
<i>По потере кормильца</i>	44	39	2	0	66	80	5	0	0	66
Центральный ФО	6	12	0	0	16	16	2	0	0	16
Северо-Западный ФО	9	2	0	0	8	11	0	0	0	9
Южный ФО	0	7	1	0	8	8	0	0	0	8
Северо-Кавказский ФО	4	3	0	0	5	7	0	0	0	3
Приволжский ФО	2	12	0	0	14	12	2	0	0	14
Уральский ФО	5	1	0	0	4	6	0	0	0	4
Сибирский ФО	9	2	1	0	8	11	1	0	0	8
Дальневосточный ФО	9	0	0	0	3	9	0	0	0	4

Порог 40% по отношению к средней номинально начисленной зарплате в регионе был превышен для страховых пенсий по старости в 63 субъектах Федерации, по инвалидности – в 3, а для пенсий по случаю потери кормильца – в 2. Уровень солидарного коэффициента замещения у получателей страховых пенсий, назначенных в отчетном году, значительно ниже, чем для всей совокупности пенсионеров по причине общей тенденции снижения пенсионных прав. Только в 24 субъектах Федерации солидарный коэффициент замещения страховой пенсии по старости превышает 40% и более к средней номинальной начисленной зарплате региона. Для пенсий по инвалидности такой показатель достигнут только в одном субъекте Федерации, а для пенсий по случаю потери кормильца такие регионы вообще отсутствуют. Число регионов, в которых солидарный коэффициент замещения не достигает 30% составляет: для пенсий по старости – 16; для пенсий по инвалидности – 46; для пенсий по случаю потери кормильца – 80 [2, с. 65-68].

Таким образом, результаты исследования, выполненного по госзадаанию Финансового университета 2019 г., позволяют утверждать, что основные предпосылки преодоления бедности пенсионеров находятся не в параметрических настройках внутри пенсионной системы, а макроэкономических параметрах развития страны в долгосрочной перспективе: низкие зарплаты и неполноценный стаж, обусловленный снижением уровня официальной занятости в наиболее трудоспособных возрастах, при сохранении низкой продолжительности занятости в течение года.

Список использованной литературы

1. Соловьев А. К. Бедность пенсионеров: социально-экономические причины и условия преодоления // Финансовые исследования. – 2016. – № 4 (53), декабрь. – С. 141-156.
2. Соловьев А. К. Коэффициент замещения трудовой пенсии как критерий эффективности пенсионной системы // Экономическая политика. – 2014. – № 3, июнь. – С. 61-92.

к.э.н. Трушкова Е. А., к.э.н. Макарова М. Н.,
Институт экономики УрО РАН

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОЙ ОЦЕНКЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ¹

В статье предприняты попытки системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения для выявления возможности достижения субъектами Федерации целей развития – повышения продолжительности жизни, снижения заболеваемости населения и создания комфортной экологически безопасной среды. С использованием методов статистического анализа и дифференциации данных представлена типология регионов на основе выявления различий, с одной стороны, в уровне экологической нагрузки на регион и уровне финансовых затрат на охрану окружающей среды; с другой стороны – заболеваемости населения и уровня расходов в здравоохранение в регионе. Полученные результаты могут быть использованы для определения направлений совершенствования механизмов реализации региональной социально-экономической и экологической политики в будущем.

Ключевые слова: здоровье населения, средовые факторы, регионы России

В настоящее время разработка государственной политики здравоохранения и охраны окружающей среды проводится без оценки их взаимосвязей, в том числе и инвестиционной. Эффекты, полученные от комплексной реализации этих направлений, в том числе и учета бюджетных расходов на их выполнение, могут являться интегральным результатом улучшения экологии, снижения заболеваемости и сохранения здоровья населения одновременно. Другими словами, детерминанты формирования здоровья населения могут быть сгруппированы следующим образом: первая – касается внешнего средового воздействия – состояния окружающей среды, экологической обстановки в регионе; вторая – это фактические расходы государства, осуществляемые в области охраны окружающей среды и здравоохранения населения.

Поскольку система государственного управления имеет трехуровневую структуру и включает в качестве основного элемента подсистему субъектов РФ, то им предоставлен широкий круг полномочий в части выбора приоритетных направлений социально-экономического развития. Однако в условиях жёсткой ресурсной ограниченности чаще всего принятие управленческих решений органами власти на региональном уровне происходит на бессистемной основе. Происходит искажение фактически достигнутых результатов регионального управления [4, с. 635]. Данное положение затрудняет достижение основной цели регионального развития в части по-

¹ © Трушкова Е.А., Макарова М.Н. Текст. 2019.

Исследование проводилось при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России.

вышения качества жизни населения и вытекающих из этих целей задач повышения продолжительности жизни, снижения заболеваемости населения и создания комфортной экологически безопасной среды жизнедеятельности. Как считают некоторые специалисты, наиболее эффективным методом решения проблемы является применение метода типологизации регионов как объектов управления [3].

В настоящей статье предприняты попытки дифференциации регионов на основе выявления различий, с одной стороны, в уровне экологической нагрузки на регион и уровня финансовых затрат на охрану окружающей среды и с другой стороны, заболеваемости населения и уровня расходов в здравоохранение в регионе для определения направлений совершенствования механизмов реализации региональной социально-экономической и экологической политики в будущем. В процессе работы использовались методы статистического анализа, дифференциации данных. Базовыми дифференцирующими признаками, выделенными на основе экспертного и аналитического опыта, выбраны – уровень экологической нагрузки в регионе, заболеваемость населения, расходы бюджетов субъектов Федерации, направленные на охрану окружающей среды и здравоохранение. Объектом исследования были выбраны 83 субъекта Российской Федерации, за исключением Севастополя и республики Крым. Анализируемый временной ряд составил период с 2010 по 2017 гг.

На первом этапе были рассчитаны основные показатели: 1) суммарная экологическая нагрузка на состояние окружающей среды оценивается статистическими данными, предоставленными Федеральной службой по надзору в сфере природопользования, а также региональными ведомствами и министерствами: выбросы загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников (тысяч тонн); выбросы загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от передвижных источников, (тысяч тонн); сбросы загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты по субъектам РФ (миллионов кубических метров); для расчета суммарной экологической нагрузки в регионе находится среднearифметическое индексов экологических показателей; 2) заболеваемость населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения); 3) расходы консолидированного бюджета¹ субъектов РФ по направлению «охрана окружающей среды» (бюджетные расходы на душу населения, руб./чел.); 4) расходы консолидированного бюджета субъектов РФ по направлению «здравоохранение» (бюджетные расходы на душу населения, руб./чел.). По формуле 1 и 2 было произведено нормирование показателей [1, с. 46; 4 с. 185], характеризующих состояние 83 субъектов Федерации:

1) если возрастающая зависимость – чем больше значение частного индикатора i , тем выше качество изучаемого явления, то значение унифици-

¹ Консолидированный бюджет субъекта РФ составляют бюджет самого субъекта РФ и свод бюджетов находящихся на его территории муниципальных образований.

рованной переменной X'_{it} будет рассчитываться в соответствии с формулой:

$$X'_{it} = \frac{X_{it} - X_{i\min}}{X_{i\max} - X_{i\min}}; \quad (1)$$

2) если убывающая зависимость – чем больше значение индикатора i , тем хуже качество, то значение унифицированной переменной X'_{it} :

$$X'_{it} = \frac{X_{i\max} - X_{it}}{X_{i\max} - X_{i\min}}, \quad i = 1, \dots, n, t = 1, \dots, m; \quad (2)$$

таким образом, x_{it} – значение i -го показателя для t -го субъекта исследования; $x_{i\max}$ и $x_{i\min}$ – максимальное и минимальное для каждого показателя оценочное значение среди всех субъектов РФ; n - количество показателей, t - количество территориальных единиц.

Для интерпретации полученных данных было принято решение об использовании шкал с неравномерными интервалами, определенными экспертно-аналитическим путём. Применение неравномерных интервалов обусловлено также тем, что в первых группах небольшая разница в показателях имеет большое значение, а в последних группах эта разница существенна [5, с. 31-32].

Полученные данные были сопоставлены с интервальными значениями, что позволило дать оценку сравнительному положению субъекта РФ по принципу «чем сильнее их показатели отличаются от наилучших оценочных значений, тем величина индекса будет больше».

На втором этапе по результатам полученных индексов построены двумерные таблицы распределения российских регионов в соответствии с рассчитанными выше индикаторами: «суммарная экологическая нагрузка» и «расходы по направлению охрана окружающей среды» (табл. 1), «заболеваемость населения» и «расходы по направлению здравоохранение» (табл. 2). По диагональной линии располагаются субъекты Федерации с соразмерными уровнями экологической нагрузки в регионе, заболеваемости населения и относительно равными объемами финансирования по направлениям «охрана окружающей среды» и «здравоохранение» – это группы АА, ВВ, СС, DD, EE.

По результатам проведенного сравнительного анализа были сделаны выводы:

1) 32% регионов характеризуются относительно равными уровнями суммарной экологической нагрузки и относительно равными объемами бюджетного финансирования по направлению «охрана окружающей среды», и, соответственно, относительно равными уровнями заболеваемости населения и относительно равными объемами финансирования по направлению «здравоохранение» в регионах России. Среди остальных групп регионов наблюдается рассогласованность между медико-демографической, экологической ситуацией и бюджетным финансированием соответствующих направлений;

Таблица 1
Дифференциация российских регионов в соответствии с рассчитанными индикаторами: «суммарная экологическая нагрузка» и «расходы на охрану окружающей среды»

Индекс суммарной экологической нагрузки					
Бюджетные расходы по направлению «охрана окружающей среды», руб./чел.					
интервалы	0,00-0,040 (очень низкий)	0,041-0,075 (низкий)	0,076-0,135 (средний)	0,136-0,180 (высокий)	0,181-1,000 (очень высокий)
0,00-0,040 (очень низкий)	Ерейский АО, респ. Тыва, Магаданская обл., Карачаево-Черкесская респ., респ. Марий Эл, респ. Хакасия	Чукотский АО, респ. Алтай, Сахалинская обл.	Ненецкий АО, респ. Калмыкия, респ. Адыгея, Новгородская обл.	Рес. Ингушетия, Костромская обл., Кабардино-Балкарская респ.	
0,041-0,075 (низкий)	Респ. Северная Осетия-Алания, Калужская обл., Калининградская обл.	Тамбовская обл., Респ. Саха-Якутия	Ульяновская обл., Астраханская обл., Удмуртская респ.	Брянская обл.	Курская обл., Псковская обл., Орловская обл., Амурская обл., Смоленская обл., респ. Бурятия, Ивановская обл.
0,076-0,135 (средний)	Тверская обл., респ. Дагестан, респ. Карелия	Томская обл., Хабаровский край, Белгородская обл., Ярославская обл., Алтайский край, Саратовская обл.	Владимирская обл., Чеченская респ., Рязанская обл., Омская обл., Камчатский край	Респ. Мордовия	Липецкая обл., Воронежская обл.
0,136-0,180 (высокий)	Чувашская респ., Тульская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Забайкальский край, Архангельская обл., Ямало-Ненецкий автономный округ, Новосибирская обл., Пермский край	Самарская обл., Мурманская обл., Нижегородская обл., Приморский край, Челябинская обл.	Пензенская обл., респ. Коми		Кировская обл.
0,181-1,000 (очень высокий)	Респ. Татарстан, Ставропольский край, Ростовская обл., Тюменская обл., Кемеровская обл., г. Москва	Свердловская обл., Красноярский край, Московская обл.	Ленинградская обл., Оренбургская обл.	Респ. Башкортостан, Иркутская обл.	Курганская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край, Санкт-Петербург

Таблица 2
 Дифференциация российских регионов в соответствии с рассчитанными выше индикаторами: «заболеваемость населения» и «расходы на здравоохранение»

Бюджетные расходы по направлению «здравоохранение», руб./чел.					
	0,00-0,040 (очень низкий)	0,041-0,075 (низкий)	0,076-0,135 (средний)	0,136-0,180 (высокий)	0,181-1,000 (очень высокий)
	0,00-0,040 (очень низкий)	0,041-0,075 (низкий)	0,076-0,135 (средний)	0,136-0,180 (высокий)	0,181-1,000 (очень высокий)
	0,041-0,075 (низкий)	Кабардино-балкарская респ.			
	0,076-0,135 (средний)	Чеченская респ.			Курская обл., Воронежская обл.
	0,136-0,180 (высокий)	Астраханская обл., респ. Ингушетия, Ставропольский край			
Заболеваемость населения, на 1000 чел нас.	0,181-1,000 (очень высокий)	респ. Тыва, Карачаево-Черкесская респ., Рязанская обл., Северная Осетия-Алания, Красноярский край, респ. Марий Эл, Кемеровская обл., Забайкальский край, респ. Татарстан, Ленинградская обл., Тамбовская обл., Чувашская респ., Еврейская автономная обл., Омская обл., Вологодская обл., Самарская обл., Алтайский край, Новосибирская обл., Чукотский АО, Пермский край, респ. Башкортостан, Хабаровский край, Амурская обл., Тюменская обл., г. Москва, Томская обл., Владимирская обл., Архангельская обл.	Удмуртская респ., Костромская обл., Приморский край, Ростовская обл., респ. Мордовия, Пензенская обл., Нижегородская обл., Магаданская обл., Волгоградская обл, респ. Хакасия, Кировская обл., г. Санкт-Петербург, Тульская обл., ЯНАО, Свердловская обл., Калининградская обл., Белгородская обл., Ярославская обл., Челябинская обл., Сахалинская обл., Брянская обл., респ. Саха-Якутия, Оренбургская обл., Респ. Карелия, Калужская обл., Респ. Алтай, Смоленская обл., Ненецкий АО, Тверская обл., Новгородская обл.	Ульяновская обл., респ. Дагестан, респ. Калмыкия, Московская обл., респ. Коми, Мурманская обл., Камчатский край, Сахалинская обл., Иркутская обл., респ. Адыгея	Ханты-Мансийский АО, Липецкая обл., Орловская обл., Ивановская обл., Курганская обл., Псковская обл., респ. Бурятия Красноярский край

2) поскольку охрана окружающей среды и охрана здоровья граждан реализуются через комплекс направлений государственной политики, то возникает необходимость обеспечения системности принятия решений органами власти на основе кросс-функционального взаимодействия. Кросс-функциональное взаимодействие основано на принципах открытости исполнителей и согласованности их действий в части осуществления деятельности по реализации целей и задач, выполнению мероприятий, связанных с общими целями развития – повышения продолжительности жизни населения, снижения заболеваемости, обеспечения благоприятной экологической обстановки в регионах. Кросс-функциональное взаимодействие обеспечивается через создание и реализацию дорожных карт межведомственного взаимодействия.

Список использованной литературы

1. Инвестиционные механизмы возрождения традиционных отраслей сельскохозяйственного производства (на примере Омской области): кол. моногр. / В. В. Алещенко, О. А. Алещенко, В. В. Карпов, А. А. Кораблева; под общ. ред. В. В. Алещенко, В. В. Карпова. – Омск: ООО ИЦ «Омский научный вестник», 2013.

2. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 182-193.

3. Лаврик Д. А. Типологизация регионов как основа формирования приоритетов регионального развития: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Уфа, 2002. – 142 с.

4. Макарова М. Н., Трушкова Е. А. «Парадоксы результативности» стратегического планирования социально-экономического развития города (на примере городского округа Заречный) // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 635-650.

5. Минашкин В. Г., Шмойлова Р. А., Садовникова Н. А. Теория статистики. – М.: Маркет ДС, 2006. – 200 с.

к.т.н. Фомина В. Ф.

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
НЦ УрО РАН*

к.э.н. Фомин А. В.

ОАО «Сыктывкарский водоканал»

г. Сыктывкар

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ ПО КОМФОРТНОСТИ ЖИЛИЩНО- КОММУНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ¹

Выполнена индикаторная оценка комфортности жилищно-коммунальных условий для выявления уровня дифференциации муниципальных образований в Республике Коми. С учетом раскрытия сущности дефиниции «комфортность жилищно-коммунальных условий» выделены основные компоненты комфортности, сформированы группы первичных показателей, характеризующих их. Сравнительный анализ результатов индикаторной оценки показал, что менее комфортные жилищно-коммунальные условия в МО с полностью сельским населением. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и корректировке муниципальных программ комплексного развития коммунальной инфраструктуры.

Ключевые слова: жилищный фонд, благоустройство, коммунальная инфраструктура, социальная защита, комфортность жилищно-коммунальных условий, интегральная оценка

Обустройство коммунальной инфраструктурой жилищного фонда является основным фактором, определяющим комфортность жилищно-коммунальных условий, качество жизни населения. В современном мире термин «комфортность» довольно часто используется и можно предположить, что это обусловлено как возрастающими требованиями к качеству жизни, так и появляющимися возможностями их удовлетворения.

К примеру, сегодня общеевропейская политика направлена на активизацию действий по улучшению ситуации в области водоснабжения и санитарии на сельских территориях. В рамках Протокола («Протокол по проблеме воды и здоровья»)² формируется база данных о применяемых в странах Европейского региона маломасштабных системах водоснабжения и санитарии, которые обобщаются и используются для разработки стратегий действия и эффективных мер реализации целевых показателей [9, с. 1-30]. В настоящее время в ряде российских регионов реализуются приоритетные федеральные проекты «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение качества жилищно-коммунальных услуг», в которых

¹ © Фомина В.Ф., Фомин А.В. Текст. 2019.

² Протокол по проблемам воды и здоровья. ЕЭК ООН, 1999, 31 с. (Принят 36-ю странами, вступил в силу в 2005 г. Это первый и основной международно-правовой инструмент, который обеспечивает право каждого на доступ к безопасной питьевой воде и адекватной санитарии.

«комфортность» и «качество жилищно-коммунальных услуг» являются ключевыми ориентирами. В государственных программах социально-экономического развития под комфортностью жилищных условий понимается благоустроенное жилье¹.

Следует отметить, что сегодня в Республике Коми принимаемые меры по повышению комфортности жилищно-коммунальных условий не достаточны. Вследствие этого происходит сокращение количества сельских населенных пунктов, измельчение сельской поселенческой структуры. За последние годы в республике число населенных пунктов без населения возросло до 36 единиц. Одной из причин неблагоприятной ситуации является крайне низкий уровень комфортности проживания в малых населенных пунктах из-за полного отсутствия санитарно-технических систем жизнеобеспечения, что не соответствует современным потребностям человека. Степень благоустройства сельских территорий республики коммунальной инфраструктурой в 2-3 раза ниже среднероссийского уровня. Высокий износ, аварийность существующих инженерных систем, значительные потери ресурсов приводят к существенному повышению тарифов на коммунальные услуги. Эксплуатирующие коммунальные предприятия преимущественно убыточны. С учетом существующих проблем доступа населения к коммунальным ресурсам исследование комфортности жилищно-коммунальных условий является актуальным для Республики Коми.

Цель работы состоит в оценке уровня дифференциации муниципальных образований Республики Коми по комфортности жилищно-коммунальных условий. С этой целью уточнено содержание дефиниции «комфортность жилищно-коммунальных условий». Выделены основные компоненты комфортности, сформированы группы первичных показателей, характеризующих их, определены интегральные показатели.

Поиск точного определения «комфортности жилищно-коммунальных условий» показал, что в научной литературе это понятие встречается в связи с оцениванием уровня и качества жизни и трактуется с различными акцентами в зависимости от набора используемых характеристик и выполнения поставленной задачи [1, с. 48-53; 7, с. 158]. Существуют подходы, рассматривающие комфортность проживания населения во взаимосвязи с развитием жилищно-коммунальной сферы в регионе, которое обосновывается как условие формирования качества жизни [5, с. 1-6] или как основной критерий системы оценки качества жизни [3, с. 725-727.]. Выполнены работы, в которых в качестве элемента комфортного проживания населения выступают жилищные и коммунальные условия [2, с. 73-77; 8, с. 312-316]. Более широкий охват факторов жилищно-коммунальных условий, как системного понятия, обоснован А.А. Симаковым с целью выявления путей реформирования жилищно-коммунальной сферы для последующего ро-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг».

ста качества жизни населения [6, с. 224–231]. Многогранное влияние инженерной инфраструктуры на уровень комфортного проживания и развитие сельских территорий научно обосновано в монографии [4, с. 115–163].

Для целей данной работы наиболее приемлемым в методическом плане является подход С.Г. Турантаева к выбору факторов, характеризующих «жилищную комфортность» как дефиницию «бытовая жилищная комфортность». Оценивание уровня комфортности районов Якутии выполнено по трем группам показателей, отражающих: развитие бытового удобства – комфортности, техническое состояния жилищного фонда и его обновление, уровень социальной защиты населения [8, с. 313].

С учетом обзора научных работ по теме исследования при формировании системы показателей, характеризующих комфортность жилищно-коммунальных условий, исходим из того, что дефиниция «комфортность жилищно-коммунальных условий» интегрирует в себе основные базовые компоненты А, В, С и D, аккумулирующие свойства ряда первичных показателей, относящихся к ней. Так, компонента «А – благоустройство жилищного фонда и обеспеченность жильем» определяется по 17 показателям (A_1, \dots, A_{17}): удельный вес общей площади жилищного фонда сельских/городских поселений, оборудованной водопроводом (A_1/A_8), канализацией (A_2/A_9), отоплением (A_3/A_{10}), горячим водоснабжением (A_4/A_{11}), ваннами (душем) (A_5/A_{12}), газом (A_6/A_{13}), напольными электроплитами (A_7/A_{14}), %; удельный вес общей площади жилищного фонда, оборудованной всеми видами благоустройства (A_{15}), %; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя в сельских/городских поселениях по МО (A_{16}/A_{17}), m^2 .

Компонента «В – техническое состояние жилищного фонда» каждого МО определяется по 13 показателям (B_1, \dots, B_{13}): удельный вес общей площади жилых помещений по годам возведения: до 1920 г. (B_1), 1921–1945 гг. (B_2), 1946–1970 гг. (B_3), 1971–1995 гг. (B_4), после 1995 г. (B_5), % от общего жилищного фонда; удельный вес общей площади жилых помещений по величине износа: до 30 (B_6), 31–65 (B_7), 66–70 (B_8), свыше 70 (B_9), %; общая площадь ввода индивидуальных жилых домов (B_{10}), %; общая площадь ввода жилых домов (B_{11}), %; общая площадь ветхого и аварийного жилищного фонда в расчете на одного жителя (B_{12}), m^2 ; удельное теплоснабжение жилищного фонда с централизованным теплоснабжением (B_{13}), Гкал/ m^2 .

Компонента «С – техническое состояние коммунальной инфраструктуры» определяется по 16 показателям (C_1, \dots, C_{16}): протяженность сетей водопровода (C_1), канализации (C_2), отопления (C_3) в расчете на одного жителя, обеспеченного централизованными системами, км; требуемая замена сетей водопровода (C_4), канализации (C_5), отопления (C_6) в МО, % от общей протяженности; аварийность сетей водопровода (C_7), канализации (C_8), отопления (C_9) в районе, число аварий / 100 км; удельное водопотребление в районе (C_{10}), m^3 /мес. на человека; удельное водоотведение (C_{11}), m^3 /мес. на человека; утечка и неучтенный расход воды (C_{12}), % от объема подачи воды в водопроводные сети; удельный вес потерь тепловой энергии (C_{13}), % от

общего количества поданного тепла в сеть; тарифы на коммунальные услуги водоснабжения (C_{14}), руб./м³; водоотведения и очистки сточных вод (C_{15}), руб/м³; теплоснабжения (C_{16}), руб/Гкал.

Компонента «D – уровень социальной защиты по оплате ЖКУ (жилищно-коммунальных услуг) определяется по 5 показателям (D_1, \dots, D_5): удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилье (D_1), % от общего числа семей в МО; удельный вес семей, получавших субсидию на оплату ЖКУ (D_2), % от общего числа семей в МО; средний размер субсидии в МО на 1 семью (D_3), руб./мес.; удельный вес граждан, пользовавшихся социальной поддержкой (льготой) по оплате ЖКУ, % от численности населения МО (D_4); средний размер социальной поддержки в МО на 1 пользователя (D_5), руб./мес.

Величина первичных показателей определяется на основе статистической базы данных Комистата и Росстата.

Алгоритм определения интегрального индекса каждой компоненты ($A_i^{int}, B_i^{int}, C_i^{int}, D_i^{int}$) показателя «комфортность жилищно-коммунальных условий» сводится к следующему. На первом этапе для обеспечения сопоставимости разноразмерных показателей методом масштабирования проводится нормирование. В случае максимизируемых (благоприятных) показателей для расчета их частных индексов используется формула 1, для минимизируемых (неблагоприятных) показателей индексы определяются по формуле 2:

$$A_i^n = A_i / A_{max} \tag{1}$$

$$A_i^n = 1 - (A_i / A_{max}), \tag{2}$$

где A_i^n – нормированное значение (индекс) i-го показателя i-го МО; A_i – значение i-го показателя i-го МО; A_{max} – максимальное значение i-го показателя в общей совокупности МО. При отсутствии значения показателя A_i нормированная величина по данному показателю равна нулю и i-му району присваивается рейтинг равный нулю.

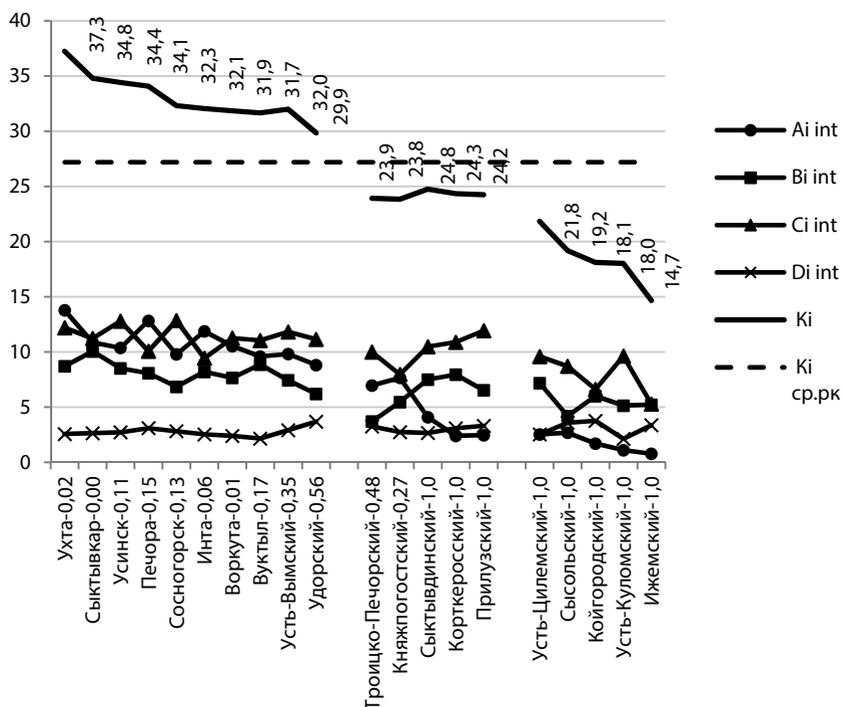
На втором этапе для всех МО республики на основе нормированных показателей $A_i^n, B_i^n, C_i^n, D_i^n$ определяется интегральный индекс каждой компоненты $A_i^{int}, B_i^{int}, C_i^{int}, D_i^{int}$ путем суммирования значений индексов показателей, относящихся к данной группе, по формуле 3:

$$A_i^{int} = \sum A_i^n, \tag{3}$$

где A_i^{int} – интегральная оценка уровня благоустройства i-го МО, A_i^n – нормированное значение (индекс) i-го показателя i-го МО.

Величина показателя комфортности жилищно-коммунальных условий i-го МО – K_i определяется суммированием индексов компонент $A_i^{int}, B_i^{int}, C_i^{int}, D_i^{int}$.

Основные результаты интегральной оценки основных компонент и показателя комфортности жилищно-коммунальных условий K_i представлены на рисунке.

Источник: определено по данным Комистата.

Рис. Интегральные показатели комфортности жилищно-коммунальных условий МО Республики Коми

На диаграмме муниципальные образования ранжированы по величине интегрального показателя K_i с учетом их группировки по доле сельского населения (доля указана в названии МО). Диаграмма показывает существенную пространственную дифференциацию комфортности жилищно-коммунальных условий. Пунктирной линией на диаграмме показан уровень средней величины интегрального показателя по республике – $K_{i, \text{ср.рК}} = 27,2$. Относительно среднего уровня $K_{i, \text{ср.рК}}$ к более благоприятной зоне относятся жилищно-коммунальные условия МО с преобладанием городских поселений ($K_i = 31,7-37,3$) и значительной долей сельского населения 0,35-0,56 (Усть-Вымский – $K_i = 32,0$ и Удорский – $K_i = 29,9$). Средний уровень комфортности жилищно-коммунальных условий этой группы МО оценивается величиной $K_{i, \text{ср1}} = 33$, что в 1,5 раза меньше относительно максимально возможного по числу агрегированных показателей. Следующая в ранжированном ряду выделяется группа МО (Троицко-Печорский, Княжпогостский, Сыктывдинский, Прилузский, Койгородский) с комфортностью $K_i = 23,8-24,8$ ($K_{i, \text{ср2}} = 24,2$), что в 2,1 раза меньше максимально возможной величины. В этой группе три МО с полностью сельским населением

ем. Более низкий уровень комфортности жилищно-коммунальных условий ($K_i = 14,7-21,8$) имеют остальные пять МО (Усть-Цилемский, Сысольский, Койгородский, Усть-Куломский, Ижемский). Средняя величина интегрального индекса этой группы МО ($K_{i\text{ср}5} = 21,5$) в 2,4 раза меньше максимального возможного уровня. Покомпонентный анализ показывает, что самый низкий уровень комфортности жилищно-коммунальных условий сельских районов обусловлен крайне низкой степенью благоустройства жилищного фонда.

Таким образом, из анализа полученных результатов интегральной оценки комфортности жилищно-коммунальных условий, следует, что по величине интегрального показателя K_i выделяется три группы МО:

- с более благоприятным уровнем комфортности жилищно-коммунальных условий (K_i больше $K_{\text{срРК}}$), в нее входят МО с преобладающей долей городского населения;

- со значительно менее благоприятным уровнем комфортности жилищно-коммунальных условий (K_i меньше $K_{\text{срРК}}$) – МО с полностью сельским населением и часть МО со значительной долей городских поселений;

- с неблагоприятным уровнем комфортности жилищно-коммунальных условий (K_i значительно ниже $K_{\text{срРК}}$) – МО с полностью сельским населением, в них самая низкая степень благоустройства жилищного фонда, повышенный износ жилых домов, самые высокие тарифы на коммунальные услуги.

Выводы. Для повышения комфортности жилищно-коммунальных условий в Республике Коми необходимы меры по усилению государственной поддержки, направленной на реализацию в полном объеме муниципальных программ комплексного развития коммунальной инфраструктуры. Требуется разработка региональной программы обустройства сельских поселений коммунальной инфраструктурой с учетом особенностей расселения и малых населенных пунктов, не имеющих доступа к коммунальным ресурсам.

Список использованной литературы

1. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее МО) // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 48-53.

2. Апросимова С. А. Жилищные и коммунальные условия на Севере // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 39 (350). – С. 73-77.

3. Катина К. В. Влияние инфраструктуры сферы ЖКХ на качество жизни населения: современный аспект // Молодой ученый. – 2016. – № 10. – С. 725-727.

4. Мичурина Ф. З., Теньковская Л. И., Роженцева Е. В. Оптимизация экономических и социальных факторов развития сельских территорий. – Пермь: Изд-во ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2012. – С. 115-163.

5. *Седых О. Г., Хаустов Д. С.* Система жилищно-коммунального хозяйства как условие формирования качества жизни населения // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. – 2010. – № 6.– 6 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=13984> (дата обращения: 17.08.2019).

6. *Симаков А. А.* Жилищно-коммунальные условия как компонента качества жизни населения // Социальные процессы и институты в трансформирующемся обществе. – 2004. – Вып. 6. – С. 224-231.

7. *Татаркин А. И., Васильева Е. В.* Качество жизни населения Уральского региона: тенденции и механизмы управления // Вестник ЗабГУ. – 2015. – № 8(123). – С. 158-160.

8. *Турантаев С. Г.* Анализ уровня комфортности жилищного фонда районов Республики Саха (Якутия) // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 312-316.

9. *Rickert B., Samwel M., Shinee E., Kozisek F., Schmoll O.* Состояние маломасштабных систем водоснабжения в Европейском регионе ВОЗ (Результаты опроса, проведенного в соответствии с Протоколом по проблемам воды и здоровья). – ВОЗ, 2016. – С. 1-30.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ
Том 1**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН.
Протокол № 5 от 26.11.2019 г. Рег. № 18 (19).

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 20. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 500. Заказ №

Институт экономики УрО РАН
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.

Отпечатано с готового оригинал-макета.
Типография «ЮНИКА».
620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. Тел. 8(343)371-16-12.